

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

**ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ,
МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ**

**(да 75 годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Францыска Скарыны)**

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 8

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2022

УДК 94:327(476)

Зборнік уключае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць гістарычны працэс фарміравання дзяржаўнасці ў народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, узаемаадносіны беларускага этнаса з суседнімі народамі ў розныя гістарычныя эпохі. У іх паказана роля і месца Беларусі ў міжнародна-палітычных працэсах, якія адбываліся ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе, выяўлены ўплыў разнастайных фактараў на сацыяльна-культурныя і дзяржаўна-палітычныя працэсы ў Беларусі і ў суседніх краінах.

Выданне адрасавана прафесійным гісторыкам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй.

Зборнік выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдакцыйная калегія:

М. М. Мязга (галоўны рэдактар),
С. А. Чаропка, Дз. М. Талочка

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук С. В. Целепень;
кандыдат гістарычных навук В. А. Міхедзька

© Установа адукацы
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2022

ЗМЕСТ

Дуброўка А. М., Мязга М. М.	Кафедра ўсеагульнай гісторыі ў пачатку XXI стагоддзя: асноўныя напрамкі вучэбна-метадычнай працы і навуковых даследаванняў (да 75-гадовага юбілея).....	5
Барсук Е. Е.	Об эволюции форм исторической репрезентации на белорусских землях в XV–XVIII веках.....	11
Шиляев А. П.	Переход к наемной военной организации в ВКЛ XVI века.....	16
Черепко С. А.	Станислав Михаил Кричевский: «русский» шляхтич в поисках отечества.....	20
Верамееў С. Ф.	Жыццёвы шлях і дзейнасць мітрапаліта Фларыяна Грабніцкага...	25
Никитенкова Л. П.	Религиозный фактор в политике Российской империи на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX века...	30
Жихарев С. Б.	Кризис железнодорожных перевозок и экономические проблемы города Белостока на начальном этапе Первой мировой войны.....	35
Ершова О. И., Блашков Ю. А.	Взаимодействие народных комиссариатов Просвещения РСФСР и ССРБ в 1919–1922 годах.....	39
Цымбал А. Г.	Фактар праваслаўнай царквы ў дзяржаўным будаўніцтве і міжнародных адносінах ва Усходняй Еўропе 1918–1925 гадоў.....	43
Кротов А. М.	Об особенностях использования памятников устного народного творчества белорусов в качестве источников по изучению белорусского стереотипа поляка.....	49
Снапкоўскі У. Е.	Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР і Украінскай ССР у першыя гады існавання: агульнае і асаблівае.....	57
Лазько Р. Р.	Рыжскі мір 1921 года ў навейшай гісторыі народаў Усходняй Еўропы.....	64
Бароўская В. М.	Пытанне аб накіраванні ноты Народнага камісарыята замежных спраў БССР на адрас Міністэрства замежных спраў Польшчы 21 жніўня 1921 года.....	68
Мезга Н. Н., Дежко А. И.	Курс на ревизию рижской границы в советской политике (конец 1924 – начало 1926 года).....	72
Вабішчэвіч А. М.	Парцэляцыя ў Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў у 1921–1939 гадах.....	76
Космач В. А.	Сто лет Рапалло: страницы и уроки истории.....	81
Рожкова С. Н., Новикова В. И.	Советская Россия и Германия на пути к заключению Рапалльского договора.....	90

Мязга М. М.	Распаўсюджванне Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі.....	94
Дубровко Е. Н.	Великобритания и «польская дилемма» в период подписания локарных соглашений.....	99
Гавриловец Л. В.	План ревизии Версальского договора нацистской Германией.....	105
Сальков А. П.	Болгарско-греческие отношения в рамках Версальской системы: от Нёйи до Мюнхена (1918–1938 годы).....	110
Старовойтов М. И.	Уровень грамотности и образования населения Полесской и Житомирской областей в конце 1930-х годов.....	116
Толочко Д. М.	Объединение Беларуси осенью 1939 года в польской историографии конца 1980-х – начала 2000-х годов.....	121
Новікаў С. Я.	Крах германскага плана “маланкавай вайны” на Гомельшчыне летам 1941 года.....	125
Мищенко К. С.	Партизанское движение на Гомельщине в 1941–1943 годах.....	129
Дубровко Е. Н., Волошко Д. А.	Лагерь смерти «Тростенец» – место европейской трагедии в Беларуси.	135
Панков Ю. В.	Трагедия евреев Центральной Европы в оккупированном нацистами Гомеле. К постановке вопроса.....	139
Скрябина Л. С.	Открытые судебные процессы в СССР над нацистскими преступниками: справедливое возмездие (1943–1949 годы).....	141
Савицкая К. М.	От летчика-истребителя до генерала авиации (жизненный и боевой путь Героя Советского Союза Евгения Макаровича Николаенко).....	147
Елизаров С. А.	Выборы в местные Советы БССР 1948 года: время надежд.....	151
Козлов А. А.	Цензорский состав областных управлений Главлита БССР в послевоенный период (1945–1953 годы).....	157
Довгялло М. С.	Советские войска в странах народной демократии.....	161
Лебедев А. Д., Черепко С. А.	Из истории общин старообрядцев в БССР в середине 1960 – конце 1980-х годов.....	167
Меньковский В. И.	«Советская ностальгия» в постсоветской России.....	170
Шадурский В. Г.	Беларусь в политике Европейского союза: поиск взаимных интересов.....	174

А. М. Дуброўка, М. М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

**КАФЕДРА ЁСАГУЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ Ў ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ:
АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ВУЧЭБНА-МЕТАДЫЧНАЙ ПРАЦЫ
І НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ (ДА 75-ГАДОВАГА ЮБІЛЕЯ)**

У артыкуле разгледжаны асноўныя напямкі навуковай і вучэбна-метадычнай работы кафедры ёсагульнай гісторыі ГДУ імя Ф Скарыны на працягу першых дзесяцігоддзяў ХХІ ст. Выяўлена, што асноўная праблематыка навуковых даследаванняў кафедры звязана з вывучэннем міжнародных адносін у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў новы і навейшы час. Паказана адлюстраванне вынікаў даследаванняў у навуковых публікацыях. Адзначаны важнейшыя дасягненні ў арганізацыі кафедрай адукацыйнага працэсу.

Кафедра ёсагульнай гісторыі ў Гомельскім дзяржаўным педагагічным інстытуце імя В. П. Чкалава была створана ў 1947 г. Яе першым загадчыкам стаў А. М. Гурэвіч. Ад гэтай падзеі прайшло 75 гадоў. Былі часы, калі ў складзе нашага ўніверсітэта асобная кафедра ёсагульнай гісторыі адсутнічала. Толькі з 1984 г. кафедра канчаткова замацавалася ў штатным складзе нашай адукацыйнай установы. Да пачатку ХХІ ст. кафедра ёсагульнай гісторыі ператварылася ў дынамічна працуючы калектыў, які на высокім узроўні ажыццяўляе адукацыйны працэс і вядзе навуковыя даследаванні.

У 2001 г. уступіў у сілу новы пяцігадовы план навуковых даследаванняў кафедры. Ён уключаў навуковую тэму “Цэнтральная Еўропа і Беларусь ад Першай да Другой сусветнай вайны”, якую распрацоўвала большасць выкладчыкаў кафедры. Акрамя таго, на кафедры была і фінансуемая тэма “Вайна на Захадзе і беларускае грамадства (верасень 1939 – чэрвень 1941 г.)” [1, арк. 32; 2, арк. 15]. Як бачна, асноўныя навуковыя даследаванні канцэнтраваліся на праблемах унутрыпалітычнага развіцця і міждзяржаўных адносін краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў міжваенны перыяд. Найбольш значным навуковым выданнем кафедры за пяцігодку 2001–2005 гг. стала манаграфія Р. Р. Лазько “Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939 гг.)”. У ёй аўтар паказаў, што суседзі Польшчы – Германія і СССР – сваёй палітыкай стварылі для Польшчы сітуацыю геапалітычных “ціскоў”. Польскія правячыя колы так і не змаглі ў 1930-я гг. знайсці шляхі, каб прадухіліць катастрофу сваёй краіны, якая наступіла ў верасні 1939 г. [3]. Манаграфія была рэкамендавана на конкурс лепшых навукова-даследчых работ універсітэта, і Р. Р. Лазько стаў Лаўрэатам Скарынінскіх чытанняў універсітэта 2002 г. [4, арк. 14]. 22 лістапада 2001 г. Р. Р. Лазько абараніў доктарскую дысертацыю “Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939 гг.)” [5, арк. 16–17]. Гэта была першая ў гісторыі кафедры ёсагульнай гісторыі абарона доктарскай дысертацыі яе выкладчыкам. Да ліку найбольш важных публікацый пачатку ХХІ ст. трэба таксама аднесці працу “Беларусь у еўрапейскай палітыцы. 1918–1925 гг. Нарысы” [6]. Аўтары названай працы разгледзелі ключавыя праблемы супрацьстаяння еўрапейскіх дзяржаў на беларускім геапалітычным полі ва ўказаныя гады. У кантэксте гэтай барацьбы асвятляліся актуальныя пытанні фарміравання беларускай дзяржаўнасці.

Супрацоўнікамі кафедры па выніках навукова-даследчай працы за 2001–2005 гг. былі зроблены наступныя важнейшыя высновы: А. М. Бабкоў даказаў, што сярод бежанцаў 1915 г. з Заходняй Беларусі назіраўся рост нацыянальнай самасвядомасці пад уплывам набытага імі новага вопыту ў выніку кантактаў з насельніцтвам цэнтральных губерняў Расіі; А. М. Кротаў на аснове аналізу перыядычных выданняў савецкага часу і архіўных крыніц паказаў негатыўны характар стэрэатыпу, які выпрацаваўся ў адносінах да палякаў у беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі; М. М. Мязгой было даказана, што асноўнай задачай палітыкі

савецкага кіраўніцтва ў дачыненні да Заходняй Беларусі пасля падпісання Рыжскага міру было аслабленне пазіцый Польшчы на гэтай тэрыторыі і стварэнне ўмоў для яе далучэння да БССР; Р. Р. Лазько было ўстаноўлена, што на мяжы 1930-х – 1940-х гадоў паміж шырокімі пластамі насельніцтва (у большасці сялянства) і савецкай уладай у БССР склаліся адносіны адчужэння [7, арк. 2–3].

З 2006 г. кафедра пачала працаваць у адпаведнасці з новым пяцігадовым планам навукова-даследчай працы. У яго была ўключана навуковая тэма “Барацьба еўрапейскіх дзяржаў на беларускай геапалітычнай прасторы і гістарычны лёс беларускага народа”. У 2008 г. на кафедры пачаліся навуковыя даследаванні яшчэ па адной тэме: “Праблемы гісторыі міжэтнічных і міждзяржаўных адносін ва Усходняй Еўропе новага і навейшага часу” [8, арк. 83].

Навуковая работа на кафедры традыцыйна была звязана з адукацыйным працэсам. Гэта, у прыватнасці, праяўлялася ва ўкараненні вынікаў навуковых даследаванняў пры распрацоўцы дысцыплін спецыялізацыі. Выкладчыкамі кафедры студэнтам прапаноўваліся наступныя спецкурсы: “Крах “рэальнага сацыялізму” ў еўрапейскіх краінах”, “Крах Версальска-Вашынгтонскай сістэмы ва Усходняй Еўропе (1933–1940 гг.)”, “Сацыялістычная мадэрнізацыя ў еўрапейскіх краінах”, “Новая гісторыя замежных краін у школьным курсе” (Р. Р. Лазько), “Нацыянальныя стэрэатыпы ў выкладанні гістарычных дысцыплін”, “Яўрэі Усходняй Еўропы: гісторыя і культура” (А. М. Кротаў), “Версаль, Рапала і развіццё міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе”, “Еўрапейская гістарычная думка ў новы час”, “Версальская сістэма міжнародных адносін у Цэнтральна-Усходняй Еўропе 1919–1926 гг.” (М. М. Мязга), “Палітыка Германіі ў дачыненні да Беларусі (XIX ст. – 1918 г.)”, “Фашысцкія рэжымы ў краінах Заходняй Еўропы ў міжваенны перыяд” (А. М. Бабкоў) [9, арк. 73; 10, арк. 56–57; 11 арк. 125], “Знешняя палітыка Вялікабрытаніі ў канцы XIX – пачатку XX ст.” (А. М. Дуброўка), “Міжнародныя адносіны ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў XVI–XVIII ст.ст.”, “Геапалітычная трансфармацыя на еўразіяцкай прасторы ў канцы XX – пачатку XXI стагоддзя” (С. А. Чаропка). Вынікі навуковых даследаванняў знаходзілі прымяненне і пры распрацоўцы вучэбных дапаможнікаў для сярэдняй школы. Р. Р. Лазько працягваў працаваць у складзе групы аўтараў, якая рыхтавала вучэбныя дапаможнікі для 9 і 10 класаў па гісторыі навейшага часу. У пачатку XXI ст. выйшла некалькі выданняў такога кшталту [12].

З сярэдзіны першага дзесяцігоддзя 2000-х гг. кафедра ўсеагульнай гісторыі актывізавала сваю дзейнасць у сферы міжнароднага супрацоўніцтва, што садзейнічала актывізацыі навуковых даследаванняў. У верасні 2005 г. на гістарычным факультэце ГДУ імя Ф. Скарыны прайшла сустрэча з выкладчыкамі Універсітэта Мікалая Каперніка ў Торуні з удзелам загадчыка кафедры ўсеагульнай гісторыі прафесара Р. Р. Лазько, на якой абмяркоўваліся пытанні супрацоўніцтва гістарычных кафедраў двух універсітэтаў. У 2009 г. дацэнт М. М. Мязга на працягу месяца праходзіў навуковую стажыроўку ў Музеі польскай гісторыі ў Варшаве за кошт прымаючага боку. У 2010 г. Р. Р. Лазько прайшоў на тых жа ўмовах месячную навуковую стажыроўку ў Віленскім універсітэце [12].

З 2006 г. на кафедры ўсеагульнай гісторыі склалася практыка правядзення адзін раз у два гады канферэнцыі “Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы”. Ужо ў першай канферэнцыі пад указанай назвай прынялі ўдзел вядомыя даследчыкі з Мінска, Кіева, Любліна, Мазыра, Брэста, Полацка, Торуня, Варшавы, Беластока і Магілёва (Беларусь, Украіна і Польшча). Усяго ўдзельнічала больш за 60 чалавек. На канферэнцыі працавалі тры секцыі: “Беларусь і суседзі ў гістарычнай прасторы сярэднявечча і новага часу”, “Беларусь у геапалітычнай сітуацыі Усходняй Еўропы навейшага часу (1918–1939)” і “Народы-суседзі ў навейшы час: этнакультурныя і палітычныя працэсы і ўзаемадзеянне” [13]. І надалей канферэнцыя захавала высокі міжнародны статус. Па яе выніках выдаваліся зборнікі навуковых артыкулаў, матэрыялы якіх значна пашыралі веды аб гістарычных працэсах у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў новы і навейшы час.

За 2006–2010 гг. вынікі даследаванняў выкладчыкаў кафедры былі прадстаўлены ў 162 публікацыях, сярод якіх адна манаграфія [14], адзін вучэбны дапаможнік з грыфам Міністэрства адукацыі для студэнтаў ВНУ. Р. Р. Лазько прыняў удзел у выданні зборніка дакументаў “Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.)”.

У ходзе працы над навуковымі тэмамі на працягу 2006–2010 гг. выкладчыкамі кафедры ўсеагульнай гісторыі былі зробленыя наступныя важнейшыя высновы: Р. Р. Лазько была даказана залежнасць працэсу паўторнага абвясчэння БССР летам 1920 г. ад ходу польска-савецкай вайны і нацэленасці савецкага кіраўніцтва на развіццё сусветнай рэвалюцыі; М. М. Мязгой было ўстаноўлена, што антыпольская накіраванасць савецка-германскага супрацоўніцтва ў 1920-х гадах з’яўлялася важным фактарам, які адмоўна ўплываў на характар савецка-польскіх адносін; А. М. Кротаў выявіў, што праблемы беларускай нацыянальнай меншасці ў Польшчы не з’яўляліся прадметам цікавасці вялікіх дзяржаў і еўрапейскай грамадскасці; А. М. Дуброўка даказала, што прызнанне Вялікабрытаніяй усходніх граніц Польшчы ў сакавіку 1923 г. прадстаўляла сабой яе часовую саступку Францыі. У цэлым, да пачатку 2010-х гг. на кафедры склаўся навуковы напрамак, у рамках якога паглыблена аналізуецца ўплыў геапалітычных фактараў на гістарычны лёс беларускага народа ў XX ст., вывучаецца барацьба суседніх і вялікіх дзяржаў на геапалітычнай прасторы Беларусі ў перыяд ад Першай да Другой сусветнай вайны. Па гэтай тэматыцы былі абаронены тры кандыдацкія і адна доктарская дысертацыі, падрыхтаваны шэраг дыпломных і магістарскіх работ, якія рэгулярна атрымлівалі дыпламы рознай ступені на рэспубліканскім конкурсе навуковых прац студэнтаў. Несумнеўным сведчаннем прызнання навуковага аўтарытэту кафедры ў колах гісторыкаў Беларусі і замежжа з’яўлялася паспяховае правядзенне ёю міжнародных навуковых канферэнцый “Беларусь і суседзі”.

З 2011 г. усе выкладчыкі кафедры сталі выканаўцамі навуковай тэмы “Праблемы гісторыі міжэтнічных і міждзяржаўных адносін у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе новага і навейшага часу”. Таксама на кафедры выконваліся дзве фінансуюемыя навуковыя тэмы: “Барацьба еўрапейскіх дзяржаў у Балтыйска-Чарнаморскім міжмор’і ў перыяд фарміравання Версальскай сістэмы міжнародных адносін і самавызначэнне беларускага народа”, “Міжнародныя сувязі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе і Беларусь (1918–1939 гг.)” [15]. У 2012 г. на кафедры ўпершыню з’явілася навуковая тэма, якая выконвалася на аснове гаспадарчага дагавора. Паміж ГДУ імя Ф. Скарыны і ААТ “Транснафта “Дружба”” было падпісана пагадненне на правядзенне навуковых даследаванняў па гісторыі прадпрыемства [16, арк. 40–50].

У 2010-х гг. узрастае інтэнсіўнасць публікацый выкладчыкаў кафедры ў замежных выданнях. Так, у навуковым перыядычным выданні “Białoruski Zeszyty Historyczne” (Польшча) былі надрукаваныя артыкулы М. М. Мязгі, Р. Р. Лазько, А. М. Дуброўка і А. М. Кротава. У Кембрыджскім навуковым выдавецтве ў зборніку навуковых артыкулаў “Падзеленая Усходняя Еўропа: граніцы і перамяшчэнне насельніцтва, 1938–1947” быў апублікаваны артыкул дацэнта Д. М. Талочкі “Праблема бежанцаў з Польшчы ў савецка-германскіх адносінах (верасень 1939 – чэрвень 1940)”. Таксама неабходна адзначыць артыкул А. М. Кротава, прысвечаны жыццю і творчасці Змітрака Бядулі, які быў надрукаваны ў аўтарытэтным навуковым выданні “Вывучэнне польскага яўрэйства” [16, арк. 40–50].

У кастрычніку 2013 г. адбылася стажыроўка на кафедры паўднёвых і заходніх славян МДУ імя М. В. Ламаносава М. М. Мязгі. Фактычна яна паклала пачатак аднаўленню супрацоўніцтва кафедры ўсеагульнай гісторыі ГДУ імя Ф. Скарыны з кафедрай гісторыі паўднёвых і заходніх славян МДУ імя М. В. Ламаносава (загадчык – прафесар Г. Ф. Матвееў). Гэтаму спрыяла агульнасць напрамкаў навуковых даследаванняў дзвюх кафедраў: гісторыя савецка-польскіх адносін. У наступныя годы стажыроўку ў МДУ імя М. В. Ламаносава прайшлі выкладчыкі кафедры ўсеагульнай гісторыі А. М. Кротаў, С. А. Чаропка, Д. М. Талочка, А. М. Дуброўка.

Працягваліся стажыроўкі выкладчыкаў кафедры і ў Польшчы. У красавіку – маі 2011 г. стажыроўку ў Музеі польскай гісторыі за кошт атрыманага гранта прайшла А. М. Дуброўка

[17, арк. 6.]. У лістападзе 2012 г. стажыроўку ў Ягелонскім універсітэце праходзіў дацэнт С. А. Чаропка [18, арк. 6, 7]. У снежні 2013 г. ён прайшоў стажыроўку ў Варшаўскім універсітэце. Таксама ў Варшаўскім універсітэце ў верасні 2013 г. праходзіў стажыроўку А. П. Шыляеў [19, арк. 6]. У снежні 2016 г. А. М. Дуброўка праходзіла стажыроўку ў Ягелонскім універсітэце [20, арк. 6]. Стажыроўкі ў вядучых польскіх універсітэтах былі важнымі для названых выкладчыкаў кафедры, бо паланістыка займае значнае месца ў іх навуковых даследаваннях. У рамках узаемадзеяння польскіх і беларускіх гісторыкаў Р. Р. Лазько працаваў у складзе двухбаковай групы экспертаў, якая займалася выяўленнем і вывучэннем пытанняў гісторыі беларуска-польскіх адносін, у трактоўцы якіх меліся сур’ёзныя разыходжанні паміж гісторыкамі дзвюх краін.

На пачатку 2016 г. была сфарміравана навуковая тэматыка кафедры ўсеагульнай гісторыі на новую пяцігодку. У выкананні тэмы “другой паловы дня” “Беларусь і суседзі: праблемы фарміравання дзяржаўнасці, міжэтнічных і міждзяржаўных адносін у новы і навейшы час” прымалі ўдзел усе выкладчыкі кафедры. Навуковая праца на кафедры вялася і ў рамках дзвюх фінансуемых тэм: “Беларусь у польска-савецкіх адносінах 1918–1939 гадоў” і “Палітыка Савецкай Расіі ў сувязі з працэсамі нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння заходніх ускраін былой імперыі (ад Фінляндыі да Украіны). 1917–1921 гг.” У лістападзе 2016 г. у савеце па абароне дысертацый БДУ адбылася абарона доктарскай дысертацыі М. М. Мязгі “Савецка-польскія адносіны ў савецкай і польскай гістарыяграфіі 1918–1941 гг.” У дысертацыі паказана, што гістарычная навука ў міжваенных Польшчы і СССР стала адным з інструментаў супрацьстаяння дзвюх дзяржаў. Змест і напрамкі гістарычных даследаванняў у значнай ступені вызначаліся дзяржаўнай гістарычнай палітыкай [21].

Працягвалася творчае ўзаемадзеянне выкладчыкаў кафедры з польскімі калегамі. М. М. Мязга з’яўляўся ўдзельнікам беларуска-польскіх “круглых сталоў” “Дыялог гісторыі / Гісторыі дыялогу”. На “круглых сталах” даследчыкі дзвюх краін імкнуліся адысці ад канфрантацыйнага разгляду ў беларускай і польскай гістарычнай навуцы шэрагу складаных і супярэчлівых з’яў сумеснай гісторыі. Адбылося тры сустрэчы беларускіх і польскіх гісторыкаў, на якіх абмяркоўваліся праблемы гісторыі Беларусі і Польшчы ў сувязі са станаўленнем іх дзяржаўнасці пасля Першай сусветнай вайны, падзеі польска-савецкай вайны [22].

У 2017–2018 навучальным годзе важным партнёрам кафедры ўсеагульнай гісторыі стаў Універсітэт Эберхарда Карла ў Цюбінгене (Германія). С. А. Чаропка ў рамках праграмы Erasmus+ у снежні 2017 г. прачытаў для студэнтаў названага ўніверсітэта цыкл лекцый, прысвечаных гісторыі міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе ў XII–XV ст.ст. У тым жа месяцы ўжо для студэнтаў-гісторыкаў ГДУ імя Ф. Скарыны цыкл лекцый прачытала прафесар Універсітэта Эберхарда Карла ў Цюбінгене В. Келер. У іх было разгледжана пытанне распаўсюджвання сярэднявечага германскага права на землі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. У маі 2019 г. студэнты гістарычнага факультэта зноў мелі магчымасць паслухаць лекцыі прафесара В. Келер. Прамежкавым падвядзеннем вынікаў супрацоўніцтва Універсітэта Эберхарда Карла ў Цюбінгене з беларускімі ўніверсітэтамі стала публікацыя зборніка артыкулаў яго ўдзельнікаў. З выкладчыкаў кафедры ўсеагульнай гісторыі свае артыкулы ў яго прадставілі А. М. Дуброўка, М. М. Мязга, С. А. Чаропка [23].

Яшчэ адзін праект у рамках праграмы Erasmus+ кафедра ўсеагульнай гісторыі ажыццяўляла разам з факультэтам паліталогіі і міжнародных даследаванняў Універсітэта Мікалая Каперніка ў Торуні. У сакавіку 2019 г. М. М. Мязга прачытаў цыкл лекцый для польскіх студэнтаў па тэматыцы польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. 19 кастрычніка 2019 г. у рамках праграм міжнародных акадэмічных абменаў MOST А. М. Дуброўка, Р. Р. Лазько, М. М. Мязга прынялі ўдзел у польска-беларускім семінары ва Універсітэце Мікалая Каперніка ў Торуні, тэматыка якога была прысвечана польска-савецкай вайне 1919–1920 гг. Беларускія даследчыкі разам з польскімі калегамі абмеркавалі пытанні ўплыву вайны на працэсы фарміравання беларускай дзяржаўнасці, палітыку вялікіх дзяржаў у сувязі з польска-савецкай вайной, уплыў вайны на фарміраванне Версальскай сістэмы міжнародных адносін.

У 2018 г. кафедра ўсеагульнай гісторыі ўпершыню выступіла арганізатарам канферэнцыі “Праваслаўе ў грамадскім жыцці: традыцыя і сучаснасць”. Гэта было звязана з тым, што пры кафедры ўсеагульнай гісторыі пачала працаваць кафедра хрысціянскай культуры (на грамадскіх пачатках), створаная сумесна з Гомельскай епархіяй Беларускай праваслаўнай царквы. Канферэнцыя “Праваслаўе ў грамадскім жыцці: традыцыя і сучаснасць” стала штогадовай. У выдаваемых па яе выніках зборніках артыкулаў прадстаўлены важныя навуковыя напрацоўкі па гісторыі канфесійнага жыцця на Беларусі, беларускай культуры, палітыцы дзяржавы ў рэлігійнай сферы ў розны час [24].

У 2020 г. падводзіліся вынікі навуковай работы кафедры за 2016–2020 гг. За пяцігодку выкладчыкі кафедры апублікавалі 2 манаграфіі (адна ў сааўтарстве з выкладчыкамі іншых кафедраў), 44 артыкулы ў выданнях ВАК Беларусі. Пра высокі ўзровень навуковых даследаванняў выкладчыкаў кафедры ўсеагульнай гісторыі сведчыць і тое, што яны актыўна друкаваліся ў замежных навуковых выданнях – 15 артыкулаў (з іх 1 з імпакт фактарам больш за 0). Кафедра выступіла арганізатарам 11 навуковых канферэнцый і выдала 11 зборнікаў навуковых артыкулаў і матэрыялаў навуковых канферэнцый [25, арк. 32–48]. Асноўным вынікам праведзенага кафедрай на працягу 2011–2020 гг. даследавання з’яўляецца характарыстыка ўплыву міжнародна-палітычных фактараў на працэс фарміравання дзяржаўнасці ў рэгіёне Усходняй і Цэнтральнай Еўропы ў новы і навейшы час, уключаючы і праблему стварэння беларускай дзяржаўнасці пасля Першай сусветнай вайны. Атрыманыя вынікі характарызуюць уплыў знешнепалітычных фактараў на гісторыю дзяржаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, раскрываюць залежнасць ходу дзяржаватворчых працэсаў на тэрыторыі Беларусі ад яе міжнароднага становішча. Выяўлены ўплыў геапалітычнага, сацыякультурнага, эканамічнага, ідэалагічнага фактараў на міждзяржаўныя і міжэтнічныя адносіны ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў новы і навейшы час [25, арк. 31].

З 2021 г. кафедра ўсеагульнай гісторыі пачала працу над новымі навуковымі тэмамі: “Беларусь і суседзі: праблемы ўнутрыпалітычнага развіцця і міждзяржаўных адносін у новы і навейшы час”, “Станаўленне Версальска-Рыжскай сістэмы міжнародных адносін і Беларусь”, “Эвалюцыя структуры і арганізацыі войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XVI–XVIII ст.ст.”. Дзве апошнія тэмы з’яўляюцца фінансуемымі. Акрамя таго, у апошнім квартале 2020 г. і першым паўгоддзі 2021 г. на аснове дагавора з Інстытутам Канфуцыя пры ГДУ імя Ф. Скарыны на кафедры выконваўся даследчы праект “Вывучэнне і аналіз вынікаў навукова-тэхнічнага і эканамічнага супрацоўніцтва паміж БССР і КНР у перыяд з 1949 па 1958 гг.”. У час працы ў архівах былі выяўлены і прадстаўлены кітайскаму боку шматлікія дакументы, якія характарызуюць дапамогу БССР у стварэнні прамысловасці КНР на пачатковым этапе будаўніцтва сацыялізму.

У апошнія гады важным дасягненнем кафедры ў вучэбна-метадычнай рабоце стала выданне вучэбных дапаможнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. У выдавецтве “Народная асвета” былі выдадзеныя падрыхтаваныя М. М. Мязгой у сааўтарстве з дацэнтам Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна Л. У. Гаўрылавец дапаможнікі “Навейшая гісторыя краін Азіі і Афрыкі” і “Гісторыя паўднёвых і заходніх славян (1914–2018)”. Названыя дапаможнікі напісаны з улікам найноўшых напрацовак гістарыяграфіі па праблематыцы, якой яны прысвечаны. Неардынарнасць указаных выданняў заключаецца ў тым, што гэта рэдкі выпадак, калі дапаможнікі па ўсеагульнай гісторыі выдаюцца на беларускай мове. Новым у вучэбна-метадычнай рабоце кафедры ў 2020–2021 навучальным годзе стала тое, што яе выкладчыкі А. М. Дуброўка, Д. М. Талочка, С. А. Чаропка ажыццяўлялі кіраўніцтва напісаннем магістарскіх дысертацый на англійскай мове кітайскімі магістрантамі спецыяльнасці “Педагагіка”. А. М. Дуброўка распрацавала і прачытала на англійскай мове лекцыйныя курсы “Гісторыя Беларусі” і “Гісторыя культуры Беларусі” для замежных студэнтаў эканамічнага і фізічнага факультэтаў.

Такім чынам, у першыя дзесяцігоддзі XXI ст. кафедра ўсеагульнай гісторыі ГДУ імя Ф. Скарыны паспяхова праводзіла навуковыя даследаванні па праблематыцы гісторыі

міждзяржаўных і міжнацыянальных адносін у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў новы і навейшы час. Яе выкладчыкамі шмат зроблена для выяўлення ўплыву міжнароднага фактару на дзяржаватворчыя працэсы ў рэгіёне. У тым ліку актыўна распрацоўваецца праблема ўплыву знешнепалітычных умоў на фарміраванне беларускай дзяржаўнасці. Навуковая работа кафедры цесна звязана з вучэбна-метадычнай. Вынікі навуковых даследаванняў актыўна ўкараняюцца ў адукацыйны працэс, знаходзяць прымяненне пры падрыхтоўцы вучэбных дапаможнікаў. Павышэнню ўзроўню навуковай і вучэбна-метадычнай работы садзейнічалі актыўныя творчыя кантакты з замежнымі партнёрамі, у прыватнасці, стажыроўкі выкладчыкаў кафедры ў вядучых універсітэтах шэрагу краін.

Крыніцы і літаратура

1. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2473.
2. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2474.
3. Лазько, Р. Р. Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) / Р. Р. Лазько. – Мн.: БДУ, 2000. – 354 с.
4. Отчет кафедры всеобщей истории о результатах научной и научно-производственной деятельности за 2003 г. // Кафедра ўсеагульнай гісторыі ГДУ імя Ф. Скарыны (далей – КУГ).
5. Отчет кафедры всеобщей истории о результатах научной и научно-производственной деятельности за 2002 г. // КУГ.
6. Лазько, Р. Р. Беларусь у еўрапейскай палітыцы. 1918–1925 гг. Нарысы” / Р. Р. Лазько, А. М. Кротаў, М. М. Мязга. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – 126 с.
7. Отчет кафедры всеобщей истории о результатах научной и научно-производственной деятельности за 2006 г. // КУГ.
8. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2646.
9. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2443.
10. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2550.
11. Архіў УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”. – Воп. 1. – Спр. 2630.
12. Отчёт кафедры всеобщей истории об учебной, научно-методической, воспитательной и научной работе за 2006–2011 гг. // КУГ.
13. Праграма міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы”. 28–29 верасня 2006 г. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – 12 с.
14. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 198 с.
15. Отчет кафедры всеобщей истории о результатах научной и научно-производственной деятельности за 2010 г. // КУГ.
16. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Проблемы истории межэтнических и межгосударственных отношений в Центральной и Восточной Европе нового и новейшего времени» за 2011–2015 гг.» // КУГ.
17. Отчет об учебной и учебно-методической работе исторического факультета за 2011–2012 уч. г. // Дэканат факультэта гісторыі і міжкультурных камунікацый УА “ГДУ імя Ф. Скарыны” (далей – Дэканат ФГМК).
18. Отчет об учебной и учебно-методической работе исторического факультета за 2012–2013 уч. г. // Дэканат ФГМК.
19. Отчет об учебной и учебно-методической работе исторического факультета за 2013–2014 уч. г. // Дэканат ФГМК.
20. Протокол заседания кафедры всеобщей истории № 8 от 29 декабря 2016 г. // КУГ.
21. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук / Н. Н. Мезга. – Минск: БГУ, 2016. – 46 с.
22. Polsko-białoruski dialog historyków w sprawach trudnych: Czas przelomu 1917–1921. Białystok, 2–3 grudnia 2018 r. – Białystok, 2018. – 4 s.

23. Делом и истиной : сборник научных трудов, посвященный 10-летнему юбилею сотрудничества между историками университетов Беларуси и Тюбингенского университета = In Opere et Veritate : Sammelband von wissenschaftlichen Werken, gewidmet dem 10-jährigen Jubiläum der Zusammenarbeit zwischen den Historikern von weißrussischen Universitäten und der Universität Tübingen / под науч. ред. проф. О. Б. Келлер. – Минск: РИВШ, 2019. – 356 с.

24. Православие на Беларуси: история и современность : сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 135 с.

25. Отчет кафедры всеобщей истории о результатах научной и научно-производственной деятельности за 2016–2020 гг. // КУГ.

УДК 930.85:94(476)«14/17»

Е. Е. Барсук
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XV – XVIII ВЕКАХ

Рассмотрены особенности репрезентации исторического прошлого белорусов в XV–XVIII вв. – традиционное историописание и эволюция его форм от летописания (Летописец Великих князей Литовских 1446 г., Хроника Великого княжества Литовского, 20-е гг. XVI в.), произведений католической и антиуниатской религиозно-полемической литературы конца XVI – начала XVII вв. до мемуаров (дневников и воспоминаний) середины XVII–XVIII вв.

Многочисленные дискуссии о содержании исторической репрезентации народа потребовали осознания роли исторической памяти как интегрирующего фактора развития общества. Самыми насущными в это связи являются вопросы: как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, хранили и передавали информацию об этих событиях. Может это односторонний или расплывчатый образ, запечатленный в памяти как истинный рассказ о происшествии. Или это комплексная картина исторического опыта, которая отражала взгляды и предпочтения, ценности авторов этих свидетельств или исторических источников.

Осознание прошлого у индивида или социальной группы может складываться на основе устной традиции, которую можно определить как объем знаний, передаваемых из уст в уста на протяжении нескольких поколений, являясь коллективным достоянием членов общества. Однако, как хранились и передавались устной традицией легенды о деяниях предков, которые затем нашли отражение в исторических сочинениях? Ведь именно из устных воспоминаний черпали большинство сведений те, кого сегодня называют первыми историками – Геродот и Фукидид. Средневековые летописцы и историки также зависели от устной традиции. Что и как они рассказывали о событиях, как от эпохи к эпохе менялись акценты в повествованиях, какие новые смыслы вписывались в готовый сюжет?

Компаративный анализ традиционного историописания позволяет говорить о наличии двух моделей репрезентации исторического прошлого: это – эпос и хроника. Главная функция эпоса заключается в коммеморации героя (закреплении его образа или прославлении, рассчитанном на эмоциональное восприятие слушателями). Текст хроники требует понимания. Он сообщает о событиях с обязательным указанием хронологии, тогда как в эпосе абсолютные даты отсутствуют [1, с. 14].

Средневековые хронисты особенно интересовались происхождением мира, народа, знатного рода или государства. Они стремились проследить развитие своего предмета от легендарного начала до текущего времени. Однако их «знания о прошлом» были

ориентированы на настоящее и решали актуальные задачи, в основном, политические. Повествуя о славных деяниях королей, епископов, пап или святых, авторы историописаний использовали прошлое как аргумент для решения текущих проблем – например, доказательства статуса или подтверждения притязаний. При этом хронисты были убеждены в правоте своих действий.

Средневековые европейские хроники и восточнославянские летописи обязательно содержали т.н. этногенетическую концепцию, определявшую принадлежность к роду, племени, народу, государству и объяснявшую династическую генеалогию. Главным и бесспорным аргументом произведений XV–XVII вв. был библейский сюжет, согласно которому родословная всех народов мира берет свое начало после Всемирного потопа от сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета (Бытие, гл. 10, 32). Европейские народы произошли от потомков Иафета, а родоначальником славян был его шестой сын, Мосох (Мешех), который упоминается неоднократно в книге Пророка Иезекиила (Иезекиил, гл. 27, 13, гл. 38, 2–3, гл. 39, 1).

Такой традиции историописания придерживался и автор «Повести временных лет» Нестор, повествовавший об общем происхождении славян от библейского предка Иафета и его сына Мосоха. Он приписывал заслугу создания древнерусского государства представителям варяжской династии Рюриковичей.

Первоначально белорусские летописи находились в рамках древнерусской летописной традиции, хотя новые геополитические реалии сказывались на сюжете и языке белорусских летописей. Однако позднее, в конце XV–XVI вв. средневековая европейская традиция оказала серьезное влияние на белорусское летописание. Историописания XVI в. белорусского происхождения отрицают идею восточнославянского единства, характерную для древнерусских летописей и сохраненную в Летописце 1446 г.

Общей чертой европейских хроник XII–XVI вв. является негативное отношение к христианству «восточного обряда», что было обусловлено не только Великой схизмой 1054 г., но и процессом обособления веры «русской» от византийского подданства и воспринималось католическим духовенством как ересь и вызывало негативное отношение к «русинам» [2, с. 113].

Легенды и предания летописей и хроник, публицистических и религиозных произведений создавались в конкретных исторических условиях, требовавших этнического обособления и разрешения общественно-политических и конфессиональных противоречий, соответствовали политическим целям и предлагали свою генеалогию.

Наиболее ярким примером является миф о происхождении знати Великого княжества Литовского, упоминаемый в I (Летописец Великих князей Литовских 1446 г.) и II Летописных сводах (Хроника Великого княжества Литовского, 20-е гг. XVI в.), Хронике Быховца (вторая половина XVI в.). Согласно «Истории Польши» Яна Длугоша генеалогия знати ВКЛ берет начало от римского патриция, родственника Помпея, политического противника Цезаря. В «Хронике Великого княжества Литовского и Жемойтского» есть рассказ о происхождении литовской знати от родственника императора Нерона Полемона, который вместе с 500 знатными семьями сбежал из Рима. Матей Стрыйковский в «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» объяснял их бегство жестокостью вождя гунов Атиллы. Легенда приводится также в Хронике Быховца [2, с. 40, 38–39].

Первый летописный свод белорусско-литовских летописей 1446 г. имеет отдельную часть под названием «Летописец великих князей Литовских», но при этом кроме сведений по истории ВКЛ от княжения Гедимина до смерти Витовта, включает и часть общерусских летописей. Второй летописный свод, составленный в первой четверти XVI в., основная часть которого получила название «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», акцентирует внимание на истории белорусско-литовского государства, что было означало изменение исторических условий.

Рост национального самосознания в странах Европы начинает активно проявляться во второй половине XVI – начале XVII вв., что обусловило усиление борьбы за соответствующую самоидентификацию культурную, социальную, конфессиональную и этническую. Преемницей средневековой традиции и одновременно носителем идей Реформации и Контрреформации была

религиозная полемика первой половины XVII в., обусловив дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к Брестской церковной унии.

Для одних ее вдохновителей уния была средством контрреформационной политики, для других – способом решения внешне и внутривосточных задач или возможностью усиления позиций православия. Конкретное воплощение идей церковного единства в виде решений Брестского собора 1596 г. вызвало недовольство рядового православного духовенства. В связи с этим противники унии (М. Смотрицкий, А. Филиппович и др.) говорили о неправомерности претензий католической церкви на первенство в Беларуси и Украине, где православного населения большинство, а православные иерархи предали веру предков из-за желания увеличить собственное политическое влияние и экономические выгоды. Полемисты как католическо-униатского лагеря (И. Потей, И. Вельямин-Рущкий и другие), так и антиуниатского (православного) опирались на библейскую традицию, приводили примеры из римской истории, житий святых и учений отцов церкви, цитировали античных авторов Платона, Аристотеля, Вергилия, Горация или хронистов М. Стрыйковского, Кромера, Длугоша.

Полемика о том, какая вера является истинной, чьи традиции более древними, а Церковь – преемницей апостольской, обусловили изучение исторического наследия и духовной традиции, истоки которой православные публицисты находили в греко-византийском наследии.

Попытки национальной самоидентификации населения Речи Посполитой, отделения «своих» от «чужих» нашли отражение в использовании самоназваний в полемической литературе. Исходя из текстов наиболее известных полемических произведений, белорусы осознавали себя одновременно православными «русинами» и гражданами Речи Посполитой, которую считали своим государством. Так, в самоидентификации Христофора Филилета, автора «Апокрисиса, албо отповеди на книжки о съборе Берестейском»: «Мы, народу Руского и Литовского обыватели», «Мы, Короны Полской и панств до ней належачих обывателей» определяется конфессиональная принадлежность: «нас Греческой релее людей», «мы, Греческой релее люде», «мы, Грецкого набоженства люди» [3, Стб. 1750, 1564, 1194, 1030, 1570, 1008].

Другой известный автор-полемист Захария Копыстенский также использует понятия «россы», «Русь», «Россия», «русские»: «нас Россов православных», «роду Руского», «мы., православная Русь». Он определяет границы Руси православной: «все Белой, и Чорной, Восточной, Полночной и на полдне лежачей Руси народове... под зверхностью патриарха Константинопольского, стале и статечне твоят» [4, Стб. 321, 503, 731, 774, 869, 894, 904, 913, 1040, 1055.]. В использованных им понятиях отчетливо наблюдается смешение этнических и конфессиональных признаков. По мнению З. Копыстенского, православие – это источник «стародавних отцовских звычайов и канонов», а религиозная уния 1596 г. ведет к тому, чтобы «Руси не было в Руси» [30, Стб. 683, 957]. Из контекста становится понятно, что в первом случае речь идет о православной вере, во втором – о территориях с православным населением.

Понятия «русская земля», «наш русский народ», «мы, Русь», «русская церковь» присутствуют в работах одного из лучших полемистов своего времени Мелетия Смотрицкого, [5, с. 163, 174–175, 177–185]. Он более точно определяет содержание этих понятий. Так, белорусские города Минск, Гродно, Слоним, Брест отнесены Смотрицким к «Литве», Пинск, Мозырь – к «Полесью», Гомель, Речица – к «Понизовью» [5, с. 183–184]. По мнению полемиста, «русский народ» подразделяется на «Русь греческого вероисповедания», «Русь римского вероисповедания» и новую «униатскую Русь». В письме Виленскому православному братству 1629 г. он называет православие и униатство «всей русской нашей церковью» [6, с. 605–607]. А в послании 1630 г. римскому Папе Урбану VIII уже униат М. Смотрицкий называет себя «русинком» и рассуждает о средствах обращения «русинов-схизматиков» в унию [7, с. 10, 13–15].

В работах Виленского униатского архимандрита Льва Кревзы можно встретить: «наша Русь», «к нашему Русскому благочестию», «Русия», «народу Руссакага», «родом Русин», «в панствах Русских» [8, Стб. 162, 164, 225, 227–231, 242, 246]. Автор считал православных и униатов «исповедующими Греческую религию, но разъединенными в ней». О «в релии розрозненных русских» писал также И. Вельямин Руцкий. Он исходил из существования единого народа ВКЛ с собственными государственными и церковными униатскими традициями и обосновывал идею создания автокефальной униатской церкви [9, с. 454–461]. Названия «край русский», «Русь», «русский народ», «русские» и т.п. использовались И. Кунцевичем и авторами более поздней униатских полемических произведений [10, с. 82].

Православное и униатское население Речи Посполитой называлось официальными властями и Ватиканом также «русинами», «русью». Униаты («которые суть в унии костела светого Римского») и православные («которые в той унии не суть») считались единым «народом Русским» в королевских грамотах 1633 г. митрополиту П. Могиле и Епископу И. Бобриковичу [30, с. 48]. К «народу русскому» обращался также и Петр Скарга [11, Стб. 228, 485, 488].

Таким образом, религиозно-полемическая литература конца XVI–XVII вв. не определяла четких границ между использованием конфессионима «Русь» и этнонима «Русь». Основным этноопределяющим признаком белорусов в это время была конфессиональная принадлежность, которая со временем приобретает все большее значение и постепенно трансформируется в идею восточнославянского единства.

Необходимость обоснования самобытности «русских земель» в Речи Посполитой определило появление исторических трактатов в стенах Киево-Печерской лавры. В большинстве историко-литературных произведений XVII – XVIII вв. роль Киева определялась как духовного центра православия, история которого излагалась с начала крещения Руси апостолом Андреем, затем княгиней Ольгой и князем Владимиром, обеспечения свободы вероисповедания в ВКЛ и дискриминацию православных в Речи Посполитой. Наиболее известными трудами в XVII в. были «Patericon» (Киево-Печерский Патерик, обработанный Сильвестром Косовым) и «Синописис» Гизеля [12; 13].

Историческая репрезентация на белорусских землях в XVII–XVIII вв. представлена эволюцией традиционных форм и возникновением новых. Новой формой сохранения исторических знаний стали мемуары в виде дневников и воспоминаний. В XVII в. получили распространение т.н. «Диариуши», повествовавшие не только о политических событиях, заседаниях сеймов и сеймиков, трибуналов, династических межусобицах и т.д., но и содержавшие подробности частной жизни шляхты и метеорологические сведения [14, с. 14–16].

Отличительной особенностью «Диариуша» Самуила Маскевича (первая половина XVII в.) является использование обеих форм: дневниковой (1594–1604) и мемуарной (1605–1621). Автор повествует о событиях Смутного времени в Русском государстве, вспоминает о своем участии в подавлении рокоша против короля Сигизмунда III Вазы и другие события

«Диариуш» Афанасия Филипповича представляет собой сборник антиуниатской полемики и мемуаров одновременно, состоящий из различных по жанру, сюжету и назначению частей, объединенных вставками, целостностью, яркостью и радикальными взглядами автора [15, с. 97–179].

Ярким памятником мемуарной литературы эпохи Барокко является «Диариуш о событиях в Польше» Альбрехта Станислава Радзивила о событиях 30–50-х гг. XVII в. Автор занимал различные государственные должности, в том числе и канцлера ВКЛ, выполнял дипломатические миссии, основал иезуитский коллегиум в Пинске.

Среди исторических памятников конца XVII – первой половины XVIII вв. выделяется Могилевская хроника – свод отдельных записей по годам, различных документальных материалов, литературных произведений и развернутых исторических описаний, то есть своеобразный дневник города, основанный на сведениях хроник и документов магистрата,

устных воспоминаниях очевидцев и собственных наблюдениях авторов, могилевского купца Трофима Сурты и представителя городской канцелярии Юрия Грубницкого. В хронике созданы яркие образы Карла XII и Петра I, А. Меншикова и И. Мазепы, содержатся сведения о событиях Северной войны.

К типу регулярных дневников относят ежедневные записи Михаила Радзивила Рыбаньки, которые составили восемь томов (первая половина XVIII в.). Мемуары или собственно воспоминания отличались от дневниковых записей ретроспективным взглядом на события, поскольку записывались по прошествии некоторого времени. В воспоминаниях Мартина Матушевича дневниковые записи сочетаются с осмыслением во времени. Его «Диариуш моей жизни» был написан через много лет, но с использованием документов и собственных записей и охватывал события 1714–1767 гг.

Мемуары выделялись жанровым разнообразием: дневники-воспоминания, воспоминания-романы (С. Пильштымова), воспоминания-автобиографии, воспоминания-генеалогии (И. Хребтович) [14, с. 17–18].

В XVII–XVIII вв. история также была представлена моделью настоящее-будущее как продолжение прошлого. Отсюда выводилась необходимость изучения прошлого. Осмысление истории в это время определялось христианской парадигмой мировоззрения, европейской гуманистической культурой и открытиями в области естественного знания.

Таким образом, можно говорить об эволюции форм исторической памяти от средневековой библейской традиции к рациональному осмыслению действительности и их преемственности. Библия и сочинения отцов церкви давали не только модель для рассказа о прошлом, но и представляли историю, служившую образцом для будущего хода событий. Христианское время мыслилось как сотворенное, линейное, имевшее начало и конец, двигавшееся из вечности в вечность, стремившееся к завершению. Поэтому, труд историка состоял в том, чтобы сохранить память об этом времени, изложить относящиеся к нему факты, дать его описание, точнее представить себе его «последовательность», установить достоверную хронологию событий.

Источники и литература

1. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт. WP6/2003/07 / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
2. Семянчук, А. А. Беларуска Літоўскія летапісы і польскія хронікі: Вучэбны дапам. / А. А. Семянчук. – Гродна: ГРДУ, 200. – 161 с.
3. Филалет, Х. Апокрисис албо отповедь на книжки о соборе Берестейском / Х. Филалет // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 2. – Стб. 1003 – 1820. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссией. – Т. 7.
4. Копыстенский, З. Палинодия или Книга Оборона кафедральной святой апостольской Восточной Церкви / З. Копыстенский // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1. – Стб. 313–1200. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссией. – Т. 4.
5. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т.; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. Навука, 2013. – Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўтары тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.] – 613 с.
6. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна: Печатня губ. правл., 1867. – Т. 2. – 394 с.
7. Смотрицкий, М. Ліст Мялеця Смарыцкага, русіна, архіепіскапа Полацкага, да святога Пана нашага Папы Урбана VIII... 5 жніўня 1630 г. / М. Смотрицкий // Крыніца. – 1994. – № 11. – С. 10–16.
8. Кревза, Л. Оборона унии /Л. Кревза // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 1. – Стб. 157– 312. – СПб.: тип. А. Траншеля, 1878. – Русская историческая библиотека. – Т. 4.

9. «Sowita wina», сочинение, изданное латино-униатами в 1621 году // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 454–461.

10. Кунцевич, И. Письмо архиепископа Иосафата Кунцевича к митрополиту Иосифу Рутскому / И. Кунцевич // Вестник Юго-Западной и Западной России. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1862. – Август, год первый, т. 2, кн. 3. – С. 81–83.

11. Скарга, П. О единстве церкви / П. Скарга // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1882. – Кн. 2. – Стб. 223–526. – Русская историческая библиотека, издаваемая археогр. комиссиею. – Т. 7.

12. Patericon albo Żywoty śś. Oyców Pieczarskich... Silwestra Kossowa. – W Kijowie w drukami Ś. Lawry Pieczarskiey Roku 1635 / Syl'vestr Kosov // Репр. вид. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. – Volume IV. – Cambridge, Mass., 1987.

13. Жиленко, І. В. Синопис Київський. Лаврський альманах / Ред. рада: В. М. Колпакова (відп. ред.) та ін. – К.: ВПОЛ. – Спецвип. 2 : Синопис Київський / І. В. Жиленко. – 2002. – 194 с.

14. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / Адам Мальдзіс. – Минск: Лімарыус, 2001. – 384 с.

15. Коршунов, А. Афанасий Филиппович. Жизнь и творчество/ А. Коршунов. – Минск: Наука и техника. – 1965. – 184 с.

УДК 94:355.216(476+474.5)«15»

А. П. Шиляев

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПЕРЕХОД К НАЕМНОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ВКЛ XVI ВЕКА

Данная статья посвящена процессам военного реформирования в ВКЛ 16 века, связанных с заменой традиционного феодального шляхетского ополчения – посполитого рушения, на наемные подразделения. Основное внимание уделено причинам и особенностям преобразований, осуществленных королем Стефаном Баторием (1576–1586), основным сложностям в их реализации, восприятию военных реформ среди магнатуры и шляхты ВКЛ, а также их итогам.

Процессы замены феодального ополчения наемным войском был характерен практически для всех стран Европы 16 века. Само по себе наемничество существовало уже довольно продолжительное время. Однако лишь в позднем средневековье оно стало принимать относительно упорядоченный вид. Первым постоянным наемным войском, прообразом постоянных армий принято считать ордонансные роты, которые начали формироваться во Франции на основании указов короля Карла VII в 30–40-х годах 15 века [1, с. 596].

Суть наемной военной организации достаточно проста, солдаты теперь служили не потому, что к этому их обязывало социальное положение или наличие земельной собственности, а за определенную плату. Подобная организация имела как свои достоинства, так и недостатки. К достоинствам стоит отнести то, что по сравнению с феодальным ополчением наемников удавалось собрать значительно быстрее и в большем количестве. К тому же наемники обычно обладали большим военным опытом. Недостаток наемной организации истекает из ее сути, содержание такого войска ведет к значительным денежным затратам и требует введения новых налогов. Особенно тяжелым становится содержание наемных отрядов при затягивании конфликта. Поэтому постоянные воинские формирования на наемной основе обычно были незначительными по численности.

В ВКЛ относительно большое число наемников начало появляться на рубеже 15–16 веков, в связи с пограничными войнами. При великом князе Александре были осуществлены первые серьезные наборы наемных войск, так к 1504 году плату за службу в ВКЛ получало уже 173 кавалерийских почта и 38 пехотных рот, всего более 7 тысяч солдат [2, с. 14]. Постепенно количество наемников возрастало. Вскоре они стали составлять наиболее боеспособную часть войска, во многом благодаря привлечению значительного количества наемников, до 17 тысяч, удалось одержать победу в битве под Оршей 1514 г. [2, с. 18].

Численность таких формирований обычно была не велика, что в целом характерно и для других европейских государств этого периода. Причина, по которой эти подразделения были малочисленны, была также общей. Содержание постоянного наемного войска, как уже упоминалось, требует значительных денежных затрат и сильно истощает казну.

Для того чтобы иметь более многочисленную армию необходимы были коренные преобразования внутри государства. В первую очередь это касается налоговой системы. Появление постоянной армии обычно сопровождается введением постоянных и упорядоченных налогов, которые эту армию и обеспечивают. В ВКЛ подобных налогов не существовало, здесь налоги утверждались сеймом, который весьма неохотно выделял средства и на существующие подразделения, особенно в мирное время. Даже когда сейм соглашался на выделение денег, источником их получения были нерегулярные чрезвычайные сборы, а не постоянный налог. Так, в 1563 году на Виленском сейме было принято решение о чрезвычайных сборах сребщины – налога, за счет которого и будут содержаться наемники [3, с. 171; 4, с. 401].

Событием, подтолкнувшим ВКЛ к новым военным и другим преобразованиям, станет Ливонская (Инфлянтская) война (1558–1583 годов). Эта война вызовет масштабные геополитические изменения в Восточной Европе, в результате которых ВКЛ станет составной частью Речи Посполитой со своей весьма своеобразной военной организацией.

Начинается все более активное привлечение наемных войск, из-за чего стали сказываться старые, неразрешенные проблемы, связанные с организацией наемного войска. Война затягивалась, а длительное содержание значительных наемных контингентов требовало, как мы помним, таких же значительных затрат, позволить которые ВКЛ себе не могло. Острая нехватка средств привела даже к попытке организовать наемные части за счет магнатов в 1565 г. [3, с. 173].

Другим источником финансирования наемных отрядов становятся деньги, которые государство активно начинает брать в долг. В 1566–1567 гг. на Гродненском сейме было решено привлечь значительные средства под залог сребщины 1567 и 1568 гг. [3, с. 175].

К концу 1560-х годов ВКЛ практически исчерпало все свои внутренние ресурсы для сохранения наемного войска. В таком крайне тяжелом положении княжество начинает переговоры с польской стороной в первую очередь для получения финансовой и военной помощи. Итогом этих переговоров стало подписание Люблинской унии в 1569 году и образование конфедеративной Речи Посполитой. Событие это имело огромное значение и оказало влияние на все сферы жизни государства.

Последовавшие периоды бескоролья замедлили военные преобразования. Активно вернулся к решению этой проблемы уже новый король Стефан Баторий. Одним из основных направлений преобразований стало изменение способа набора войск. Учитывая предыдущий негативный опыт по сбору посполитого рушения, Стефан Баторий делает ставку на привлечение наемников, которые впредь будут составлять основу войска Речи Посполитой и соответственно ВКЛ.

Став королем в 1576 г., Стефан Баторий моментально сталкивается с множеством проблем, которые требовали силового разрешения. Усиливается угроза набега со стороны татар, город Гданьск отказывается признать Батория королем. И, наконец, наиболее важное для ВКЛ и самое «тяжелое наследие» от предыдущих правителей – затянувшийся конфликт в Ливонии, где войска Ивана Грозного при поддержке ливонского короля Магнуса овладели к этому времени множеством важных замков и могли уже угрожать даже Вильно.

Данная ситуация требовала быстрых действий и решений, уже во время коронационного сейма в мае 1576 г. Стефан Баторий получает разрешение на созыв посполитого рушения, при этом король уже указывает, что одного ополчения будет недостаточно для обороны государства [5, с. 157]. В декабре 1576 г. в проекте артикулов для сейма Стефан Баторий отмечает многочисленные злодеяния, учиненные посполитым рушением в ВКЛ ранее, и то, что ополчение нанесло больше вреда чем пользы [6, с. 63].

Столкнувшись с медлительностью принятия решений о сборе войск, Стефан Баторий в начале 1577 года издает «Лист о готовности», который относился в том числе и к ВКЛ. В данном документе король отмечал излишнюю медлительность при сборе ополчения и призывал все служивые сословия быть готовыми по приказу короля явиться на службу [7, с. 75].

Позже, в письмах к виленскому воеводе Николаю Радзивиллу, Стефан Баторий указывает на тяжелое положение и необходимость скорейшего созыва поветовых сеймиков и сейма в Волковыске, где необходимо было утвердить созыв посполитого рушения, и ввести новый налог для привлечения людей служебных, отмечая, что силами только ополчения невозможно будет оказать отпор всем неприятелям [8, с. 82].

Сейм для обсуждения предложений короля собрался в Волковыске в июне 1577 г. Учитывая опасное положение в Инфлянтах и серьезную угрозу со стороны татар, послы соглашались, что организовать оборону княжества по примеру «предков наших» и силами только шляхетского ополчения будет крайне сложно. Поэтому на сейме было решено привлечь к обороне княжества «людей служебных», однако, как и ранее основным вопросом становилось их содержание, для чего принимается решение о введении нового налога и его размере для различных групп населения [9, с. 84–85].

Такие энергичные действия нового короля вызывали недоверие и сопротивление части шляхты и магнатории. Созывы поветовых сеймиков для принятия новых налогов и для утверждения состава посполитого рушения затягивались, часто под довольно незначительными предлогами соблюдения вольностей и обычаев [10, с. 83].

В письмах к виленскому воеводе Николаю Радзивиллу, Стефан Баторий упрекает шляхту в затормаживании процесса одобрения созыва посполитого рушения. Также и налоги на привлечение наемников, уже утвержденные сеймом, собирались крайне медленно, несмотря на острую нужду короля в войсках для ведения кампании против Гданьска [11, с. 92].

Подобная ситуация наблюдалась и в Короне, на сейме в Торуне в июле 1577 г., где утверждался налог на содержание наемников, король сетовал и на недостаточность посполитого решения и на медлительность в процессе утверждения и сбора налогов [5, с. 176].

Для того чтобы покрыть нужды войска и успешно вести кампанию, король прибегнул к изъятию средств с доходов собственных имений – кварталы, которые предназначались для содержания т.н. кварцаного войска на южных границах. Однако и этой суммы оказалось недостаточно. В результате, чтобы покрыть затраты на содержание войска в ходе гданьской кампании, Стефану Баторию пришлось закладывать личные средства, воспользоваться денежной помощью ближайших соратников и даже продать часть королевского серебра [12, с. 326–327].

В ВКЛ к действиям короля относились с вниманием и недоверием. Так, Николай Радзивилл в письмах к Александру Ходкевичу в целом соглашался с королем, признавая неэффективность посполитого рушения. Но при этом Радзивилл высказывал и недоверие тому, что король и польская сторона вообще смогут помочь ВКЛ и рассчитывать придется только на свои силы. Также указывал он и на то, что война против Московского княжества в Ливонии фактически ведется за счет средств Радзивиллов и их силами [13, с. 93]. Также Радзивилл высказывал недовольство и долгим обсуждением военных вопросов на сеймах, многочисленными разговорами и упреками о сохранении вольностей, при том, что положение в Инфлянтах и угроза со стороны татар оставались крайне опасными.

В следующем 1578 г. положение Стефана Батория в Речи Посполитой значительно улучшилось. В декабре 1577 г. успешно завершилась кампания против Гданьска. Король доказал эффективность своей военной политики, город Гданьск принес присягу Баторию и

обязался выплатить значительную контрибуцию (около 200000 злотых), которая позволила королю покрыть расходы, связанные с этой компанией, и давала возможность привлечь новых солдат [12, с. 197]. Достаточно успешно обстояли дела и в отношении татар и турок, с ними удалось достичь соглашения и снять угрозу набега, к тому же татары теперь собирались в набег уже на Москву.

Значительно улучшилось положение в Ливонии, к этому времени войскам ВКЛ удалось отбить несколько достаточно важных замков, а наиболее заметным успехом Стефана Батория стал переход на его сторону ливонского короля Магнуса.

Все это способствовало концентрации внимания и сил на одном противнике – Московском государстве. В марте 1578 г. на Варшавском сейме король уже достаточно уверенно заявляет о необходимости привлечения наемных войск «людей служебных», а также об организации набора пеших воинов в пределах Речи Посполитой. В итоге сейм удовлетворил требования короля и утвердил двухгодичный сбор налога на содержание войска для войны с Москвой [5, с. 191–192].

Наемная организация теперь становится основной в государстве и именно наемные отряды будут использоваться в последующих, достаточно успешных компаниях под Полоцком, Великими Луками и Псковом. Хотя небольшие отряды посполитого рушения будут продолжать использоваться и после.

При всех положительных результатах, военные реформы Стефана Батория не смогли решить многие «хронические» проблемы, характерные для войск ВКЛ и Речи Посполитой. Наиболее заметной проблемой являлось отсутствие централизованного обеспечения воинских формирований. Несмотря на предпринимаемые реформы, войска финансировались крайне нестабильно и ситуационно. Фактически для каждой военной кампании необходимо было утверждать чрезвычайные и дополнительные налоги, процесс принятия которых сеймом мог быть крайне продолжительным. Такое положение дел приводило к тому, что королю приходилось выделять собственные средства и все чаще прибегать к помощи магнатов, которые содержали подразделения за собственный счет, а позже получали от государства компенсации. Это способствовало развитию т.н. «частных армий», что в будущем сыграет еще заметную роль в политической жизни ВКЛ [14, с. 289–291; 4, с. 342].

При отсутствии централизованного налога значительные суммы приходилось тратить королю из личных средств. Начиная со своей коронации Стефан Баторий постоянно выделял собственные деньги для найма и содержания войск, особенно в кампаниях под Гданьском, Полоцком и Псковом [14, с.289–291].

Также сохранялась практика найма войск в долг, за счет средств наиболее влиятельных магнатов, ближайшего окружения короля. В привелее 1581 г. Стефан Баторий отмечает действия различных служебных чинов ВКЛ, которые не по приказу и исполняя повинность, а сами добровольно собрали и предоставили значительные воинские отряды [15, с. 342].

Следует отметить и то, что войсковые подразделения на наемной основе, по существу, были временными формированиями, которые набирались исходя из необходимости в конкретной ситуации. Естественно, в таких подразделениях было намного больше «постоянства», чем в отрядах посполитого рушения, однако считать их действительно постоянными не представляется возможным. Учитывая отсутствие централизованного финансирования, государство само было заинтересовано в непродолжительном существовании этих подразделений, особенно в мирное время. В отличие от Короны, где существовали подразделения «кварцного войска», финансируемого с королевских земель, в ВКЛ, несмотря на то, что с местных королевских имений также собиралась «кварта», подобных подразделений не существовало.

Источники и литература

1. Дельбрюк, Г. Всеобщая история военного искусства / Г. Дельбрюк – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

2. Бохан, Ю. М. Наемная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. / Ю. М. Бохан. – Мн.: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 92 с.
3. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. : манаграфія / А. М. Янушкевіч. – Мн.: Медисонт, 2007. – 356 с.
4. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. / ред. С. Л. Пташицкий. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1914. – Т. XXX : Литовская метрика. Отдел 1–2, ч. 3 : Книги Публичных Дел. Т. 1. – 538 с.
5. Volumina legum : w 9 t. / nakladem i drukiem Jozofata Ohryzki. – St. Petersburg: Przedruk zbioru praw staraniem хх. pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. – Т. II : Ab anno 1550 ad annum 1609. – 482 s.
6. List JKMści Stefana Batorego z przedłożeniem artykułów na sejm przysły // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 62–64.
7. List o hotowości na wojnu protiў Hdańsku i Tatar // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 75.
8. List Króla Stefana do Mikołaja Radziwiłła Wojewody Wileńskiego // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 82–83.
9. Pobór na obronę granic od Moskwy i Tatarów przez Stany Litewskie w Wolkowysku uchwalony // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 83–85.
10. List szlachty Województwa Braclawskiego do JKMści // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 82–83.
11. List Króla Stefana do Mikołaja Radziwiłła Wojewody Wileńskiego // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 91–93.
12. Pawiński, A. Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego 1576–1586 / A. Pawiński – Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1881. – 470 s.
13. List Krzysztofa Radziwiłła do Aleksandra Chodkiewicza // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 93
14. Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego: 1576-1586: w dwóch częściach / A. Pawiński – Warszawa: skł. gł. w Księg. Gebethnera i Wolffa, 1881. – 314 s.
15. Przywilej ruski Stefana Krola // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego / I. Polkowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1887. – S. 341–343.

УДК 94:355.486((477+470):438)«1649»:929*

С. А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СТАНИСЛАВ МИХАИЛ КРИЧЕВСКИЙ: «РУСЬКИЙ» ШЛЯХТИЧ В ПОИСКАХ ОТЕЧЕСТВА...

В статье рассмотрена общественно-политическая ситуация в Речи Посполитой на примере жизни одного из наиболее ярких представителей белорусско-украинской шляхты XVII в. – Станислава Михаила Кричевского. Личность Кричевского, его жизненный путь с одной стороны уникален, однако, с другой стороны представляет собой яркий пример типичного шляхтича Речи Посполитой православного происхождения, оказавшегося в условиях жёсткой религиозной борьбы и сопутствующих этноконфессиональных процессов перед трудным выбором будущего для себя и своих потомков на пороге столкновения цивилизаций.

Личность Станислава Кричевского очень колоритна и противоречива в оценках как отечественных, так и зарубежных историков. При упоминании имени С. Кричевского даже у не очень информированного человека сразу возникают стереотипные ассоциации с Богданом Хмельницким, экспансией казаков на территорию современной Беларуси и Лоевским сражением 1649 года. Между тем, на наш взгляд, путь С. Кричевского в казачество был очень непростым. Этот путь отражает сложную ситуацию, сложившуюся в общественных кругах русского общества ВКЛ. Ситуация, при которой поляризация господствующего класса достигла даже его низших слоев – мелкой шляхты, которой предстояло сделать выбор между, как тогда представлялось многим, «старомодной» греко-русской церковью или «прогрессивным» римским католицизмом. Причем в данном случае речь идет не столько о религиозной принадлежности, сколько о системе мировоззрения, а в более узком смысле о показателе политической лояльности, возможности продвижения по карьерной лестнице и ощущении себя полноправным «сарматом».

Предки Станислава Кричевского происходили из мелкой брестской шляхты «русского» (с точки зрения жителей изучаемой эпохи и белорусского с современной точки зрения) происхождения [1, с. 83–86]. Предки Кричевского (возможно, его отец) в русле характерного для того времени процесса конфессиональной конверсии на рубеже XVI–XVII вв. приняли католицизм, однако процесс полонизации рода, по-видимому, далеко не зашел, и религиозная конверсия не успела в полной мере отразиться на изменении этнического самосознания.

Как и многие шляхтичи, С. Кричевский видел возможность своего карьерного роста через военную службу. Точных сведений о дате рождения и о его жизни в 20-х и 30-х годах XVII века нет. По мнению В. Липинского, он участвовал в войне Речи Посполитой со Швецией 1600–1629 гг., во время которой руководил гусарской хоругвью. Однако эту версию справедливо ставит под сомнение польский историк В. Маевский. С большой долей вероятности можно предположить, что в 20-х гг. XVII века Станислав Кричевский служил в коронной армии и магнатских частях на территории коронной Украины. Вполне возможно, что осенью 1632 г. С. Кричевский участвовал в выборах польского короля и великого князя литовского Владислава IV [2, с. 533].

Первые достоверные сведения о жизни С. Кричевского относятся к концу 1630-х гг. В период с мая по август 1638 г. он уже был товарищем казацкой хоругви князя З. Чатвертинского и участвовал в подавлении восстания запорожских казаков под руководством Дмитрия Гуни. В октябре 1643 г. коронный гетман С. Конецпольский назначил С. Кричевского полковником полка реестровых казаков, дислоцированного в Чигирине. Это назначение не было случайным. Предыдущий полковник Ян Закревский был вынужден покинуть свой пост из-за большого недовольства казаков его руководством. Личность С. Кричевского, русского шляхтича по происхождению, имевшего авторитет среди казаков, а также верно служившего Речи Посполитой, вполне устраивала и рядовых казаков и коронного гетмана. В 1644 г. С. Кричевский со своим полком находился в Запорожской Сечи, где собирал сведения о расположении татарских отрядов. 30 января 1644 года чигиринский полковник участвовал в битве при Ахмате, в ходе которой татары потеряли около 4000 человек. Весной 1646 г. С. Кричевский вновь отправился из Чигирина в Запорожскую Сечь для защиты южных районов коронной Украины от татарского похода. В октябре 1647 г. С. Кричевский вместе со своим полком принял участие в походе польского войска под руководством коронного хорунжего А. Конецпольского на Крымское ханство [3].

За время службы на Украине С. Кричевский сблизился с представителями русской (в данном контексте – украинской) знати православного вероисповедания, выступавшими против конфессиональной политики правящих кругов Речи Посполитой. В частности, дружеские отношения установились с одним из его подчиненных – казацким сотником Богданом Хмельницким. Кричевский настолько сблизился с Хмельницким, что даже стал кумом будущего запорожского гетмана. В ноябре 1647 г. Б. Хмельницкий и ряд других сотников Чигиринского полка были арестованы по обвинению в подготовке антигосударственного восстания. Только благодаря заступничеству С. Кричевского, взявшего своих подчиненных на поруки, Б. Хмельницкий был освобожден из-под стражи. После бегства Б. Хмельницкого в декабре 1647 г. в Запорожскую Сечь С. Кричевский оказался в очень тяжелом положении, однако не ушел на юг и решил остаться на стороне короля. Интересно, что чигиринский полковник не утратил доверия

командования, остался на своем посту. Кстати, сам С. Кричевский, сообщив А. Конецпольскому о побеге Б. Хмельницкого, в конце декабря 1647 г. со своим отрядом двинулся на Дикое Поле на поиски беглецов. Во время этого рейда С. Кричевский взял 4 пленных, которых доставили к коронному гетману М. Потоцкому в Бар [4, с. 320].

В начале января 1648 г. по указанию коронного гетмана С. Кричевский вместе с черкасским полковником С. Вадовским был отправлен в район Запорожской Сечи для ознакомления с положением в этом опасном крае, возможно даже для переговоров с Б. Хмельницким, который к концу января уже контролировал это казацкое прогосударственное образование и вел активные переговоры с крымским ханом Ислам-Гиреем [2, с. 533]. 9 февраля 1648 г. сводный отряд реестровых казаков С. Кричевского и С. Вадовского потерпел поражение от запорожских казаков, после чего отступил к Чигирину. В середине марта 1648 г. С. Кричевский принял участие в безуспешных переговорах. В мае 1648 г. С. Кричевский вместе со своим полком участвовал в походе коронного войска на Запорожскую Сечь. 5–6 августа 1648 г., во время битвы при Желтых Водах в полку С. Кричевского вспыхнул мятеж. Когда С. Кричевский во главе нескольких сотен реестровых казаков напал на повстанческую крепость, его подчинённые подняли мятеж в стане коронного войска. Этот мятеж оказал значительное влияние на поражение королевской армии в этой битве. С. Кричевский попал в плен и стал добычей татар [5].

Пленённый С. Кричевский не был казнен и был выкуплен Б. Хмельницким за 4 тысячи талеров, после чего принял православие с именем Михаил. Можно по-разному истолковывать причины этого поступка: спасение жизни, стремление остаться в казацкой старшине, и так далее. На наш взгляд, М. Кричевский совершил конфессиональную конверсию скорее под влиянием многолетних контактов с той частью русской шляхты и «люда посполитого», которые пассивно или активно сопротивлялись религиозной конверсии в сторону католицизма и последующей полонизации. Трудно понять, особенно при отсутствии соответствующих источников, что творилось в душе М. Кричевского, когда он перешел на сторону восставших казаков, но гипотетически можно представить, что существовал определённый комплекс, связанный с религиозной конверсией предков. Если для крестьян неопиты Кричевские, вероятно, формально уже стали католиками, т.е. поляками, то для оппозиционно и даже воинственно настроенного казачества, они ещё выглядели как вероотступники. В то же время программа Б. Хмельницкого на первом этапе войны не предусматривала выхода русских земель Польши и Литвы из состава Речи Посполитой. На этом этапе запорожский гетман продвигал идею создания Русского государства в составе Польско-Литовской федерации, или самой Польши. Позднее эта идея воплотилась в Гадяцком договоре 1658 г., который заключил с Речью Посполитой ближайший соратник Б. Хмельницкого, новый запорожский гетман Иван Выговский.

По условиям этого договора на территории Украины должно было быть создано Великое княжество Русское с центром в Киеве, входившее в состав Речи Посполитой на правах третьего субъекта федерации. Во главе Великого княжества Русского должен был стоять гетман, которого избирала местная рада и утверждал король. Княжество должно было иметь свою армию, свою казну, выпускать свою монету, на территории княжества должна была упразднена Брестская церковная уния, а православная церковь получала бы равный статус с католической. Таким образом продвигалась идея автономизма, приемлемая для большинства православной и даже католической знати Речи Посполитой. Переход М. Кричевского на сторону восставших казаков не означал его измены Речи Посполитой, а демонстрировал его политическую позицию, ориентированную на близость с представителями православной знати, выступавшей против экспансии католицизма и связанной с этим поляризации общества. Сменив конфессию, М. Кричевский, говоря современным языком, фактически просто изменил свою «партийную принадлежность», подчеркнул свое происхождение от русской шляхты и дистанцировался от той части шляхты Речи Посполитой, которая в этот период уже пыталась вывести свои корни от Палемона.

После своего крещения М. Кричевский был назначен киевским полковником и в первую фазу казацко-крестьянской войны находился преимущественно рядом с Б. Хмельницким, будучи одним из главных советников запорожского гетмана. М. Кричевский часто выполнял

дипломатические поручения казацкого предводителя, принимал активное участие в боях с коронным войском. Участвовал в Пилявицком сражении, походе Б. Хмельницкого в Западную Украину, осаде Замостья. Однако наибольшую известность он приобрел после сражения с армией ВКЛ под Лоевом летом 1649 года.

Весной 1649 г. запорожский гетман направил в ВКЛ большой казацкий загон под предводительством И. Голоты. Поражение этого отряда в битве под Загальем в июне 1649 г. было неожиданным и тяжелым ударом для Б. Хмельницкого, а возможное наступление армии ВКЛ на Киев поставило главные силы украинского казацкого войска, которое направлялось на Збараж, в крайне сложную ситуацию. Одной из наиболее значимых задач для Б. Хмельницкого было сдерживание великокняжеской армии на своей территории и развертывание новой волны повстанческого движения в ВКЛ. Эти обстоятельства заставили руководителя казацкой Украины принять действенные меры, чтобы не допустить захода шляхетской армии в тыл казацкому войску.

Для этого к переправам через Днепр в районе Лоева были подведены отдельные силы Черниговского полка под руководством С. Подобайлы [6, с. 100]. В начале июля казаки обосновались у слияния Днепра и Сожа, построив здесь хорошо укрепленный лагерь [7, с. 46]. На помощь Черниговскому полку Хмельницкий направил в начале июля в Беларусь 10-тысячную армию во главе с М. Кричевским [8, л. 249]. 8 июля армия Кричевского подошла к Чернобылю, где к ней присоединились Чернобыльский полк М. Панкевича (7 хоругвей общей численностью около 2 тыс. человек), Овручский полк И. Бруяки (3000 конных и 500 пехоты) и Брагинский полк Г. Голоты (1,5 тыс. кавалерии и 500 пеших казаков) [8, л. 249]. Общая численность армии М. Кричевского составляла около 15–20 тыс. человек.

Тем временем 2 июля литовский польный гетман Януш Радзивилл прибыл со своим войском в Речицу. 18 июля армия ВКЛ двинулась в направлении Лоева, а в Речице был оставлен небольшой гарнизон во главе с майором Шварцехом [9, с. 437]. Для контроля за переправой через Припять в районе Бабич туда заранее была отправлена хоругвь легкой конницы во главе с капитаном Лозецким [10, с. 48]. 22 июля войско Я. Радзивилла, двигавшееся вдоль берега, подошло к Лоеву и расположилось в урочище в трех верстах от города. 18 июля, когда Я. Радзивилл двинулся на Лоев, М. Кричевский направил Овручский полк к Бабичам (ныне деревня Барбаров Ельского района). Своим маневром М. Кричевский преградил возможный путь войску ВКЛ на помощь осажденному коронному войску под Збаражем, а полк С. Подобайлы под Лоевом преградил литовскому войску дорогу на Киев.

В последние дни второй декады июля М. Кричевский получил письмо Б. Хмельницкого от 14 июля, в котором запорожский гетман, находясь под Збаражем и не имея возможности оказать действенную помощь, обещал в будущем прислать на помощь татар, а перед их приближением искренне просил М. Кричевского «начать мужественно» [3, с. 291; 8, л. 249 об.]. Вечером 26 июля М. Кричевский со своим войском незаметно подошел к Речице и расположился в версте от города [8, л. 249]. В ночь на 27 июля наказной гетман осмотрел городские укрепления, после чего было принято решение отойти от Речицы в сторону Лоева [10, с. 56]. Сейчас трудно выяснить истинные причины маневра Кричевского, представляется убедительным, что отказ Кричевского штурмовать Речицу и решение направить свою армию на Лоев было оперативным решением, связанным с изменением ситуации. Именно такую мотивировку решения предлагает современник событий Ю. Г. Шледер [11, с. 27]. Суть изменения обстановки заключалась в том, что М. Кричевский после форсирования Припяти уже знал, где находятся главные силы шляхетского войска. Целью похода на Речицу была ликвидация базы войска ВКЛ, тем самым шляхетские силы были бы отрезаны от внутренних поветов Великого княжества. Однако около Речицы М. Кричевский узнал об ослаблении армии Я. Радзивилла под Лоевым из-за отправки в разные стороны отрядов С. Комаровского и А. Павловича общей численностью около 2 тыс. человек [8, л. 249]. Эти известия изменили планы М. Кричевского, он решил немедленно двинуться к Лоеву и использовать удобный момент для разгрома главных сил шляхетской армии.

Военный опыт М. Кричевского позволил ему уклоняться от разъездов армии, в результате казаки незаметно обошли Лоев и приблизились к шляхетскому лагерю [7, с. 47]. На рассвете 31 июля была созвана казацкая старшина, на которой возникли разногласия по поводу

необходимости штурма литовского лагеря без соответствующей подготовки. Старшина указывала наказному гетману на ослабление сил казаков после многокилометрового перехода, на превосходство армии ВКЛ в артиллерии, М. Кричевский не сумел убедить старшину в необходимости стремительного наступления, было принято решение атаковать лагерь в Лоеве в ночь с 31 июля на 1 августа после соответствующей подготовки [8, л. 249; 9, с. 61].

Однако утром 31 июля один из казацких отрядов вступил в бой с литовскими фуражирами, которые успели предупредить Я. Радзивила, что «противника видели за полторы версты» [11, с. 27; 2, с. 359]. М. Кричевский утратил элемент внезапности, однако, достоверно зная, что часть армии ВКЛ еще не вернулась в лагерь, решил действовать немедленно, вопреки решению, принятому на совещании со старшиной. Был отдан приказ атаковать шляхетский лагерь кавалерийскими силами с ходу, без поддержки своей пехоты и артиллерии, а также без помощи полка С. Подобайло, находившегося на левобережье Днепра. М. Кричевский, вероятно, надеялся, что Подобайло сумеет разобраться в ситуации и оперативно вступит в бой, но, как показал ход боя, надежды наказного гетмана на фактор внезапности оказались напрасными [3, с. 359].

На первом этапе боя конница М. Кричевского атаковала лагерь армии ВКЛ, однако шляхетская армия смогла сдержать штурм, а затем предприняла контратаку, в результате которой конные казаки были оттеснены в лес. На этом этапе сражения преимущество армии ВКЛ было связано с двумя факторами. Прежде всего, это своевременное возвращение кавалерийского отряда С. Комаровского из-под Брагина и его взвешенная оценка обстановки, в результате чего его отряд нанес совершенно неожиданный удар с тыла по левому крылу казаков. Армия М. Кричевского была разорвана на две части, его левое крыло было окружено. Во-вторых, отсутствие поддержки казаков М. Кричевского как со стороны его собственной пехоты, не имевшей времени для подхода к месту боя, так и со стороны С. Подобайло, который поздно сориентировался в обстановке и вовремя не поддержал атаку наказного гетмана [7, с. 47; 11, с. 27; 3, с. 359]. На втором этапе боя кавалерия М. Кричевского была блокирована в лесу. Это позволило шляхетским силам отразить попытку форсирования Днепра казаками Подобайло. Значительная часть казаков погибла под шквальным огнем литовских воинов [3, с. 360; 11, с. 28]. На третьем этапе Я. Радзивилл, продолжая блокировать закрепившихся в лесу казаков Кричевского, направил против его пехоты значительные силы под предводительством Р. Мирского. Казацкая пехота, которая только подходила к месту боя, оказалась беззащитной против кавалерии ВКЛ. В четверти версты от лагеря М. Кричевского отряд Р. Мирского атаковал казачью пехоту и в течение получаса разгромил ее [3, с. 360; 11, с. 28].

Четвертый этап сражения характеризуется безуспешными попытками М. Кричевского прорвать блокаду своего лагеря и соединиться с пехотой, а после ее разгрома – последующими атаками армии ВКЛ казачьего стана. Казаки, построив укрепления из трупов людей и лошадей, оказали серьезное сопротивление. В ночь с 31 июля на 1 августа казаки тайно покинули свой лагерь через леса и болота, оставив тяжелораненых, среди которых был и М. Кричевский. Через два дня командующий гетман умер в плену. Интересно, что, когда перед смертью ему предложили исповедоваться православному священнику, он отказался. Он также дал отрицательный ответ на предложение исповедаться католическому священнику. Это обстоятельство в известной степени символизирует отношение самого Кричевского к религии и еще раз повторяет характерную для Речи Посполитой XVII века формулу: католики – поляки, люди «веры греческой», вне зависимости от принадлежности к «униатам» либо «дизунитам» – русские. Личность Кричевского, его жизненный путь с одной стороны уникален, однако, с другой стороны представляет собой яркий пример типичного шляхтича Речи Посполитой православного происхождения, оказавшегося в условиях жёсткой религиозной борьбы и сопутствующих этноконфессиональных процессов перед трудным выбором будущего для себя и своих потомков на пороге столкновения цивилизаций.

Источники и литература

1. Чаропка, С. А. Літва і Русь вачыма жыхароў ВКЛ XVII ст. / С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2018. – №4 (109). – С. 81–86.

2. Majewski, W. Krzyczewski Stanisław (Michał)/ W. Majewski // Polski słownik biograficzny. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Wyd-wo PAN, 1970. – Т. XV. – S. 553–554.
3. Lipiński, W. Stanisław Michał Krzyczewski. Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańczych pod wodzą Bohdana Chmelnickiego/ W. Lipiński. – Kraków, 1912. – VIII, 375 s.
4. Лях, С. Р. Кричевський Михайло Станислав / С. Р. Лях // Українське козацтво: Мала енциклопедія. – 2-е вид., доп. и перероб. – Київ, 2006. – С. 320–321.
5. Історія України: нове бачення : у 2 т. / О. І. Гуржій, Я. Д. Ісаєвич, М. Ф. Котляр [та інш.]; редкол. В. А. Смолій (гол. ред.) [та інш.]. – Київ: Вид-во “Україна”, 1995. – Т. 1. – 350 с.
6. Шевальє, П. Історія війни козаків проти Польщі. З розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар / П. Шевальє/ пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.
7. Кислюк, О. Польський хроніст Самуель Грондський і його опис Лоевської битви 1649 р./ О. Кислюк // Гісторыя Лоеўскай зямлі. Факты. Каментарыі. Матэрыялы міжнарод. навук.-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю ўтварэння г. п. Лоеў (Лоеў, 20 кастр. 2005 г.) / Рэд. кал. С. А. Чаропка (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 43–48.
8. Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В. С. Стэфаніка (ЛНБ). – Ф. Асалінскіх – Спр. 225/П. – Арк. 249–250. – Канфесата допыту казакоў Неўмярыцкага і Трухамоўкі.
9. Дневник Богуслава Машкевича. 1643–1649 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси: вып. II. (первая половина XVII ст.); под ред. В. Антоновича. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1896. – С. 406–438.
10. Переяславський, О. Лоїв / О. Переяславський. – Каліш: б.в., 1935. – 95 с.
11. Уривки з німецької хроніки «Театр Європи» // Сіверянський літопис. – 1999. – № 2. – С. 24–31.

УДК 271.4-2«17»:929*Ф.Грабніцкі

С. Ф. Веремееў
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

ЖЫЦЦЁВЫ ШЛЯХ І ДЗЕЙНАСЦЬ МІТРАПАЛІТА ФЛАРЫЯНА ГРАБНІЦКАГА

У артыкуле зроблена спроба навуковай рэканструкцыі біяграфіі ўніяцкага царкоўнага дзеяча XVIII ст., полацкага архіепіскапа, а потым кіеўскага мітрапаліта Фларыяна Грабніцкага. Вылучаны асноўныя кірункі яго дзейнасці на Полацкай кафедры і на чале Кіеўскай мітраполіі: процідзеянне рэлігійным канверсіям на лацінскі абрад, намаганні па пашырэнні ўніі, спробы вырашэння праблемы адукацыі святароў і інш. Адзначана роля Грабніцкага ў распаўсюджванні стылю віленскага ці ўніяцкага барока на беларускіх землях.

Гісторыя ўніяцкай царквы на беларускіх землях у XVIII ст. слаба вывучана ў сучаснай айчынай гістарыяграфіі. Сярод іншага, малавядомай застаецца асоба ўніяцкага царкоўнага дзеяча Фларыяна Грабніцкага, які на працягу больш чым 40 гадоў узначальваў Полацкую архіепархію, якая фактычна ахоплівала амаль усе беларускія землі, а таксама 14 гадоў быў першаіерархам усёй Рускай уніяцкай царквы. Звесткі аб ім, змешчаныя ў энцыклапедычных выданнях, лапідарны. Больш інфармацыі можна знайсці ў навуковых працах украінскіх даследчыкаў. У дадзеным артыкуле мы зрабілі спробу рэканструяваць біяграфію мітрапаліта і адначасова засяродзіць увагу на найбольш важных момантах, звязаных з яго дзейнасцю на

чале ўніяцкіх Полацкай архіепархіі і Рускай уніяцкай царквы, абапіраючыся на даступныя для вывучэння крыніцы і навуковую літаратуру, у тым ліку найноўшую.

Францішак Грабніцкі нарадзіўся на тэрыторыі Полацкага ваяводства ў шляхецкай сям’і гербу *Ostoja* [1, с. 353]. Дата яго нараджэння дакладна невядомая. У больш ранніх навуковых працах называецца 1683 г. [2, с. 97; 3, с. 192], але беларускі гісторык Д. Лісейчыкаў на падставе спіса вучняў манастыра ў мястэчку Жыровічы 1704 г., дзе ўзрост Грабніцкага пазначаны як 23 гады, лічыць, што будучы мітрапаліт нарадзіўся ў 1681 г. [4, с. 101]. Яго бацька Міхаіл-Казімір з’яўляўся полацкім скарбнікам, а пазней пісарам Полацкага гродскага суда, маці была дачкой судзі Аршанскага гродскага суда Лукомскага. Каля 1698–1699 гг., у адносна раннім узросце (16–18 гадоў) Францішак уступіў у базыльянскі манастыр у мястэчку Быцень Слонімскага павета, дзе, верагодна, у хуткім часе склаў манаскія шлюбны з імем Фларыян. Потым Грабніцкі вучыўся філасофію ў базыльянскім манастыры ў Жыровічах, пасля чаго працягнуў вучобу ў Папскім альямнаце (Папскай калегіі) у Вільні, дзе 7 лютага 1707 г. стаў магістрам філасофіі, а праз некаторы час – 6 ліпеня 1710 г. атрымаў ступень доктара тэалогіі (багаслоўя) [2, с. 97–98; 4, с. 101]. А. П. Сапуноў без спасылак на крыніцы пісаў, што Ф. Грабніцкі перад Вільняй вучыўся яшчэ і ў так званым Рускім калегіуме ў Львове [1, с. 355], аднак найноўшыя даследаванні не пацвярджаюць гэта. Невядома таксама, калі ён прыняў сан святара.

Пасля вучобы ў Вільні Грабніцкі на працягу дзвух гадоў выкладаў філасофію ў манастыры базыльянаў ў Жыровічах, затым быў прапаведнікам у Полацку. Прызначэнне на пасаду царкоўнага прапаведніка, трэба меркаваць, сведчыла аб таленце і аратарскіх здольнасцях маладога манаха. Біёграфы адзначаюць таксама пабожнасць Грабніцкага [2, с. 98]. Таму невыпадкова, што менавіта ён заняў пасаду настояцеля аднаго з галоўных уніяцкіх манастыроў ВКЛ – манастыра Св. Тройцы ў Вільні, які ўзначальваў на працягу 1715–1718 гг. [2, с. 97–98; 4, с. 101; 5, с. 315].

Неўзабаве ён быў прызначаны епіскапам Віцебскім і, адначасова, намеснікам (вікарыем) полацкага архіепіскапа Сільвестра Пешкевіча. Епіскапская хіратонія Фларыяна Грабніцкага адбылася 14 сакавіка 1716 г. Сільвестр Пешкевіч неўзабаве памёр, і ў 1717 г. [2, с. 98], а па іншых дадзеных – у 1719 г. [3, с. 111, 193]. Грабніцкі зрабіўся архіепіскапам Полацкім, узначаліўшы такім чынам другую, пасля Кіева-Віленскай, найбуйнейшую епархію ў складзе Кіеўскай мітраполіі (Рускай уніяцкай царквы). На чале Полацкай кафедры ён знаходзіўся на працягу больш чым 40 гадоў, і гэты перыяд, на думку даследчыкаў, стаў “залатым векам” архіепархіі. У юрысдыкцыю ўніяцкага ўладыкі перайшлі некаторыя праваслаўныя парафіі (каля 20) і мужчынскі манастыр, таксама было заснавана 18 новых парафій [2, с. 99; 3, с. 111, 177–180, 194].

Як полацкі архіерэй Грабніцкі прымаў удзел у 1720 г. у Замойскім сінодзе Рускай уніяцкай царквы і падпісаў яго рашэнні чацвёртым па спісе. У постсінадальны перыяд ён займаўся рэалізацыяй прынятых у Замосці рашэнняў, у прыватнасці, рэформай жаночых манастыроў, якія да таго часу дзейнічалі згодна са звычайным правам [2, с. 98].

Фларыян Грабніцкі на чале Полацкай кафедры займаўся таксама пытаннямі царкоўнай маёмасці. Яго дзейнасць у гэтым кірунку прывяла да канфлікту з мясцовымі езуітамі. Справа ў тым, што яшчэ ў 1583 г. кароль Стэфан Баторый перадаў Полацкаму езуіцкаму калегіуму ўсе маёнткі праваслаўных манастыроў і цэркваў Полацка на той падставе, што яны яшчэ раней былі ахвяраваныя вялікімі князямі літоўскімі Усходняй царкве “дзеля хвалы Божай”, аднак з цягам часу апынуліся ў руках свецкіх асобаў і ў рэшце рэшт зноў перайшлі ў распараджэнне манарха [6]. У нейкім сэнсе гэтае рашэнне Баторыя парушала прынцып неатчужальнасці фондушаў (ахвяраванняў) царкве, чым, відаць, і скарыстаўся Грабніцкі. Спраба ўладыкі вярнуць былую маёмасць прывяла да судавага працэсу з езуітамі, першы раунд якога на ўзроўні Рэчы Паспалітай скончыўся перамогай Грабніцкага. Аднак езуіты не пагадзіліся з гэтым і справа была перададзена ў Рым дзеля канчатковага яе вырашэння (*Roma locuta, causa finita*), куды асабіста паехаў і полацкі архіепіскап [2, с. 98]. Вялікія намаганні Грабніцкага

вырашыць гэтае пытанне на сваю карысць тлумачацца яго клопатам аб матэрыяльным забеспячэнні яго архіепархіі, цэркваў і манастыроў.

У Рыме ўладка знаходзіўся на працягу 1727–1730 гг. (па іншых дадзеных – да 1731 г.), пакуль разглядалася справа аб царкоўнай маёмасці, якая скончылася замірэннем абодвух бакоў [1, с. 355; 3, с. 195]. Падчас свайго знаходжання ў Вечным горадзе Грабніцкі пазнаёміўся і ўсталяваў сяброўскія адносіны з кардыналам Ларэнца Ламберціні, які ў будучым – у жніўні 1740 г. стаў Папай Бенэдыктам XIV і ў тым жа годзе надаў Грабніцкаму ганаровы тытул асістэнта Папскага пасаду [2, с. 98].

Між тым, у гэты самы час захварэў мітрапаліт Кіеўскі, Галіцкі і ўсёй Русі Леў Кішка, які ўзначальваў Рускую ўніяцкую царкву з 1714 г. Сваім пераемнікам ён бачыў менавіта Грабніцкага, але іроніяй лёсу таго не было ў Рэчы Паспалітай. У такой сітуацыі Леў Кішка зрабіў выбар на карысць львоўскага епіскапа Афанасія Шэптыцкага, прызначыўшы яго сваім намеснікам (каад’ютарам) з правам атрымання ў спадчыну Кіеўскай мітраполіі. У лістападзе 1728 г. Кішка памёр і Афанасій Шэптыцкі стаў наступным мітрапалітам Кіеўскім, Галіцкім і ўсёй Русі. Ён з’яўляўся адным з самых выдатных іерархаў Рускай уніяцкай царквы, які, як дарэчы і Грабніцкі, малавядомы ў беларускім навуковым і грамадскім асяроддзі. Афанасій Шэптыцкі ўзначальваў Кіеўскую мітраполію да 1746 г. і памёр, не прызначыўшы свайго пераемніка. Гэтым паспрабаваў скарыстацца тагачасны кароль польскі і вялікі князь літоўскі Аўгуст III, які хацеў аднавіць старажытнае права каралеўскай намінацыі (прызначэння) кіеўскіх мітрапалітаў, якое існавала да Берасцейскай уніі. Кароль уласным рашэннем у 1747 г. паставіў на чале Рускай уніяцкай царквы луцкага епіскапа Феадосія Рудніцкага. Аднак дзеянне манарха выклікала супраціў з боку ўніяцкай духоўнай іерархіі і базільянаў, для якіх было непрымальным як іх адхіленне ад выбараў мітрапаліта, так і кандыдатура самога Ф. Рудніцкага, якога падазравалі ў патаемных сімпатыях да праваслаўных (дызунітаў). Уніяцкія епіскапы і базільяне ў адстойванні сваіх пазіцый абапіраліся на падтрымку Рыма ў асобе Апостальскага нунцыя і некаторых лацінскіх біскупаў Рэчы Паспалітай. Супрацьстаянне працягвалася амаль тры гады (у гэты перыяд мітрапалітальны пасады быў вакантным) і скончылася перамогай уніяцкага боку. Кароль быў вымушаны пайсці на саступкі: Рудніцкі адмовіўся ад Кіеўскай кафедры, а новым мітрапалітам напрыканцы 1748 г. быў абраны Фларыян Грабніцкі. З яго кандыдатурай пагадзіўся манарх, а 16 снежня 1748 г. яе зацвердзіў Папа Бенэдыкт XIV. На той момант Ф. Грабніцкі з’яўляўся старэйшым сярод епіскапату (яму было прыкладна 65 гадоў), меў праблемы са здароўем, і таму іншыя ўладыкі меркавалі, што ён не будзе доўга займаць кіеўскі пасады [2, с. 99; 3, с. 197–198]. Аднак у сваіх разліках яны памыліліся: Грабніцкі ўзначальваў Рускую ўніяцкую царкву на працягу 14 гадоў. Стаўшы мітрапалітам ён адначасова захаваў за сабой Полацкую архіепархію, што было абумоўлена, як уяўляецца, неабходнасцю атрымання фінансавых сродкаў для нармальнага функцыянавання арганізацыйных структур мітраполіі і дзейнасці самога першаіерарха. Полацк, дзе працягваў жыць Грабніцкі, па сутнасці, стаў цэнтрам Рускай уніяцкай царквы, якая ахоплівала вялізныя абшары Рэчы Паспалітай [3, с. 200]. Сталіца мітраполіі – Кіеў, такую ролю выконваць не мог. Нагадаем, што ў той час Кіеў знаходзілася ў складзе Расіі і ў юрысдыкцыі маскоўскага праваслаўнага патрыярха, таму Грабніцкі не меў магчымасці нават фізічна наведаць гэты горад.

Мітрапаліт Фларыян імкнуўся пашырыць унію на беларускіх землях за кошт праваслаўнай царквы. У 1754 г. памёр магілёўскі праваслаўны епіскап Еранім Ваўчанскі, і Грабніцкі процідзейнічаў прызначэнню яго пераемніка, што адкрывала перспектывы далучэння Магілёўскай праваслаўнай епархіі да Рускай уніяцкай царквы. Але пад ціскам Расіі Аўгуст III у маі 1755 г. зацвердзіў новым магілёўскім праваслаўным епіскапам Георгія Каніскага [2, с. 100], аднаго з самых заўзятых праціўнікаў уніі.

Адным з галоўных кірункаў дзейнасці мітрапаліта Фларыяна было процідзеянне пераходам вернікаў “грэцкай рэлігіі” на лацінскі абрад, якія дэ-факта адбываліся ў Кіеўскай мітраполіі. У сувязі з гэтым Грабніцкі напісаў шмат пратэстаў да караля і ў Рым з заклікам забараніць рымска-каталіцкім святарам і біскупам далучаць усходніх хрысціянаў да сваёй

паствы. Больш таго, у 1751 г. ён звярнуўся да Апостальскага Пасаду з прапановай, каб усе вернікі-уніяты, якія прынялі лацінскі абрад на працягу апошніх 20 гадоў (г.зн. прыблізна з 1731 г.), зноў вярнуліся да свайго аўтэнтчнага ўсходняга (візантыйскага) абраду. У 1753 г. мітрапаліт склікаў нараду ўніяцкіх епіскапаў у Вільні, на якой абмяркоўвалася праблема канверсій на лацінскі абрад. Было вырашана сістэматызаваць усе аргументы, якія вылучалі рымска-каталікі для абгрунтавання магчымасці гэтых канверсій і прадставіць на кожны з іх свае контраргументы. Падрыхтаваныя высновы былі прадстаўлены каралю, а таксама накіраваны ў Рым. Разам з гэтым мітрапаліт накіраваў да Апостальскага Пасаду свайго прадстаўніка А. Якубінскага дзеля адстойвання інтарэсаў Кіеўскай мітраполіі перад рымска-каталікамі [2, с. 99–100].

У адказ на гэтыя ініцыятывы Папа Бенэдыкт XIV 18 сакавіка 1755 г. у сваім лісце адзначаў, што Рымскі Апостальскі Пасад жадае, каб усходнія хрысціяне заставаліся ў сваім абрадзе і захоўвалі яго ў чысціні. У тым жа 1755 г. Бенэдыкт XIV выдаў канстытуцыю “Allatae sunt” для каталіцкіх місіянераў на Усходзе, у якой забараняў канверсіі на лацінскі абрад і падкрэсліваў, што ён выступае не за адзіны абрад для ўсіх вернікаў, але за адзінства ўсіх хрысціян у адной царкве [3, с. 204].

Што датычыцца дзяржаўных улад Рэчы Паспалітай, то яны не хацелі забараняць пераходы ў Лацінскую царкву, аднак зрабілі пэўную саступку ўніяцкаму боку – забаранілі шляхце ў іх маёнтках прымусова павяртаць сялян да лацінскага абраду. Гэтае палітычнае рашэнне не задавальняла мітрапаліта Грабніцкага, ён працягваў барацьбу і спадзяваўся дасягнуць мэты іншым шляхам. У 1761 г. на нарадзе епіскапаў было вырашана перадаць каралю 127 тысяч гульдэнаў дзеля таго, каб ён афіцыйна забараніў канверсіі. Верагодна, Аўгуст III быў гатовы прыняць станоўчае рашэнне, аб чым ён запэўніваў Папу Клімента XIII, аднак смерць мітрапаліта Грабніцкага ў 1762 г. і караля ў 1763 г. не дазволілі рэалізаваць запанаванае [3, с. 204–205]. Захады мітрапаліта па ўтрыманні вернікаў ва Усходняй царкве і процідзеянню іх пераходам у царкву Лацінскую, былі абумоўлены, на наш погляд, душпастырскай адказнасцю і імкненнем захаваць сваю паству, яе ўсходнехрысціянскую ідэнтычнасць.

Яшчэ адзін кірунак дзейнасці Грабніцкага на чале Рускай уніяцкай царквы – абарона правоў вернікаў-уніятаў у Смаленскай епархіі, тэрыторыя якой апынулася ў складзе Расійскай дзяржавы. Магчыма, у яе межах нават праз паўтара стагоддзя – у часы Грабніцкага заставалася пэўная колькасць уніятаў ці прыхільнікаў ідэі ўніі (гэтае пытанне патрабуе спецыяльнага даследавання), і мітрапаліт уздымаў пытанне аб рэлігійнай свабодзе для іх. Хаця яго намаганні былі марнымі, але, на думку даследчыкаў, паслабілі ўмяшанне Расіі ў рэлігійныя справы ўнутры самой Рэчы Паспалітай [2, с. 100].

Перад Кіеўскай мітраполіяй у часы Фларыяна Грабніцкага стаяла праблема павышэння адукацыйнага ўзроўню духавенства, на неабходнасць чаго звяртаў увагу яшчэ Замойскі сінод 1720 г. Добра разумеў гэтую праблему і сам Грабніцкі. Яшчэ ў 1738 г. ён звяртаўся да Рыму з просьбай аб дазvole навучання будучых уніяцкіх святароў пры Полацкім езуіцкім калегіуме [7, с. 202]. Ужо як мітрапаліт, пасля візітацыі мітраполіі, у сваіх лістах да Апостальскага Пасаду ад 1752 г. ён падкрэсліваў патрэбу у адукаваных святарах для парафій [7, с. 209]. У 1753 г. на кангрэгацыі дэканаў у Навагрудку было вырашана стварыць у кожным дэканате трохгадовыя школы для навучання святарскіх дзяцей чытанню, пісьму, царкоўным спевам і парадку набажэнстваў. З 1754 па 1770 гг. было адчынена 7 такіх школ: у Бабруйску, Новым Бярозаве, Скідзеле, Стаўбцах, Маладзечна, Дукоры, Глуску. Яны, па сутнасці, давалі пачатковую адукацыю і іх ролю не трэба недаацэньваць, але ж, безумоўна, іх стварэнне не вырашала адукацыйнай праблемы [8, с. 50].

Пасля звароту Грабніцкага да Рыму Бенэдыкт XIV 5 красавіка 1753 г. булай «Commendatissimum studium» перадаў Папскі алуменат у Вільні базыльянам, абавязаўшы іх пры гэтым штогод прымаць на вучобу сыноў белага духавенства [9, с. 664]. Папа падкрэсліваў, што яго рашэнне накіравана на ўзвышэнне адукацыйнага ўзроўню святароў. Выпускнікі алумената павінны былі займаць вышэйшыя пасады ў царкве, у тым ліку

епіскапскія кафедры. У алюмнаце налічвалася 20 месцаў, 16 з якіх перадавалася беламу духавенству, 4 – базыльянам. Тэрмін навучання складаў 7 гадоў, сама навучальная ўстанова функцыянавала, галоўным чынам, за кошт фінансавання з Рыма [8, с. 51]. Адзначым таксама, што Грабніцкі за ўласны кошт утрымліваў двух навучэнцаў у Грэцкай калегіі ў Рыме [2, с. 98].

Падчас мітрапаліцтва Грабніцкага, на думку даследчыкаў, канчаткова скончыўся доўгі перыяд рэфармавання манаства, распачаты яшчэ Замойскім сінодам 1720 г., былі ўпарадкаваны ўзаемаадносіны паміж першаіерархам і супольнасцю базыльянаў. Увогуле, перыяд 1743–1772 гг. у гістарыяграфіі вызначаецца як “залаты перыяд” гісторыі Ордэну базыльянаў, калі Ордэн дасягнуў найвышэйшага развіцця, а манахі адрозніваліся высокім духоўным і інтэлектуальным узроўнем [10, с. 214–215]. Нам невядомыя факты супрацьстаяння паміж Грабніцкім і айцамі-базыльянамі, што было ўласціва некаторым яго папярэднікам, напрыклад, мітрапаліту Льву Кішкі.

Неабходна адзначыць таксама важную ролю мітрапаліта Фларыяна ў распаўсюджванні стылю так званага віленскага ці ўніяцкага барока на тэрыторыі Беларусі і Віленшчыны і развіцці храмавай архітэктуры. За яго ўласны кошт былі адноўлены і перабудаваны кафедральны храм Св. Сафіі ў Полацку (Грабніцкі таксама запрасіў дзеля адраджэння гэтага храма выдатнага архітэктара Я. К. Глаўбіца) і царква св. Мікалая ў Вільні. Падчас мітрапаліцтва Грабніцкага былі ўзведзены такія архітэктурныя шэдэўры, як Петрапаўлаўская царква ў Беразвеччы, якую называюць вяршыняй віленскага барока (1756–1763 гг.; канчаткова зруйнавана ў 1960-я гг.), царква ў Барунах (1747–1757 гг.; захавалася да сённяшняга часу), ён прыкладаў намаганні па будаўніцтву царквы ў Невелі [11; 12, с. 111–112]. Існуе паданне, згодна якому па волі ўладыкі Фларыяна ў 1670-я гг. быў узведзены храм св. Ануфрыя ў вёсцы Обаль-Ануфрыеўская (цяпер гарадскі пасёлак Обаль Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці) [13]. У Полацку, на тэрыторыі Верхняга замку па яго распараджэнню ўзвялі каменны трохпавярховы корпус для манахаў-базыльянаў [1, с. 357]. Я. К. Глаўбіц у 1748–1749 гг. спраектаваў і пабудаваў двухпавярховы палац мітрапаліта ў Струні каля Полацка [14] (цяпер вёска Струньне Полацкага раёну Віцебскай вобласці), які, нажаль, не захаваўся.

З цягам часу стан здароўя Грабніцкага пагаршаўся. У 1755 г. са згоды Рыма намеснікам (каад’ютарам) мітрапаліта з правам атрымання ў спадчыну мітраполіі быў прызначаны холмскі епіскап Піліп Валадковіч. У наступным 1756 г. Валадковіч быў пераведзены на Уладзіміра-Берасцейскую епархію, а таксама атрымаў права кантролю над той часткай вялізарнай мітрапалітальнай Кіева-Віленскай архіепархіі, якая ахоплівала ўкраінскія землі [3, с. 200].

Фларыян Грабніцкі памёр у глыбокай старасці ў рэзідэнцыі полацкіх архіепіскапаў у Струні 18 ліпеня 1762 г. і быў пахаваны ў нішы знакамітага полацкага храма Св. Сафіі. У 1912 г. яго пахаванне было знойдзена падчас рамонта царквы [1, с. 354], аднак далейшы лёс яго астанкаў нам невядомы.

Крыніцы і літаратура

1. Полоцко-Витебская старина. Вып. II. – Витебскъ: Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1912 г. – 412 с.
2. Назарко, І. Київскі і Галицькі Митрополити. Біографічні нарисы (1590–1960) / І. Назарко. – Рим: ОО. Василіяни, 1962. – 272 с.
3. Великий, А. Г. З літопису Хрысціянскай Украіны / А. Г. Великий. – Рим: Видавництво ОО Василіян, 1973. – 286 с.
4. Лісейчыкаў, Д. Удзельнікі Замойскага сабору з Вялікага княства Літоўскага / Д. Лісейчыкаў // *Dziennik Synodu Zamojskiego 1720–2020. Wyzwania i perspektywy* / Redakcja naukowa Pr. Nowakowski С. М. – Kraków, 2021. – С. 95–110
5. Ремиссійное определение по делу между Виленскими униатами и дисунитами о праве на занятие цеховых должностей в Виленских цехах // *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією. Т. IX.* – Вильна, 1878. – С. 314–320.

6. Грамота королевская Дисненскому подстаросте пану Островскому // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т 3 : 1544–1587. – Санкт-Петербург, 1848. – С. 277–278.
7. Островський, Р. Проблема виховання і формації греко-католицького духовенства після Замоїського синоду / Р. Островський // *Dzielnictwo Synodu Zamojskiego 1720–2020. Wyzwania i perspektywy* / Redakcja naukowa Pr. Nowakowski C. M. – Krakow, 2021. – С. 195–218.
8. Мосейчук, Л. И. Теологическое образование приходского униатского духовенства на белорусских землях в 1743–1839 гг.: дисс....канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. И. Мосейчук. – Минск, 2018. – 194 с.
9. *Commendatissimum studium* // Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. – Т. 16. – Вильно, 1889. – С. 664–665
10. Патрило, І. Нарис історії Нарис історії Василян / І. Патрило // Василянського Чину Святого Йосафата. – Рим: Видавництво ОО Василян, 1992. – С. 183–278
11. Морозова, С. В. Виленское барокко / С. В. Морозова. Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/98/1/3/18. – Дата доступа: 22.09.2021.
12. Сапунов, А. П. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века / А. П. Сапунов. – Витебск: В типографии Губернского правления, 1889. – 170 с.
13. Они прославили наш край. Режим доступа: <http://shumilino.vitebsk-region.gov.by>. – Дата доступа: 21.09.2021.
14. Глаўбіц Іаган Крыштоф // Вялікае Княства Літоўскае: энцыкл. : у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 1. – С. 534.

УДК 94:322(470:476)«18/19»

Л. П. Никитенкова
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается религиозный аспект в политике российского самодержавия на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX вв. Отмечена на основе высказываний евразийцев значимая роль православия в духовной жизни общества. Показаны разнонаправленные мнения властьдержавшей элиты на политику в западных губерниях с учетом этноконфессиональной принадлежности. Показаны послабления со стороны государства относительно старообрядцев, компактно проживавших в восточно-белорусских губерниях. Отмечены те шаги правительства начала XX в., которые свидетельствовали о создании более свободных условий для деятельности различных конфессий.

Национально-государственные интересы Республики Беларусь выстраивались и выстраиваются сегодня, независимо от геополитической ситуации, на основе концепции межцивилизационного диалога в целях использования достижений практики мирового общественного строительства. Глобализационные процессы не умаляют значимости особенностей нации, необходимости изучения своеобразия исторического пути развития народа. Понимание собственного прошлого, адекватная его интерпретация, правильный выбор приоритетов – вот одно из обязательных условий формирования устойчивого этноса. «Историческая память является одной из фундаментальных основ национального самосознания» [1, с. 87]. Правда, современные процессы интеграции всё больше ориентируют массовое общественное сознание жителей восточнославянских регионов на европейский вектор [2, с. 69]. Но сотрудничество не должно перерасти в засилье национальных идей со стороны заимствованных.

Государство и религия – две важнейшие составляющие развития восточнославянского этноса. Интерес к данной проблеме обусловлен значимой ролью церкви в формировании общественных норм поведения и жизни, потому что она вырабатывала стандарты и правила поведения. Это объясняется близостью данного института ко всем слоям общества и возможностью донести до них информацию.

Российская империя второй половины XIX – начала XX вв. – это многонациональное, многоконфессиональное государство. Основой идеологии оставалась триада: православие, самодержавие, народность. Представители евразийского движения 20–30-х гг. XX в. считали, что в русской истории роль созидательного стимула могло сыграть лишь православие. «Религия есть исповедание догматов; она исполнена чувством их значительности и смысла; она – живое чутье Богооткровения, выделяющее главное от не главного, но твердо держащее все. Религия – это трепет, трепет души перед Господом, трепет почитания перед Символом, Таинством, даже знаком имени Христа. Религия – единство, сопрягающее живых и мертвых, прошлое, настоящее и будущее. В свете религии познается национальность; в нем святая Русь ощущается как предыстория; религиозное брение XIX века – как начало, осуществляемое во времени трудном; и познается, что напряжением и верою большее дано свершить впереди» [3]. Особенность русского православия заключалась для евразийцев в его отношении к религиозности, основанной на опыте, практике. Быт в православии освящен, символика является реальностью, обряд – это общение с Богом: «Россия жила бытовым исповедничеством своей веры; быт являлся формой русской религиозности, «истинным смотрением Божиим», и церковь на него опиралась» [4]. «Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно («бытовое исповедничество»), в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы – системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющего собой жизнь каждого и бытие самого национального целого» [5].

По мнению евразийцев, именно православие может стимулировать развитие национальной культуры в определенном направлении, при этом, не упраздняя самобытности и своеобразия данной культуры, будучи выше рас и культур в отличие от иудаизма, связанного с определенной расой, мусульманства, связанного с определенной культурой, буддизма, враждебного к культурному делению. Евразийцы выступали за единство церкви, общение между отдельными поместными церквями, которое возможно и без культурного единства [6].

Вторая половина XIX века характеризуется интенсификацией всех сторон жизни. Увеличивается количество передачи информации, ее разноплановость. Государство, взявшись за проведение буржуазных реформ, активно сотрудничает с местной администрацией. В этих условиях резко возрастает и значение религиозного фактора, как основы идеологии государства.

Основными христианскими религиями на белорусских землях были православие и католицизм. Их влияние на местное население носило не только религиозный, но и религиозно-политический характер, так как значительное влияние на конфессии оказывала политика самодержавия. Период гласности, начавшийся с воцарением Александра II, способствовал появлению разновекторных точек зрения по наболевшим вопросам современности. «С переменой царствования почувствовались совершенно новые веяния; общественное мнение подняло голос; громко заговорили о несостоятельности прежней системы, о необходимости радикальных преобразований во всех частях государственного строя», – писал Д. Милютин (военный министр в 1861–1881 гг.) [7, с. 424].

Православие в рассматриваемое время продолжало сохранять господствующее положение в Российской империи и являлось цементирующим камнем самодержавия и народности. Еще Свод законов Российской империи 1832 г. юридически завершил процесс присоединения православной церкви к государству. Государь не мог исповедовать другую веру. Закон именовал его верховным «защитником и хранителем догматов». В Своде законов

по этому поводу говорилось: «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная кафолическая восточного исповедания» [8].

В Своде законов особое место занимали правовые нормы, охранявшие православие. Местные власти на местах обязывались наблюдать за благочинием служб, охранять «мир и тишину» Православной Церкви. Закон не допускал публичного оглашения в суде любых данных, компрометирующих церковь. Порицание христианской веры, церкви и Священного писания наказывалось каторжными работами. Православная Церковь имела в полном праве неограниченно заниматься миссионерской деятельностью [8].

Православная церковь была активной силой в поддержании порядка на территории империи и прежде всего в приграничных регионах, одним из которых являлись белорусские земли. Специфика приграничья состояла в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам эти регионы неизбежно вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с политикой, экономикой, безопасностью. Любая нестабильность в приграничных регионах самым негативным образом сказывается на интересах всего государства. Все это правительство почувствовало в ходе восстания 1863–1864 гг. и поэтому приложило все усилия для его скорейшего подавления. Реакция Запада и постоянное влияние эмиграции, находившейся в Париже, и «злоупотреблявшей своими связями, богатством, влиянием для поддержки непрерывного возмущения польских подданных российского императора» [9, с. 46] не могли не отразиться на выработке правительственного курса в отношении к разным конфессиям на западных территориях. В своих дневниковых записях П. Валуев, министр внутренних дел Российской империи в 1861–1868 гг., утверждал, что, хотя большинство населения западных губерний русское и православное, главенствующую роль там играет польский элемент в силу своей образованности и материальной обеспеченности [10, с. 345]. Отсюда симпатии в правительственных кругах к польскому дворянству и «противодействия жестокому самоуправству М. Муравьева в Западных губерниях», – как отмечал в своих «Записках для немногих» А. Головин (министр народного просвещения в 1863–1866 гг.) [11, с. 126]. Оппоненты М. Муравьева ориентировались на дворянство как на опору самодержавия без учета этноконфессиональной принадлежности и считали все проводимые виленским генерал-губернатором реформы, противоречащими основам европейской цивилизации [12, с. 74]. «Муравьев при всем уме и знании – татарин», – такая характеристика была дана П. Валуевым [10, с. 234]. М. Муравьев же о П. Валуеве писал следующее: «Валуев, человек не без способностей, но космополит и преданный одною мыслию и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было со вредом для России» [13, с. 74]. П. Валуев не упускал случая указать императору на недостатки в работе виленской администрации. Но действия М. Муравьева были поддержаны императором. В основе всей административной деятельности М. Муравьева лежало отождествление национальности с вероисповеданием. [14, с. 90]. Православные братства были той общественной силой, которая всегда помогала Российскому государству в противостоянии польско-литовскому влиянию. С лета 1863 г. православные братства «начали организационно оформляться в Минской и Полоцкой епархиях... В 1867 г. было образовано Николаевское братство в г. Бресте, действовавшее на основании утвержденного епархиальными властями и гродненским губернатором устава, в котором строго прописывались права и обязанности членов братства, Совета братства, председателя и казначея» [15, с. 48]. Понятно, что основной вектор деятельности организации направлен был на укрепление православной веры в регионе за счет просветительской работы прежде всего. Очень активно стали создаваться и работать церковно-приходские школы.

В восточно-белорусских губерниях (Витебская, Минская, Могилевская) достаточно компактно проживали старообрядцы, которые в событиях 60-х годов идейно оказались на стороне правительства. С этого времени можно видеть послабления в адрес староверов со стороны государства. Дается разрешение на открытие молитвенных домов, нанимать вместо себя в рекруты людей, не принадлежащих к их секте, образовывать школы грамоты и отправлять детей в общеобразовательные школы. Появляются постановления, облегчающие

старообрядцам исполнять свои духовные обряды [16, с. 95–96]. Но не только политические события повлияли на лояльность царизма относительно этой категории верующих. Российское самодержавие осознало значимость старообрядческих капиталов для укрепления экономики страны. Да и быстрое развитие капиталистических отношений все больше заинтересовывает верхушку старообрядчества в установлении мира и понимания с правительством. Как отмечал историк и публицист князь П. В. Долгоруков еще задолго до развития капитализма: «Долгие преследования и постоянная борьба воспитала в них (старообрядцах) гражданское мужество, самообладание и здравый смысл. Они поняли, что деньги – сила, что без них нет свободы, а это убеждение сделало их трудолюбивыми, расчетливыми и воздержанными» [17, с. 10].

В рассматриваемый промежуток времени государство относительно католиков проводит политику ограничений. Что касается мусульманского и еврейского населения и их духовных наставников, то российское правительство относительно их конфессий кардинальных мер не принимало.

Как мы видим, в конце XIX – начале XX вв. церковь была теснейшим образом связана с государственной системой, потому что была и оставалась опорой существовавшего политического строя. Но в это время имела место «противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви, которая заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать деятельность церкви, а с другой, усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь автономии даже в решении своих внутренних вопросов» [18, с. 39].

Православная церковь поддерживалась правительством на протяжении всего рассматриваемого времени. На рубеже XX в. в системе ведомства православного вероисповедания на белорусских землях действовали «... в литовской и Виленской епархии одна семинария и два училища, в них обучались 484 человека; в Минской и Туровской – одна семинария и три училища с количеством учащихся 635 человек; в Могилёвской и Мстиславской – одна семинария и четыре училища с контингентом обучающихся 698 человек; в Полоцкой и Витебской – одна семинария и два училища с численностью учащихся 485 человек» [19, с. 86–87]. «Звучали предложения о реформировании духовных учебных заведений, прежде всего церковно-приходских школ, которые следовало устроить по примеру общеобразовательных светских заведений с дополнительными классами или курсами, предназначенными специально для желающих посвятить себя церковному служению» [18, с. 41].

Революционные события начала XX века подтолкнули правительство на реальные шаги относительно верующих. Появляется закон 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания в России и манифест 17 октября 1905 г. о свободе слова, печати, собраний, веры и т.п. Эти документы подтвердили положение православной церкви как господствующей, но вместе с тем были созданы более свободные условия деятельности других конфессий. Парламент Российской империи рассматривал конфессиональные проблемы в своей работе. П. Н. Милюков, лидер партии конституционных демократов, отмечал: «Свою деятельность по вероисповедным вопросам Третья Дума начала с очень многообещающих предположений. В основу были положены три правительственных проекта, вносящие в эту замкнутую сферу принципы свободы совести. Один из них покончил даже с монополией господствующей церкви, допуская свободный переход из неё в другие исповедания, включая даже перемену христианской веры на нехристианскую. Другой законопроект снимал преграды, упорно разделявшие старообрядчество от официальной церкви. Открытие старообрядческих общин освобождалось от необходимости разрешения, а производилось путем простого заявления об этом. Старообрядческое духовенство получило право называться «священнослужителями» [20, с. 57]. Окончательно этот закон был утвержден в 1913 году.

В легальной белорусской газете «Наша ніва» принцип веротерпимости отстаивался, потому что в нем виделся залог объединения верующих разных религиозных направлений с целью подъема экономики, развития культурно-национальных традиций белорусов.

Межрелигиозные противоречия в западных губерниях к началу XX века имели многовековую историю, существовали уже сложившиеся прочные традиции, которые

закрепились в виде предрассудков в общественном и индивидуальном сознании. И эти моменты использовались царизмом для разжигания национализма. Прогрессивные деятели Российской империи подвергали основательной критике распространенное заблуждение об отождествлении конфессиональной и этнической принадлежности, то есть религиозного и национального. Один народ может придерживаться различных религий, как это имеет место на белорусских землях.

Источники и литература

1. Козловская, Н. В. К вопросу о концептах: историческое сознание и историческая память / Н. В. Козловская, Н. Л. Мысливец // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Серыя 5. – 2015. – № 1. – С. 78–88.
2. Чарота, И. А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов / И. А. Чарота // *Социология*. – 2015. – № 1. – С. 69–81.
3. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/kontinent-evraziya-read-200591-1.html>. – Дата доступа: 16.06.2022.
4. Савицкий, П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>. – Дата доступа: 20.06.2022.
5. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/56785>. – Дата доступа: 15.06.2022.
6. Пушкин, С. Н. Евразийский взгляд на цивилизацию / С. Н. Пушкин // *Социологические исследования*. – 1999. – № 12. – С. 24–34.
7. Милютин, Д. А. Воспоминания. 1843–1856. / Д. А. Милютин. – М.: Российский архив, 2000. – 527 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/content. – Дата доступа: 15.06.2022.
9. Захарова, Л. Г. Россия XIX века в мемуарах Д. А. Милютина / Л. Г. Захарова // *Отечественная история*. – 2003. – № 2. – С. 37–49.
10. Валуев, П. А. Дневник министра внутренних дел / П. А. Валуев : в 2 т. – М.: Наука, 1961. – Т. I : (1861–1864). – 352 с.
11. Головнин, А. В. Записки для немногих / А. В. Головнин // *Вопросы истории*. – 1997. – № 9. – С. 121–133.
12. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1870-х годах: «система» М. И. Муравьева и его дальнейшая судьба // А. А. Комзолова // *Отечественная история*. – 2004. – № 4. – С. 62–81.
13. Гетманский, А. Э. Петр Аркадьевич Валуев / А. Э. Гетманский // *Вопросы истории*. – 2002. – № 6. – С. 72–78.
14. Ананьев, С. В. Деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае. 1863–1865 гг. / С. В. Ананьев // *Вопросы истории*. – 2013. – № 8. – С. 89–95.
15. Чуль, Р. В. Политика Российского правительства в отношении православной конфессии на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX века. / Р. В. Чуль // *Вестник БарГУ*. Серия. Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2017. – Выпуск 5. – С. 46–50.
16. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
17. Из записок князя П. В. Долгорукова. – М.: Вагриус, 1997. – 338 с.
18. Табунов, В. В. Православное духовенство белорусских земель о положении церкви и ее реформировании в конце XIX – начале XX ст. / В. В. Табунов // *Веснік Магілёўскага*

дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2022. – № 1 (59). – С. 39–43.

19. Табунов, В. В. Положение православных духовных семинарий в Российской империи и на белорусских землях конца XIX – начала XX века / В. В. Табунов // Русский сборник: исследования по истории России / ред.– сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. XII. – М.: Издательский дом «Региум», 2012. – С. 86–95.

20. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков : в 2 т. – М.: Современник, 1990. – Т. 2. – 446 с.

УДК 94:327.5(100)«1914-1918»:94:656.2:332.1(438.15)«1914»

С. Б. Жихарев
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

КРИЗИС ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА БЕЛОСТОКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье отмечается, что кризисные явления в работе российских железных дорог проявились уже в самом начале Первой мировой войны. В то же время попытка центральных властей решить возникающие транспортные проблемы, а также их стремление обеспечить бесперебойное снабжение городского населения и промышленности всем необходимым на основе первичного планирования грузовых железнодорожных перевозок не увенчались успехом. Из докладов белостокской городской управы следует, что Варшавский и Харьковский порайонный комитеты практически не взаимодействовали с органами местного самоуправления г. Белостока и потому слабо ориентировались в реальных потребностях города в топливе и продовольствии.

Кризис железнодорожных перевозок в связи с началом Первой мировой войны как составляющей общего кризиса железнодорожного транспорта в историко-экономической литературе обычно относят к 1916–1917 гг. Если изучавший еще в 1920-е гг. вопросы железнодорожного транспорта в контексте общих проблем экономического развития России периода первой мировой и гражданской войн М. М. Шмуккер обнаружил наступление системного железнодорожного кризиса только в начале 1917 г. [1, с. 130], то советский историк-экономист А. Л. Сидоров относил наступление кризиса в данной важнейшей сфере народного хозяйства уже к 1916 г. [2, с. 43]. По мнению современного исследователя проблем железнодорожного транспорта России в переломные исторические эпохи А. С. Сенина «расстройство» транспорта стало следствием недостаточно развитой довоенной сети железных дорог как результата общей экономической отсталости страны и скудости финансовых ассигнований на нужды транспорта, а также организационных и управленческих просчетов допущенных в годы войны – в результате железные дороги оказались наиболее уязвимым звеном в экономике России [3, с. 164]. Целью данной статьи является изучение влияния общих кризисных явлений в сфере железнодорожных перевозок в России на экономическое положение г. Белостока в осенне-зимний период 1914–1915 гг. Из переписки органов общественного самоуправления Белостока с официальными инстанциями и докладов городской управы [4, л. 271–275 об.] следует, что перебои в снабжении населения всем необходимым, отсутствие железнодорожных вагонов для доставки топлива жителям в зимний период было также следствием слабой координации действий военной, гражданской администраций и органов городского общественного самоуправления.

Первая мировая война кардинально изменила характер работы железнодорожного транспорта Российской империи. В сфере грузовых перевозок произошло перераспределение

направлений движения грузовых потоков. Многие виды сырья и топлива, такие как уголь, нефть, лесные материалы, хлопок, металлы, дрова и пр. под влиянием войны оказались востребованы в совершенно иных регионах, чем это было до начала боевых действий. Например, топливная база целых районов стала формироваться из ранее никогда не использовавшегося здесь привозного донецкого угля. Еще накануне военных событий западные губернии выращивали достаточное количество хлеба для собственного потребления и не зависели от его поставок из черноземных районов. Однако, став ареной кровопролитных боев, западные губернии резко увеличили объемы его потребления в основном дислоцированными на их территории армейскими частями и превратились таким образом в крупнейшего в России потребителя привозного хлеба. Прекратившийся в связи с началом войны экспорт хлеба за границу переориентировал хлебные грузы из балтийских портов на запад и в направлении Архангельска. Владивосток теперь стал пунктом ввоза в страну железа, стали, хлопка, машин, подвижного состава доставляемых через Приморье, Забайкалье и Сибирь по железным дорогам в западном направлении.

С самого начала войны железные дороги столкнулись с нараставшими залежами грузов (до 84 тыс. вагонов только во втором полугодии 1914 г.), которые стали хроническим явлением, нарушавшим нормальный ход экономической жизни страны и работу самого транспорта. Вынужденная выгрузка коммерческих грузов и перераспределение вагонов для нужд военной мобилизации привели к тому, что к концу 1914 г. не было доставлено около 2 млрд. пудов грузов [3, с. 115]. Наличие крупных запасов хлеба в тылу, а также невывезенного угля в Донбассе при усиливающейся голоде в городах и на фронте, остановке металлургических заводов стало печальным следствием кризисных явлений на железнодорожном транспорте.

Причины происходящего в стране расстройтва хозяйственной жизни общественное мнение и печать прочно связывали с набиравшим обороты железнодорожным кризисом. Представители официальной власти отрицали существование системных проблем в сфере железнодорожных перевозок. Чтобы отвести обвинения в возникшей ситуации от своего ведомства министр путей сообщения А. Ф. Трепов в марте 1916 г. опроверг с думской трибуны распространившуюся в общественных кругах критику. На проходившем в это же время Пятом Всероссийском съезде городов хотя и были признаны факты колоссального скопления на железнодорожных станциях залежей грузов в объеме 150 тыс. вагонов (из них 50 тыс. – внеочередные грузы), а также прекращения приема грузов с целью их последующей отправки на 575 станциях, но ничего катастрофического в этом не усматривалось [2, с. 42].

Исследователь хозяйственной деятельности железнодорожного транспорта в период первой мировой и гражданской войн М. М. Шмуккер отмечал, что «хозяйство транспорта, его финансы, эксплуатация, перевозки, снабжение подвижным составом, топливом и материалами, были в общем удовлетворительны. Количество ежегодно сооружаемых новых линий, в связи с обнаружившейся недостаточностью сети для развивающегося грузооборота страны, увеличилось во время войны по сравнению с предшествующим 5-летием» [1, с. 130]. Не вызывавшие опасений недостатки в работе железных дорог по мнению Шмуккера проявились только через несколько лет: «со второй половины 1916 года начали появляться тревожные, едва уловимые, симптомы надвигающейся разлухи транспорта: помесичное сокращение перевозок, появление недогрузов угля и дров, ухудшение ремонта состава, пути и т. д». «Особенно рельефно появление кризиса», – как заключает автор, – «обнаруживалось в первые два месяца 1917 года, когда как сокращение перевозок и недогрузки, так и залежи грузов на станциях и на колесах достигли еще более крупных цифр» [1, с. 130].

В свою очередь крупный советский исследователь проблем экономики России в первую мировую войну А. Л. Сидоров распространяет возникновение негативной тенденции в работе железных дорог на самое начало военных действий. В 1916 г. отрицательная тенденция, по его мнению, лишь укрепилась и приобрела необратимый характер: «миллиарды пудов невывезенных грузов, явный недостаток паровозов и вагонов для перевозки угля и металла – все эти явления, сковывавшие всю хозяйственную жизнь страны, начались задолго до

Февральской революции. Уже в 1916 г. нельзя было увеличить выплавку металла из-за плохой работы транспорта. Города оставались без хлеба и угля по вине железных дорог, сотни предприятий останавливались по этой же причине» [2, с. 43].

Постепенное нарастание трудностей в обеспечении городского населения предметами первой необходимости и существование взаимосвязи между кризисными явлениями в сфере железнодорожных перевозок и хозяйственными проблемами городов можно проследить по ситуации, сложившейся в г. Белостоке. Насчитывавший около 100 тыс. жителей в мирное время Белосток в связи с войной численно увеличился благодаря прибывавшим из мест боевых действий беженцам и перемещающимся войскам. В довоенное время город обладал значительным промышленным потенциалом. На протяжении ряда лет фабрики и заводы города обеспечивали постоянной работой более 10 тыс. человек [4, л. 271–272].

В течение двух первых осенних месяцев 1914 г. город жил в обычном режиме, не испытывая перебоев в снабжении продуктами первой необходимости. Количество и цены поступавших продуктов не вызывали нареканий со стороны Белостокской городской думы. Значительные трудности создавала недопоставка каменного угля, используемого на местных промышленных предприятиях. В середине ноября военные власти запретили отправку железнодорожных грузов с пунктом назначения «станция Белосток». Город теперь снабжался с Полесских железных дорог гужевым путем, но количество грузов, приходивших в Белосток со станции Жедня было недостаточным и не превышало 10% от общей потребности населения [4, л. 272]. Впрочем, заметного влияния на жизнь города данное ограничение не оказало: численность расположенных в городе войск на тот момент было минимальным и недостатка продуктов в городе не ощущалось. Однако с декабря 1914 г. в Белостоке стал нарастать дефицит продовольствия и топлива, который достиг своего максимума в январе 1915 г. [4, л. 274]. К проблемам с топливом добавилась нехватка зерна, муки, мяса и сахара. По сведениям белостокской городской управы ежемесячная потребность населения в этих грузах достигала 1603 вагона, из которых 1300 (81 %) отводились под доставку дров, а остальные вагоны распределялись по следующим группам грузов: мука 60 вагонов (3,7 %), зерно 75 вагонов (4,6 %), скот 150 вагонов (9,3 %) и сахар 18 вагонов (1,1 %). Замена дров углем могла высвободить из 1300 задействованных вагонов 650 для транспортировки других грузов [4, л. 275].

Постепенно на железных дорогах Российской империи начал формироваться механизм централизованного планирования грузовых перевозок. Необходимые для перевозки грузов детальные сведения стекались в Центральный комитет по регулированию массовых перевозок по железным дорогам. Первичное планирование продовольственных перевозок, а затем исполнение составленного в Центральном комитете общего плана на заявленные перевозки возлагалось на местные порайонные комитеты [3, с. 41].

Снабжение Белостока продуктами первой необходимости, топливом, а фабрик и заводов сырьем и материалами находилось в одновременном ведении сразу двух порайонных комитетов – Варшавского и Харьковского. На порайонные комитеты также возлагалось распределение железнодорожных вагонов под определенные грузы в подконтрольных им районах. Так, по данным Варшавского комитета, в основе которых лежит расчет количества ввозимых в Белосток в мирное время грузов, количество железнодорожных вагонов необходимых для снабжения города продуктами первой необходимости, а фабрик производственными материалами составляет 1200 вагонов в месяц или один железнодорожный состав в день. Белостокская городская управа сочла эти данные заниженными, так как под влиянием войны существенно изменились важнейшие параметры жизни города. При этом спрос на железнодорожные вагоны, предъявленный городскими торговцами и фабрикантами, не был удовлетворен даже на 50%. Не выделил Варшавский порайонный комитет Белостоку вагоны под доставку дров для населения и угля фабрикам и заводам в декабре и январе месяцах (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Доставка грузов в Белосток (сентябрь 1914 г. – январь 1915 г.) [4, л. 271–271 об.]

Заявки на вагоны		Выделено вагонов		Выдано разрешение		Перевезено грузов (вагоны)		Потребность в вагонах	
Торговцы и фабриканты		Осведомительной комиссией		Варшавским порайонным комитетом		В действительности		Городская управа	
продукты	грузы	продукты	грузы	продукты	грузы	продукты	грузы	продукты	грузы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
13 273	16948	5 863	2 549	2 972	1 449	3 704	592	4 000	2 000
Всего 30 221		Всего 8 412		Всего 4 421		Всего 4 296		Всего 6 000	

Из таблицы следует, что существует колоссальная разбежка (примерно в 7 раз) между количеством вагонов, обозначенном в заявках белостокских предпринимателей (столбцы 1–2) и действительной перевозкой грузов (столбцы 7–8). Многократное завышение числа запрашиваемых вагонов торговцами и фабрикантами объяснялось не первостепенными задачами снабжения жизненных потребностей населения и промышленности, а коммерческим назначением провозимых в город грузов. Предприниматели также подстраховывались, зная, что при последующем рассмотрении заявок в официальных государственных инстанциях количество фактически предоставляемых вагонов будет уменьшено. В итоге Осведомительная комиссия уменьшила число вагонов по сравнению с заявленным количеством в 3,6 раза (столбцы 3, 4), а Варшавский порайонный комитет счел ходатайство торговцев и фабрикантов чрезмерным, понизив квоту отводимых вагонов почти в 7 раз (столбцы 5, 6). Реальная потребность города в вагонах для обеспечения жизненно важных функций составляла среднее число между действительной перевозкой грузов в Белосток (столбцы 7–8) и запросом на железнодорожные вагоны городской управы (столбцы 9–10), т.е. 5148 вагонов.

В конечном счете, городская дума в постановлении от 5 февраля 1915 г. согласилась с предоставлением городу не 1200 вагонов в месяц как прежде, а 1143. Из выделяемых Варшавским порайонным комитетом общего количества вагонов под перевозку дров отводилось 500 вагонов, под каменный уголь 250, для доставки скота 60, керосина – 40, под рожь – 30 вагонов, под муку ржаную и пшеничную – 60, овес – 30, соль – 30. Сто сорок три оставшихся вагона распределялись между партиями более мелких грузов [4, л. 272 об.]. Белостокская городская дума пришла к заключению, что повышение цен на топливо, хлеб, муку и мясо в городе вызвано не объективно возникшим дефицитом продуктов, а проблемами их доставки по железным дорогам. На состоявшемся 5 февраля 1915 г. заседании думы 26 гласных приняли обращение к начальнику военно-эксплуатационного отдела армий северо-западного фронта о снятии запрета на погрузку железнодорожных грузов с пунктом конечного назначения в Белостоке [4, л. 275]. В ходатайстве гласные думы просили разрешить внеочередной ввоз в город без задержек на узловых и промежуточных станциях топлива, дров, каменного угля, антрацита, муки, хлеба в зерне, скота и сахара в обозначенном выше количестве [4, л. 275 об.].

В постановлении думы содержались меры, направленные на предотвращение спекуляций минеральным топливом. Гласные добивались предоставления Харьковским порайонным комитетом более полных сведений о ежемесячных поставках 250 вагонов минерального топлива в Белосток с донецкого бассейна, включающие данные о нарядах на погрузку угля и антрацита и станциях отправления. Тем самым городская управа пыталась установить хотя бы минимальный контроль над непрозрачным распределением минерального топлива со стороны Белостокского комитета торговли и промышленности [4, л. 272 об.].

Таким образом, кризисные явления в работе российских железных дорог проявились в самом начале Первой мировой войны. В то же время попытка решить возникающие транспортные проблемы, а также желание обеспечить бесперебойное снабжение населения и промышленности всем необходимым на основе первичного планирования грузовых железнодорожных перевозок не увенчались успехом. Так, Варшавский и Харьковский порайонные комитеты практически не взаимодействовали с органами местного самоуправления г. Белостока и потому слабо

ориентировались в действительных потребностях города в топливе и продовольствии. Варшавский порайонный комитет, даже не вступая в контакт с белостокской городской думой, навязал Белостоку совершенно для него неподходящую схему т.н. «очередного» снабжения города дровами по аналогии с Варшавой, оставив тем самым его население в декабре 1914 – январе 1915 гг. практически без топлива. Цена за кубический сажень березовых дров в Белостоке в январе 1915 г. достигла 70 рублей, в то время как еще ровно год назад она не превышала и 40 рублей. В свою очередь, Харьковский порайонный комитет снабжал промышленность Белостока (всего в город за первых 5 месяцев войны поступило 104 вагона каменного угля и 40 вагонов антрацита) донбасским углем через местный Комитет торговли и промышленности, распределявшим топливо не среди нуждающихся, а среди лиц занимавшихся его последующей перепродажей с целью наживы. На многочисленные протесты, а также письменные запросы и ходатайства со стороны белостокской городской думы «Харьковский порайонный комитет отвечал упорным молчанием...» [4, л. 271 об.].

Источники и литература

1. Шмуккер, М. М. Очерки финансов и экономики жел. – дор. транспорта, Россия за 1913–1922 годы (в связи с общими экономическими явлениями жизни страны) / под ред. и с предисл. проф. С. В. Бернштейн-Когана / М. М Шмуккер. – М.: Транспечать, [S. d.]. – 292 с.
2. Сидоров, А. Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране / А. Л. Сидоров // Исторические записки. – 1948. – Т. 26. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 3–64.
3. Сенин, А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.): Монография / А. С. Сенин. – М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. – 320 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 461 (О перевозке грузов по железным дорогам в военное время (переписка с городскими головами, с городскими управами о правилах перевозки грузов по железным дорогам в Гродненской губернии во время войны).

УДК 37(476+470)(091)"1919/1922"+ 351.851(476+470)(091)"1919/1922"

О. И. Ершова, Ю. А. Блашков
Белорусский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР И ССРБ В 1919–1922 ГОДАХ

В статье раскрывается проблема взаимодействия народных комиссариатов просвещения РСФСР и ССРБ как органов управления народным образованием в контексте развития советской государственности в 1919–1922 гг. Рассматриваются направления и формы взаимодействия народных комиссариатов просвещения. Показано значение данного взаимодействия для становления советской системы народного образования на территории Беларуси.

В истории развития образования на Беларуси важным является период 1919–1920-х гг., когда формировалась советская система народного образования, ставшая основой преодоления неграмотности населения. Большое влияние на этот процесс оказал фактор сотрудничества народных комиссариатов просвещения (далее – наркомпрос) советских республик. Для провозглашенной 1 января 1919 г. Социалистической Советской Республики Белоруссии (далее – ССРБ) помощь в культурном строительстве со стороны РСФСР в условиях гражданской войны и интервенции и последовавшей экономической разрухи играла огромную роль.

В развитии взаимодействия наркомпросов РСФСР и Советской Беларуси можно выделить следующие периоды; 1) январь–февраль 1919 г. (существование ССРБ); 2) март – август 1919 г. (существование Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии – ССРЛиБ); 2) июль–декабрь 1920 г. (после второго провозглашения ССРБ); 3) январь 1921 – декабрь 1922 гг. (действие Договора о военном и хозяйственном союзе между РСФСР и ССРБ).

Наркомпросы являлись органами государственного управления культурно-просветительной сферой. Пришедшая к власти во всех советских республиках Коммунистическая партия большевиков считала руководство сферой просвещения важнейшим условием реализации стратегических планов партии [1, с. 11]. Поэтому на ключевые посты в Наркомпросе РСФСР были назначены видные деятели партии большевиков: А. В. Луначарский (нарком), Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, В. М. Познер, Л. Р. Менжинская, И. Б. Рогальский (правительственные комиссары) [2, с. 7, 12]. В ССРБ должности народных комиссаров просвещения и других ответственных работников также занимали члены партии большевиков А. Г. Червяков, И. С. Савватиев, В. М. Игнатовский, А. В. Балицкий, И. П. Кореневский, М. И. Мороз, М. Ф. Лойко [3, л. 3; 4, л. 4, 6; 5, л. 8; 6, л. 132; 7, л. 27; 8, л. 1]. В 1918 г. советское государство монополизировало сферу образования: перевело учебные заведения всех ведомств в ведение Наркомпроса и сосредоточило управление ими в руках государства [2, с. 13–14]. Общеобразовательная школа и другие учебные заведения стали рассматриваться как органическая часть системы государственных учреждений, призванных воспитывать подрастающее поколение в коммунистическом духе.

После провозглашения 1 января 1919 г. ССРБ управление народным образованием стал осуществлять правительственный орган республики – Комиссариат просвещения (далее – Компрос), который возглавил А. Г. Червяков [3, л. 4]. При комиссариате действовали коллегия и отделы, курировавшие определенные направления деятельности [9, л. 66]. Компрос, опираясь на опыт и поддержку Наркомпроса РСФСР, приступил на освобожденной от немецкой оккупации территории Беларуси к осуществлению декретов и постановлений в области народного образования, принятых в РСФСР в 1917–1918 гг. [9, л. 1–4]. Проводились национализация и секуляризация частных и общественных учебных заведений, выборы на учебные и учебно-административные должности, реорганизация всех типов школ в Единую трудовую школу I и II ступени [10, л. 58, 90, 99, 146].

В ходе советско-польской войны 27 февраля 1919 г. была образована ССРЛиБ, правительство которой находилось в Вильно. Однако на территории Минской губернии (в дореволюционных границах) и Вилейского уезда Виленской губернии власть фактически принадлежала Минскому губернскому ревкому (далее – губревком), который по важнейшим вопросам управления обращался к правительству РСФСР. В составе Минского губревкома действовал губернский комиссариат народного просвещения (с 29 марта 1919 г. – губОНО) [9, л. 20–32, 35–36]. Минский губОНО в сложных условиях военного времени сосредоточил внимание на проведении реформы общеобразовательной школы [11, л. 39–86]. Весной 1919 г. на территории Беларуси сложилось критическое финансовое положение, отсутствовали средства на выплату жалованья учителям за март–апрель. В Москву со сметой и запиской с просьбой выделить аванс в размере 30 млн руб. была делегирована заведующая Минским городским ОНО М. Я. Фрумкина [9, л. 48]. 15 июля 1919 г. СНК РСФСР принял постановление об отпуске правительству ССРЛиБ месячной суммы в размере 8 млн руб. на нужды просвещения [12, с. 86–87]. После захвата польскими войсками Минска и Бобруйска в августе 1919 г. Минский губревком эвакуировался в Смоленск и передал свои функции по управлению территорией республики, на которой сохранилась советская власть, соответствующим учреждениям Гомеля и Витебска [13, с. 230–232].

Восстановление органов управления народным образованием на Беларуси происходило по мере освобождения ее территории от польских оккупантов в 1920 г. В соответствии с решениями II Всебелорусского съезда Советов было создано правительство – СНК ССРБ в составе 15 комиссаров. Комиссаром народного просвещения назначили В. М. Игнатовского [14, с. 100]. В основе структуры и штатов Наркомпроса ССРБ лежали принципы организации

Наркомпроса РСФСР, что обеспечивало максимальную централизацию руководства просвещением в республике [15].

16 января 1921 г. был подписан договор о военном и хозяйственном союзе между РСФСР и ССРБ. В соответствии с ним наркоматы ССРБ делились на две группы – объединенные и необъединенные (самостоятельные), к последним относился Наркомпрос [14, с. 105]. Высшие органы власти республики могли распространять на свою территорию, изменять применительно к местным условиям, использовать в качестве образца либо отклонить действие постановлений и актов в области социально-культурного строительства, изданных Наркомпросом РСФСР [16, с. 90].

24 января 1921 г. СНК ССРБ принял постановление об образовании в Москве Полномочного представительства ССРБ (далее – Полпредство) при правительстве РСФСР, которое возглавил М. И. Мороз [17, с. 74–75]. Полпредство выполняло функции связующего звена между правительствами республик и дипломатической миссии. После образования СССР его реорганизовали в Полпредство БССР при правительстве СССР [17, с. 80]. По инициативе Полпредства летом 1921 г. открылось Представительство Наркомпроса ССРБ при Наркомпросе РСФСР [17, с. 76]. Его возглавил уполномоченный Наркомпроса ССРБ М. Ф. Лойко, который одновременно заведовал Белорусским центральным бюро по просвещению (далее – БЦБ) при Совете по просвещению народов нерусского языка (далее – Совнацмен), действовавшем при коллегии Наркомпроса РСФСР. В обязанности уполномоченного входило представление интересов Наркомпроса ССРБ во всех учреждениях и наркоматах РСФСР, выполнение различных поручений и регулярное информирование о состоянии «белорусского дела» в РСФСР [8, л. 3].

26 июля 1921 г. правительства РСФСР и ССРБ заключили соглашение по финансовым вопросам. Был установлен единый порядок составления и исполнения бюджетов. Сметы доходов и расходов необъединенных наркоматов включались в бюджет РСФСР [18, с. 122]. До июня 1922 г. финансирование Наркомпроса ССРБ включалось в смету Наркомпроса РСФСР, а затем шло через Наркомфин ССРБ, на счет которого перечислялись средства из Наркомфина РСФСР [19, л. 1, 19].

Правительство РСФСР по просьбе правительства ССРБ в 1921 г. обязало Наркоматы труда и просвещения РСФСР откомандировать в распоряжение Наркомпроса ССРБ работников просвещения – уроженцев Беларуси. В итоге в ССРБ прибыло свыше 1000 специалистов в сфере просвещения [14, с. 224–225]. Из Москвы поступила и материальная помощь: 1500 пудов бумаги, учебное и хозяйственной оборудование для школ и детских учреждений на 100 млн руб. [14, с. 224–225]. В августе 1922 г. СНК РСФСР принял решение об издании для Беларуси в типографиях Москвы и Петрограда литературы на белорусском языке [18, с. 121]. В профессиональных учебных заведениях РСФСР выделили места для обучения белорусов [20, л. 493, 819, 821].

Еще одним направлением взаимодействия наркомпросов ССРБ и РСФСР являлось решение проблемы национально-культурного развития белорусов, компактно проживавших на территории Витебской, Гомельской и западной части Смоленской губерний, входивших в 1919–1926 гг. в состав РСФСР. Наркомпрос ССРБ и БЦБ Совнацмена Наркомпроса РСФСР предпринимали меры по содействию национальному просвещению белорусов: открывались белорусские школы, курсы, клубы, кружки, другие культурно-просветительские учреждения и объединения, издавалась и распространялась литература на белорусском языке, пропагандировались белорусская история, культура и язык [19, л. 1–5]. Для организации культурно-просветительской работы среди национальных меньшинств на местах в губОНО создавались советы по просвещению национальностей нерусского языка [21, с. 8]. Белорусские секции таких советов были образованы при Витебском, Гомельском и Смоленском губОНО [19, л. 4, 8; 22, л. 3]. БЦБ через бюро нацменьшинств Главного управления социального воспитания Наркомпроса РСФСР реализовало проект по организации курсов для подготовки учителей и культурработников к работе на белорусском языке [19, л. 7]. БЦБ договорилось с Белорусским госиздательством о предоставлении 30% издававшейся в

1921 г. литературы для распространения в РСФСР. Наркомпрос ССРБ в 1921 г. направил в Гомельскую и Витебскую губернии школьной литературы на 100 млн руб. [19, л. 6–7]. При содействии Полпредства ССРБ в 1922 г. Наркомпрос РСФСР закупил в белорусском кооперативном издательстве «Возрождение» для белорусских школ и культурно-просветительных учреждений в РСФСР 3710 экземпляров учебной литературы 14 наименований на белорусском языке [20, л. 399, 500].

Со стороны Наркомпроса РСФСР деятельность БЦБ получала постоянную поддержку. Так, в его циркуляре Витебскому, Гомельскому и Смоленскому губОНО от 26 октября 1922 г. обращалось внимание на недостаточное удовлетворение культурно-просветительных нужд белорусского населения и содержалось требование «принять меры к созданию нормальных, правильных условий работы» [цит. по: 23, с. 30]. В конце января 1923 г. Наркомпрос РСФСР созвал первый Всероссийский съезд губернских совнацменов, на котором присутствовали и представители Наркомпроса ССРБ. Съезд принял резолюции, в которых наметил ряд мер по развитию просвещения нацменьшинств. В числе мероприятий по социальному воспитанию указывалось на необходимость создания школ с преподаванием на родном языке для белорусов, украинцев и других национальностей, издания для них учебников и учебных пособий, педагогической литературы на родном языке, подготовки педагогического персонала [21, с. 105–111].

Так как в каждой советской республике действовал свой наркомпрос, обладавший определенной самостоятельностью в строительстве новой системы образования в рамках программы, выдвинутой партией большевиков, встал вопрос о координации управления сферой просвещения. Такую функцию стали выполнять совещания наркомпросов советских республик [12, с. 168]. В 1922 г. ССРБ принимала участие в работе совещаний в статусе договорной республики. На них Беларусь представляли нарком просвещения В. М. Игнатовский, заместители наркома И. П. Кореневский, А. В. Балицкий, уполномоченный Наркомпроса ССРБ М. Ф. Лойко [24, с. 22, 30, 38, 42, 59, 134].

Дальнейшее развитие взаимодействия наркомпросов республик осуществлялось уже в условиях СССР. В каждой союзной республике продолжал действовать самостоятельный наркомпрос. По решению участников совещания наркомпросов в сентябре 1923 г. нарком просвещения РСФСР представлял их интересы в СНК СССР [24, с. 53]. Совещания делегировали своему представителю вопросы согласования: 1) систем народного образования в отдельных республиках, 2) бюджета, 3) издательской деятельности, 4) просвещения национальных меньшинств [25, с. 96].

Таким образом, задачи и формы развития взаимодействия Наркомпроса РСФСР и Наркомпроса ССРБ в 1919–1922 гг. определялись конкретно-исторической обстановкой, подписанными договорами между республиками, тенденциями развития системы государственного управления. Идеологическое руководство системой просвещения и кадровая политика Коммунистической партии обеспечили объединение усилий республиканских органов государственного управления просвещением в целях реализации декретов советской власти в культурно-просветительной сфере. В результате были обеспечены общие линии развития просвещения во всех советских республиках: совместность, светскость и всеобщность обучения, создание единой трудовой школы, политическое просвещение, организация профессионального обучения и научной работы, воспитание и обучение на родном языке.

Источники и литература

1. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский; под ред. И. Д. Давыдова и И. Г. Клабуновского. – М.: Нар. ком. прос. РСФСР – ОГИЗ, 1931. – 496 с.
2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917–1973. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 2. – Д. 5955.

4. НАРБ. – Ф. 15п. – Оп. 5. – Д. 11.
5. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 3. – Д. 1.
6. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 3. – Д. 49.
7. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 3. – Д. 846.
8. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 3. – Д. 1531.
9. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 44.
10. НАРБ. – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 4.
11. НАРБ. – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 1.
12. Советское содружество народов: объединительное движение и образование СССР : сборник документов, 1917–1922. – М.: Политиздат, 1972. – 334 с.
13. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг. : сборник документов и материалов : в 2 т. – Мн.: Беларусь, 1971. – Т. 2 : Февраль 1919 г. – 1920 г. – 629 с.
14. Маргунский, С. П. Государственное строительство в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) / С. П. Маргунский. – Мн.: Наука и техника, 1966. – 284 с.
15. Положение о Народном Комиссариате Просвещения С.С.Р.Б. // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. – 1921. – № 1. – С. 47–48.
16. Штамм, С. И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936) (историко-правовое исследование) / С. И. Штамм. – М.: Наука, 1985. – 248 с.
17. Колонтай, З. Михаил Мороз – первый посол Советской Беларуси / З. Колонтай // Беларуская думка. – 2019. – № 7. – С. 72–81.
18. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / под ред. С. П. Маргунского [и др.]. – Мн.: Наука и техника, 1970. – Т. 1 (1917–1936 гг.). – 608 с.
19. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 126.
20. НАРБ. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 14.
21. Розен, В. Просветительная работа среди национальных меньшинств / В. Розен // Жизнь национальностей. – 1923. – № 2. – С. 82–87.
22. НАРБ. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 27.
23. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). – Выпуск 2. – Гомель: ГГУ, 2000. – 155 с.
24. Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, 1919–1924 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР [и др.]. – М.: Наука, 1985. – 231 с.
25. Красовицкая, Т. Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.) / Т. Ю. Красовицкая // Rozprawy z dziejow oswiaty. – 2011. – Т. XLVIII. – С. 73–99.

УДК [94:327](470)"1918/1925"

А. Г. Цымбал

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт

ФАКТАР ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ Ў ДЗЯРЖАЎНЫМ БУДАЎНІЦТВЕ І МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІНАХ ВА УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ 1918–1925 ГАДОЎ

Пасля распаду Расійскай імперыі новаствораныя дзяржавы сутыкнуліся з праблемай праваслаўнай царквы: яе пераважна рускі характар прыходзіў у супярэчнасць з пабудовай нацыянальнай дзяржаўнасці, вернікі царквы складалі ў асноўным нацыянальныя меншасці, што ставіла пытанне аб іх інтэграцыі ў дзяржаву, а сама царква ў гэтых краінах заставалася залежнай ад разгромленай савецкімі ўладамі РПЦ, што выклікала апасенні аб выкарыстанні яе ў якасці “пятай калоны” бальшавікоў. На становішча царквы ў гэтых дзяржавах уплывалі і канфлікты паміж асобнымі краінамі, напрыклад, у выпадку Польшчы і Літвы. Пытанню, якім чынам улады Польшчы, Літвы, Латвіі, Эстоніі, Фінляндыі і Грузіі падыйшлі да вырашэння дадзенай праблемы, прысвечаны дадзены артыкул.

Дзяржавы, што ўзніклі пасля распаду Расійскай імперыі – Польшча, Літва, Латвія, Эстонія, Фінляндыя, Грузія, акрамя стварэння інстытуцыянальных асноў дзяржаўнасці былі вымушаныя вырашаць і праблему становішча праваслаўнай царквы, якая мела выразны міжнародны характар. Дадзенае пытанне прыводзіла да неабходнасці пошуку балансу паміж рэалізацыяй дзяржаўных інтарэсаў новых дзяржаў і забеспячэння правоў нацыянальна-канфесійных меншасцяў. Праваслаўныя іерархі былі вымушаныя арганізоўваць царкоўныя структуры ў дзяржавах, дзе праваслаўе ўжо не адыгрывала дамінуючую ролю. Аднак духоўным цэнтрам значнай часткі праваслаўных вернікаў працягвала лічыцца Масква. Арыентацыя на знешні цэнтр кіравання давала падставу для апасенняў з боку ўладаў, што праваслаўная царква і вернікі могуць стаць своеасаблівай дэстабілізуючай «пятай калонай» ва ўнутранапалітычным жыцці і сродкам умяшання ва ўнутраныя справы з боку Савецкай Расіі, дзе РПЦ апынулася пад кантролем бальшавікоў. Кожная з дзяржаў выбудоўвала сваю мадэль узаемаадносін з царквой і вернікамі, адначасна вырашаліся таксама пытанні нацыянальнага характару праваслаўнай царквы і трансфармацыі яе з русіфікатарскага інстытута ў інструмент інтэграцыі праваслаўнага насельніцтва ў новых дзяржавах. На становішча праваслаўя ў новаствораных дзяржавах уплывалі і канфлікты паміж імі, як напрыклад польска-літоўскае супрацьстаянне вакол Вільні.

Неабходна адзначыць, у якім становішчы знаходзілася Руская праваслаўная царква ў савецкай дзяржаве. Бальшавікі адразу распачалі наступ на царкву пазбавіўшы яе правоў юрыдычнай асобы, канфіскавалася царкоўная маёмасць, зачыняліся цэрквы. Да 1929 г. на тэрыторыі СССР спынілі сваё існаванне ўсе манастыры, якія былі пераабсталяваны ў турмы. Адбываліся рэпрэсіі супраць духавенства. Нягледзячы на намаганні патрыярха Ціхана захаваць царкоўнае адзінства і супрацьстаяць бальшавіцкай уладзе, яшчэ ў 1917 г. група святароў, што знаходзіліся ў апазіцыі да афіцыйнага кіраўніцтва, заснавала ў Петраградзе Усерасійскі саюз дэмакратычнага праваслаўнага духавенства і міран на чале з протаіерэем А. Увядзенскім. Узнік так званы «аднаўленцкі» рух у царкве, прыхільнікі якога выказваліся за падтрымку царквой свецкай улады як увасаблення хрысціянскага ідэала. Яны патрабавалі ліквідацыі патрыяршаства, стварэння выбарных органаў калегіяльнага кіравання, ліквідацыі інстытута манаства, выступалі супраць іерархічнага ўладкавання царквы, за правядзенне літургічнай рэформы і перавод набажэнства на рускую мову. У маі 1922 г., калі патрыярх Ціхан знаходзіўся пад хатнім арыштам, аднаўленцамі была створана арганізацыя «Жывая царква» і абраны яе Цэнтральны камітэт, узначаліў які протаіерэй У. Красніцкі. Патрыярх Ціхан дзеля захавання царкоўнага спакою даручыў лідарам абнаўленцаў весці справы у патрыяршай канцылярыі. У маі 1923 г. адбыўся аднаўленчы Сабор, які зацвердзіў рэформы царкоўнага кіравання і прыняў наступную рэзалюцыю адносна патрыярха Ціхана: «Паколькі патрыярх Ціхан замест сапраўднага служэння Хрысту служыў контррэвалюцыі, то Сабор лічыць Ціхана адступнікам ад сапраўдных заветаў Хрыста і здраднікам царквы, на падставе царкоўных канонаў аб'яўляе яго пазбаўленым сану і манаства, і вяртае яго ў першабытнае, свецкае становішча. Ад гэтага часу Патрыярх Ціхан – міранін Васілій Белавін. Сабор прызнае, што само аднаўленне патрыяршаства было актам палітычным, контррэвалюцыйным, таму Сабор адмяняе аднаўленне патрыяршаства» [1, с. 98]. Аднак і ў асяроддзі аднаўленцаў неўзабаве ўзніклі рознагалосці. У 1925 г. патрыярх Ціхан памірае. Усе прызначаныя ім пераемнікі былі арыштаваныя. На пачатак 1927 г. было вядома 13 іерархаў, якія з'яўляліся прэтэндэнтамі на пасаду кіраўніка царквы. РПЦ у 20-я гг. XX ст. перажывала перыяд расколаў, была пазбаўлена магчымасці нармальна функцыянаваць і апынулася ў поўнай залежнасці ад савецкай улады.

На фоне гэтых працэсаў выразна вызначылася тэндэнцыя да незалежнасці праваслаўных цэркваў у дзяржавах, якія з'явіліся пасля Першай сусветнай вайны і дзе царква была кананічна залежная ад РПЦ. Агульнапрызнаным з'яўляецца той факт, што каноны праваслаўнай царквы не даюць прамога вызначэння спосабу абвяшчэння аўтакефаліі той ці іншай царквы. У такім выпадку выкарыстоўваецца царкоўнае звычайнае права. Існуючыя

памесныя цэрквы маюць розныя погляды на вырашэнне дадзенага пытання, але можна вылучыць асноўныя ўмовы для абвяшчэння аўтакефаліі:

- 1) жаданне народа, які стварае аўтакефалію царквы;
- 2) згода царквы, з якой вылучаецца новая царква;
- 3) новая царква павінна мець дастатковую колькасць епіскапаў, не менш за тры;
- 4) прызнанне новай царквы іншымі аўтакефальнымі цэрквамі;
- 5) згода ўрада краіны, у якой новая аўтакефальная царква засноўваецца [2, с. 107; 3, с. 18–58].

Першымі спрабавалі атрымаць незалежнасць епіскапы Грузінскай праваслаўнай царквы. 25 сакавіка 1917 г. яны ў паразуменні з Часовым урадам пастанавілі абвясціць аўтакефалію і кіраўніком абралі епіскапа Леаніда (Акрапідзэ), а 21 верасня – Кірыёна (Садзаглішвілі) як каталікоса ўсёй Грузіі. Маскоўскі патрыярх Ціхан асудзіў некананічнае (без згоды РПЦ) абвяшчэнне аўтакефаліі [4, с. 71–75]. Нармалізаваліся адносіны паміж цэрквамі толькі ў 1943 г. [5, с. 70].

Канстытуцыйны акт Фінляндыі 1919 г. гарантаваў усім грамадзянам права спавядаць сваю рэлігію публічна ці прыватна. Ён таксама абвясціў фінскую дзяржаву канфесійна нейтральнай. Закон аб свабодзе веравызнання ўступіў у сілу ў 1923 г. Ён даваў грамадзянам права на заснаванне рэлігійных арганізацый, свабоду прыналежнасці да іх, або не дэклараваць сваю рэлігійную прыналежнасць. Права і абавязкі грамадзян не залежалі ад веравызнання ці канфесіі, да якой яны належалі. Гэтыя змены прадугледжвалі фармальнае аддзяленне царквы ад дзяржавы [6, р. 157]. Патрыярх Ціхан дэкрэтам ад 11 лютага 1921 г. надаў фінскай Праваслаўнай царкве па яе просьбе аўтаномію [4, с. 173]. Аднак у хуткім часе мясцовае духавенства звярнулася да Канстанцінопальскага патрыярха Мялеція IV з мэтай атрымання незалежнасці ад Маскоўскага патрыярхату. У чэрвені 1923 г. экуменічны патрыярх надаў фінскай царкве статус аўтаномнай, але ў юрысдыкцыі Канстанцінопаля. Масква пагадзілася з гэтым толькі ў 1957 г.

Да разрыву сувязяў з Масквой царкву ў Эстоніі падштурхнуў арышт, а потым і забойства чырвонаармейцамі рэвельскага епіскапа Платона ў 1919 г., пасля чаго Сабор Эстонскай праваслаўнай царквы ў 1919 г. звярнуўся да патрыярха Ціхана з просьбай аб аўтаноміі, а ў перспектыве аўтакефаліі. Маскоўскі патрыярх пагадзіўся з гэтым і выдаў адпаведную пастанову ў 1920 г. Аршышт патрыярха Ціхана і фактычны разгром царквы ў СССР вызначыў той факт, што Сабор Эстонскай праваслаўнай царквы выдаў зварот да Канстантынопаля з просьбай перайсці ў юрысдыкцыю экуменічнага патрыярха, што і было зроблена пастановай патрыярха Мялеція IV ад 7 ліпеня 1923 г. Эстонскі ўрад, у сваю чаргу, падтрымліваў палітыку эстанізацыі праваслаўнага насельніцтва [7, с. 99–100].

Супраць магчымых кантактаў з Масквой выступіла і Латвія. Пры падтрымцы ўлад у 1920 г. адбыўся Памесны сабор Латвійскай праваслаўнай царквы, які выказаўся за аўтакефалію. Патрыярх Ціхан аднак пайшоў толькі на прадастаўленне аўтаноміі, матывуючы гэта тым, што праваслаўная царква мае толькі адну епархію ў Латвіі і з'яўляецца адной з канфесій нароўне з лютаранствам і каталіцтвам. Гэту пазіцыю падтрымліваў і кіраўнік царквы ў Латвіі архіепіскап Іаан. Аднак пасля яго забойства ў 1934 г. аўтаномная Праваслаўная царква ў Латвіі таксама перайшла ў Канстанцінопальскі патрыярхат [7, с. 92–95; 5, с. 71].

Становішча праваслаўнай царквы ў Літве таксама выклікала ўвагу ўраду. Сітуацыю ўкладняла не толькі пазіцыя архіепіскапа Еляферыя, прызначанага патрыярхам Ціханам у Вільню, але і факт, што горад адышоў да Польшчы. Сам архіепіскап супраціўляўся аўтакефаліі царквы ў Польшчы і заставаўся членам РПЦ. Літоўскія ўлады ў 1922 г. выдалі “Часовыя правілы кіравання Літоўскай праваслаўнай царквой”, згодна якім, царква ў Літве павінна была адасобіцца ад Маскоўскай патрыярхіі. Урад лічыў немагчымым кантакты з Масквой і недапушчальным кіраванне епіскапа Еляферыя ў Літве, які пражываў у акупаванай палякамі Вільні. “Часовыя правілы...” не толькі разрывалі сувязі з Масквой, але і падпарадкоўвалі царкоўнае справаводства літоўскаму ўраду. Абяззковай станавілася веданне літоўскай мовы святарамі. Аднак у выніку ў Літве не пайшлі шляхам абвяшчэння аўтакефаліі і

захавалі адміністрацыйнае адзінства з Маскоўскай патрыярхіяй. Прычынай для гэтага стаў польска-літоўскі канфлікт за Вільню і пазіцыя СССР, які падтрымаў Літву. Акрамя таго ў Літве дзейнічалі польскія іезуіты-месіянеры, якія імкнуліся да паланізацыі каталіцкага насельніцтва. Таму кантакты з Масквой па праваслаўным каналам сталі своеасаблівай супрацьвагай намерам палякаў. Аднак, магчыма, галоўную ролю адыграў канфлікт архіепіскапа Еляферыя з польскімі ўладамі, яго арышт і наступная высылка ў Літву. З просьбай прыняць яго да літоўскіх улад звярталася праваслаўнае насельніцтва. У выніку Літва хадайнічала аб яго вызваленні і накіраванні ў Коўна. Архіепіскап меў добрыя адносіны з грамадзянскімі ўладамі ў Літоўскай Рэспубліцы, але і захоўваў сувязі з Рускай Праваслаўнай Царквой [7, с. 80–92].

Напэўна ў найбольш складанай сітуацыі апынулася праваслаўная царква ў Польшчы, дзе з прывілеяванага веравызнання Расійскай імперыі Праваслаўная царква ператварылася ў царкву рэлігійных і нацыянальных меншасцей. Іерархі былі вымушаны арганізоўваць царкоўныя структуры ў польскім грамадстве, дзе пераважную большасць складалі вернікі Рымска-каталіцкай царквы. [8, с. 51–59].

Ужо ў 1919 г. кіраўніцтва Міністэрства рэлігійных веравызнанняў і публічнай асветы выказвалася за стварэнне ў межах Польшчы самастойнай праваслаўнай іерархіі, незалежнай ад Маскоўскага патрыярхату. Міністэрства займала пазіцыю поўнай незалежнасці праваслаўнай царквы ў Польшчы ад замежных уплываў. Адзначалася, што польскія каралі заўсёды імкнуліся да царкоўнай незалежнасці, дамагаючыся паразумення з экуменічным патрыярхам. Таму міністэрства прытрымлівалася таго пункту гледжання, што перамовы ў гэтай справе патрэбна пачынаць выключна з Канстанцінопальскім патрыярхам [9, арк. 42–44; 10, с. 123–124].

Статусу праваслаўнай царквы ў Польшчы датычыліся і палажэнні Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. Акрамя забеспячэння нацыянальным і канфесіянальным меншасцям роўных правоў, бакі дамовіліся не ўмешвацца ва ўнутраныя справы царквы і рэлігійных арганізацый, якія знаходзяцца на тэрыторыі іншай дзяржавы. Такім чынам, польскія ўлады атрымалі права кантролю над царквой і падставу для ўсталявання аўтакефаліі [11, с. 87].

Польскія ўлады праз пасланніка Т. Філіповіча ўсталявалі кантакты з Маскоўскім патрыярхам Ціханам, які быў прыхільнікам аднаўлення Расійскай імперыі і захавання адзінства Рускай праваслаўнай царквы. Знаходзячыся ў стане вострага канфлікту з савецкай уладай, і не маючы магчымасці выступіць супраць існавання незалежнай польскай дзяржавы, патрыярх імкнуўся лавіраваць у такой хісткай сітуацыі і замест аўтакефаліі надаў праваслаўнай царкве ў Польшчы шырокую аўтаномію і праўленне, якое ўяўляла сабой Сабор епіскапаў з экзархам на чале [3, с. 59].

Барацьбу праваслаўнага епіскапата і ўлад Польшчы за аўтакефалію ўскладняла тое, што яны лічыліся з уладай Маскоўскага патрыярха і імкнуліся атрымаць ад яго згоду на адміністрацыйную незалежнасць царквы, у той час як сам патрыярх Ціхан адмоўна паставіўся да спробы стварэння аўтакефаліі ў Польшчы [4, с. 186]. Глава РПЦ лічыў дастатковай атрыманую раней шырокую аўтаномію праваслаўнай царквы ў Польшчы [12, арк. 302].

Сітуацыя змянілася на карысць польскага ўрада вясной 1922 г., калі ў красавіку быў арыштаваны патрыярх Ціхан. Да ўлады ў РПЦ прыйшлі прыхільнікі так званай «Жывой царквы», якія стварылі новы кіруючы орган – Царкоўны камітэт. Новае царкоўнае кіраўніцтва ў СССР распачало супрацоўніцтва з бальшавікамі. У Варшаве 14–15 чэрвеня 1922 г. быў скліканы наступны Сабор епіскапаў. Старшыня Рады міністраў А. Панікоўскі ў прывітальным слове выказаў пажаданне, каб у сувязі з ліквідацыяй кананічнай улады ў Маскве Сабор епіскапаў прыняў пастанову аб самастойнасці праваслаўнай царквы ў Польшчы на аснове аўтакефаліі [10, с. 129]. У выніковай рэзалюцыі адзначалася, што Сабор епіскапаў, маючы на ўвазе хаос, які пануе ў Рускай Праваслаўнай царкве, не бачыць перашкод супраць устанаўлення аўтакефаліі Праваслаўнай царквы ў Польшчы і гатовы ў сваёй працы кіравацца прынцыпамі аўтакефаліі і супрацоўнічаць з польскім урадам на аснове Канстытуцыі, з тым, што польскі ўрад атрымае благаслаўленне для аўтакефаліі Канстанцінопальскага патрыярха і

іншых аўтакефальных цэркваў – Грэчаскай, Балгарскай і Румынскай, а таксама Маскоўскага патрыярха, калі апошні вернецца да ўлады і калі Патрыярхат у Расіі не будзе скасаваны» [13, арк. 19].

Навіну пра абвяшчэнне аўтакефаліі Праваслаўнай царквы ў польскай дзяржаве праваслаўная грамадскасць Заходняй Беларусі сустрэла з незадавальненнем. Ужо 30 чэрвеня 1922 г. па ініцыятыве архіепіскапа Еляферыя ў Вільні адбыўся епархіяльны з'езд прадстаўнікоў духавенства і міран. Яго ўдзельнікі асудзілі некананічнае абвяшчэнне царкоўнай незалежнасці [2, с. 114–116].

14–15 ліпеня 1922 г. епархіяльны з'езд духавенства і міран Гродзенскай епархіі адзначыў парушэнне царкоўных канонаў пры вырашэнні пытання аб царкоўным ладзе ў Польшчы. Акрамя таго, ад імя праваслаўнага насельніцтва епархіі быў заяўлены рашучы пратэст супраць навязвання аўтакефаліі і адзначалася жаданне знаходзіцца ў адзінстве з РПЦ, з якой звязваюць гістарычныя сувязі ў царкоўным жыцці [2, с. 116–118].

Увядзенне аўтакефаліі рашэннем Сабора епіскапаў пад моцным націскам улад выклікалі пратэст і беларускіх палітычных колаў. У справе арыштаў і высылкі епіскапаў складаліся запыты беларускіх паслоў у Сейм [14, с. 9]. Аўтакефалію і асабліва пазбаўленне епіскапаў кіраўніцтва епархіямі характарызавалі як праявы дыскрымінацыйнай палітыкі дзяржавы ў адносінах да праваслаўнай царквы і нацыянальных меншасцей. Рашуча супрацьстаяў абвяшчэнню аўтакефаліі беларускі сенатар В. Багдановіч. У Вільні ён разам з аднадумцамі стварыў так званую «патрыяршую абшчыну». Гэта група прызнавала юрысдыкцыю Маскоўскага патрыярха і не жадала падпарадкоўвацца Варшаўскаму мітрапаліту. За свае дзеянні яны былі адлучаны ад царквы [1, с. 229].

Аб тым, наколькі напружанай была сітуацыя ў царкве і грамадстве, сведчыць той факт, што 8 лютага 1923 г. архімандрыт Смарагд (Латышэнка) забіў першага мітрапаліта Праваслаўнай царквы ў Польшчы Георгія [15, арк. 30, 30аб].

Паколькі кантакт з патрыярхам Ціханам адсутнічаў, было вырашана звярнуцца да экуменічнага патрыярха ў Канстанцінопалі [2, с. 126]. Патрыярх Мялецый IV прыхільна паставіўся да просьбы і 13 мая 1923 г. выдаў адпаведную пастанову [15, арк. 19–20].

Далей польскія ўлады вялі перамовы з наступнікам Мялецыйя IV патрыярхам Рыгорам VIII. Быў вызначаны памер грашовага дару ў 12 000 фунтаў стэрлінгаў [16, с. 122]. Патрыяршы Сінод у Канстанцінопалі прыняў рашэнне аб благаслаўленні аўтакефаліі праваслаўнай царквы ў Польшчы, і 13 лістапада 1924 г. Патрыярх Рыгор VIII падпісаў адпаведны Тамос, дзе сцвярджалася, што «лад царкоўных спраў павінен ісці за палітычнымі і грамадскімі формамі» [17, с. 84]. Патрыярх абгрунтоўваў свае правы юрысдыкцыі на царкву ў Польшчы тым, што далучэнне Кіеўскай мітраполіі і праваслаўных мітраполій Літвы і Польшчы да Маскоўскага патрыярхату ў 1685 г. адбылося не паводле кананічных правілаў. Такім чынам, царквой-маці для праваслаўнай царквы ў Польшчы з'яўляецца не РПЦ, а Канстанцінопальскі патрыярхат [5, с. 48].

Урад Польшчы, які выступіў ініцыятарам увядзення аўтакефаліі, яе абвяшчэнне лічыў вялікім поспехам. Аднак гэты акт аўтаматычна не звязваў праваслаўнае духавенства з польскімі дзяржаўнымі інтарэсамі. Выкарыстанне розных метадаў ціску на духавенства, перадусім на епіскапаў, успрымалася праваслаўным насельніцтвам як рэлігійная і нацыянальная дыскрымінацыя, што адбівалася на грамадскіх настроях і не спрыяла планам улад па асіміляцыі ўсходніх зямель, абуджаючы варожасць да польскай дзяржавы. Частка праваслаўнага насельніцтва, духавенства і епіскапы Заходняй Беларусі асудзілі самавольнае абвяшчэнне аўтакефаліі.

Такім чынам, пасля распаду Расійскай імперыі новаствораныя дзяржавы сутыкнуліся з праблемай праваслаўнай царквы, якая працягвала кананічна падпарадкоўвацца Маскоўскаму патрыярху, аднак сама РПЦ была практычна цалкам разгромлена бальшавіцкай уладай. Сітуацыю ўскладняла, што вернікамі царквы з'яўляліся пераважна нацыянальныя меншасці ў гэтых краінах. Гэта выклікала апасенне ў кіраўніцтва ўсходнееўрапейскіх краін, што праз залежную ад савецкіх улад царкву бальшавікі будуць умешвацца ва ўнутраныя справы іншых

дзяржаў, распальваць міжнацыянальныя і міжканфесійныя канфлікты. У выніку амаль усімі цэрквамі, не без уплыву ўлад, быў абраны шлях на атрыманне незалежнасці ад Масквы шляхам звароту да Канстанцінопальскага патрыярха, што прывяло да разрыву адносін з РПЦ і абвяшчэнню аўтакефаліі цэркваў у Польшчы, Грузіі, або аўтаноміі, але ў юрысыкцыі Канстанцінопальскай Патрыярхіі, у Фінляндыі, Латвіі, Эстоніі, што, аднак, не прывяло да спынення нацыянальна-канфесійных супярэчнасцей, а наадварот, стала крыніцай новых канфліктаў, асабліва ў Польшчы. Асобнай была сітуацыя ў Літве, дзе праваслаўная царква захавала сувязь з РПЦ, на што вялікі ўплыў аказаў польска-літоўскі канфлікт.

Крыніцы і літаратура

1. Цыпин, В. А. История Русской Церкви 1917–1997 / В. А. Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.
2. Свитич, А. Православная Церковь в Польше и её автокефалия / А. Свитич // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1980 гг. : сб. / редкол.: В. Чаплин [и др.] ; предисл. И. Соловьева. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье ; Общ-во любителей церк. истории, 1997. – С. 88–298.
3. Zyzykin, M. Autokefalia i zasady jej zastosowania / M. Zyzykin. – Warszawa: Inst. wydaw. «Bibl. polska», 1931. – 128 s.
4. Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихвинского Богословского ин-та, 1994. – 1064 с.
5. Bendza, M. Droga Kościoła prawosławnego w Polsce do autokefalii / M. Bendza. – Białystok: Wydaw. Uniw. w Białymstoku, 2006. – 187 s.
6. Kääriäinen, K. Religion and state in Finland / K. Kääriäinen // Nordic Journal of Religion and Society. – 2011. – № 24 (2). – P. 155–171.
7. Проблемы истории русского зарубежья : материалы и исследования / Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва: Наука. – Вып. 2. – 2008. – 451 с.
8. Leszczyński, P. Centralna administracja wyznaniowa II RP. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego / P. Leszczyński. – Warszawa: Semper, 2006. – 300 s.
9. Archiwum Akt Nowych (AAN), Ministerstwo wyznań religijnych i oświecenia publicznego (MWR i OP). – Спр. 960.
10. Borkowski, A. Pertraktacje rządu polskiego z patriarchatem ekumenicznym w sprawie przyznania autokefalii Kościołowi prawosławnemu w Polsce w latach 1920–1923 / A. Borkowski // Autokefalie Kościoła prawosławnego w Polsce / Uniw. w Białymstoku ; pod. red. A. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomik. – Białystok: Wydaw. Uniw. w Białymstoku, 2006. – S. 123–138.
11. Mironowicz, A. Kościoł prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku / A. Mironowicz. – Białystok: Wydaw. Uniw. w Białymstoku, 2005. – 379 s.
12. AAN, MWR i OP. – Спр. 1026.
13. ДАГВ. – Ф. 92. – Воп. 1. – Спр. 19.
14. Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі сойм 1922–1926 г. : зб. дак. аб панскіх гвалтах, катаваннях і здзеках над сялянамі і рабочымі Заходняй Беларусі. – Мінск: Бел. дзярж. выд-ва, 1927. – 496 с.
15. ДАБВ. – Ф. 2059. – Воп. 1. – Спр. 14.
16. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia w 1918–1939 / M. Papierzyńska-Turek. – Warszawa: PWN, 1989. – 482 s.
17. Friszke, A. Kościoły wschodnie w Drugiej Rzeczypospolitej / A. Friszke // Więż. – 1988. – № 7/8. – S. 75–98.

А. М. Кротов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛОРУСОВ
В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА**

В статье памятники устного народного творчества белорусов характеризуются как источники по изучению белорусского стереотипа поляка. Делается вывод, что в них содержатся базовые элементы данного стереотипа, определившие его характер и вектор развития. Особое внимание обращается на то, что в процессе научного исследования их следует отделять от заимствований в виде элементов польского автостереотипа или русского стереотипа поляка.

Белорусский стереотип поляка является объектом интереса такой молодой научной дисциплины, как историческая имагология. При этом он также представляет интерес для учёных, специализирующихся в других отраслях гуманитарного знания, прежде всего – этнологов. Однако, несмотря на общность интереса, подходы учёных различной специализации к этому объекту исследования существенно отличаются. Этнология, в частности, слишком академична. Она исследует этносы, опираясь на материалы, собранные этнографами, для получения, через сравнение и сопоставление различных этнокультур, выводов высокого уровня систематизации и типологизации. Другое дело – этнография, которая изучает отдельные этносы через прямой контакт с их культурой. Историки, специализирующиеся в области имагологии, охотно пользуются теми же источниками, что и этнографы. Однако, если последние удовлетворяются констатацией самих этнических характеристик, историки-имагологи фокусируют свой интерес на том, как те или иные качества представителей одной этнической группы воспринимались представителями другой этнической группы. И интерес этот имеет не только научный, академический характер, но ещё и практический – сформировавшиеся в результате непосредственных межэтнических контактов стереотипы активно использовались (и используются) в гуманитарных технологиях, которые опираются на представление о том, что человек одновременно находится под действием культурных, информационных, психологических и других факторов. Поскольку данные технологии работают с людьми, идеями и смыслами, они используются в политике («мягкая» сила, публичная дипломатия), образовании, управлении, рекламе, а также для решения нестандартных задач.

Кроме того, нельзя не отметить, что стереотипы, одинаково интересующие этнографов и историков-имагологов, отличаются друг от друга. В них обнаруживается лишь одна общая сфера стереотипизации – характер народа (или его нрав), национальный характер. Однако следует различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, т. е. конкретные действия и поступки, являющиеся объективизацией стереотипа. Этнографов, в частности, интересует стереотип, который выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте – стереотипизированных формах поведения: обрядах, обычаях, этикете, трудовых навыках и приёмах, играх, моде, отдыхе, праздниках, способах воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т. п. [1, с. 14]. Однако очевидно, что соотношение стереотипа и соответствующего ему текста поведения наблюдается далеко не всегда, хотя, с «идеалистической» точки зрения этнографии, каждому стереотипу должен соответствовать определённый тип текста поведения [1, с. 15].

Народные же стереотипы, интересующие историков-имагологов, являются отступлением от научной, этнографической нормы. В них максимально выражает себя

реальный жизненный опыт этноса, в том числе и опыт отношений с соседями, появившиеся в ходе контактов с ними предубеждения и предвзятости. В данных стереотипах проявляют себя особенности национального характера. Это делает их актуальность не только научной, но и общественно-политической. Такие стереотипы являются предметом научного интереса не только историков, но и социологов, политологов и пр. При этом их генезис, а также их роль, как фактора исторического процесса в прошлом, входит в сферу интересов историков, а их современное состояние и их роль, как действующего фактора общественно-политических отношений, входит в компетенцию социологов и политологов. В полной мере сказанное касается и белорусского стереотипа поляка.

Каждый человек является носителем этнического автостереотипа и целого набора гетеростереотипов (стереотипов «чужих»), значение которых целиком зависит от характера отношений этноса, с которым он себя отождествляет, с этими «чужими». С обыденной точки зрения, впрочем, так же, как и с научной, стереотип «чужого» связан с особенностями его национального характера. Эта связь имеет эмоционально-психологическую основу, сформировавшуюся исторически в ходе реальных межэтнических контактов, предоставлявших представителям разных этносов возможности изучения друг друга. Чаще всего это происходило в ситуации конфликта, ибо появление на этнической территории одного этноса представителей другого этноса всегда было связано с какими-то политическими пертурбациями. Потому неудивительно, что оценочное восприятие «чужого» всегда было негативным, всегда порождало предвзятость и, в итоге, основанную на ней негативную оценку психологических свойств и качеств «чужого», его психологический портрет. Сами по себе эти свойства и качества существовать, конечно же, не могут. Они дополняют его физический портрет. Безусловно, в последнем доминируют истинные черты, чего нельзя сказать о портрете психологическом, к котором реальное не только тесно переплетается с вымышленным, но зачастую может и уступить ему.

М. В. Лескинен, известный в России специалист по проблемам формирования этноконфессионального и национального самосознания в среде польской и украинской элит, выделяет три способа выявления отличительных свойств национального характера:

- а) фиксация внешних его проявлений в процессе наблюдения;
- б) выявление особенностей (образов и мотивов) фольклора;
- в) «проверка» известных самоописаний и «внешних» характеристик [2, с. 311].

В рамках историко-имагологических исследований первый способ выявления отличительных свойств национального характера не используется, т. к. связан с наблюдением, которое проводит сам исследователь. Лишённый возможности перенестись в прошлое, он может лишь довериться чужим характеристикам, «проверив» их на объективность (третий способ). Фольклорные же материалы предоставляют исследователю возможность реконструировать психологический портрет «чужого», опираясь на содержащиеся в них описания его психологических свойств и качеств. Разумеется, учитывая то, что в основе психологического портрета лежит предубеждение, предвзятость, рассчитывать на его объективность не приходится. Но не стоит на этом заикливаться, ибо целью реконструкции является сам портрет во всех его аутентичных качествах, а не проверка его на объективность.

Когда и каким образом поляки появились на белорусских землях – вопрос отдельный. Вне всякого сомнения, на начальном этапе этнической истории белорусов они уже присутствовали на белорусских землях, притом в немалом числе. Со временем польский элемент не только широко распространился по белорусским землям и прочно укоренился на них, но и стал позиционировать себя их «хозяином». Право «хозяйствовать» в национальной идеологии поляков обосновывалось тем, что эти земли были обильно политы кровью и потом многих поколений поляков. Должным образом оно было оформлено в польской национальной мифологии. Вместе с тем оно накладывало на поляков, как они считали, обязанности культуртрегерства – распространения европейской, разумеется – в польской редакции, культуры в массах туземного населения.

Нельзя отрицать того, что польская культура в период раннего Нового времени действительно находилась на более высоком уровне развития, нежели восточнославянская и литовская. В русском общественном мнении, в частности, поляки репрезентировались как «культурный» народ [2, с. 311]. Более того, даже выходцы из Беларуси, более близкие к польской, а стало быть – европейской культуре, нежели русские, считались в России носителями образованности и культуры. В качестве примера можно вспомнить хотя бы Симеона Полоцкого.

Польско-литовская уния, вылившаяся в образование в 1569 г. Речи Посполитой, создала условия для ассимиляции белорусской шляхты. Принимая польскую культуру, в представлении избравших путь полонизации – более высокую, последние отрекались от культуры своих отцов и дедов, которая стала культурой простонародья. Известный белорусский историк М. О. Бич писал по этому поводу: «Полонизация верхов общества лишила белорусский этнос... национальной интеллигенции. Происходила фольклоризация белорусской культуры, так как её единственным хранителем и творцом оставалось крестьянство и часть горожан, а также низшее духовенство и часть шляхты, более близкой по своему быту к крестьянам» [3]. Разумеется, выбор этих ренегатов был мотивирован корыстным стремлением преуспеть, воспользоваться открывшимся для них «коридором возможностей». Однако в известной степени это свидетельствует и о превосходстве польской культуры, репрезентовавшей себя в восточнославянских землях в качестве европейской.

Носители и распространители этой культуры активно противопоставляли её культуре простого населения колонизируемой Беларуси, определяя её как «хамская» или «хлопская» [4, с. 66]. Высокой она действительно не была... Те, кто должен был её сделать таковой, своими усилиями, талантом, стали обогащать культуру польскую. Однако это была истинно народная культура. Учитывая же, что подавляющее большинство населения Беларуси составляли крестьяне (хлопы), можно считать её культурой крестьянской.

Так что превосходство политическое, социальное и экономическое, которое в Беларуси имели поляки, усугублялось культурным их превосходством. Ощущение этого превосходства, а точнее – приписываемой польскими «культуртрегерами» белорусскому «хлопу» культурной неполноценности, очень сильно отразилось в белорусской крестьянской психике, белорусском менталитете, формирование которых шло в рамках процесса формирования белорусского этноса, протекавшего вопреки всему. Восприятие белорусским крестьянином польского доминирования и реакция на него как нельзя лучше представлены классиком новой белорусской литературы Я. Коласом в его лиро-эпической поэме «Сымон-музыка» [5]. Автор, рассуждая о трагической судьбе таланта из народа, с глубоким знанием и мастерством показал особенности миропонимания и мировосприятия белорусских крестьян в период польского доминирования на белорусских землях, в том числе и их отношение к полякам.

В рамках формирования белорусской картины мира шёл также процесс складывания стереотипов «чужих». Подобные процессы, как правило, не протекают стихийно и произвольно, хотя и стихийной составляющей отрицать нельзя. Всегда есть те, кто формирует общественное мнение и пытается им управлять. Однако в Беларуси ситуация сложилась таким образом, что в условиях, когда доминирование поляков и демонстрируемое ими отношение к местному населению вызывали у последнего негативную психоэмоциональную оценку, создавая условия для формирования соответствующего по характеру стереотипа поляка, осознанным стереотипотворчеством, ввиду отсутствия национальной культурной элиты, некому было заниматься, некому было создавать стереотип поляка, «окультуривая» естественным образом накапливающийся фольклорный материал, очертив, хотя бы, контуры данного стереотипа.

Неудивительно, что процесс этот шёл, что называется, «самотёком». Формирование стереотипа шло через регистрацию отдельных негативных черт польского национального характера. Но в условиях культурной диффузии, ставшей результатом близкого соседства белорусов с поляками и тесным взаимодействием с ними, прежде всего, на бытовом уровне, стало проникновение на обыденный уровень массового восприятия белорусов, через заимствование фольклорных мотивов и образов, черт польского автостереотипа.

Автостереотипы, связанные с самооценкой этноса, его самохарактеристикой, носят комплиментарный характер. Очевидно, что такие заимствования искажали естественный процесс генезиса стереотипа. Попытки привить на строящуюся на предвзятости основу белорусского стереотипа поляка элементы польского автостереотипа придавали этому стереотипу искусственность и делали его нежизнеспособным. Ведь главное содержание и внутренняя цель этнического стереотипа – отделить «своих» от «чужих». Строящийся же на заимствованиях квазистереотип эту грань стирал.

Помимо попыток внедрить в сознание белорусского крестьянина элементы польского автостереотипа имелись, надо признать, более удачные попытки импортировать в него элементы польского стереотипа мазура (мазуры доминировали в массе польских переселенцев), который носил негативный характер. Совпадение негативных характеристик мазура в презентации его поляками из других воеводств с предвзятостью, на которой строилось восприятие белорусами поляков вообще, дало впечатляющий результат. В белорусский стереотип поляка в большом количестве были интегрированы элементы польского стереотипа мазура. В итоге, как писал О. А. Лойко, «знание белоруса о поляке является в значительной степени знанием поляка о себе» [6, s. 104].

О влиянии элементов польского автостереотипа и польского стереотипа мазура на восприятие белорусами поляков свидетельствуют фольклорные материалы, собранные белорусским и польским фольклористом, этнографом и археологом Михалом (Михаилом Адольфовичем) Федеровским (1853–1923 гг.). Среди собранных им белорусских народных песен, пословиц, сказок, загадок, песенных и танцевальных мелодий, которые были изданы в его восьмитомном труде «Lud białoruski» [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15], содержится множество свидетельств отношения белорусов к своим соседям-полякам, на основе которых можно судить об особенностях белорусского стереотипа поляка, по крайней мере – отдельных его элементов. Однако среди них есть и такие, в белорусской природе которых возникают серьёзные сомнения. Особенно это касается материалов, собранных М. Федеровским после своего выхода в отставку с военной службы. Он переехал в своё имение на Пружанщине, где прожил 27 лет, собирая книги, произведения живописи и графики, исторические, фольклорно-этнографические материалы, а также проводя археологические раскопки в Пружанском, Волковысском и других уездах Гродненской губернии. Восточное Подляшье и западная часть белорусского Полесья – зона смешанного проживания поляков, украинцев, белорусов и пр. Культура, в том числе и языковая, на момент сбора М. Федеровским фольклорных материалов, также носила смешанный характер.

Польско-мазовецкая и галицко-волынская колонизация в Подляшье, Понеманье и Полесье, проходившая в средневековье, а также продолжившаяся в раннее Новое время польская колонизация, привели к тому, что этнокультурная ситуация в этом регионе сложилась очень непростая. Настолько непростая, что вряд ли можно говорить о том, что в тот период протобелорусская, а позже – уже белорусская этнокультурная составляющая были доминирующими.

Белорусский географ С. А. Заруцкий, ссылаясь на данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., утверждает, что в Брестском, Кобринском, Пружанском, Слонимском уездах Гродненской губернии и Пинском уезде Минской губернии проживали 999,1 тыс. человек, среди которых белорусский язык в качестве разговорного использовали только 465 тыс. человек (47 % от всего населения). Он объясняет данный факт тем, что 80 % населения Кобринского уезда и 65 % населения Брестского уезда использовали в качестве разговорного западно-полесский диалект белорусского языка, который, ввиду своей специфичности, учёные того времени относили к украинскому языку [16, с. 65].

Коренное население того же Полесья и в XX в. сохраняло многие архаичные черты в материальной и духовной культуре, языке и самосознании, что давало право соседям использовать в отношении их экзотоним «полешуки».

Не лишним будет также отметить, что Е. Ф. Карский к «белорусскому племени» относил только население части Восточного Полесья [17].

Так что, возвращаясь к фольклорным материалам, собранным М. Федеровским, и их небесспорному (в смысле белорусскости) происхождению, следует отметить, что, данные материалы, в конечном счёте, дополнили то, что было собрано и, отчасти, уже опубликовано другим белорусским и польским этнографом и фольклористом – Чеславом Петкевичем, уроженцем Хойникщины (д. Бабчин, Хойникский район, Гомельская область) [18, 19]. Притом собрано на Восточном Полесье, т. е. на совершенно другой территории, с населением, в белорусском происхождении которого сомнений не было даже у Е. Ф. Карского [17].

Осторожное отношение к материалам, собранным лично М. Федеровским, вовсе не означает отрицание большого вклада этого учёного в дело собирания белорусских фольклорных материалов и их научного изучения. Многие из того, что им было собрано, публиковалось уже спустя десятилетия после его смерти, что красноречиво свидетельствует о непреходящей научной значимости оставленного М. Федеровским наследия. В частности, особо следует отметить дополнение к шестому тому [13], в котором собраны фривольные и танцевальные песни, представляющие восприятие белорусами поляков в новом свете и демонстрирующие, казалось бы, уже хорошо известные черты стереотипа в совершенно неожиданных ракурсах [13].

О культурной диффузии и о проникновении элементов польского фольклора в белорусскую среду пишет и Генрик Петкевич, рассматривая образ поляка, сложившийся в фольклоре белорусов – жителей Поставского района Витебской области [20, s. 161]. Витебщина, хотя и не соседствовала с историческими польскими землями, была известна в конце XVIII – начале XIX в. своей ролью в распространении в Беларуси польскости и католицизма. Ещё в 1580 г. с разрешения Стефана Батория в Полоцке был основан иезуитский коллегиум. В 1773 г., т. е. через год после первого раздела Речи Посполитой, в результате которого восточная часть нынешней Беларуси была присоединена к Российской империи, решением папы римского Климента XIV орден иезуитов был упразднён. Екатерина II, однако, это решение не поддержала, дав возможность иезуитам заниматься наукой, образованием и миссионерской деятельностью. В результате Полоцк превратился в настоящее «гнездо» иезуитов. В здешнем иезуитском коллегиуме был открыт единственный в то время в Европе иезуитский новициат, где готовили монахов, была создана библиотека, действовала типография. В 1812 г. указом императора Александра I коллегиум был преобразован в Полоцкую иезуитскую академию с правами университета, которая стала первым высшим учебным заведением на территории современной Беларуси. Но просуществовала она всего лишь восемь лет – в 1820 г. она была ликвидирована, а иезуиты были высланы из Российской империи. Развернутая иезуитами пропаганда католичества и её успешность сильно взволновали православное духовенство. Были причины для тревоги и у политиков – в 1801 г. папа Пий VII официально разрешил существование общества на территории России, а в 1814 г. произошло полное восстановление ордена. Было очевидно, что деятельность иезуитов в пределах Российской империи полезна державам, которые не являлись друзьями России.

Г. Петкевич, говоря о поляках и польскости на Поставщине, указывает на то, что в период её нахождения в составе Польши в 1921–1939 гг. многие местные жители, будучи католиками, причисляли себя к полякам, принимали польскую культуру. Обращает внимание и на то, что речь многих из них пестрила польскими словами, образами и примерами из польского фольклора [20, s. 161–162]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что это было не их первое соприкосновение с польскостью, а возвращение к тому, с чем они уже были хорошо знакомы.

В то же время автор отмечает, что различные бытовые и социальные конфликты приводили в негативизации образа поляка: «В некоторых текстах обыгрывается взаимное непонимание носителей разных языков (белорусского и польского), персонажи в этих текстах отпускают весьма колкие остроты в адрес собеседников иной национальности» [20, s. 164].

Из приводимых им побасёнок, анекдотов, поговорок есть и такие, которые демонстрируют существовавший в межнациональных отношениях антагонизм:

1) «Мы, поляки, из осдобного пшеничного теста сделаны, а вы из кислого ржаного», – любили напоминать белорусам поляки. А белорусы отвечали: «Нас бог пёк и выпек. Только на сдобные белые булки налетели все птицы, набежали звери, приползли гады ползучие и разнесли весь по свету, а по большей части разбросали по лесам, садам, озерам, лугам. Вот и получились Лесовские, Садовские, Озеровские, Луговские и др. А черный, ржаной на столе остался, и бог его отдал мужикам, пахарям и косарям, которые с уважением к хлебу относятся» [20, s. 162];

2) «Майка не адзёжа, трус не скаціна, – паляк – не сусед!»;

3) «Чым далей ад Польшчы, тым ксяндзу горшэ» [20, s. 162].

В числе российских учёных, являвшихся первопроходцами в деле сбора и внедрения в научный оборот белорусских фольклорных материалов, в которых так или иначе отображается польский национальный характер и содержатся элементы белорусского стереотипа поляка, был Павел Михайлович Шпилевский (1823–1861 гг.). В конце 40–50-х годов XIX в. он публиковался под псевдонимом П. Древлянский. Однако академическая наука сегодня не признаёт достоверность и научность фактов, приведенных в первой работе П. М. Шпилевского «Белорусские народные предания» [21, 22, 23]. Доказано, что большая часть мифических персонажей, описанных П. М. Шпилевским, является плодом его воображения [24, 25].

Однако следует отметить, что заслуга П. М. Шпилевского состоит не в сборе фольклорных материалов, а в пробуждении интереса к белорусам и белорусскости, в содействии процессу их этнической самоидентификации и развитию белорусского национального самосознания. Что же касается белорусского стереотипа поляка, то, как выше уже было сказано, генезис его не идёт сам по себе. Этот стереотип создают, конструируют (как и любой другой), выражая психоэмоциональные реакции будущего носителя (носителей) стереотипа на объект стереотипизации. По этой причине эти труды не утратили своей актуальности и сегодня. Об этом свидетельствует неиссякаемый интерес к ним исследователей, вызывающий необходимость переиздания [26; 27].

Свой вклад в накопление белорусских фольклорных материалов, в том числе содержащих элементы белорусского стереотипа поляка, внёс Павел Васильевич Шейн (1826–1900 гг.), который делал это не только лично, но и при посредстве нескольких корреспондентов, в основном учителей, обученных им приёмам записывания и действовавших по составленной им программе. Среди них были и те, кто в будущем стал известен на научном или литературном поприще. Следует, однако, отметить, что в данных материалах польский вектор народного образотворчества белорусов проявляет себя значительно меньше еврейского, свидетельствуя о том, что в XIX в. «чужой» в образе поляка, значительно уступал по значимости и актуальности «чужому» в образе еврея. Тем не менее, именно П. В. Шейн первым опубликовал фольклорные источники, свидетельствующие о главной составляющей отношения белорусов к полякам – добродушной иронии с элементами лёгкого сочувствия. Как, например, эта шуточная песенка: «Ехаў ляшак маркавяны / Конік бураковы / На ім шапка з пастарнаку, / Жупан лапуховы, / Чабацяты з рэпы, / А шпоры з фасолі. / Пісталеты з качана, / Кулі з бараболі. / Абступілі ляха свінні, / Пачаў лях страляці. / Свінні кулі пахалалі, / Нечым ваяваці» [28, с. 568].

Немалую лепту в накопление и изучение фольклорных материалов, содержащих элементы белорусского стереотипа поляка, демонстрирующих оценку белорусами качеств польского национального характера, внесли и другие учёные (этнографы и фольклористы) – Иван Иванович Носович (1788–1877 гг.) [29; 30], Александр Казимирович Сержпутовский (1864–1940 гг.) [31; 32; 33] и др.

Таким образом, дело реконструкции белорусского стереотипа поляка на базе памятников устного народного творчества белорусов – дело непростое, но не безнадёжное. Элементы стереотипа поляка, некие оценочные суждения белорусов, касающиеся поляков и, прежде всего, их национального характера, то и дело встречаются в собранных во второй половине XIX – начале XX в. фольклорных материалах. Главная задача исследователя состоит в отсеивании лишнего – элементов польского автостереотипа, заимствований из сходных по

характеру, но всё-таки чужих стереотипов поляка (русского, например), так или иначе внедрившихся в этническое сознание белорусов, так называемого фольклора. В частности, ещё в начале XX в. российский этнограф, фольклорист, литературовед и писатель Николай Андреевич Янчук, изучив белорусские песни исторического и мифологического характера, «записанные» во второй трети XIX в., разоблачил их как подделки, заключив: «Это нескладные, порой даже бессмысленные стихотворные памфлеты, которые не только не сложены народом, но и не пошли в народ» [34, с. 16].

Материалы, собранные и опубликованные польскими, русскими и белорусскими этнографами и фольклористами, содержат, по большому счёту, не так много информации, позволяющей проводить реконструкцию белорусского стереотипа поляка. Эти материалы содержат лишь отдельные элементы данного стереотипа. Однако, показывая особенности польского национального характера, стиля поведения поляков в белорусской среде, а также реакцию на это поведение белорусов, они дают возможность воссоздать психоэмоциональную основу, на которой строился данный стереотип. Из этого следует, что без изучения памятников устного народного творчества белорусов реконструкция белорусского стереотипа поляка в принципе невозможна.

Источники и литература

1. Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения / А. К. Байбурин // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – С. 7–21.
2. Лескинен, М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности / М. В. Лескинен. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
3. Біч, М. В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / М. В. Біч // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 4. – С. 5–13.
4. Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 64–72.
5. Колас, Я. Сымон-музыка : [да 100-годдзя 1-га выдання паэмы] / Я. Колас. – Мн.: Медыял, 2018. – 284 с.
6. Lojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Lojka // Narody i stereotypy / pod red. T. Walas. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury. – S. 104–112.
7. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1897. – T. 1 : Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. – 509 s.
8. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1893 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności ; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1902. – T. 2 : Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Cz.1: Baśnie fantastyczno-mityczne – 358 s.
9. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894 : w 8 t. / M. Federowski. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności; skład główny w księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1903. – T. 3 : Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy, Nowogródka i Sokółki. Część II: Tradycje historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne – 312 s.
10. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – T. 4 : Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Święcian i Oszmiany. – 490 s.

11. Federowski, M. Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – T. 5 : Pieśni miłosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokółki, Prużany, Nowogródka i Slucka. – 917 s.
12. Federowski, M. Lud białoruski: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: kom. red. Antonina Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – T. 6 : Pieśni frywolne i tańce, pieśni różne, pieśni polskie oraz dumy i pieśni obrzędowe. – 595 s.
13. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. – Uzupełnienie do T. VI : Pieśni frywolne i taneczne – 75 s.
14. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski / kom. red. A. Obrębska-Jabłońska (przewodn.) et al. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. – T. 7 : Suplement do tomu V i VI. – 487 s.
15. Federowski, M. Lud białoruski : w 8 t. / M. Federowski / Zakład Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk: oprac. Maria Czurak; red. nauk. A. Obrębska-Jabłońska; – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. – T. 8 : Inedita, pieśni z archiwum zbieracza. – 337 s.
16. Заруцкий, С. А. трансформация этнического состава и структуры населения Брестской области в XX – начале XXI столетий / С. А. Заруцкий // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 5. Хімія. Біялогія. Навукі аб зямлі. – 2015. – № 1. – С. 63–70.
17. Этнографическая карта Е. Ф. Карского, 1903 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/29/Belarusians_1903.jpg. – Дата доступа: 15.07.2022.
18. Pietkiewicz, Cz. Polesie Rzeczyckie : materiały etnograficzne. Cz. 1. Kultura materialna / Cz. Pietkiewicz. – Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności, 1928. – 318 s.
19. Pietkiewicz, Cz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego : materiały etnograficzne / Cz. Pietkiewicz. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.
20. Pietkiewicz, H. Образы Латыша и Поляка в белорусском фольклоре (на материале Постапавскага раёна Віцебскай вобласці) [pol. Obraz Łotysza i Polaka w białoruskim folklorze. Na materiale obwodu witebskiego] / H. Pietkiewicz // Bibliotekarz Podlaski. – 2019. – № 4 (XLV). – S. 153–165.
21. Древлянский, П. Белорусские народные предания / П. Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 1. – С. 3–25.
22. Древлянский, П. Белорусские народные поверья. Статья вторая / П. Древлянский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1846. – Кн. 3. – С. 85–125.
23. Шпилевский, П. М. Белорусские народные поверья. Статья третья / П. М. Шпилевский // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. – 1852. – Кн. 3. – С. 37–68.
24. Левкиевская, Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского [Электронный ресурс] / Е. Е. Левкиевская. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya3.htm>. – Дата доступа : 20.07.2022.
25. Топорков, А. Л. Из истории литературной мифологии XIX века («Белорусские народные предания» П. Древлянского) [Электронный ресурс] / А. Л. Топорков. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov5.htm>. – Дата доступа: 20.07.2022.
26. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / М. Шпилевский; предисл., сост. С. А. Кузнецова. – 2-е изд. – Мн.: Польша, 2004. – 251 с.
27. Шпілеўскі, П. М. Беларусь у абрадах і казках / П. М. Шпілеўскі. – Мн.: Літаратура і мастацтва, 2010. – 304 с.

28. Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. – СПб.: Типография Майкова, 1873. – С. 281–770.

29. Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии. – СПб.: Типография Майкова, 1873. – С. 45–280.

30. Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. – Т. XII. – Ч. 2. – 232 с.

31. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 191 с.

32. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

33. Сержпутоўскі, А. К. Русальная нядзеля. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мн.: Вышэйшая школа, 2009. – 478 с.

34. Янчук, Н. А. О мнимо-народных белорусских песнях исторического и мифологического содержания / Н. А. Янчук. – Харьков: Типография «Печатное дело», 1908. – 23 с.

УДК 327 (476) «1917/1923» + Україна

У. Е. Снапкоўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ ССР І УКРАЇНСКАЙ ССР У ПЕРШЫЯ ГАДЫ ІСНАВАННЯ: АГУЛЬНАЕ І АСАБЛІВАЕ

Аналізуецца першы этап знешнепалітычнай дзейнасці БССР і УССР у кантэксце стварэння савецкай федэратыўнай дзяржавы (СССР). Знешнепалітычныя падзеі разглядаюцца пры дапамозе параўнальна-гістарычнага метада, які не шанаваўся ў савецкай гістарыяграфіі. Агульныя рысы знешнепалітычнай дзейнасці абедзвюх савецкіх рэспублік былі абумоўленыя працэсамі будаўніцтва федэратыўных адносін вакол РСФСР і стварэння дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік. Асаблівая, спецыфічная праяўленні знешнепалітычнай дзейнасці дзвюх рэспублік выражаліся ў якасных і колькасных характарыстыках гэтай сферы дзяржаўна-палітычных адносін. Прычым, знешнепалітычная дзейнасць УССР была больш самастойнай, актыўнай і разнастайнай у параўнанні з БССР і іншымі савецкімі рэспублікамі.

Сучасны кантэкст міждзяржаўных адносін у славянскім трохкутніку Беларусь – Расія – Украіна высвятляе ў іншым ракурсе адносіны паміж трыма савецкімі саюзнымі рэспублікамі. Аўтар у сваім тэксце засяроджвае ўвагу на першым этапе знешнепалітычнай дзейнасці БССР і УССР у кантэксце стварэння савецкай федэратыўнай дзяржавы (СССР), ядром якой была РСФСР. Наша задача заключаецца ў тым, каб прасачыць знешнепалітычныя падзеі першых гадоў існавання савецкіх рэспублік пры дапамозе параўнальна-гістарычнага метада, які не шанаваўся ў савецкай гістарыяграфіі. Пры яе выкананні аўтар абапіраецца на свае ранейшыя публікацыі па знешнепалітычнай дзейнасці БССР, дапаўняючы тэкст украінскімі, агульнасаюзнымі і расійскімі матэрыяламі і ацэнкамі гісторыкаў. З пункту гледжання метадалогіі агульным для дзвюх савецкіх, а з 1922 г. саюзных рэспублік быў падзел на аднолькавыя этапы (перыяды), які вызначаўся дзяржаўна-палітычнымі і інстытуцыянальна-прававымі крытэрыямі, што ў сваю чаргу былі абумоўленыя агульнымі працэсамі будаўніцтва і развіцця савецкай федэрацыі з моцнымі тэндэнцыямі да цэнтралізацыі і ўніфікацыі. Асаблівая, спецыфічная праяўленні знешнепалітычнай дзейнасці дзвюх рэспублік выражаліся

ў якасных і колькасных характарыстыках гэтай сферы палітычных адносін, што бачна шляхам параўнання паміж імі і з іншымі саюзнымі рэспублікамі.

Пераходзячы да тэмы, палічым неабходным сказаць колькі слоў пра сутнасць Беларускай ССР як дзяржавы/дзяржаўнага ўтварэння. У савецкія часы яе абазначалі як “суверэнную сацыялістычную дзяржаву” (Канстытуцыя БССР 1978 г.), “раўнапраўны суб’ект міжнароднага права” (працы савецкіх юрыстаў-міжнароднікаў), “дзяржаву асобнага роду” ці абмежаваны суб’ект міжнароднага права (працы заходніх юрыстаў-міжнароднікаў), залежную ад РСФСР савецкую рэспубліку ці залежную ад саюзага Цэнтра (Крамля) саюзную рэспубліку (ацэнкі замежных, заходніх урадаў), “марыянетачную дзяржаву, створаную і навязаную Масквой” (ацэнкі ўрада БНР і беларускай палітычнай эміграцыі) [1, с. 185; 2, с. 165–170]. У гэтых вельмі розных, часам дыяметральна супрацьлеглых навуковых і палітычных дэфініцыях і ацэнках адной з савецкіх саюзных рэспублік палягала сутнасць палітычнага і ідэалагічнага падзелу свету, які наступіў пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Расіі.

Гэтыя ж характарыстыкі з некаторымі пэўнымі адценнямі, пра якія будзе сказана ніжэй, маюць дачыненне і да Украінскай ССР. Аднак адно істотнае адрозненне савецкай Украіны ад савецкай Беларусі адзначым адразу: УССР з улікам яе геапалітычнага, тэрытарыяльнага, дэмаграфічнага, сацыяльна-эканамічнага, культурна-цывілізацыйнага патэнцыялу даволі значна пераўзыходзіла БССР, займаючы месца другой па велічыні і значэнні савецкай рэспублікі пасля РСФСР. Не выпадкова, што ўкраінскі эмігранцкі гісторык Я. Былінскі назваў сваю цікавую кнігу пра Украіну пасля Другой сусветнай вайны як “Другая савецкая рэспубліка” (1964 г.) [3]. З пункту гледжання месца ў сістэме міжнародных адносін УССР мела перавагу перад БССР, як і іншымі саюзнымі рэспублікамі. Яе міжнароднае становішча можна было пэўным чынам параўнаць с трыма балтыйскімі рэспублікамі, інкарпараванымі ў склад СССР у 1940 г., хаця іх месца, роля і значэнне ў складзе СССР было іншым, паколькі Запад не прызнаваў іх анексіі з боку Масквы.

Пачатак савецкай дзяржаўнасці ў Беларусі і Украіне звязаны з Кастрычніцкай рэвалюцыяй 1917 г., пасля якой на іх тэрыторыі ўзніклі савецкія сацыялістычныя рэспублікі. 1 студзеня 1919 г. рашэннямі I з’езда Кампартыі (бальшавікоў) Беларусі была абвешчана Беларуска ССР (тагачасная назва Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка Беларусі). Першы Усебеларускі з’езд Саветаў (Мінск, 2–3 лютага 1919 г.) прыняў Дэкларацыю аб устанавленні цеснай федэратыўнай сувязі паміж Савецкай Беларуссю і РСФСР, дзе падкрэслівалася неабходнасць усталявання цесных эканамічных і палітычных сувязей беларускай рэспублікі са сваім “старэйшым братам” – РСФСР. З’езд заклікаў “усе брацкія незалежныя сацыялістычныя рэспублікі” ўстанавіць па прыкладу ССРБ федэратыўныя сувязі з савецкай Расіяй [4, с. 185–186]. Так у Беларусі дзякуючы мясцовым бальшавікам, сярод кіраўнікоў якіх пераважалі іншаэтнічныя, небеларускія элементы, нарадзілася вядомая формула пра “славянскае сацыялістычнае братэрства” і падзел усходнеславянскай сям’і на “старэйшага і малодшага братоў”. Праўда, “сярэдняга ўкраінскага брата ці сястру” яна прама не ўзгадвала, але несумненна мела гэта на ўвазе.

Цікава, што Украінская ССР фармальна была абвешчана крыху пазней, чым БССР. Гэта адбылося 10 сакавіка 1919 г. у Харкаве паводле рашэнняў III Усеўкраінскага з’езда Саветаў; тады ж была прынята першая Канстытуцыя УССР. 14 сакавіка яна канчаткова зацверджана Усеўкраінскім цэнтральным выканаўчым камітэтам. Паводле пункта 4 асноўных палажэнняў Канстытуцыі, УССР заяўляла “о своей полной солидарности с ныне существующими уже Советскими Республиками и о своем решении вступить с ними в теснейшее политическое объединение для совместной борьбы за торжество мировой коммунистической революции и в теснейшее сотрудничество в области коммунистического строительства, мыслимого только в международном масштабе” (мелася на ўвазе стварэнне “Единой Международной Социалистической Советской Республики”. – УС.) [4, с. 192–193].

Трэба аднак улічваць, што УССР стала пераемніцай бальшавіцкай Украінскай Народнай Рэспублікі Саветаў (УНРС), абвешчанай 25 снежня 1917 г. і юрыдычна праіснаваўшай да сакавіка 1918 г. II Усеўкраінскі з’езд Саветаў (17–19 сакавіка 1918 г.) абвясціў УНРС “самастойнай савецкай

рэспублікай” у складзе Расійскай савецкай рэспублікі як “федэрацыі савецкіх нацыянальных рэспублік” [5]. Легітымнасць абвяшчэння УССР на тэрыторыі, што кантралявалася войскамі Рабоча-сялянскай Чырвонай арміі, як незалежнай “самастойнай” дзяржавы сёння ставіцца пад сумненне прадстаўнікамі заходняй (Э.Кар) [6, с. 244] і ўкраінскай гістарыяграфіі [7; 8].

Гэта тэндэнцыя прасочваецца, можа не так яскрава, і ў беларускай навуцы, асабліва працах дзяржавavedaў. Адзін з найбольш вядомых прадстаўнікоў беларускай школы гісторыкаў дзяржавы і права І. А. Юхо яшчэ ў 1993 г. абгрунтаваў легітымнасць абвяшчэння незалежнасці БНР і паказаў, што зусім іншым, супрацьлеглым чынам адбываўся працэс канстытуіравання Беларускай савецкай рэспублікі, вырашальную ролю ў якім адыгрывала савецкая Расія. Паводле аўтара, урад РСФСР пасля адыходу немцаў з тэрыторыі Беларусі вырашыў стварыць тут “паслухмяны сябе ўрад” і ўтварэнне ўрада ССРБ адбывалася па рашэнню ЦК РКП(б), што ставіць пад пытанне яго паўнамоцтва. І. А. Юхо канстатуе, што “адзіным законным беларускім урадам у 1918–1919 гг. быў Народны Сакратарыят Беларускай Народнай Рэспублікі, створаны Выканаўчым камітэтам Рады Усебеларускага з’езда на падставе яго рашэнняў” [9, с. 67]. Ён таксама лічыць, што выбраны на II Усебеларускім с’ездзе саветаў (снежань 1920 г.) урад пад старшынствам А. Чарвякова з’яўляўся “першым законна ўтвораным беларускім савецкім ўрадам”, які ў сваёй большасці складаўся з беларукіх камуністаў-бальшавікоў і абараняў па меры сваіх сіл інтарэсы беларускага народа [9, с. 68]. Аб легітымнасці Часовага рабоча-сялянскага ўрада, як і аб даце ўтварэння БССР, ставіць пытанні іншая вядомая беларуская даследчыца гісторыі дзяржавы і права Беларусі Т. І. Доўнар [10, с. 121–122, 125–126].

Вяртаючыся да параўнання працэсаў канстытуіравання БССР і УССР, адзначым, што ўкраінскія бальшавікі, хоць і ўжывалі тэрміны накшталт “брацкіх адносін”, але не падзялялі славянскіх братоў на “старэйшых і малодшых” і ніякім чынам не атаясамлівалі савецкую Украіну з “сярэдняй сястрой” у славянскай сям’і. У рэзалюцыі IV партыйнай канферэнцыі Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Украіны “Аб дзяржаўных адносінах Савецкай Украіны і Савецкай Расіі” ад 18 сакавіка 1920 г. падкрэслівалася вядучая роля РСФСР у барацьбе з міжнародным імперыялізмам і неабходнасць цеснага саюза УССР з Савецкай Расіяй. Разам з тым КП(б)У выступала за захаванне асобнымі савецкімі рэспублікамі дзяржаўных устаноў, накіраваных на абслугоўванне спецыфічных інтарэсаў кожнай з гэтых рэспублік [4, с. 228–229]. Большая ў параўнанні з беларускімі дзеячамі самастойнасць у палітычнай дзейнасці ўкраінскіх камуністаў праяўлялася не толькі ў тэрміналогіі, але і ў арганізацыйных формах працы, калі выканаўчы партыйны орган называўся Палітбюро ЦК Кампартыі (бальшавікоў) Украіны, імкнучыся такім чынам ураўняць сваё становішча з Палітбюро ЦК РКП(б).

З першых гадоў савецкай улады УССР займала становішча другой па моцы і значэнні савецкай рэспублікі пасля РСФСР. Моцная цяга ўкраінскіх камуністаў да захавання сваёй яўнай ці неяўнай незалежнасці, асабліва ў знешнепалітычных справах, сур’ёзна непакоіла ленінскі Саўнаркам і расійскі Наркамат замежных спраў. Гэта вылілася, як вядома, у канфрантацыю паміж двума планами стварэння СССР. Дзякуючы аўтарытэту У. І. Леніна тады перамог яго план дабраахвотнага аб’яднання савецкіх рэспублік у федэрацыю. І. В. Сталін часова адступіў са сваім праектам “аўтанамізацыі” рэспублік вакол РСФСР, але пазней ён узяў рэванш, ператварыўшы СССР ва “ўнітарную федэрацыю”. Цэнтралізатарскую палітыку І. Сталіна па аднаўленні Расійскай імперыі на савецкі лад усхваляе прэзідэнт Расійскай Федэрацыі У. У. Пуцін, які адначасова крытыкуе ленінскі план стварэння СССР, асабліва рашэнні бальшавіцкага кіраўніцтва па перадачы, на яго думку, гістарычных расійскіх тэрыторый (Данбаса і іншых) у склад УССР.

У сваім артукуле “Аб гістарычным адзінстве рускіх і ўкраінцаў” У. Пуцін адзначае, што правадыры бальшавіцкай партыі літаральна выштурхнулі за межы савецкай Расіі Данецка-Крыварожскую савецкую рэспубліку, абвешчаную ў пачатку 1918 г., якая звярнулася з просьбай аб уваходжанні ў склад РСФСР. У. Ленін прымусяў кіраўнікоў рэспублікі ўвайсці ў склад савецкай Украіны і яе тэрыторыя складала ў далейшым вобласці Паўднёвага Усходу Украіны. Вядома, што вакол тэрыторый Данецкай і Луганскай абласцей Украіны ў 2014 г. разгарэўся расійска-ўкраінскі канфлікт. У. Пуцін, крытыкуючы ленінскую нацыянальную палітыку, канстатуе:

“Большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменит национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные «подарки» [11].

Українські гісторыкі, прадстаўленыя Інстытутам гісторыі Украіны НАН Украіны і Грамадскім асветніцкім праектам “Лікбез. Гістарычны фронт”, адказалі водгукам на артыкул У. Пуціна. Яны абверглі расійскую канцэпцыю пра адзін народ, які складаецца з рускіх, украінцаў і беларусаў, адзначыўшы, што гэта вяртанне да старой схемы Расійскай імперыі пра “племена и наречия”. Наконт савецкай Украіны ў водгуку сказана, што “савецкая Расія была вымушана змірыцца з існаваннем УССР, бо альтэрнатывы не было”. Выснова ўкраінскіх гісторыкаў заключалася ў тым, што ўкраінская дзяржаўнасць адбылася і яе стварыла не савецкая ўлада, а ўкраінскі народ [12].

Першы этап знешнепалітычнай дзейнасці УССР і БССР ахопліваў 1917/1919–1923 гг. Гэта час ад паўстання савецкіх рэспублік да ўтварэння СССР і абмежавання знешнепалітычных паўнамоцтваў рэспублік у ліпені 1923 г., калі Дэкларацыя і Саюзна дагавор уступілі ў сілу. Тады адбылося выйсце ўкраінскай і беларускай савецкіх дзяржаў на міжнародную арэну. Для БССР у параўнанні з УССР яно было абмежаваным і выяўлялася ў большай ступені ва ўзаемаадносінах з савецкімі рэспублікамі і дзвюма суседнімі дзяржавамі Усходняй Еўропы (РФФСР і Польшчай). Гэта ж тычылася і палітычных узаемасувязей паміж БССР і УССР, паміж якімі не існавала актаў узаемнага прызнання, палітычных дагавораў ці пагадненняў, консульскіх адносін, якія меліся у гэтых рэспублік з РФФСР.

БССР атрымала юрыдычнае прызнанне сваёй незалежнасці з боку РФФСР, а таксама Польшчы і Германіі, аднак ні з воднай з гэтых трох дзяржаў справа не дайшла да ўстанаўлення дыпламатычных адносін і абмена пасольствамі. БССР прымала самы актыўны ўдзел у фарміраванні федэратыўных адносін з РФФСР і іншымі савецкімі рэспублікамі, складванні іх дыпламатычнага саюза, стварэнні Саюза ССР. Створаная па волі і ў знешнепалітычных інтарэсах Савецкай Расіі, Савецкая Беларусь выступала ў рэгіянальнай палітыцы як праваднік знешнепалітычнай лініі Масквы. Дыпламатычная служба БССР фарміравалася таксама пад вырасцальным уплывам РФФСР і ў кантэксце складвання федэратыўных адносін паміж дзвюма рэспублікамі. У рамках дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік БССР дэлегавала свае знешнепалітычныя паўнамоцтвы РФФСР. Але адначасова рэспубліка ажыццяўляла і пэўныя самастойныя акцыі ў адносінах з суседнімі дзяржавамі [1, с. 186; 13, с. 263–264, 310–311; 14, с. 8, 19–22].

БССР падтрымлівала адносіны з Латвіяй, Літвой, Эстоніяй, Аўстрыяй, Чэхаславакіяй, Турцыяй, Італіяй, Вялікабрытаніяй і некаторымі іншымі дзяржавамі праз дэлеганне сваіх праў і даручэнне ажыццяўляць яе прадстаўніцтва органам знешніх зносін РФФСР. Але гэта не былі адносіны, заснаваныя на прызнанні дэ-факта, паколькі такога прызнання рэспубліка не атрымала. БССР асобна ці разам з РФФСР і УССР заключыла ў 1921–1923 гг. 12 міжнародных дагавораў і пагадненняў, у тым ліку пагадненні з Эпідэмічнай камісіяй Лігі Нацый, санітарныя канвенцыі з Латвіяй, Эстоніяй і Польшчай [15, с. 25]. Важнейшымі сярод іх былі Рыжскі мірны дагавор, адным з бакоў якога заходнія дзяржавы лічылі БССР, і Дагавор аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на іншыя савецкія рэспублікі. Тры савецкія рэспублікі, потым ужо СССР падпісалі з Польшчай консульскую, санітарную, ветэрынарную, чыгуначную, паштова-тэлеграфную канвенцыі, што стварыла дагаворна-прававую базу для вырашэння наспелых пагранічных праблем і развіцця міжнароднага супрацоўніцтва. БССР з’яўлялася раўнапраўным удзельнікам савецка-польскіх пагадненняў і іх выканаўцам, хаця яе роля пры іх распрацоўцы і наступнай рэалізацыі магла быць несумненна большай [16, с. 310–311]. Гэтаму перашкаджалі цэнтралізатарскія памкненні Масквы і моцная залежнасць маленькай, шасціпавятовай рэспублікі ад “старшага брата”.

А як развіваліся знешнепалітычныя сувязі УССР? Яны былі больш актыўнымі і разнастайнымі. Гэтаму садзейнічаў рэспубліканскі НКЗС, структура якога значна нагадвала структуру расійскага НКЗС. Паводле вядомага ўкраінскага гісторыка С. В. Віднянскага, УССР

“выступала на міжнароднай арэне як суверэнная і незалежная дзяржава” і праводзіла да пачатку 1923 г. “актыўную знешнюю палітыку”. Яна ўсталявала дагаворныя адносіны з 15 дзяржавамі, у тым ліку Літвой, Эстоніяй, Турцыяй, Чэхаславакіяй, РСФСР, Венгрыяй, Аўстрыяй, Германіяй, Францыяй, Латвіяй, і заключыла з імі самастойна ці разам з іншымі савецкімі рэспублікамі больш за 80 дагавораў, пагадненняў і канвенцый [17, с. 11]. Яны рэгулявалі такія важныя сферы міждзяржаўных адносін, як праблемы вайны і міра (Рыжскі мірны дагавор з Польшчай), устанавленне дыпламатычных і гандлёвых адносін, прававыя, пагранічныя, эканамічныя, фінансавыя пытанні, праблемы сувязі, транспарта, аховы здароўя. Урад УССР падтрымліваў дыпламатычныя сувязі і адносіны з Аўстрыяй, Германіяй, Італіяй, Польшчай, Чэхаславакіяй і Турцыяй і амаль ва ўсіх гэтых краінах меў сваіх афіцыйных прадстаўнікоў [18, с. 14–15]. На пачатку 1920-х гг. Германія, Аўстрыя, Чэхаславакія мелі на Украіне спецыяльныя місіі, а дыпламатычныя місіі Аўстрыі і Італіі ў Маскве былі адначасова місіямі пры ўрадзе УССР [15, с. 25]. УССР з’яўлялася актыўным удзельнікам дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік. На Генуэзскай і Гагскай канферэнцыях прадстаўнік УССР уваходзіў у склад адзінай дэлегацыі РСФСР, упаўнаважанай прадстаўляць інтарэсы астатніх савецкіх рэспублік. Украінская дэлегацыя была прадстаўлена на Лазанскай канферэнцыі 1922–1923 гг. як член аб’яднанай руска-ўкраінска-грузінскай дэлегацыі [19, с. 92].

Становішча са знешнепалітычнай актыўнасцю савецкіх рэспублік істотна змянілася пасля іх уваходжання ў склад СССР. 30 снежня 1922 г. чатыры савецкія рэспублікі РСФСР, УССР, БССР і Закаўказская Савецкая Федэратыўная Сацыялістычная Рэспубліка (у складзе Азербайджанскай, Армянскай і Грузінскай ССР) падпісалі Дэкларацыю і Дагавор аб стварэнні Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. Паводле Саюзнага дагавора прадстаўніцтва Саюза ў міжнародных зносінах пераходзіла ў рукі саюзных органаў. 23 ліпеня 1923 г. у сувязі з уступленнем у сілу Дэкларацыі і Дагавора аб утварэнні СССР наркам замежных спраў СССР Г. Чычэрын накіраваў прадстаўнікам усіх дзяржаў, акрэдытаваных у СССР, у тым ліку Германіі, Вялікабрытаніі, Кітая, ноты з паведамленнем аб перадачы НКЗС СССР права на вядзенне ўсіх міжнародных зносін ад імя Саюза ССР [20, с. 42–43].

12 верасня 1923 г. старшыня ЦВК і СНК, наркам замежных спраў БССР А. Чарвякоў выступіў з заявай аб перадачы ўраду СССР паўнамоцтваў БССР на вядзенне ўсіх яе міжнародных спраў, у тым ліку на ажыццяўленне знешнегандлёвых зносін, мытнай справы, кіраванне шляхамі зносін, поштай і тэлеграфам, заключэнне канцэсійных дагавораў [20, с. 55–56]. 30 лістапада 1923 г. Прэзідыум ЦВК БССР прыняў пастанову аб рэарганізацыі цэнтральных устаноў БССР, паводле якой НКЗС БССР быў пераўтвораны ва Упраўленне ўпаўнаважанага НКЗС СССР у Беларусі (пазней – пры СНК БССР) з перадачай яму спраў, маёмасці і архіва былога НКЗС Беларусі [20, с. 61–62]. Такой жа рэарганізацыі падлягалі Упраўленне ўпаўнаважанага Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР пры СНК БССР (Белзнешгандаль) і іншыя ўпраўленні, створаныя ў 1921 г. Аналагічныя мерапрыемствы былі праведены ва Украінскай ССР.

Уступленне БССР і УССР у склад Саюза ССР прадвызначыла пачатак новага этапу ў гісторыі беларускай і ўкраінскай дзяржаўнасці, прывяло да істотнага змянення месца і ролі знешнепалітычных функцый рэспублік. Адзначым, што гэта якасна новая ацэнка стану знешнепалітычнай дзейнасці саюзных рэспублік, якая сфармулявалася ў беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі ў 1990-я гг. Паводле С. Віднянскага, “украінскій прарыў ў міжнародныя адносіны быў кароткачасовай з’явай ў еўрапейскай палітыцы, паколькі са стварэннем СССР Украіна згубіла права на самастойную знешнепалітычную дзейнасць” [17, с. 11]. Паводле нашых прац, пасля перадачы паўнамоцтваў на вядзенне міжнародных спраў саюзнаму НКЗС знешнепалітычная дзейнасць БССР хутка згасе і фактычна спыняецца [21, с. 297].

Тым не менш да 1926 г. харкаўскае кампартыйнае кіраўніцтва яшчэ праводзіла “ўкраінскую закардонную палітыку”, маючы камісію па замежных справах пры палітбюро ЦК КП(б)У, Упраўленне ўпаўнаважанага НКЗС СССР пры СНК УССР і ўкраінскае пастаяннае прадстаўніцтва ў Маскве. Пасля зліцця дыпламатычных служб НКЗС УССР з расійскімі

прадстаўніцтвамі ў складзе савецкіх пасольстваў апынулася пэўная колькасць украінскіх саветнікаў і сакратароў. Праз іх у Харкаве спадзяваліся рэалізоўваць “украінскую закардонную палітыку”, якая, аднак, увесь час натыкалася на сапраціўленне кіраўнікоў саюзнага НКЗС. У рэшце рэшт украінскія палітычныя дзеячы, як вобразна пішуць аўтары “Нарысаў гісторыі дыпламатыі Украіны”, “постійно нараджаючыся на образлівы шчиглі й потыличнікі “старшого брата”, (пастаянна натыкаючыся на абразлівыя шчаўбаны і падзатыльнікі “старшага брата”. – пераклад на бел. мову) зразумелі, што павінны займацца не міжнароднай палітыкай, а выключна міжнароднай працай у межах палітыкі, акрэсленай Масквой. Вынікам гэтага стала ліквідацыя ў 1926 г. камісіі па замежных справах пры Палітбюро ЦК КП(б)У і ўкраінскіх консульскіх устаноў [22, с. 445–451].

У заключэнні адзначым, што знешнепалітычная дзейнасць УССР пачалася раней і была больш актыўнай і разнастайнай, чым Беларускай ССР. Нягледзячы на аднолькавы дзяржаўна-палітычны і міжнародна-прававы статус абедзвюх рэспублік, УССР з’яўлялася больш самастойнай і “незалежнай” ва ўнутранай і знешняй палітыцы, чым БССР. Аб прычынах і праявах гэтай самастойнасці сказана вышэй. УССР к моманту стварэння СССР назапасіла большы, чым БССР, знешнепалітычны патэнцыял, з якім не жадала развітацца. Харкаў у адрозненні ад Мінска да канца змагаўся за захаванне ўласнага НКЗС, а пасля яго зліцця з расійскім наркаматам украінскія камуністы працягвалі барацьбу з Масквой за захаванне ўкраінскіх дыпламатычных прадстаўнікоў у саюзных пасольствах і рэспубліканскія консульскія сталы.

Даследчы дыскурс украінскіх гісторыкаў таксама адрозніваецца ад беларускіх, як і ад расійскіх. Гэта праяўлялася ў савецкія часы і стала больш відавочным у гады незалежнасці. Тэрміналагічна ўкраінскія падыходы выражаліся ў фармулёўках накіраваных “знешняя палітыка УССР” ці “дыпламатыя УССР” адносна першых гадоў існавання савецкіх рэспублік. Беларускія даследчыкі, у тым ліку аўтар, які працуе ў гэтай сферы з канца 1970-х гг., не ўжывалі раней, як і зараз, гэтых смелых азначэнняў, уласцівых незалежнай і суверэннай дзяржаве. Мы не без падстаў лічым, што 6-павятовая БССР з насельніцтвам у паўтара мільёна чалавек і плошчу ў 52 тыс кв. км (гэта Мінская губерня да ўзбуйненняў) была моцна залежнай ад РСФСР і ў пытаннях знешняй палітыкі прытрымлівалася ўзгодненага, дакладней прадрыктаванага з Масквы курса. Хаця зараз вядомы прыклады змагання беларускіх нацыянальна-камуністаў за знешнепалітычную аўтаномію. Ідэалагічна і ментальна-псіхалагічна гэта падпарадкаванасць вынікала з тэзы ці пастулату аб “брацкіх адносінах” ва ўсходнеславянскай сям’і і неабходнасці для малодшага брата слухацца старшага. Падобнай моцнай прывязкі да сямейных вузаў не было ва ўкраінскіх бальшавікоў, якія да таго ж выглядалі этнічна больш згуртаванымі, чым беларускія кіраўнікі з іх моцным іншаэтнічным элементам і нацыянальным нігілізмам. Таму апошнія лягчэй развіталіся з суверэнітэтам і ўласным НКЗС. Новы этап барацьбы саюзных рэспублік за выхад на міжнародную арэну і знешнепалітычную самастойнасць пачаўся ў 1943–1944 гг. У яе авангардзе зноў аказалася Украінская ССР, да якой І. Сталін прысцягнуў БССР, у выніку чаго гэтыя, паводле яго выразу, “дзве асноўныя савецкія рэспублікі” былі ўключаны ў склад першапачатковых дзяржаў-членаў ААН.

Крыніцы і літаратура

1. Снапкоўскі, У. Е. Перыядызацыя гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці Беларускай ССР / У. Е. Снапкоўскі // Гістарычны лёс беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі) : зб. артыкулаў / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2021. – С. 183–190.
2. Кремнев, П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы / П. П. Кремнев. – М.: Зерцало-М, 2005. – 255 с.
3. Bylinski, J. The Second Soviet Republic. The Ukraine after World War II / J. Bylinski. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1964. – 539 p.

4. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. Сост. А. А. Липатов, Т. В. Савенков. Под ред. С. С. Студеникина. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1957. – 1046 с.
5. Второй_Всеукраинский_съезд_Советов [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Второй_Всеукраинский_съезд_Советов. – Дата доступа: 20.06.2022.
6. Карр, Э. История Советской России : в 2 кн. / Э. Карр / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1, т. 1, 2 : Большевицкая революция. 1917–1923. – 768 с.
7. Гай-Нижник, П. «Самостійна» УСРР: хронологія виникнення маріонеткової псевдодержави та її «добровільного» вступу до СРСР / П. Гай-Нижник // Україна Incognita: веб-додаток до всеукраїнської газети «День». – 2011. – 27 грудня [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://incognita.day.kiev.ua/xronologiya-viniknennya-marionetkovoyi-psevdoderzhavi.html/> – Дата доступа: 20.06.2022.
8. Калініченко, В. В. Історія України : в 3 ч. / В. В. Калініченко, І. В. Рибалка. – Харків: ХНУ імя В. Н. Каразіна, 2004. – 628 с.
9. Юхо, Я. Беларускія ўрады 1918–1921 гг. і іх паўнамоцтвы / Я. Юхо // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 63–68.
10. Доўнар, Т. І. Да праблемы ўтварэння беларускай савецкай дзяржаўнасці / Т. І. Доўнар // Гістарычны лёс беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі) : зб. артыкулаў / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2021. – С. 121–126.
11. Стаття Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» 12 июля 2021 г. [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>. – Дата доступа: 20.06.2022.
12. Відгук українських істориків на статтю В. Путіна «Про історичну єдність росіян та українців» [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://history.org.ua/uploads/editor-files/2021_07/60f173e4b208a.pdf. – Дата доступа: 20.06.2022.
13. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4-х т. / склад: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. I : 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг., ч. 2 : 3 студзеня 1920 – 18 сакавіка 1921 гг. – 393 с.
14. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дак. і матэрыялаў : у 4-х т. / склад: А. Ф. Вялікі [і інш.]; рэкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2012. – Т. II : 19 сакавіка 1921 – 31 жніўня 1939 г. – 480 с.
15. Бахов, А. С. Великий Октябрь и создание органов советской дипломатии (историко-правовые аспекты) / А. С. Бахов // Дипломатический вестник. Год 1987. – М.: Международные отношения, 1988. – С. 18–30.
16. Snapkowski, U. Białoruś Radziecka i realizacja postanowień traktatu ryskiego / U. Snapkowski // Polacy na Białorusi od Powstania Styczniowego do XXI wieku. Tom IV: Rok 1920 na tle przełomów politycznych XX wieku. Pod red. T. Gawina. – Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2020. – S. 293–316.
17. Віднянський, С. В. Україна в Європі у минулому столітті: від об'єкта до суб'єкта міжнародних відносин / С. В. Віднянський // Міжднародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 10. Міжвідомчий збірник наукових праць. Відп. ред. С. В. Віднянський. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2001. – С. 9–21.
18. Десять лет советской дипломатии: Акты и документов. – М.: Изд. Лениздата Наркоминдела, 1927. – 124 с.
19. Кравец, В. А. Украинская ССР в международных отношениях / В. А. Кравец // Дипломатический вестник. Год 1987. – М.: Международные отношения, 1988. – С. 90–105.
20. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т / склад. У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа. – Мінск: Без месца выд., 1999. – Т. 2 : 1923–1927 гг. – 461 с.
21. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. – Минск: БГУ, 2013. – 495 с.

22. Кульчицкий, С. В. Европейська дипломатія та Україна у міжвенны період (1921–1939) / С. В. Кульчицкий, О. В. Павлюк, М. В. Кірсенко // Нариси з історіі дїпломатіі Украіны. – Кіів: Альтернатывы, 2001. – С. 397–490.

УДК 94:327((47+57):438)«1921»:94(4-11)

Р. Р. Лазько
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

РЫЖСКІ МІР 1921 ГОДА Ў НАВЕЙШАЙ ГІСТОРЫІ НАРОДАЎ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

У артыкуле разглядаецца значэнне Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. для народаў даўняй Рэчы Паспалітай, паказваецца, што яно не было аднолькавым, выясняюцца прычыны гэтай дыферэнцыяцыі, ацэньваецца ўплыў дагавора на гістарычныя лёсы названых народаў у міжваенны час.

Мірны дагавор паміж Савецкай Расіяй і Польшчай 1921 г. вядомы як Рыжскі, мог з’явіцца і рэальна з’явіўся ў агульным працэсе фарміравання новай сістэмы міжнародных адносін у Еўропе, контуры якой вызначыліся вынікамі Першай сусветнай вайны. Істотнымі канструктыўнымі элементамі гэтай сістэмы было фарміраванне новых нацыянальных дзяржаў на ўсходзе кантынента, адраджэнне Польскай Рэспублікі, нёсшай на сабе “радзімую пляму” ў выглядзе гістарычнай памяці аб выдатным месцы Польшчы на еўрапейскім Усходзе, і адначасова – аслабленне “старых”, даваенных суб’ектаў міжнародных адносін у гэтай частцы Еўропы – Германіі і асабліва Расіі. Беларуска-гістарыяграфія толькі пачала рэалізоўваць падыход да гісторыі Рыжскага міру як да аднаго з элементаў пасляваеннай (і міжваеннай) сістэмы міжнародных адносін [1; 2], падыход, які абяцае “прасоўванне” ў накірунку больш глыбокага разумення дагавора, пакінуўшага трагічны след у навейшай гісторыі Беларусі. Спадзяемся, наш артыкул з’явіцца крокам у адпаведным накірунку.

Такім чынам, абапіраючыся на ранейшыя даследаванні, паспрабуем даць ацэнку Рыжскага дагавора ў больш шырокім кантэксце гісторыі Беларусі і іншых народаў былой Рэчы Паспалітай. Пры аглядзе значэння дагавора ў гэтым кантэксце, не ўзнікае сумненняў, што яно было неаднолькавым для народаў гэтага рэгіёну. Тая ацэнка Рыжскага трактата, якая была выказана яшчэ ў час яго заключэння беларускімі публіцыстамі і паэтамі, як акта падзелу Беларусі, учыненага “чужаніцамі”, як трагедыі беларускага народа, з перспектывы часу выглядае цалкам слушнай. Народ, які ў сваім гістарычным развіцці выйшаў у стадыю стварэння нацыянальнай дзяржавы і пачаў яе тварэнне, не знайшоў у сабе сіл, каб не дапусціць трагедыі падзелу. У Рызе беларускі народ стаў ахвярай змовы двух сваіх суседзяў – адроджанай Польскай дзяржавы і Савецкай Расіі, якія вялі барацьбу за кантроль над геапалітычнай прасторай былой Рэчы Паспалітай, намерваючыся пераўтварыць яе ў зыходную пазіцыю для рэалізацыі ўласных геапалітычных планаў. Для абодвух праціўнікаў беларускі дзяржаватворчы рух быў толькі інструментам рэалізацыі гэтых планаў.

Гэта ацэнка Рыжскага дагавора як змовы двух буйнейшых суседзяў Беларусі, накіраванай супраць беларускага народа, абапіраецца на ўказаную намі [3] і адкінутую альтэрнатыву падзелу. Шукаючы яе, неабходна было дакладна вызначыць той гістарычны перыяд, калі такая альтэрнатыва сапраўды існавала, бо ў той пераломны час сусветнай гісторыі сітуацыя мянялася хутка і адпаведна хутка складваліся новыя ўмовы гістарычнага развіцця Беларусі і ўсходнееўрапейскага рэгіёна ў цэлым. Адна сітуацыя існавала на мяжы 1918–1919 гг., калі абодва суседзі Беларусі ўцягваліся ва ўзброеную барацьбу паміж сабой, іншая – падчас паходу Чырвонай Арміі на Варшаву, да так звананага “цуду на Вісле”, і зусім іншая – восенню 1920 г., калі ўзброеная барацьба двух праціўнікаў змянілася іх

дыпламатычнай барацьбой. На працягу 1919–1920 гг. праціўнікі неаднойчы адхілялі варыянты кампраміснага і менш цынчнага выражэння сваёй тэрытарыяльнай спрэчкі. Амаль пасля двух гадоў крывавай барацьбы падзел адбыўся. Беларускі народ, будучы адной з тых сіл, што прымусіла абодвух “чужаніц” сесці за стол перагавораў, здолеў уратаваць для сябе толькі савецкую квазідзяржаву на частцы тэрыторыі Мінскай губерні, і каля 10 гадоў часу для больш-менш спакойнага свайго развіцця.

Трагедыя падзелу затрымала завяршэнне працэсу фарміраванн беларускай нацыі – усіх яе кампанентаў, прычым, магчыма, у найбольшай ступені – яе свядомаснага кампанента. Нават пасля завяршэння Другой сусветнай вайны яшчэ доўга беларусы з даваеннай БССР будуць успрымаць сваіх суайчыннікаў з даваеннай Заходняй Беларусі як “заходнікаў”, а тыя іх – як «васточнікаў», знаходзячы для гэтых акрэсленняў шмат аргументаў – не толькі геаграфічных, і нават не іх у першую чаргу.

Разам з тым, ацэньваючы акт падзелу як фактар, што аслабляў патэнцыял беларускай нацыі, стрымліваў яе развіццё, нельга не ўлічваць, як мінімум, адзін яго кампанент, які ў нейкай ступені змяншаў негатыўны ўплыў гэтага фактара. Гаворка ідзе аб з’яўленні на кароткі час, не больш чым на дзесяцігоддзе, феномена беларускага “П’емонта” на тэрыторыі савецкай Беларусі. Яго стварала палітыка савецкага кіраўніцтва, накіраваная на тое, каб “расшыць” польскую дзяржаву па “нацыянальных швах”, гэта значыць, выкарыстаць дзеля яе асаблення нацыянальныя рухі падзеленых народаў. Прыклад паспяховага нацыянальнага развіцця “савецкіх” беларусаў павінен быў стаць прыцягальным для беларусаў з Заходняй Беларусі. Такая ж роля адводзілася і ўкраінскаму нацыянальнаму руху.

З часу заключэння польска-савецкага дагавора аб ненападзенні ў 1932 г. (а фактычна – з часу яго падрыхтоўкі) мы бачым зусім іншую сітуацыю – паралельную барацьбу двух дыктатарскіх рэжымаў – бальшавіцкага і санацыйнага – супраць беларускага руху ва ўсіх яго праяўленнях. Гэта сітуацыя дазваляе зразумець, што “беларускі П’емонт” у значнай ступені быў вынікам палітычнай кан’юнктуры, яго дзеянне было непрацяглым, і няма падстаў перабольшваць яго значэнне.

Гаворачы аб значэнні Рыжскага трактата для гісторыі ўкраінскага народа, неабходна прыняць да ўвагі больш значны патэнцыял Украіны, назапашаны да моманту яе падзелу – дэмаграфічны, эканамічны, культурны – і больш высокі ў параўнанні з Беларуссю ўзровень мадэрнізаванасці тых яе раёнаў (хоць і неаднолькава высокі), якія “выпалі” з Аўстрыйскай імперыі ў перыяд яе распаду восенню 1918 г. Заходнія ўкраінцы, што пачалі свой шлях да мадэрновай нацыі ў межах імперыі Габсбургаў, мелі значны вопыт самаарганізацыі ў выглядзе ўдзелу ў кааператыўным руху, у дзейнасці органаў мясцовага самакіравання. Яны некаторы час карысталіся ўсеагульным выбарчым правам, мелі свае палітычныя партыі. Выдатнае значэнне мела існаванне такога буйнога культурнага цэнтра (хоць і рэальна дуалістычнага) як Львоў, іншых украінскіх асяродкаў у Галіцыі і за мяжой. Усходнегаліцыйскі ўкраінскі “П’емонт”, існаваўшы яшчэ да 1918 г., выконваў сваю мабілізуючую роль і пасля 1921 г. Гэты патэнцыял дазволіў украінскаму этнасу з меншымі стратамі перажыць траўму падзелу, і забяспечыць большую яго ўстойлівасць адносна палітыкі дэнацыяналізацыі, якую ўласцівымі ім метадамі праводзілі абодва антыўкраінскія рэжымы – бальшавіцкі і санацыйны.

Сваё адметнае значэнне Рыжскі трактат меў і для літоўскага народа. Устаноўленая ў Рызе польска-савецкая граніца, зафіксаваўшы перадачу ў склад Польшчы шырокай паласы беларускай зямлі, “адгарадзіла” Літоўскую Рэспубліку ад яе кан’юнктурага саюзніка ў барацьбе супраць польскай экспансіі – Савецкай Расіі. Акрамя таго, адно з палажэнняў трактата забараніла савецкаму ўраду ўмешвацца ў справы тэрыторый, што засталіся на захад ад гэтай граніцы, пазбавіўшы Літву легальных падстаў у сваім канфлікце з Польшчай апелірываць да былога гаспадара гэтых тэрыторый – да Расіі. Сухі юрыдычны сэнс гэтага палажэння ахопліваў і тыя раёны Гарадзеншчыны, якія савецкі ўрад перадаў Літоўскай Рэспубліцы за некалькі тыдняў да другога абвяшчэння Беларускай Савецкай Рэспублікі, спакусіўшы гэтым Літву падтрымаць паход Чырвонай Арміі на Варшаву. Праз некалькі месяцаў, забяспечыўшы сябе з усходу Рыжскім дагаворам, Варшава, асабіста кіраўнік

Польскай Рэспублікі Юзаф Пілсудскі, арганізавалі свой паход на Вільню і адабралі Віленшчыну ў Літвы. Абвостраны гэтай акцыяй польска-літоўскі канфлікт застаўся закранутым амаль на два дзесяцігоддзі як траўма нацыянальнай свядомасці літоўцаў, цягнуўся ён і далей, і невядома, ці залагоджаны цалкам да сёння.

Ацэньваючы значэнне Рыжскага трактата для гісторыі Літвы, неабходна ўлічваць і факт перадачы Віленшчына ў склад Літоўскай Рэспублікі сталінскім кіраўніцтвам СССР пасля ліквідацыі гэтага трактата, праведзенай у выніку змовы Сталіна і Гітлера восенню 1939 г. Сталінскім кіраўніцтвам быў зроблены жэст, прызначаны на тое, каб аблегчыць літоўцам прыняцце запланаваанай у Крамлі ліквідацыі іх дзяржавы шляхам уключэння яе ў склад СССР. Такім чынам, мы бачым тут ланцуг несправядлівасцей і бяспраўя. Рыжскі дагавор, рассекшы беларускі край папалам, заблакіраваў савецка-літоўскі дагавор 1920 г., падпісаны без уліку інтарэсаў беларускага народа, а разам з тым, яго ліквідацыя праз 19 год, дазволіўшая літоўцам атрымаць Віленшчыну, прыкрывае іншае бяспраўе: “упіхванне” Літвы ў склад СССР. Так, можна згадзіцца са сцвярджаннем польскіх гісторыкаў аб тым, што Рыжскі дагавор адтэрмінаваў на 20 год саветызацыю Літвы, а разам з ёю, як можна меркаваць, і іншых прыбалтыйскіх рэспублік. Але зноў жа тут узнікае тое ж пытанне аб страчанай альтэрнатыве рыжскаму падзелу.

Адказ на гэта патынне неабходна пачаць з канстатацыі таго факта, што Рыжскі дагавор завяршыў вайну паміж дзяржавамі, якія з’яўляліся антаганістычнымі элементамі ў міжнароднай сістэме, будаўніцтва якой на той момант не было завершана. Гэтыя дзве акалічнасці – роля Польшчы і Савецкай Расіі (пазней СССР) у міжнароднай сістэме, якую будучь называць Версальскай, і незавершанасць яе будаўніцтва, а затым і ўскраінны ў межах сістэмы характар польска-савецкага канфлікту, што было адной з прычын яе слабасці, абумовілі значэнне Рыжскага дагавора для гісторыі Еўропы, – перш за ўсё для яе ўсходнеўрапейскай часткі. Рыжскі дагавор садзейнічаў стабілізацыі Версальскай сістэмы, але яго стабілізуючы патэнцыял не меў доўгатэрміновага характару і быў абмежаваны трываласцю сістэмы ў цэлым, якая, як і кожная іншая сістэма, залежыць ад суадносін, дынамікі патэнцыялаў яе цэнтраімклівых і цэнтрабежных элементаў. Можна згадзіцца з ацэнкай Рыжскага дагавора як ахоўнага бар’ера для Цэнтральна-Усходняй Еўропы, за якім і Польшча, і краіны Прыбалтыкі, іншыя краіны, атрымалі магчымасць заняцца будаўніцтвам нацыянальных дзяржаў, стварылі асновы грамадзянскай супольнасці. Але гэты аспект Рыжскага дагавора не варта перабольшваць. Неабходна мець на ўвазе альтэрнатыўныя варыянты расійска-польскага замірэння, меўшыя, праўда, розныя шансы на рэалізацыю. Варыянт са стварэннем паміж Савецкай Расіяй і Польшчай паласы “буферных” нацыянальных дзяржаў, які “ўсплываў” у ходзе рыжскіх перагавораў у выглядзе прапановы кіраўніка польскай дэлегацыі Яна Домбскага, быў мала рэальным – яго катэгарычна не жадала Масква і не адстойвала Варшава. Але варыянт, які знайшоў адлюстраванне ў вядомай ноце Керзана (дзяржаўная мяжа на ўсходзе больш-менш супадае з этнічнай польска-беларускай мяжой), пры ўмове яго прыняцця Польшчай, меў сур’ёзныя шансы на рэалізацыю. Так, калі ацэньваць яго ў межах польскай палітычнай ідэалогіі таго часу, то мы знойдзем у ім істотную слабасць, бо гэты варыянт пакідаў Вільню і эвентуальна Усходнюю Галіцыю па-за граніцамі Польскай дзяржавы. Але калі глядзець на гэтую “слабасць” праз прызму пазнейшых падзей, праз прызму самога лёсу Польскай Рэспублікі, то ці не стала б гэта “слабасць” хутчэй моцным элементам пасляваеннага ўладкавання адроджанай Польскай дзяржавы? Відавочна, што гэты варыянт забяспечваў большую аднароднасць яе этнічнага складу, большую сацыяльную ўстойлівасць, ствараў бы менш падстаў для ўмяшання ва ўнутранае жыццё краіны з-за ўсходняй мяжы з мэтай “распароць” Польскую дзяржаву па нацыянальных швах. І што яшчэ немалаважна – устанаўленне польскай усходняй граніцы адпаведна з лініяй, прапанаванай у ноце Керзана, было б *агульным праектам дзяржаў-пераможцаў і Польшчы, накіраваным на ўладкаванне Усходняй Еўропы*, што, несумненна, аблегчыла б яе абарону супраць дзяржаў-рэвізіяністаў, да якіх належалі абодва вялікія суседзі Польшчы – Германія і СССР. Згодны, гэта меркаванне можа быць аспрэчана са спасылкай на негатыўнасць польскага грамадства прыняць варыянт,

які пакідаў і Літву, і ўсходнеславянскія тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай па-за межамі адроджанай Польскай дзяржавы. Але якую пазіцыю па гэтым пытанні заняла сама Польская дзяржава, яе ўлады і палітычныя эліты? Яны прапагандавалі анахранічную ідэю ўключэння ў склад Польскай Рэспублікі ці злучэння з ёю ў іншай форме “ўсходніх крэсаў” былой Рэчы Паспалітай “абодвух народаў”, насуперак ідэі нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння ўсіх народаў-заснавальнікаў былой федэратыўнай поліэтнічнай дзяржавы. Згодны і з тым, што аптымальнага варыянта дзяржаўнага размежавання Польскай Рэспублікі з яе ўсходнімі суседзямі не было. Але з існаваўшых альтэрнатыўных варыянтаў у выніку польска-бальшавіцкай змовы ў Рызе быў рэалізаваны найгоршы. І гэты варыянт быў прадыктаваны страхам – з боку бальшавіцкай Расіі гэта быў страх перад чарговай галоднай зімой, а з боку Польшчы – перад самой пасляваеннай імперыялістычнай Расіяй.

Можам зразумець тых аўтараў, каго сёння, праз 100 з лішкам гадоў пасля заключэння Рыжскага дагавора, пазбаўляе душэўнага камфорту яго інтэпрэтацыя як прычыны трагедыі беларускага і ўкраінскага народаў, каму прыемней гаварыць толькі аб яго прагрэсіўным змесце – аб тым, што дагавор уратаваў немалую колькасць беларусаў і ўкраінцаў ад сталінскіх рэпрэсій [4, s. 131–162]. Гэта праўда, хоць пры гэтым дагавор не ўратаваў беларускую адукацыю і беларускую царкву ў Заходняй Беларусі. Але гаворка зараз не аб гэтым. Не трэба падмяняць пытанні адно другім. Тут мы ставім пытанне пра тое, што *быў адкінуты іншы варыянт мірнага дагавора*, які, вельмі верагодна, меў шанс прынцыпова змяніць як сітуацыю Беларусі і Украіны, так і ў цэлым сітуацыю ў Усходняй Еўропе. Відавочна, што гэты варыянт мог быць рэалізаваны толькі на аснове супрацоўніцтва Польскай Рэспублікі з БНР і УНР, а не супраць іх. Вось жа савецкі расійскі ўрад прывёў за стол перагавораў сваю марыянетку – Савецкую Украіну, але УНР там не было, як не было і БНР. Чаму? І гэта пры тым, што восенню 1920 г. Савецкая Расія знаходзілася ў слабейшай пазіцыі, чым Польшча. Несумненна, гэта пытанне патрабуе далейшага вывучэння. Але на іншае пытанне адказ можа быць дадзены ўжо сёння – на пытанне аб тым, які патэнцыял у Версальскай (ці Версальска-Рыжскай) сістэме меў польска-савецкі мірны дагавор, падпісаны ў Рызе – цэнтрабежны ці цэнтраімклівы, разбуральны ці стваральны? Ёсць падставы сцвяржаць, што ён стаў адной з пляцовак для супрацоўніцтва праціўнікаў Версальскай сістэмы, стаў мінай, закладзенай пад яе, адной з такіх, якія выбухнуць у Еўропе праз 19 год. І ў значнай ступені гэта яго роля вызначалася тым, што ён быў заключаны насуперак жыццёвым інтарэсам беларускага і ўкраінскага народаў.

Крыніцы і літаратура

1. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск: “Беларуская навука”, 2017. – 269 с.
2. Дуброўка, А. М. Дысертацыя кандыдата гістарычных навук і шэраг артыкулаў. Адзін з апошніх: Дуброўка, А. “... у дачыненні да Польшчы я чакаю самыя вялікія складанасці”: Джозэф Осцін Чэмберлен аб праблеме бяспекі ў Еўропе ў сярэдзіне 1920-х гадоў / А. Дуброўка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2022. – №2. – С. 24–30.
3. Лазько, Р. Р. Адкінутая альтэрнатыва (старонка з гісторыі польска-савецкіх мірных перагавораў 1920 года) / Р. Лазько // Рижский договор: взгляд через столетие : сб. научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 57–66.
4. Nowak, A. Ryga: interpretacje i konsekwencje w polityce międzynarodowej / A. Nowak // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / Pod red. Sławomira Dębskiego. – Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. – S. 131–162.

**ПЫТАННЕ АБ НАКІРАВАННІ НОТЫ НАРОДНАГА КАМІСАРЫЯТА
ЗАМЕЖНЫХ СПРАЎ БССР НА АДРАС
МІНІСТЭРСТВА ЗАМЕЖНЫХ СПРАЎ ПОЛЬШЧЫ 21 ЖНІЎНЯ 1921 ГОДА**

Накіраванне ноты Народнага камісарыята замежных спраў БССР на адрас Міністэрства замежных спраў Польшчы 21 жніўня 1921 г. дэманструе пачатак фарміравання дыпламатычнага саюза паміж БССР і РСФСР, умацаванне федэратыўных сувязей, што вылівалася ў абмежаванне знешнепалітычных паўнамоцтваў БССР. Асноўная незадаволенасць цэнтральнага савецкага кіраўніцтва была выклікана “мяккім тонам” дакумента і абвінавачваннямі ў неўзгодненасці яго тэксту з Народным камісарыятам замежных спраў РСФСР, Палітбюро ЦК РКП(б).

Заклучаны Рыжскі мірны дагавор у сакавіку 1921 г. заклаў асновы новай геапалітычнай прасторы ў Цэнтральна-Еўрапейскім рэгіёне. БССР як краіна, якая хоць непасрэдна і не падпісвала гэты міжнародна-прававы акт, аднак праз перадачу мандата кіраўніцтву РСФСР на вядзенне перагавораў з польскім бокам і заключэнне адпаведных дамоў, вышла на новы ўзровень міждзяржаўных адносін. Яна была прызнана дэ-юрэ Польскай Рэспублікай, на яе распаўсюджваліся ўсе артыкулы дагавора. Накіраванне ноты ад Народнага камісарыята замежных спраў (НКЗС) БССР на адрас Міністэрства замежных спраў (МЗС) Польшчы 21 жніўня 1921 г. служыць доказам таму, што дзейнасць БССР на міжнароднай арэне хоць і адбывалася пад строгім кантролем і кіраўніцтвам РСФСР, але была ў адзначаны перыяд самастойнай.

У айчыннай і замежнай гістарыяграфіі справа накіравання дыпламатычнай ноты НКЗС БССР на адрас МЗС Польшчы амаль не разглядаецца. Маюцца толькі адзінкавыя згадкі аб наяўнасці ноты [1; 2]. У даследаванні М. М. Мязгі [3] звяртаецца ўвага на некаторыя перышеты, звязаныя з падрыхтоўкай і пасылкай гэтага дыпламатычнага дакумента. Аўтар сцвярджае, што нота была падрыхтавана пры згодзе і належным інфармаванні НКЗС РСФСР.

16 студзеня 1921 г. у Маскве быў падпісаны саюзны рабоча-сялянскі дагавор паміж РСФСР і БССР. Дакумент складаўся з 7 артыкулаў і быў складзены на рускай і беларускай мовах. У прэамбуле дагавора падкрэслівалася, што абедзве рэспублікі, зыходзячы з абвешчанага Вялікай пралетарскай рэвалюцыяй права народаў на самавызначэнне”, прызнаюць “незалежнасць і суверэннасць кожнага боку, які дамаўляецца”, і разумеюць “неабходнасць аб’яднаць свае сілы ў мэтах абароны, а таксама ў інтарэсах іх гаспадарчага будаўніцтва”. Па дагаворы аб’ядноўваліся камісарыяты ваенных і марскіх спраў, знешняга гандлю, фінансаў, працы, шляхоў зносін, пошты і тэлеграфа, Вышэйшы Савет народнай гаспадаркі. Планавалася, што кіраваць аб’яднанымі камісарыятамі і кантраляваць іх дзейнасць будуць усерасійскія з’езды Саветаў, а таксама УЦВК, а БССР будзе накіроўваць ва ўказаныя органы сваіх прадстаўнікоў. Аб’яднаныя камісарыяты будуць уваходзіць у склад урада РСФСР, а ва ўрадзе БССР будуць мець упаўнаважаных, якія будуць зацвярджацца і кантралявацца ЦВК і з’ездам Саветаў БССР. Фармальна БССР магла праводзіць самастойную знешнюю палітыку, так як стварэнне аб’яднанага камісарыята замежных спраў саюзны дагавор не прадугледжваў. Аднак ён істотна не змяніў характар міжрэспубліканскіх узаемаадносін [4, с. 53]. Фармальна выступаючы ў якасці суверэннай дзяржавы, БССР ажно да стварэння СССР у снежні 1922 г. знаходзілася ў падпарадкаванні цэнтральнага савецкага кіраўніцтва. Згодна з “Палажэннем аб Народным камісарыяце замежных спраў БССР” ад 22 жніўня 1921 г., камісарыят праводзіць дыпламатычныя зносіны, перагаворы і выкананне пастановаў СНК аб заключэнні дагавораў і дамоў з замежнымі дзяржавамі (арт. 2), аднак ён павінен садзейнічаць адпаведным савецкім установам у ажыццяўленні імі правоў,

устаноўленых гэтымі дагаворамі, а таксама садзейнічанне ўрадам іншых дзяржаў у БССР у рэалізацыі іх законных патрабаванняў. Такім чынам як бачна з “Палажэння” НКЗС хоць тэарэтычна мог уступаць у дыпламатычныя зносіны, але павінен быў улічваць існуючыя міжнародна-прававыя акты і нормы [5, с. 277–278].

Гэта яскрава заўважна ў дзейнасці Паўнамоцнага прадстаўніцтва БССР у Маскве, створанага 24 студзеня 1921 г. З першых дзён яго працы ў прыярытэце былі гаспадарча-эканамічныя пытанні. Пад яго эгідай праводзіліся нарады ўпаўнаважаных беларускіх эканамічных, гаспадарчых, кааператыўных органаў у Маскве: СНГ, Народнага камісарыята харчу, Народнага камісарыята знешняга гандлю, Цэнтрабелсаюза. У жніўні 1921 г. паўнамоцнае прадстаўніцтва наведаль павераны па справам Польшчы ў РСФСР Т. Філіповіч, А. А. Галавінскі, дэлегаваны ад беларускіх арганізацый за мяжой, паўнамоцны прадстаўнік РСФСР у Літве С. І. Аралаў [6].

22 жніўня 1921 г. паступіў зварот паўнамоцнага прадстаўніка БССР у Маскве М. І. Мароза ў НКЗС РСФСР наконт неабходнасці ўзгаднення дзейнасці паміж наркаматамі замежных спраў РСФСР і БССР. Асноўная ўвага звярталася, што на той момант у Мінску працавалі польскія дэлегацыі змешаных камісій, утвораных па рашэннях Рыжскага дагавора (пагранічная, ваенна-ўзгадняльная, камісія па рэпатрыяцыі), аднак “яны існуюць адасоблена, не ў кантакце з НКЗС Беларусі, не дасылаюць яму спісаў супрацоўнікаў, не ставяць у вядомасць аб колькасці і месцазнаходжанні сваіх участкаў, непасрэдна не зносяцца з устаноўамі Беларусі, дыпламатычныя кур’еры з Масквы прыязджаюць у камісіі непасрэдна, не ставячы ў вядомасць, у выніку чаго НКЗС Беларусі не ў курсе таго, колькі працаўнікоў гэтых камісій знаходзяцца ў гэты час на тэрыторыі Беларусі, якімі паўнамоцтвамі валодаюць кожны з іх” [7]. 30 жніўня 1921 г. намеснік наркома замежных спраў БССР А. Л. Бурбіс накіраваў намесніку наркама замежных спраў РСФСР М. М. Літвінаву і наркому замежных спраў Г. В. Чычэрыну лісты, дзе паставіў пытанне аб неабходнасці інфармавання і вырашэння праблем, якія датычацца Беларусі, непасрэдна з удзелам прадстаўнікоў БССР [5, с. 281–282]. Акрамя таго, А. Л. Бурбіс указвае на сустрэчу А. Р. Чарвякова 28 жніўня 1921 г. з начальнікам аддзела ўсходніх ускраін МЗС Польшчы А. Шмулінскім, падчас якой польскі дыпламат выказаў жаданне польскага ўрада мець свайго прадстаўніка ў Мінску, як гэта адбываецца ў Харкаве. Таксама было закранута пытанне так званага палітычнага бандытызму, аб нападзе войск С. Н. Булак-Балаховіча на мясцовае насельніцтва ў савецка-польскім памежжы. А Шумілоўскім было падкрэслена, што польскі бок не мае ніякага дачынення да гэтай справы.

30 жніўня 1921 г. намеснік наркама замежных спраў БССР А. Л. Бурбіс зноў звярнуўся ў НКЗС РСФСР з прапановай уключыць прадстаўнікоў БССР у пагранічную камісію, а таксама перадаць НКЗС БССР матэрыяльную і гаспадарчую частку змешаных камісій. Падкрэслівалася, што калі праца змешаных камісій будзе весціся ў кантакце з беларускім урадам, то гэта прадэманструе незалежнасць БССР і для Польшчы, і палепшыць іх кантакты з мясцовымі ўладамі. Паралельна НКЗС БССР даручыў прадстаўніцтву пры СНК РСФСР звярнуць увагу на тое, што змешаныя камісіі не маюць мандатаў на працу ад БССР. Напрыклад, у мандатах ваенных тапографаў, якія выдаваліся пагранічнай камісіяй у Мінску, значылася толькі, што яны праводзяць граніцу паміж Расіяй, Украінай і Польшчай. Паступова ўрад БССР перайшоў ад простага зацвярджэння кандыдатур НКЗС РСФСР да вылучэння сваіх. Старшыней беларускай дэлегацыі змешанай пагранічнай камісіі быў прызнаны М. П. Ітві, а з 23 красавіка 1923 г. – Я. Рубінчык [2, с. 34].

21 жніўня 1921 г. Старшыня СНК і Народнага камісара замежных спраў БССР А. Р. Чарвякоў накіраваў ноту міністру замежных спраў Польшчы К. Скірмунту з пратэстам супраць праследванняў польскімі ўладамі насельніцтва Заходняй Беларусі [8, с. 60–61]. У дакуменце ўказвалася на закрыццё беларускамоўных школ (адзначаны прыклад в. Малая Бераставіца, цяпер Гродзенскай вобласць), арышт настаўнікаў (Ус, інспектар Лідскай акругі заявіў, што ён не пацярпіць беларускіх школ, распараджэнне начальніка дэпартаменту асветы аб арышце беларускіх настаўнікаў у Барунах 15 мая 1921 г.); на забарону на арганізацыю таварыстваў узаемадапамогі і кааператываў, на дрэннае матэрыяльнае забеспячэнне беларускіх

дзіцячых устаноў; забарону на распаўсюджванне беларускамоўнай прэсы. Усе гэтыя прыведзеныя факты служылі добрым доказам парушэння польскім бокам арт. 7 Рыжскага мірнага дагавора (права свабоднага развіцця мовы і культуры).

Напярэдадні, 30 чэрвеня 1921 г. Старшыня СНК БССР накіраваў тэлеграму намесніку народнага камісара замежных спраў РСФСР М. М. Літвінаву, у якой прывёў выпадкі парушэння правоў Беларускай Рэспублікі польскім бокам. У выніку 2 ліпеня 1921 г. намеснік народнага камісара замежных спраў РСФСР М. М. Літвінаў указаў, што “лічыць мэтазгодным, каб нота пратэсту зыходзіла ад Урада Беларускай Рэспублікі. Копію ноты не адмовіце нам паведаміць”. 3 ліпеня 1921 г. Г. В. Чычэрын накіраваў тэлеграму А. Р. Чарвякову, у якой указваў, што “лепей усяго, калі беларускі савецкі ўрад сам звернецца да Польшчы з пратэстам на аснове Рыжскага дагавора, у якім Беларусь праз нас удзельнічала” [9, арк. 7–9].

25 жніўня 1921 г. на пасяджэнні Палітбюро ЦК РКП(б) была разгледжана справа несанкцыянаванай пасылкі ноты НКЗС БССР на адрас МЗС Польшчы. У выніку па прапанове Г. В. Чычэрына даручылі яму ж зрабіць указанне, што далейшыя міжнародныя выступленні Беларускага ўрада павінны быць толькі са згоды НКЗС РСФСР.

3 верасня 1921 г. паступіў ліст НКЗС БССР у НКЗС РСФСР з тлумачэннем пазіцыі па пытанні накіравання Польшчы дыпламатычнай ноты ад 21 жніўня 1921 г. [10]. Народны камісарыят замежных спраў БССР даведаўся ад С. С. Пясткоўскага, старшыні расійска-украінскай дэлегацыі ў Змешанай пагранічнай камісіі, прадстаўніка Народнага камісарыята па справам нацыянальнасцей РСФСР, які ў той час знаходзіўся ў Мінску, што НКЗС РСФСР незадаволены тэкстам ноты ад 21 жніўня 1921 г., яе “мяккім тонам”. У адзначаным лісце фігурыруе В. Р. Мянжынскі, член Калегіі НКЗС РСФСР, які з’яўляўся галоўным інфарматарам па гэтай справе. А. Л. Бурбіс, намеснік народнага камісара замежных спраў БССР, у пачатку верасня 1921 г. выконваў абавязкі народнага камісара, у адказе ўказваў, што “мяккі тон ноты выкліканы перш за ўсё нежаданнем абвастраць адносіны савецкіх рэспублік з Польшчай”. Акрамя таго, незадаволенасць цэнтральнага кіраўніцтва была выклікана і тым, што ў ноце было закранута пытанне “аб кааператывах”, якое “магло кваліфікавацца палякамі як умяшальніцтва ў іх унутраныя справы”. Таксама немалаважным пунктам стала падрыхтоўка ў гэты адрэзак часу ноты НКЗС РСФСР ад імя савецкага ўрада на адрас Польшчы, у якой выказваўся пратэст супраць дзейнасці на польскай тэрыторыі Рускага эвакуацыйнага камітэта Б. В. Савінкава і Народнага саюза абароны радзімы і свабоды, супраць шматлікіх выпадкаў бандыцкіх налётаў на мясцовае насельніцтва, старшынь рэўкамаў, часткі савецкай міліцыі атрадамі Савінкава, якія бесперашкодна пераходзілі савецка-польскае памежжа з польскага боку.

3 гэтага ліста становіцца зразумелым, што адносна гэтай ноты вялася перапіска з НКЗС РСФСР і быў дасланы папярэдні тэкст яе 30 чэрвеня 1921 г. за № 4995 і ў адказ былі атрыманы дзве тэлеграмы – ад народнага камісара Г. В. Чычэрына за № 112 і намесніка народнага камісара М. М. Літвінава за № 95 ад 2 ліпеня, у якіх прапаноўвалася беларускаму савецкаму кіраўніцтву даслаць ноту самім згодна з Рыжскім мірным дагаворам [11].

8 верасня 1921 г. польскі павяраны ў Маскве прыняў ноту Г. В. Чычэрына, у якой указвалася, што варожая арганізацыя Б. В. Савінкава фактычна цалкам захавана, але пад іншай назвай [12, с. 8–9]. 11 верасня 1921 г. НКЗС РСФСР уручыў польскаму прадстаўніку ў Маскве чарговую ноту, у якой польскія ваенныя колы і ўрад абвінавачваліся ў садзейні і патуранні рускім контррэвалюцыйным арганізацыям. 15 верасня НКЗС РСФСР паведаміў аб намеры Францыі ўцягнуць Польшчу ў вайну супраць савецкіх рэспублік. На наступны дзень паступіла польская вербальная нота з патрабаваннем да 1 кастрычніка вызваліць і даставіць да мяжы ўсіх польскіх заложнікаў і палонных; перадаць Польшчы золата і каштоўнасці, якія ёй належаць па Рыжскаму дагавору; тэрмінова ўзнавіць працу рээвакуацыйнай і спецыяльнай змешаных камісій. Варшава пагражала разрываць дыпламатычных адносін [13, с. 17].

7 верасня 1921 г. паступіла шыфраваная дэпеша народнага камісара замежных спраў РСФСР Г. В. Чычэрына С. С. Пясткоўскаму, у якой утрымлівалася просьба “зварнуць увагу

беларускага ўрада, што яго нота была няўчас. Яна можа моцна пашкодзіць нашай палітыцы і паслужыць аргументам супраць нас, так як нас (НКЗС РСФСР) будуць лічыць яе аўтарамі” [14].

У нотнай перапісцы савецкага кіраўніцтва з Польшчай красавіка – пачатку кастрычніка 1921 г. РСФСР акцэнтавала ўвагу на шматлікія парушэнні артыкула V Рыжскага мірнага дагавора. Падпісаны ў Рызе мірны дагавор абавязваў польскае кіраўніцтва адмовіцца ад падтрымкі арганізацый і груп, якія ў палітычных адносінах пагражалі боку, які дамаўляецца. У артыкуле V Рыжскага мірнага дагавора ўказвалася, што абодва бакі дамаўляліся ўзаемна гарантуюць поўную павагу суверэнітэта іншаму баку і ўстрыманне ад любога ўмяшальніцтва ў яго ўнутраныя справы, у прыватнасці ад агітацыі, прапаганды і любога віду інтэрвенцыі, або іх падтрымкі [15, с. 712]. Так атрымоўвалася, што артыкул V дагавора парушала толькі Польшча, а нота 21 жніўня 1921 г. ад НКЗС БССР магла стаць асновай абвінавачванняў ва ўмяшальніцтве ва ўнутраныя справы, г.зн. РСФСР таксама магла выступіць парушальніцай Рыжскага дагавора. У выніку “Палітбюро прыняло пастанову, што Беларусь не павінна без згоды з намі ажыццяўляць міжнародныя выступленні” [16, с. 72]. Гэта яскрава дэманструе пачатак фарміравання дыпламатычнага саюза паміж БССР і РСФСР, умацаванне федэратыўных сувязей, што вылівалася ў абмежаванне знешнепалітычных паўнамоцтваў БССР.

15 верасня 1921 г. НКЗС БССР накіраваў ліст у ЦБ КП(б)Б, у якім растлумачвае ход справы адносна пасылкі ноты на адрас МЗС Польшчы. НКЗС РСФСР паскардзіўся ў ЦК РКП(б) на кіраўніцтва НКЗС БССР, якое не ўзгадніла тэкст ноты. На самой справе нота была ўзгоднена з цэнтральным кіраўніцтвам, доказам служаць дзве тэлеграмы (№ № 95 і 112) на адрас Г. В. Чычэрына і М. М. Літвінава. 21 верасня 1921 г. ЦК КП(б)Б накіраваў сакрэтную тэлеграму на адрас ЦК РКП(б) і НКЗС РСФСР с тлумачэннямі адносна ноты. Былі накіраваны копіі дзвюх тэлеграм Г. В. Чычэрына і М. М. Літвінава. Беларускі бок яшчэ раз падкрэсліваў, што нота была накіравана з ведама і са згоды НКЗС РСФСР. Аднак не аспрэчвае рашэння Палітбюро ЦК РКП(б) ад 25 жніўня 1921 г. аб узгадненні ўсіх міжнародных акцый з цэнтральным кіраўніцтвам. У той жа дзень была накіраван нота ў НКЗС РСФСР В. Р. Мянжынскаму з дадатковымі тлумачэннямі. У ёй указваецца, што нота была накіравана без папярэдняга абмеркавання ў ЦБ КП(б)Б, але са згоды і ведама НКЗС РСФСР [9, арк. 11]. У выніку, 7 снежня 1921 г. на адрас ЦБ КП(б)Б паступіла тэлеграма ЦК РКП(б) за подпісам В. Молатава, у якой згодна з прапановай Калегіі НКЗС РСФСР прадпісвалася ўстрымацца ад самастойнай выдачы замежных пашпартаў [9, арк. 13].

Нота НКЗС БССР да МЗС Польшчы 21 жніўня 1921 г. стала праявай самастойнай дыпламатычнай дзейнасці беларускага кіраўніцтва. У ёй утрымліваўся пратэст супраць парушэння VII артыкула Рыжскага мірнага дагавора польскім бокам: закрыцця беларускамоўных школ, забароны беларускамоўнай прэсы, дрэннага матэрыяльнага забеспячэння беларускіх дзіцячых прытулкаў. Аднак, зыходзячы са шматлікай перапіскі НКЗС БССР з НКЗС РСФСР, ЦБ КП(б)Б, можна канстатаваць, што па-першае, ініцыятыва аб накіраванні ноты зыходзіла ад цэнтральнага савецкага кіраўніцтва, па-другое, тэкст дакумента быў падрыхтаваны ў беларускім наркамаце замежных спраў, аднак канчаткова не быў узгоднены з ЦБ КП(б)Б, і магчыма, з НКЗС РСФСР. “Мяккі тон” ноты, адсутнасць публікацыі ў адкрытым друку (зроблена па ўказанні Г. В. Чычэрына), наяўнасць значнай колькасці аналагічных пратэстных дакументаў ад ураду РСФСР паслужылі прычынай таго, што польскі бок ніякім чынам не адрэагаваў на гэтае пасланне БССР.

Крыніцы і літаратура

1. Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.) / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1969. – 260 с.
2. Цынкевіч, В. М. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. / В. М. Цынкевіч / канд. гіст. навук. – Мінск: БДУ, 2004. – 127 с.

3. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
4. Тихомиров, А. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство / А. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 46–55.
5. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск: БелНДІДАС, 1997. – Т. 1 : 1917–1922. – 398 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 15. – Воп. 1. – Спр. 10. – Арк. 71.
7. НАРБ. – Ф. 15. – Воп. 1. – Спр. 22. – Арк. 91.
8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. / под ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. – М.: Наука, 1966. – Т. 4 : апрель 1921 г. – май 1926 г. – 562 с.
9. НАРБ. – Ф. 4п. – Воп. 1. – Спр. 676.
10. НАРБ. – Ф. 15. – Воп. 1. – Спр. 22. – Арк. 111.
11. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). – Ф. 122. – Воп. 4. – П. 18. – Спр. 190. – Арк. 7ад.
12. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 4 : 19 марта – 31 декабря 1921 г. – 836 с.
13. Советская Россия и Польша: сб. документов. – М.: Издательство НКВД, 1921. – 34 с.
14. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ). – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 2101. – Арк. 3.
15. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 3 : 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
16. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. / склад. А. Ф. Вялікі [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2012. – Т. 2 : 19 сакавіка 1921 – 31 жніўня 1939 г. – 480 с.

УДК 94:327(47+57)«1924-1926»

Н. Н. Мезга, А. И. Дежко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

КУРС НА РЕВИЗИЮ РИЖСКОЙ ГРАНИЦЫ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ (КОНЕЦ 1924 – НАЧАЛО 1926 ГОДА)

Советско-польская граница, которая была установлена в соответствии с Рижским договором, рассматривалась советским руководством как результат слабости Советской России в момент окончания войны с Польшей. Поэтому одной из целей советской политики становится ревизия рижской границы. Международную ситуацию, сложившуюся в мире в 1924–1926 гг., в Москве рассматривали как благоприятную для продолжения данного политического курса. Начало советско-польских переговоров о договоре о ненападении в 1925 г. не изменили планов Москвы относительно ревизии советско-польской границы.

В результате подписания Рижского мирного договора Западная Беларусь и Западная Украина оказались в составе Польши. Данный договор был подписан Советской Россией в условиях ее существенного ослабления в результате Первой мировой войны и Гражданской войны. По мере восстановления сил Советская Россия стала стремиться к восстановлению международных позиций, которые дореволюционная Россия имела к началу Первой мировой войны. Это предопределило отношение Москвы к Рижскому договору, в частности, той границе, которую он установил. В данной статье поставлена цель выявить, в какой степени в советской политике в условиях ведения переговоров с Польшей о договоре о ненападении присутствовало стремление провести ревизию рижской границы. Данный аспект советско-

польских отношений является новым для отечественной и зарубежной историографии. В последнее время для исследователей стали доступны документы, позволяющие достаточно всесторонне охарактеризовать советскую политику, нацеленную на пересмотр рижской границы и воссоединение Западной Беларуси с БССР и Западной Украины с УССР.

Советскую политику по ревизии границы, установленной Рижским договором, следует рассматривать в контексте Версальской системы международных отношений и с учетом влияния германского фактора, особенно после заключения Рапалльского договора. Появление на международной арене после Первой мировой войны независимой Польши не устраивало ни Германию, ни Советскую Россию. Прежде всего в том плане, что они утратили общую границу. Канцлер Германии Й. Вирт, инструктируя назначенного послом в Москву У. Брокдорф-Ранцау, так определил важнейшую цель германской политики: «С Польшей нужно кончать. Моя политика стремится к этой цели» [1, с. 253]. Поэтому одним из основных пунктов сотрудничества Советской России / СССР и Германии была ликвидация независимой Польши и ревизия её западной и восточной границ, установленных Версальским и Рижским договорами. Как отмечал в своих мемуарах крупный германский дипломат того времени Г. Дирксен, в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше» [2, с. 37].

В 1924–1925 годах изменились международные условия, в которых советской дипломатии приходилось предпринимать шаги, нацеленные на ревизию рижской границы. Германия начала налаживать отношения со странами Запада, что кардинальным образом не устраивало СССР, руководство которого считало такую политику Берлина концом германо-советской дружбы, поскольку, как отмечалось в меморандуме советского правительства правительству Германии от 2 июня 1925 г., в ее основе лежало молчаливое непризнание обеими сторонами того режима, который был установлен в Европе в результате серии послевоенных договоров [3, с. 351].

С конца 1924 г. начинались советско-польские и советско-германские переговоры о заключении политических соглашений. В связи с этим произошла актуализация вопроса о польских границах как в политике Германии, так и СССР. Два названные государства всё ещё были заинтересованы в сотрудничестве, которое строилось на желании произвести ревизию Версальского договора. По этой причине сторонами было принято решение придерживаться и далее рапалльского курса. Результатом стали начавшиеся конце 1924 года советско-германские переговоры по широкому спектру вопросов. Сразу же обозначилось стремление Москвы и Берлина обсудить «польский вопрос». 4 декабря 1924 г. во время беседы с германским послом член коллегии НКВД В. Копп заявил, что для советского руководства достижение соглашения с Германией по польскому вопросу «является очень желательным». Он предложил организовать совместное выступление против Польши, если Германия не отказалась от своих территориальных претензий. На это У. Брокдорф-Ранцау ответил, что Германия не может отказаться от территориальных претензий к Польше, но в настоящий момент невозможно добиваться их реализации силой [4, с. 64]. 13 декабря германский МИД направил письмо послу в Москве, в котором отмечалось, что «для Германии и России решение польского вопроса лежит скорее всего в «вытеснении Польши к ее этнографическим границам». Эта позиция Германии была доведена до советского руководства и обсуждена на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 24 декабря. Было принято решение, что советско-германские переговоры не должны сводиться только к польской проблематике, а охватывать широкий комплекс международных проблем. После достижения соглашения по вопросам неучастия Германии в военных и политических блоках с третьими государствами и вступления Германии в Лигу Наций, СССР готов был обсудить германские предложения об отеснении Польши к ее этническим границам [5, с. 170].

В конце 1924 года стала заметной тенденция к улучшению советско-польских отношений. Польские власти выдвинули предложение заключить помимо экономического и политический договор, «соглашения о признании территориальной целостности государств, невмешательстве во внутренние дела друг друга, неучастии во враждебных коалициях».

18 декабря 1924 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) на рассмотрение был вынесен вопрос о предложении Польши начать переговоры по экономическим и политическим вопросам. Советское руководство приняло решение начать переговоры с Польшей. Тем не менее, в отношении этого государства оно не собиралось изменять свои планы по ликвидации той системы международных отношений, которая была установлена Версальским и Рижским мирными договорами. Это касалось и рижской границы. В решении Политбюро указывалось, что в условиях налаживания отношений с Польшей «не следует отказываться от принципа исправления границ» [6, с. 10].

Важно подчеркнуть, что тезис о признании территориальной целостности и отказа от исправления границ касался тех территорий, которые были приобретены Польшей в 1921 году. Подписание Рижского договора сделало Западную Беларусь полем противостояния СССР и Польши за доминирование в регионе Центрально-Восточной Европы. Советская сторона стремилась осуществить ревизию рижской границы в будущем, конечным итогом чего должно было стать включение западнобелорусских и западноукраинских земель в состав СССР. Для достижения этой цели советское правительство выставляло себя защитником прав национальных меньшинств, проживающих на этих территориях, а также занималось организацией и поддержкой антипольского движения на «восточных кресах». Эти действия, по мнению советских властей, должны были привести к тому, что политика польского государства будет осуждена со стороны международного сообщества как порождающая нестабильность и нарушающая права человека, что стало бы в дальнейшем предпосылкой перехода этих территорий под власть государства Советов. Поэтому польское правительство и стремилось зафиксировать в будущем соглашении пункт о невмешательстве во внутренние дела друг друга и нерушимости границ. Внешнеполитический курс СССР в 1925 году претерпевает некоторые изменения. Касается это прежде всего отказа от действий, направленных на осуществление мировой пролетарской революции, которая, кстати говоря, должна была начаться с Польши, где при поддержке СССР было развернуто активное партизанское движение. В рамках нового политического курса советское руководство приняло решение свернуть так называемую «активную разведку» в Польше, чтобы снизить напряженность в отношениях с этим государством в условиях начавшихся переговоров [7, с. 20–21]. Но, как было показано выше, это не означало отказа от ревизии рижской границы. Данная позиция руководства СССР отразилась и в ходе стартовавших в начале 1925 г. советско-польских переговоров о договоре о ненападении.

Инструкция НКВД СССР от 2 января 1925 года для ведения переговоров с Польшей предполагала рассмотрение, в частности, вопроса о культурной автономии для национальных окраин. Но далее в инструкции указывалось, что в самом договоре об автономии советское руководство не считало нужным упоминать, исходя из того, что если будет официально закреплена культурная автономия, то это будет связано с окончательным признанием границ, установленных Рижским договором, и удовлетворением встречных требований Польши о культурной автономии для поляков в СССР [8, л. 3, 4]. Здесь четко прослеживается сохранение курса Москвы на ревизию рижской границы даже в случае заключения польско-советского договора о ненападении.

12 января в связи с началом политических переговоров состоялась встреча министра иностранных дел Польши А. Скиншиньского и полпреда СССР в Польше П. Войкова. Советский полпред предложил заключить договор о ненападении, согласно которому будут даны гарантии нерушимости границ и неучастия во враждебных коалициях. Однако спустя время польская сторона потребовала привлечь к участию в переговорах прибалтийские страны и сделать будущий договор коллективным, на что советская сторона не желала идти. Также проблемой для советской стороны являлся тот факт, что признание гарантий границ сохранит ту ситуацию, которая существовала для Беларуси, а именно её разделение на БССР и Западную Беларусь. Переговоры заходят в тупик и возобновляются только в сентябре 1925 года в связи с визитом наркома иностранных дел Г. Чичерина в Варшаву [9, с. 153].

Нацеленность СССР на пересмотр польско-советской границы проявилась в условиях переговоров Германии со странами Запада о подписании Гарантийного пакта. Озабоченность Москвы вызывала, в частности, возможность предоставления Германией гарантий для польско-германской границы. 15 апреля 1925 г. в ходе беседы с полпредом СССР в Берлине Н. Крестинским глава германского МИД Г. Штреземан пытался убедить советского дипломата, что Германия оставляет за собой свободу рук в отношении границы с Польшей и будет стремиться к ее ревизии всеми мирными средствами [10, s. 512, 513]. Г. Чичерин, прибыв в начале октября 1925 г. в Берлин, опять поставил перед германским правительством вопрос о возможной гарантии польско-германской границы в проектируемом Гарантийном пакте. Г. Штреземан стремился убедить советского коллегу в обратном. 10 октября он направил в советское полпредство в Берлине меморандум, в котором говорилось, что о гарантии восточной границы Германии в проекте Гарантийного пакта нет и речи [10, s. 512]. Как видим, в связи с подготовкой Гарантийного пакта также отчетливо прослеживается курс советской внешней политики на ревизию польско-советской границы, установленной Рижским договором.

Советское руководство после Локарно продолжало придерживаться идеи пересмотра некоторых положений послевоенных договоров. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года И. Сталин отметил, что Локарно не смогло стереть тех противоречий между победителями и побежденными, которые появились после войны, а только обострило их. Также Сталин заявил, что Локарнские соглашения являются лишь продолжением Версаля и стремлением стран-победительниц сохранить послевоенное устройство мира [11, с. 14]. Тем самым объясняется дальнейшее советско-германское сотрудничество в направлении осуществления ревизии Версальско-Рижского международного порядка.

Г. Чичерин считал, что Локарнская конференция создала выгодные для Москвы предпосылки для налаживания отношений с Польшей на советских условиях. При этом конечной целью советской политики на польском направлении оставалось присоединение Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Международные позиции Польши в связи с Локарно были ослаблены, это, по мнению советского наркома иностранных дел, сделало возможным предъявление ей ряда требований [12, с. 310]. А как средство давления было принято решение использовать проблему белорусского и украинского национальных меньшинств, проживающих на территории Польши. Подтверждением этого курса в политике СССР могут служить решения высших партийных структур УССР и БССР в конце 1925 г. Так, Политбюро ЦК КП(б)У признало необходимым вести работу среди «украинских национальных групп и мелкобуржуазных партий Западной Украины», чтобы они признали Советскую Украину центром объединения всех украинских земель [13, с. 59]. 16 октября 1925 г. ЦК КП(б)Б были определены меры по расширению в среде белорусской политической эмиграции советского влияния и поддержке белорусского движения советской ориентации [14, с. 395]. Когда в начале 1926 г. возобновились польско-советские переговоры о договоре о ненападении, Москва стремилась избежать включения в будущий договор положений, которые подтверждали бы польско-советскую границу, установленную Рижским договором [5, с. 199].

Таким образом, чтобы укрепить своё геополитическое положение в Центрально-Восточной Европе, советское руководство стремилось осуществить исправление рижской границы с Польшей, что означало бы включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР. Лидеры СССР считали, что происходившие в конце 1924 – начале 1926 г. изменения на международной арене были неблагоприятными для Польши. Это создавало предпосылки, чтобы готовить ревизию рижской границы. Такой подход Москвы четко обозначился при определении Политбюро целей переговоров с Польшей, в поддержке СССР антипольских сил на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Установленная Рижским договором граница являлась элементом Версальско-Рижского международного порядка. Поэтому стремление СССР пересмотреть эту границу являлось частью его политики, направленной на ликвидацию Версальской системы международных отношений в целом, которая проводилась во взаимодействии с Германией.

Источники и литература

1. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. – 1966. – Т. 2. – С. 253–266.
2. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. – 446 с.
3. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
4. Бабенко, О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко – М.: РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
5. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
6. Протокол № 41 (Особый № 28) заседания политбюро ЦК РКП(б) от 18 декабря 1924 г. // Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 143 с.
7. Мезга, Н. Н. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР / Н. Н. Мезга // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2019. – № 4. – С. 17–26.
8. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 217. – Д. 52670.
9. Мезга, Н. Н. Советско-польские переговоры о договоре ненападении 1925–1926 гг. и Беларусь / Н. Н. Мезга // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2020. – № 4. – С. 149–156.
10. Streseman, G. Vermachtnis / G. Stresemann : in 3 b. – Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. – В. 2. – 611 s.
11. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1926. – 789 с.
12. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
13. Соляр, І. Я. Радянофільтство у Західній Україні (1920-ті рр) / І. Я. Соляр // Український історичний журнал. – № 6. – С. 55–66.
14. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Современная школа: Экоперспектива, 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945. – 613 с.

УДК 94:338.431(476.7)«1921-1939»

А. М. Вабішчэвіч
Брэсцкі дзяржаўны
ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

ПАРЦЭЛЯЦЫЯ Ё ДАВЫД-ГАРАДОЦКАЙ АРДЫНАЦЫП РАДЗІВІЛАЎ У 1921–1939 ГАДАХ

Аўтар прааналізаваў ход правядзення ў 1921–1939 гг. парцэляцыі зямель у адным з буйных прыватных землеўладанняў у заходнебеларускім рэгіёне – у Давыд-Гарадоцкай ардынацыі князёў Радзівілаў. У 1932 г. яе плошча складала 146,97 тыс. га. Паказана выкарыстанне парцэляцыі для паляпшэння фінансавага становішча ардынацыі, асабліва да пачатку 1930-х гг. Вызначана, што ў 1924–1932 гг. сярэднегадавыя паказчыкі прыбыткаў ад парцэляцыі складалі 10,89 % ад агульных штогадовых прыбыткаў ардынацыі (без уліку прыбыткаў ад фінансавых аперацый – 15,48 %). Таксама выдзелены супярэчлівыя сацыяльныя вынікі парцэляцыі для сялян Столінскага павеата, яе незавершаны характар.

На тэрыторыі Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1921–1939 гг. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя князёў Радзівілаў з’яўлялася адным з буйных прыватных землеўладанняў, якое знаходзілася ў Столінскім павеце Палескага ваяводства. У 1932 г. яна займала плошчу ў 146,97 тыс. га, з іх ворнай зямлі было ўсяго 407 га (0,28 % тэрыторыі ардынацыі), непрыдатныя землі (балоты) займалі 99,783 тыс. га (каля 68 %), лясы – 42,45 тыс. га, лугі і пашы – 4,095 тыс. га [1, арк. 1–2].

Пасля гібелі 28 красавіка 1920 г. Станіслава Радзівіла наступным (як аказалася, апошнім) давыд-гарадоцкім ардынатам стаў яго пляменнік Караль Мікалай Радзівіл [2, с. 22]. 26 кастрычніка 1921 г. у маёнтку Манькавічы быў складзены акт аб увядзенні Каралю Радзівіла ва ўласнасць ардынацыі: “Увесці князя ў фактычнае валоданне рухомай і нерухомай уласнасцю Давыд-Гарадоцкай ардынацыі з усімі яе складовымі часткамі ...” [3, арк. 6].

Ужо з самага пачатку частка тэрыторыі ардынацыі была выкарыстана для парцэляцыі (разбіўкі зямель на дробныя ўчасткі (парцэлы), якія былі прададзены). 3 сакавіка 1922 г. на падставе сеймавага закона ад 17 снежня 1920 г. аб прыняцці ў дзяржаўную ўласнасць зямлі ў некаторых паветах Польшчы памесце ў Давыд-Гарадку прынята поўнасцю ва ўласнасць дзяржавы [4, арк. 2]. 22 верасня 1922 г. у Давыд-Гарадку быў складзены пратакол аб канчатковым пераходзе памесця ва ўласнасць Польскай дзяржавы. “Маёнтак Давыд-Гарадок, былая ўласнасць П.[ана]” Каралю Радзівіла, агульная плошча якога складае 116,63 дзесяціны, у т.л. ворнай зямлі – 71,52 [дзесяціны], лугоў – 8,87 [дзесяціны], пашы і няўжыткаў – 31,26 дзесяціны, сажалкі – 1,08 дзесяціны, пад забудовай – 3,9 дзесяціны. Граница маёнтка – з паўднёвага ўсходу – рака Гарынь, іншыя – землі мяшчан Давыд-Гарадка. На пашы плошчай 21,42 дзесяціны прэтэндуюць мяшчане г. Давыд-Гарадок – спрэчныя. У 1922 г. за пашу выплацілі маёнтку 150000 марак” [4, арк. 4].

Як сведчыць рэстр абмеру памесця 1924 г., агульная плошча зямель дзяржаўнага маёнтка ў Давыд-Гарадку, што былі выкарыстаны на патрэбы парцэляцыі, складала 92 га 213 м², з іх ворнай зямлі – 72 га 6950 м², лугі – 12 га 6255 м², пашы – 1 га 6510 м², буксір – 3066 м², вадаёмы – 2 га 2773 м², дарогі – 2 га 4659 м². З агульнай плошчы на вайсковае асадніцтва перададзена 55 га 142 м², з іх ворнай зямлі – 47 га 2166 м², лугі – 5 га 109 м², пашы – 4163 м², буксір – 3066 м², вадаёмы – 5646 м², дарогі – 1 га 4992 м², на патрэбы аграрнай рэформы – 37 га 71 м², з іх ворнай зямлі – 25 га 4784 м², лугі – 7 га 6146 м², пашы – 1 га 2347 м², дарогі – 9667 м² вадаёмы – 1 га 7124 м² [4, арк. 5–6]. За землі, перададзеныя ў 1921–1922 гг. на патрэбы вайсковага асадніцтва, ардынацыя атрымала разам з працэнтамі наяўнымі грашыма і каштоўнымі паперамі суму, эквівалентную 627524 злотым [1, арк. 2].

Для парцэляцыі былі адведзены нешматлікія ворныя землі ардынацыі – у фальварках Вялікія Арлы, Добрынь, Лісовічы і Стасін. Спачатку было вырашана ў рамках парцэляцыі прадаць сялянам суседніх вёсак каля 555 га зямель з фальваркаў Лісовічы і Добрынь, якія знаходзіліся каля Давыд-Гарадка. Не менш 25 % адводзілася для асаднікаў. Цана за 1 га зямлі ў фальварку Лісовічы складала 150 злотых, у фальварку Добрынь – ад 125 да 175 злотых [3, арк. 2–2адв., 161, 275, 282; 6, арк. 306]. Атрыманыя грошы планавалася выкарыстаць ардынацыяй найперш на пакрыццё ўласных даўгоў па падатках.

Палескае акруговае зямельнае ўпраўленне дало згоду на тое, каб 10 % з абшару 555 га прызначыць для аптантаў з Сібіры (г.зн. перасяленцаў, якія яшчэ выбіралі грамадзянства), аб чым звярталася ў асобным лісце да Беластоцкага зямельнага ўпраўлення 26 чэрвеня 1924 г. “Абшар парцэляцыі мае выключна палескі характар, ... толькі 25 % ворных зямель, іншыя – лугі і пашы” [3, арк. 49]. Адтуль, з Беластока, 10 ліпеня 1924 г. быў накіраваны адказ упаўнаважанаму К. Радзівіла. “Усе аптанты з Сібіры ў Беластоку пасля ліквідацыі эміграцыйнага этапу раз’ехаліся на летнія заробкі ў невядомым накірунку, не пакінуўшы адрасоў. ... Усе аптанты – без такіх сродкаў, каб можна было заплаціць за набытую зямлю хаця б ½ неабходнага, за выключэннем некалькіх сем’яў, якія маюць ад 30 да 200 расійскіх залатых рублёў” [3, арк. 50].

Частка лясных угоддзяў ардынацыі, якія знаходзіліся ў цераспалосіцы з сялянскімі землямі, падчас аграрнай рэформы таксама пайшла на парцэляцыю.

На працягу 1925–1930 гг. было дазволена вылучыць з ляснога фонду ардынацыі 9215,35 га, з іх былі выкарыстаны для парцэляцыі 2977,4 га, для ліквідацыі сервітутаў – 3777,9 га, а 2460 га былі пераведзены з ляснога фонду ў зямельны [1, арк. 1].

У канцы 1923 г. Е. Жулкеўскі, упаўнаважаны К. Радзівіла, хадайнічаў да Палескага акруговага зямельнага ўпраўлення аб парцэляцыі Альшанскага ляснога ўчастка: “Утрымлівае каля 500 га лугоў, каля 1700 га пашы, лясістай, што зарасла кустамі, каля 150 га рэдкага, бескаштоўнага лесу і каля 150 га няўжыткаў, усяго каля 2500 га; прадугледжваецца сярэдняя цана ад 200 да 250 польскіх злотых за гектар; з-за складанай цераспалосіцы з землямі сялян вёскі Альшаны прадугледжваецца 75 % прадаць суседнім сялянам названай вёскі, а астатнія 25 % суседнім сялянам прылеглых вёсак” [6, арк. 6]. Паводле яго ацэнкі, “цяпер ... немагчыма нават самая прымітыўная лясная гаспадарка”, масавай з’явай былі самавольныя высечкі сялянамі лесу ардынацыі. Меркавалася, што гэты продаж таксама станюча паўплывае і на рацыянальнае развіццё лясной гаспадаркі на астатнім абшары Давыд-Гарадоцкіх уладанняў.

У кастрычніку 1924 г. К. Радзівілу дазволілі пачаць працы па падрыхтоўцы праекта парцэляцыі Альшанскага ўчастка (2500 га). Аднак справа абцяжарвалася існаваннем сервітутаў. Да канца 1927 г. праз дамоўленасці з сялянамі ўладкавалі пытанне аб ліквідацыі сервітутаў. Акрамя таго, быў атрыман дазвол на 5 гадоў на высечку і раскарчоўку лесу, але зрабіць гэта можна было толькі пасля ліквідацыі сервітутаў.

Аднак ход выплаты сялянамі грошай за зямлю ішоў марудна, бо ў іх не хапала сродкаў. Асабліва негатыўна на гэта паўплываў сусветны эканамічны крызіс 1929–1932 гг. 23 чэрвеня 1932 г. жыхары вёскі Альшаны Столінскага павета падпісалі калектыўны ліст Юзафу Пілсудскаму, а таксама ліст міністру зямельных рэформаў у Варшаве. “Эканамічны крызіс адчуваецца ў нашай вёсцы вельмі балюча і дастаткова паведаміць, што значная частка мясцовых жыхароў у літаральным значэнні проста галадае, бо не мае ніякіх заробкаў і насельніцтва наогул вельмі збяднела, – скардзіліся яны Ю. Пілсудскаму. – ...Жывём нязломнай надзеяй, што Пан Маршалак ласкава зацікавіцца ўзнятай справай, не дапусціць нашага спусташэння і ласкава загадае адтэрмінаваць на пэўны час правядзенне ліквідацыі сервітутаў нашай вёскі, хаця б да часу высвятлення нашых адносін да набытай у князя Радзівіла зямлі і, наогул, да паляпшэння эканамічнай кан’юнктуры” [7, арк. 181]. Таму прасілі адтэрмінаваць на пэўны час правядзенне ліквідацыі цераспалосіцы, не абцяжарваць новымі выплатамі, звязанымі з ліквідацыяй цераспалосіцы, бо не мелі магчымасці іх унесці. Аднак пасля разбіральніцтва Столінская павятовая зямельная ўправа прызнала гэтую скаргу жыхароў вёскі Альшаны беспадстаўнай і неабгрунтаванай.

Усяго на працягу 1927 г. – першай паловы 1933 г. было дазволена правесці парцэляцыю на плошчы 6983,13 га, з якой праекты парцэляцыі былі зацверджаны на 5245,7 га, а спісы пакупнікоў – толькі на 3804,13 га. Аднак з гэтай плошчы ў поўнай уласнасці пакупнікоў былі толькі 1396 га. У сярэдзіне 1933 г. планавалася для парцэляцыі 5249,85 га, у тым ліку ў Арлоўскім, Атвержыцкім, Рубельскім і Старасельскім участках [1, арк. 4адв., 5адв., 6]. Так, у Рубельскім участку планавалася перавесці з ляснога фонду для парцэляцыі 229 га лясной плошчы, з іх каля 25 га займаў дубовы дрэвастой 4 класа, астатняе – дробны альховы дрэвастой [1, арк. бадв.]. У сярэдзіне 1933 г. для адной часткі вёскі Рубель было дазволена праводзіць падрыхтоўчыя працы для парцэляцыі на плошчы 832 га. З зацверджанай па праекту парцэляцыі плошчы 726,37 га (па стану на 18.05.1927 г.) 716,57 га набылі 202 пакупнікі, не былі прададзены толькі 6 участкаў. Для другой часткі вёскі Рубель у 1930 г. быў зацверджаны праект парцэляцыі зямель плошчай 265 га, з іх былі прададзены 227 га. Непрададзенымі былі землі, прызначаныя для малазямельных сялян суседняй вёскі Альпень, аднак яны не жадалі іх набываць [1, арк. 49].

Сярод пакрыўджаных у ходзе рабаўнічай парцэляцыі былі і беззямельныя, малазямельныя жыхары вёскі Лядзец. Пра гэта сведчыць іх скарга, накіраваная ў канцы 1930 г. у Варшаву міністру зямельных рэформаў: “...ардынацыя К. Радзівіла абвясціла аб парцэляцыі зямлі на вельмі цяжкіх умовах для грамады, бо была ўстаноўлена прадажная цана зямлі ў памеры 115 руб. за кожны гектар зямлі. Безумоўна, будучы малазямельнымі, мы не можам па

гэтых цэнах набыць такую колькасць зямлі, каб забяспечыць сябе зямлёй. Выходзіць, што ўся парцэляцыя толькі для выгады рабаўнікоў-спекулянтаў. ...Такая дзікая парцэляцыя з'яўляецца вялікай крыўдай для нас, малаземельных, як і для дзяржаўных інтарэсаў” [7, арк. 17–18]. Скарга таксама не была задаволена: маўляў, сяляне пры падпісанні дамовы аб куплі-продажы добраахвотна прынялі яе ўмовы, а дагаворны кошт зямлі адпавядаў мясцовым рыначным цэнам.

Як дакладваў палескаму ваяводзе 10 студзеня 1933 г. стараста Столінскага павета, “кіраванне ардынацыяй цяперашнім ардынатам нацэлена на як мага шырэйшую эксплуатацыю маёмасці памесця. Для гэтага праводзіцца інтэнсіўная і спусташальная эксплуатацыя лясоў і парцэляцыя для ваколчных дробных земляробаў зямель, прыдатных для выкарыстання. Да 1929 г. ардынацыя пастаянна рэгулявала дзяржаўныя падаткі і камунальныя зборы, а з 1930 г., нягледзячы на досыць значныя прыбыткі, атрыманыя ад эксплуатацыі лясоў і парцэляцыі зямлі, гэтыя падаткі і камунальныя зборы перастала рэгуляваць, як і перастала выплачваць па абавязацельствах гаспадарчым арганізацыям. ...Калі гутарка ідзе пра выдачу ардынацыі дазволу на высечку лесу, а таксама дазволу на замену лясной тэрыторыі на земляробчыя надзелы для парцэляцыі, то гэтыя дазволы трэба было б, па-мойму, выдаць паводле наступных меркаванняў [...]. Па-першае, пры эксплуатацыі лесу збыднелае насельніцтва будзе мець заробкі і лягчэй вытрымае крызіс, а таксама часткова з гэтых заробкаў зможа пакрываць дзяржаўныя падаткі і камунальныя зборы. Па-другое, будзе магчымасць спагнання дзяржаўных падаткаў, камунальных збораў і абавязацельстваў перад гаспадарчымі арганізацыямі” [8, арк. 228–228адв.]

Часта ход складвання праектаў парцэляцыі ўскладняўся з-за цяжкасцей правядзення землямерных работ у нізінных і балоцістых мясцовасцях. Напрыклад, з-за кліматычна-атмасферных умоў у 1929 г. быў прадоўжаны на 6 месяцаў тэрмін складвання праекту парцэляцыі зямель ардынацыі плошчай 428 га ва ўрочышчах Перыліца, Лядзецкая Буда, Прыпяцішча, Каліноўнікі і Жалезна, якія прызначаліся для продажу жыхарам вёскі Лядзец.

У ходзе складвання праектаў парцэляцыі зямель з іх стараліся выключыць непрыдатныя для сялян. Так, з 680 га зямлі ва ўрочышчы Сіляга ў 1928–1929 гг. былі выключаны з парцэляцыі каля 90 га непрыдатнай зямлі.

Па стану на 30 чэрвеня 1933 г. у Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў парцэляцыяй былі ахоплены 15 аб'ектаў. Як ужо вышэй адзначалася, з дазволена для парцэляцыі 6983,13 га на 5245,7 га былі зацверджаны праекты парцэляцыі. У спісе зацверджаных на той час пакупнікоў зямлі было 1336 чалавек, якія за 3804,13 га заплацілі 1256111,13 злотых (г. зн. у сярэднім 1 га каштаваў 330,2 злотых) [1, арк. 46адв.–47]. З іх была дазволена перадача правоў уласнасці пакупнікам аб'ектаў наступных зямельных плошчаў: вёска Вялікія Арлы – 268,13 га, урочышча Пусткі – 132,68 га, Альшанскі ўчастак – 1375,3 га, фальваркі Добрынь і Лісовічы – 561,13 га, два Рубельскія ўчасткі – адпаведна 702,46 га і 232 га, фальварак Стасіна (урочышча Грыбаваціца) – 56,23 га і сам фальварак Стасіна – 32 га, Атвержыцкі ўчастак – 260,58 га, урочышча Сіляга (каля вёскі Лядзец) – 412,48 га, Арлоўскі ўчастак (урочышча Градочкі) – 35,14 га. Таксама была дазволена ў 1928–1929 гг. парцэляцыя, аднак яшчэ не былі зацверджаны яе праекты наступных аб'ектаў: урочышчы Берагі, Конюхі – 180 га, урочышчы Перыліца, Лядзецкая Буда, Прыпяцішча, Каліноўнікі, Жалезна – 428 га, урочышчы Пясчанка і інш. – 236 га. Для вёскі Вялікае Малешава быў дадзены дазвол на парцэляцыю 90 га, з іх на 76 га былі зацверджаны праекты парцэляцыі [1, арк. 45 адв. – 47, 50].

У першыя гады ардынацыя атрымала ад парцэляцыі наступныя грашовыя сумы (у пераліку на злотыя): у 1921/1922 гаспадарчым годзе – 17507,59 злотых, у 1922/1923 годзе – 25266,34 злотых, у 1923/1924 годзе – 1948,51 злотых. Калі прааналізаваць грашовыя паступленні ардынацыі ад парцэляцыі зямель за перыяд з 1 ліпеня 1925 г. да 30 чэрвеня 1932 г., то можна вылучыць тэндэнцыю іх няўхільнага павелічэння ад 134554,11 злотых у 1924/1925 гаспадарчым годзе да 417485,9 злотых у 1930/1931 годзе. Аднак ужо ў 1931/1932 годзе адбылося рэзкае падзенне гадавога прыбытку ад парцэляцыі прыкладна ў 10 разоў. За акрэслены перыяд сярэднегадавыя паказчыкі прыбыткаў ад парцэляцыі складалі

10,89 % ад агульных штогадовых прыбыткаў ардынацыі (без уліку пазык, авансаў і іншых прыбыткаў ад фінансавых аперацый – 15,48 %) [падлічана паводле: 1, арк. 66адв. – 67].

Таму не варта поўнасьцю пагаджацца са сцвярджаннем В. М. Папко, што парцэляцыя ў Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ажыццяўлялася не вельмі актыўна [9, с. 36, 39]. Прадстаўленыя намі вышэй архіўныя дакументы (перапіска старасты Столінскага павета) і колькасныя паказчыкі сведчаць, што да пачатку 1930-х гг. парцэляцыя зямель (разам з эксплуатацыяй лясоў) давала добрыя прыбыткі. Аднак сусветны эканамічны крызіс меў негатыўныя наступствы для правядзення парцэляцыі. 27 лістапада 1933 г. стараста Столінскага павета дакладваў палескаму ваяводзе наступнае: “У цяперашнім стане ардынацыя маларэнтабельная, бо вырошчванне збожжа не пакрывае спажывання, і амаль адзінай крыніцай прыбытку з’яўляецца эксплуатацыя лесу” [10, арк. 114]. У 1934–1939 гг. прадугледжваўся штогадовы прыбытак ад парцэляцыі ў 75000 злотых [1, арк. 59].

Парцэляцыя зямель у Давыд-Гарадоцкай ардынацыі працягвалася да канца 1930-х гг. Так, 2.07.1938 г. быў зацверджаны праект парцэляцыі каля 316 га ва ўрочышчах Бокава і часткова ў Турска-Лядзецкім, якія межавалі з вёскамі Хорск і Туры. Першыя 27 пакупнікоў набылі 59,6 га, пераважна надзелы памерам ад 1 да 3 га. Цана 1 га зямлі вагалася паміж 320 і 330 злотымі.

Аднак з-за недахопу ў сялян грошай купля імі зямлі праходзіла павольна і расцягнулася да верасня 1939 г. Зроблены аналіз праведзенай парцэляцыі ў Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў пацвярджае, што ў ходзе аграрнай рэформы, састаўной часткай якой з’яўлялася і парцэляцыя, не ўдалося карэнным чынам выправіць складаную сітуацыю ў сельскай гаспадарцы [11, с. 358]. Не адбылося істотнага змяншэння буйнога памешчыцкага землеўладання. У 1933 г. дазволы на правядзенне парцэляцыі датычылі 4,75 % агульнай плошчы Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ці 14,8 % без уліку непрыдатных зямель (балотаў). Парцэляцыя зямель выкарыстоўвалася для паляпшэння фінансавага становішча ардынацыі, асабліва да пачатку 1930-х гг. З другога боку, трэба адзначыць, што парцэляцыя дазволіла часткова надзяліць сялян дадатковымі зямельнымі надзеламі (у тагачасных умовах для многіх мясцовых сялян гэта была адзіная крыніца для пашырэння зямельнага надзелу), пазбегчы цераспалосіцы, урэгуляваць пытанне аб сервітутах. Безумоўна, што станоўчы бок парцэляцыі паспыталі пераважна заможныя сяляне і сераднякі. Беззямельныя і малазямельныя сяляне адчувалі сябе пакрыўджанымі.

Крыніцы і літаратура

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр.). – Ф. 60. – Воп. 1. – Спр. 1259.
2. Вабішчэвіч, А. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя Радзівілаў у 1921–1939 гг. / А. Вабішчэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 10. – С. 20–33.
3. ДАБр. – Ф. 372. – Воп. 8. – Спр. 3.
4. ДАБр. – Ф. 2177. – Воп. 2. – Спр. 2413.
5. ДАБр. – Ф. 372. – Воп. 8. – Спр. 11.
6. ДАБр. – Ф. 372. – Воп. 8. – Спр. 78.
7. ДАБр. – Ф. 372. – Воп. 8. – Спр. 80.
8. ДАБр. – Ф. 1. – Воп. 8. – Спр. 1256.
9. Папко, В. М. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя князёў Радзівілаў у 1905–1939 гг. / В. М. Папко // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. – 2011. – № 2. – С. 32–40.
10. ДАБр. – Ф. 1. – Воп. 8. – Спр. 1254.
11. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

В. А. Космач
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

СТО ЛЕТ РАПАЛЛО: СТРАНИЦЫ И УРОКИ ИСТОРИИ

Статья посвящена известному в истории советско-германских и германо-советских отношений, в истории дипломатии и международных отношениях после окончания Первой мировой войны Рапалльскому договору, подписанному во время работы международной конференции в Генуе, в её предместье – Рапалло, между делегациями германской Веймарской республики и Советской России. Рапалльскому договору в апреле 2022 г. исполнилось ровно 100 лет. Его содержание и уроки, а также сотрудничество между Берлином и Москвой до сих пор актуальны и не теряют своего геополитического и исторического значения, а также вызывают дискуссии в исторической науке и дипломатической практике.

После поражения в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Германия оказалась в неблагоприятной ситуации, фактически в изоляции и на положении изгоя в европейской политике и международных отношениях. В Версале она была не только наказана, но и привязана намертво к Антанте. Не лучшая обстановка сложилась вокруг Советской России. Всё это вынудило Берлин и Москву пойти на тесное сотрудничество, в том числе военное, а в апреле 1922 г. во время работы международной экономической конференции в Генуе подписать договор в Рапалло. После этого, на основе Рапалльского договора, между Германией и Советской Россией, а затем СССР начались активные взаимовыгодные связи и сотрудничество во всех областях (политической, торгово-экономической, военно-технической, научной и духовно-культурной) на протяжении 1920 – начала 1930-х годов, получивших в исторической литературе название «политика Рапалло».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть ключевые мотивы и причины, приведшие Германию и Россию к подписанию договора в Рапалло в апреле 1922 г., а также показать те оценки, которые были даны Рапалльскому договору современниками – политиками, дипломатами, представителями бизнеса, научной и культурной интеллигенции. Сделана попытка оценить историческое значение и уроки Рапалло для современных международных отношений и геополитики, в том числе для российско-германских и белорусско-германских отношений на современном этапе. Историко-описательный, историко-сравнительный и историко-аналитические методы исследования положены автором в основу написания данной статьи.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. в зале сделок старинного дворца Сан-Джорджо. Всего было представлено 29 стран, а с английскими доминионами – 34. После открытия конференции итальянским премьером Л. Факта, избранным председателем, была произнесена речь, в которой прозвучал призыв к «восстановлению торговых связей с Центральной к Восточной Европой, с крупнейшим рынком Европы – Россией...» Он отметил, что Генуэзская конференция созвана на основе каннских резолюций и что державы, принявшие приглашение на конференцию, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях [1, с. 49–80; 2, с. 173; 3, с. 42].

Вторым выступил британский премьер Д. Ллойд Джордж. Он сказал: «Мы участвуем на этом собрании на началах абсолютного равенства. Это лишь в том случае, однако, если принимаем равные условия» [4, с. 169]. Под «равными условиями» он подразумевал условия, установленные в Каннах. Д. Ллойд Джордж говорил об экономической разрухе в Европе, одолеть которую можно только совместными усилиями. В связи с этим он, выразил сожаление, что США не участвуют в конференции. Французский министр иностранных дел Л. Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях и категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения версальских соглашений, т.к. конференция в Генуе не является кассационной инстанцией, подвергающей пересмотру существующие договоры [4, с. 169].

Йозеф Вирт, канцлер Германии говорил на немецком языке, монотонно и утомительно жалуясь на положение Германии. Ссылаясь на «особое место, занимаемое Германией», на ее центральное географическое положение в Европе и «тесные связи со всем мировым хозяйством», Й. Вирт в довольно туманных выражениях протаскивал идею создания международного консорциума западных стран для совместной эксплуатации Востока. Его длинная речь утомила всех делегатов, в зале начался легкий шум, разговоры, движение. Речь Й. Вирта была очень длинна. По этому поводу один из журналистов сострил, что германский делегат решил перенести всю тяжесть германских репараций на своих слушателей [4, с. 169].

На конференции в Генуе были созданы четыре комиссии: политическая, или «русская», финансовая, экономическая, транспортная. Во все комиссии входили делегаты от Англии, Франции, Италии, Германии и России. Остальные страны совместно избирали по несколько делегатов в каждую комиссию. 11 апреля 1922 г. советской делегации был вручен меморандум лондонских экспертов от 28 марта. Он содержал требование об уплате советским правительством всех долгов дореволюционных и белогвардейских правительств, реституции национализированной собственности иностранцев, установления системы капитуляций в России, отмены монополии внешней торговли, отмены коммунистической пропаганды во всех странах. Сумма долга, предъявленного России, составляла 18 млрд, рублей. Это были по истине хищнические домогательства, на удовлетворение которых большевики никогда бы не пошли [4, с. 172–174; 2, с. 174].

14 апреля 1922 г., в 10 часов утра, на вилле Альбертис (резиденции Д. Ллойд Джорджа) состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и России. В основу переговоров западные державы предложили положить лондонский меморандум экспертов. Советская делегация решительно отвергала этот проект. Она отклонила требование о возвращении национализированной собственности иностранцев, об уплате долгов дореволюционных правительств и в свою очередь выдвинула контрпретензии в 39 млрд, рублей за ущерб, причиненный иностранной интервенцией хозяйству Советской России, что составляло свыше четверти довоенного богатства России [4, с. 174–178; 2, с. 174–175].

По поводу военных долгов Г. В. Чичерин обосновал отказ их возврата тем, что Россия понесла 54 % всех потерь Антанты в Первой мировой войне и таким образом заплатила кровью, а все прибыли достались исключительно другой стороне. Желая, однако, найти почву для соглашения и установления деловых связей с иностранным капиталом, советское правительство согласилось признать за пострадавшими иностранными гражданами, право на возмещение убытков. Однако непременным условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий Советской власти был противопоставлен ущерб, причиненный России интервенцией [5, с. 92].

Д. Ллойд Джордж и Л. Барту предупредили советскую сторону срывом конференции в случае, если предложения Антанты не будут приняты. По поводу заявки суммы советской контрпретензии Д. Ллойд Джордж сказал: «Если вы с этим приехали в Геную, можно было совсем не приезжать». Английские дипломаты дали понять, что за отказ Советской России от контрпретензий они готовы уменьшить военные долги и продлить срок уплаты процентов по ним. Однако Л. Барту выступил против этого компромисса. Переговоры на вилле Альбертис, продолжавшиеся и 15 апреля, не дали результата [2, с. 175].

Все время пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Большинство склонялось к выводу, что Советы добьются соглашения с Антантой за счет Германии. Все это беспокоило В. Ратенау и О. Мальцана, которых англичане и французы фактически отстранили от дел конференции. Американский внешнеполитический эксперт Ф. Кеннан в своей книге «Россия и Запад» пишет по этому поводу: «В субботу (15 апреля) усилились слухи о соглашении англичан и французов с русскими, немцы оставались все в том же полном неведении о ходе переговоров. Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле их отеля и, наконец, отправились спать в состоянии крайнего утомления и упадка духа». А лорд д'Абернон так повествует о состоянии немцев в этот момент: «К германской делегации

в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников..., что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять» [5, с. 93].

О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Примерно в 1 час 15 минут пополудни на Пасху, 16 апреля, А. В. Сабанин, член советской делегации на Генуэзской конференции, позвонил Отто фон Мальцану (статс-секретарю германского МИДа и члену немецкой делегации в Генуе) и сообщил, что Г. В. Чичерин и советская делегация хотели бы возобновить переговоры, пригласив германскую делегацию в отель «Палаццо Имперiale» к 11 часам утра. Тогда же, ночью, четверть часа по телефону беседовали Г. В. Чичерин и О. Мальцан, подробности их разговора О. Мальцан рассказал В. Ратенау. Советские предложения были весьма серьезными и немецкая делегация ночью, в пижамах, долго обсуждала их в ракурсе общей ситуации, сложившейся на Генуэзской конференции. В результате этого «пижамного совещания» немцы решили принять советское предложение о возобновлении переговоров, о чем и сообщили советской делегации примерно в 5 часов утра. Немецкая делегация прибыла в «Палаццо Имперiale» 16 апреля, около полудня, и в резиденции советской делегации Г. В. Чичерин и В. Ратенау оговорили все детали соглашения, по которому обе стороны вели переговоры еще до Рапалло, в Берлине. В 18. 30 вечера, 16 апреля 1922 г. Рапальский договор между Германией и Советской Россией был подписан [1, с. 70; 3; 6]. Текстом договора, его подготовкой, согласованием и уточнениями занимались непосредственно О. фон Мальцан и М. М. Литвинов.

Согласно ст. 1 этого договора стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу (возмещение военных расходов и убытков, включая реквизиции, невоенных убытков, расходов на военнопленных). Для Советской России ст. 1 означала отказ от претензий на репарации с Германии. В ст. 2 был особо закреплён отказ Германии от претензий на возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами (ст. 3), а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования (ст. 4). В ст. 5 была зафиксирована готовность германского правительства «оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время частными фирмами соглашениям и облегчить их проведение в жизнь». Постановления договора вступали в силу немедленно. Лишь пункт «б» ст. 1 об урегулировании публично- и частноправовых отношений и ст. 4 о наибольшем благоприятствовании вступали в силу с момента ратификации [7–9].

В дополнение к договору подписавшие его Г. В. Чичерин и В. Ратенау обменялись письмами, не подлежащими опубликованию. В них стороны подтвердили, что в случае признания Россией упомянутых в ст. 2 претензий в отношении какого-либо третьего государства, урегулирование этого вопроса станет предметом специальных переговоров в будущем, причем на такой основе, что с бывшими немецкими предприятиями должны поступать так же, как и с однотипными предприятиями этого третьего государства. Другими словами (словами М. Литвинова, члена советской делегации на Генуэзской конференции), в случае удовлетворения Россией претензий третьих стран в отношении национализированного имущества «немцы ставятся в такое же положение». По сути, речь шла о применении принципа наибольшего благоприятствования. Кроме того, германское правительство обязалась не участвовать в сделках международного экономического консорциума в России, предварительно не договорившись с правительством РСФСР [4, с. 94].

Договор, как уже общепризнано, не содержал никаких тайных договоренностей о военном союзе, однако текст ст. 5 договора опосредованно представляет собой договоренность о военно-промышленном сотрудничестве. Весьма показателен тот факт, что для участия в Генуэзской конференции, темой работы которой были торгово-экономические вопросы, в состав германской делегации был включен преемник генерала В. Хайе на посту начальника

генерального штаба рейхсвера генерал-майор О. Хассе. По мнению германского исследователя Х. Р. Берндорфа, «Рапалльский договор был подготовлен в ходе тесных и секретных обсуждений между г-ном д-ром Ратенау и г-ном фон Сектом», которые происходили по инициативе и в квартире К. Шляйхера. Канцлер И. Вирт об этом, естественно, знал. Более того, вопрос о сближении с Россией был предрешен в ходе его бесед с Г. фон Сектом и директором Восточного отдела и статс-секретарем германского МИДа О. фон Мальцаном. Это видно из исследований другого германского историка Х. Хельбига. О факте подписания Рапалльского договора О. Хассе немедленно информировал Г. фон Секта, который приветствовал договор словами, что «наконец-то предпринята попытка проведения активной политики». Весьма активно участвовал в обозначенных переговорах с советской стороны Карл Радек [5, с. 94–95].

Французский премьер Р. Пуанкаре в письме английскому послу от 2 мая 1922 г., оценивая складывавшиеся отношения Москвы и Берлина, писал, что «общая склонность германской политики к сближению с Россией благоприятствует зарождению военного сотрудничества обеих стран». Р. Пуанкаре и французские военные уже через неделю после подписания Рапалльского договора стали активно говорить об оккупации Францией сопредельных германских территорий, и прежде всего Рура, в ответ на сближение Берлина и Москвы [5, с. 95].

Сразу же после подписания документа распространились слухи о секретных военных поставках, оговоренных в Рапалльском договоре. Историки до сих пор ведут споры по этому вопросу. Л. Д. Троцкий начал переговоры с германскими военными промышленниками в начале 1921 г., используя в качестве посредника Виктора Коппа, бывшего меньшевика, поддерживавшего обширные контакты в Центральной Европе. Красной Армии крайне необходимо было современное военное снаряжение, которое советская промышленность, находившаяся в процессе восстановления и нуждавшаяся в сложном современном оборудовании, не могла поставить. Уже 7 апреля В. Л. Копп сообщил, что германские промышленники, которым, согласно Версальскому договору, было запрещено производить оружие и военное снаряжение, заинтересованы в поставках оборудования и технических специалистов для налаживания в Советской России производства пушек, самолетов и военного снаряжения. В переговорах принимали участие и представители рейхсвера. Версальский договор строго ограничил численность германской армии и запретил проведение военных наборов. Генерал Ганс фон Сект, глава сухопутных сил рейхсвера, согласился организовать обучение красноармейцев в обмен на возможность тайно тренировать немецкий военный персонал в Советской России [2, с. 179–180].

Вопрос в том, была ли какая-то связь между этими переговорами и соглашением, достигнутым в Рапалло, или же те и другие переговоры велись параллельно и независимо друг от друга. Ключевую роль в этом предприятии играл Л. Д. Троцкий. Его главный биограф Исаак Дойчер настаивает на том, что «Политбюро уполномочило Троцкого вести эти переговоры в строжайшей тайне и он держал в своих руках все нити переговоров в период предварительного обсуждения условий Рапалльского договора до той поры, пока не были задействованы дипломаты». Утверждение И. Дойчера нуждается в проверке, поскольку тайное военное соглашение между Германией и Советской Россией было подписано 29 июня 1922 г. в качестве предварительной торговой конвенции. Оно было ратифицировано лишь в феврале 1923 г. В соответствии с одной из версий это соглашение было лишь тайным дополнением к условиям Рапалльского договора, основные положения которого были предварительно разработаны во время совещаний в Берлине и позже – во время переговоров в Италии. Существует по крайней мере «относительная вероятность» причастности военных соглашений к Рапалльскому договору. Если это так, военные переговоры проводились исключительно Л. Д. Троцким и другими членами советского правительства. Однако нет никаких документальных доказательств, что Г. В. Чичерин принимал участие в военных переговорах с немцами в Берлине или в Генуе. Большинство историков отрицает связь Рапалльского договора с какими-либо военными переговорами, настаивая на том, что договор не содержал

никаких тайных пунктов, а также на том, что рейхсвер не имел отношения к подписанию договора и к его окончательным условиям [2, с. 180].

По словам секретаря советской делегации в Генуе Бориса Ефимовича Штейна подписание и опубликование (18 апреля) Рапалльского договора «произвело впечатление разорвавшейся бомбы». Германия и Советская Россия действительно преподнесли Антанте «пасхальное яичко». 4 июля 1922 г. рейхстаг единогласно, что было исключительным случаем (он повторился лишь однажды – в 1926 г., когда рассматривался Берлинский договор между Германией и СССР), ратифицировал Рапалльский договор, а 5 ноября в Берлине был подписан договор о распространении его положений на союзные РСФСР советские республики, в том числе на Белорусскую ССР. От имени Германии соглашение о распространении на союзные с РСФСР республики договора, заключенного 16 апреля 1922 г. в Рапалло между Советской Россией и Германией, подписал заведующий восточным отделом МИД А. фон Мальцан, от имени РСФСР и союзных республик полпред Советской России в Германии Н. Н. Крестинский. Он распространял статьи Рапалльского договора на отношения Германии с Украинской ССР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Дальневосточной Республикой. Специальными нотами, которыми обменялись канцлер Германии Й. Вирт и советский полпред Н. Н. Крестинский 5–10 ноября 1922 г., было подтверждено, что подписание договора означает признание германским правительством де-юре правительств указанных республик [5, с. 96–97; 10, с. 27].

По ст. 2. договора Германия и Украина оговорили свое право взаимно установить размер претензий, возникших в связи с пребыванием германских войск на территории Украины. Договор определял юридические последствия, вытекавшие из распространения Рапалльского договора на союзные республики. Они получили право открывать свои торговые бюро в Германии (ст. 4). Статья 5 определяла основные положения для экономических отношений Германии и союзных РСФСР республик. Статья 7 гласила: «Представительства обеих сторон и работающие в них лица обязаны воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных установлений государства, в коем они пребывают». Как покажет время, это будет наиболее уязвимая с обеих сторон статья, но в плане пропаганды и агитации Москва превзойдет Берлин в разы. Большевистская, коммунистическая пропаганда Советской России в Германии будет весьма и весьма активной, и достаточно агрессивной. Какого ж либо упоминания соглашения от 6 мая 1921 г. договор не содержал, но включал некоторые статьи, касающиеся прав граждан и юридических лиц сторон [9].

В период с ноября 1922 г. по февраль 1923 г. договор был ратифицирован союзными РСФСР республиками. Рейхстаг ратифицировал его 31 августа 1923 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся 26 апреля 1923 г. Заметим, что союзные РСФСР среднеазиатские республики в сферу действия Рапалльского договора по настоянию германской стороны включены не были, что было уступкой Берлина Великобритании. На следующий день после подписания договора, 6 ноября 1922 г., О. Мальцану позвонил английский посол Д'Абернон, чтобы поблагодарить за присланный ранее проект договора и выразить надежду, что рапалльские статьи будут распространяться только на поименованные в тексте договора советские республики и ни на какие другие. О. Мальцан записал, что он решительно заверил в этом английского посла [1, с. 95].

Вскоре Германия и Советская Россия обменялись послами. В Берлине продолжил свою работу в качестве советского полпреда Николай Николаевич Крестинский (1883–1938), работавший в этой должности в 1921–1930 гг., а 22 сентября 1922 г. послом Германии в РСФСР (потом – СССР, по 1928 г.) был назначен У. фон Брокдорф-Ранцау. В истории Германии и Советской России (СССР) начался период плодотворного сотрудничества во всех областях – дипломатии, политике, торговле, научных и культурных областях, военном сотрудничестве. Это сотрудничество достигло апогея в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В этот период Германия вновь стала важнейшим торговым партнером Советского Союза. Основу сотрудничества составляли экономические соглашения 1925 и 1933 годов. Если в 1923 году доля СССР в германском импорте составляла 1,5 %, то в 1932 году она выросла до

5,8 %. В том же году Советский Союз – как и Российская империя в 1914 году – получал 47 % своего импорта из Германии. Договор в Рапалло предоставлял большие экономические выгоды для Германии. Его плодотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос со 160,2 млн рублей в 1921 г. до 367,1 млн рублей, т. е. более чем в два раза [5, с. 97–98].

«Подписание Рапалльского договора, – подчеркивает в одной из своих работ известный российский историк Леонид Николаевич Нежинский, – имело большое значение для Советской России и Германии. Его появление помогало германскому государству выйти из состояния внешнеполитической блокады вокруг Советской России. Договор демонстрировал возможность осуществления на практике провозглашаемого Москвой принципа мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным строем, двух систем собственности – социалистической и капиталистической. Наконец, то обстоятельство, что договор заключили два крупнейших европейских государства, объявившие о взаимном аннулировании всех имевшихся до того претензий, создавало определенные предпосылки для формирования новой конфигурации в расстановке политических сил на европейском континенте в целом». Подобных оценок придерживались видные советские историки-германисты Л. И. Гинцберг, А. А. Ахтамзян, И. К. Кобляков, И. А. Росенко, С. Р. Сухоруков, Г. М. Трухнов [5, с. 98].

В тех условиях обоим участникам Рапалльский договор принес серьезные выгоды: во-первых, это взаимное аннулирование всех претензий; во-вторых, восстановление дипломатических отношений; наконец, в-третьих, экономическое сближение России и Германии. Таким образом, разрывалось кольцо экономической и политической блокады вокруг Советской России, для которой договор с Германией был первым полномасштабным договором с великой державой. Для Германии это был первый равноправный договор с великой державой после Версальского мира. Для обеих стран соглашение означало выход из внешнеполитической изоляции. Его благотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос более чем в два раза, а импорт – в 14 раз. Но не только торговцы, но и немецкие военные стремились к связям с Советской Россией. Их старания увенчались успехом, и тайное сотрудничество с Красной Армией дало им возможность проводить те испытания, которые были им запрещены Версальским мирным договором [11; 12; 13; 14; 15].

Рапалльский договор «без аннексий и контрибуций» был важнейшим вкладом в укрепление советско-германских отношений и обеспечение мира в Европе. К несколько иным, но очень интересным выводам приходит Г. Киссинджер в оценке Рапалло: «Рапалло впоследствии стало символом советско-германского сближения, ...будучи просто одной из судьбоносных случайностей, казавшейся неизбежной лишь в ретроспективе: случайностью это было лишь в том смысле, что ни одна из сторон не планировала это событие именно тогда; неизбежной она была потому, что западные союзники предопределили ее, подвергнув остракизму две крупнейшие континентальные державы, посредством создания пояса малых, враждебных друг другу, государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза. Все это создавало максимум побудительных мотивов, как для Германии, так и для Советского Союза преодолеть идеологическую вражду и сотрудничать в деле подрыва Версаля.

Рапалло ...символизировало всепобеждающую общность интересов, сводившую воедино советских и германских лидеров вплоть до самого конца межвоенного периода. Джордж Кеннан приписывал это соглашение отчасти советской настойчивости, отчасти отсутствию единства среди стран Запада... Ясно, что демократические страны Запада были глупы и близоруки...» [5, с. 99]. Заметим в общем плане, что Рапалльский договор на протяжении десятков лет был объектом пристального внимания политиков и общественности разных стран, становился неоднократно предметом дискуссий историков и политологов.

Через два дня после подписания Рапалльского договора правительства стран Антанты, Малой Антанты, Польши и Португалии адресовали Германии ноту. Они обвинили Германию

в нелояльности и нарушении каннских резолюций, в том, что немецкие представители «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией». Германию фактически исключили из политической комиссии Генуэзской конференции. Репарационная комиссия потребовала немедленной присылки официальной копии этого документа, чтобы судить, не наносит ли советско-германский договор ущерба правительствам, создавшим репарационную комиссию. Дипломаты Антанты утверждали, что советско-германский договор нарушает ряд пунктов Версальского договора, хотя многие видные юристы-международники считали, что между двумя документами нет юридических противоречий.

21 апреля 1922 г. после значительных колебаний немцы ответили на ноту Антанты, что Рапалльский договор ни в какой мере не затрагивает отношения третьих держав с Россией. 23 апреля союзники послали новую ноту канцлеру Й. Вирту. В ней по предложению Л. Барту говорилось, что правительства Антанты оставляют за собой «полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам» [5, с. 99–100].

В самой Германии договор в Рапалло с русскими приветствовался среди значительной части политической элиты, бизнес-кругов, крупных промышленников и финансистов, научной и творческой интеллигенции, трудовых сословий, где были сильны симпатии к Советской России и левым (КПП). Как уже говорилось выше, Рапалльский договор был ратифицирован рейхстагом 4 июля 1922 г. практически единогласно.

Коммунистическая партия Германии (КПП) опубликовала воззвание, в котором приветствовала договор в Рапалло. В другом документе партии подчеркивалось, что «договор только тогда приобретет значение для обеих сторон, когда германское правительство и германские промышленники постараются немедленно возобновить экономические связи с Советской Россией в крупном масштабе». По призыву КПП в ряде крупных городов Германии состоялись многотысячные демонстрации рабочих в поддержку Рапалльского договора. Одобряли его и приверженцы двух социал-демократических партий (СДПГ, НСДПГ), хотя большинство лидеров СДПГ отнеслось к договору двойственно, а президент Ф. Эберт выступал против подписания Рапалльского договора и после «ослушания» Вирта резко изменил свое отношение к нему в негативную сторону.

Весьма положительные отклики на Рапалло раздавались и со стороны различных политических группировок немецкой буржуазии. Так, Г. Раумер писал Г. Штреземану, что договор принес Германии существенный и долговременный политический выигрыш. Г. Раумер, несмотря на принадлежность к Народной партии, и в последующие годы занимал, как и Й. Вирт, последовательную позицию в вопросе о дружественных отношениях с Советской Россией (затем СССР). Депутат прусского ландтага от Демократической партии О. Нушке в преддверии Генуэзской конференции выступил в ландтаге с яркой речью, в которой заявил: «Меня не устраивает, что немецкие генералы вновь и вновь напоминают о себе, требуя «интервенции против большевизма». Я считаю своим долгом констатировать здесь, что значительная масса не только немецких рабочих, но также и немецкой буржуазии решительно осуждает такую политику вечной войны... У нас есть все основания установить как можно более дружественные отношения с великим русским народом... Если мы собираемся завязать непосредственные связи с какой-либо страной, то совершенно естественно необходимо признать те силы, в руках которых там находится политическая власть. Надо покончить с прошлым и признать советское правительство в политическом отношении». 18 апреля 1922 г. он же писал в «Берлинер фольксцайтунг», что Рапалло – это примечательный и заметный этап на пути к умиротворению Европы и мирному взаимопониманию между народами. Видный деятель НДП Л. Хаас заявил, что впервые после начала Первой мировой войны заключен мир, базирующийся на разуме и человеческом взаимопонимании. Редактор популярного левобуржуазного еженедельника «Тегебух» С. Гроссман назвал Рапалльский договор эпохальным документом. Высокую оценку дал ему известный историк Г. Дельбрюк [2, с. 200–201].

В ходе обсуждений в рейхстаге деятельности германской делегации на Генуэзской конференции даже социал-демократы были вынуждены твердо поддержать «политику Рапалло».

Бывший рейхсканцлер Г. Мюллер отметил, что широкие массы людей в Германии восприняли Рапалльский договор с радостью, так как впервые увидели в нем подлинно мирный договор, заключенный правительствами двух стран, но нашедших отклик в душах народов, которые данные правительства представляют. В этом акте нет ничего от духа Брест-Литовского, Версальского и Сен-Жерменского договоров. Именно этим Рапалло вызвало симпатии самых широких масс немецкого и русского народов.

Огромную роль в подписании Рапалльского договора сыграл Й. Вирт. Окончательно к этому его подтолкнули закулисные интриги во время работы Генуэзской конференции и в особенности опасения того, что переговоры англичан с русскими увенчаются успехом и тогда вступит в силу статья 116 Версальского мирного договора, согласно которой РСФСР могла претендовать на репарации с Германии. Теперь Й. Вирт решительно выступал за заключение договора с Советской Россией, исходя из того, что он нужен Германии независимо от того, как его воспримут другие государства. Было принято решение продолжить переговоры с русскими, начатые еще в Берлине. Рейхсканцлер оказал энергичную поддержку О. Мальцану, причем она предполагала подписание договора самим Й. Виртом, если В. Ратенау не преодолит своих колебаний. Несовпадение позиций Й. Вирта и В. Ратенау в вопросе о германо-советском сближении было очевидным. Так, известный либеральный историк Э. Трельч в июне 1922 г. писал: «Мнения о Рапалло различны, но в любом случае этот договор – заслуга не Ратенау ... за что его (договор) принимают. Ратенау скорее владели сомнениями. Договор – прежде всего детище Восточного отдела МИД и рейхсканцлера, которые полагали, что предотвращают этим угрозу изменения ситуации к нашей невыгоде» [5, с. 102].

Видный деятель Народной партии (ННП) В. Рейнбабен, являвшийся решительным сторонником «рапалльской политики» и близкий к О. фон Мальцану, передает в своих воспоминаниях рассказ последнего о перипетиях, связанных с подписанием договора. По словам О. фон Мальцана, после телефонного приглашения со стороны советской делегации он сообщил об этом В. Ратенау, который был очень обрадован известием, но реагировал так: «Сейчас я направлюсь к Ллойд Джорджу и сыграю за счет русских». Он отказался от своего намерения лишь после того, как О. Мальцан пригрозил немедленной отставкой. Другой деятель ННП Г. Раумер, входивший в состав германской делегации в Генуе, свидетельствует, что для В. Ратенау определяющей была возможная реакция западных держав на соглашение Германии с Советской Россией. На вопрос В. Ратенау «Что же мне делать?» Г. Раумер, по его словам, сказал: «Перед Вами выбор – стать Каприви или Бисмарком» [5, с. 102].

Статс-секретарь министерства финансов К. Бергман, хорошо знавший закулисную сторону дела, подтверждает, что В. Ратенау лишь тогда дал убедить себя подписать договор с русскими, когда стало ясно, что Й. Вирт и без него подпишет. Окончательно это определилось во время «пижамного совещания» в ночь с 15 на 16 апреля (1922 г.), последовавшего за телефонным приглашением, сделанным немцам представителем советской делегации, прибыть на следующий день в Рапалло для завершения переговоров. В. Ратенау, оказавшийся в изоляции, согласился, хотя и против воли, направиться утром в Рапалло [5, с. 102–103].

Говоря об уроках Рапалло следует отметить несколько важных моментов:

1. Рапалльский договор был выгоден обеим сторонам, особенно в торговле и военном сотрудничестве. На фоне Рапалло и в его русле между Берлином и Москвой усиленно развивались политические и дипломатические отношения, торгово-экономические, а также научные и культурные связи. Но стержень Рапалло в германо-советском и советско-германском сотрудничестве 1922–1932 гг. составляли военно-политические отношения, а также военное и военно-техническое взаимодействие двух держав. С помощью Рапалльского договора Берлин и Москва успешно блокировали Польшу, а также не менее успешно решали свои проблемы в Прибалтике и Восточной Европе в целом. Так, например, с помощью Рапалльского договора Москва усложнила деятельность российской («белой»), белорусской и украинской эмиграции в Германии, а Берлин блокировал возможный рост революционной агитации Коминтерна и Москвы у себя в стране. Рапалло было также противовесом Западу во внешней политике и геополитике как Веймарской Германии, так и СССР. Короче говоря, это была политика взаимовыгодного сотрудничества двух государств и народов.

2. Вместе с тем, позитивную значимость и сам «дух Рапалло» нельзя преувеличивать, поскольку подозрений между Берлином и Москвой подписанный в апреле 1922 г. Рапальский договор полностью не снял. Сказывалось то, что это были государства разных систем. В Германии среди политической, гражданской и военной элиты, а также среди простых немцев было много тех, кто ненавидел большевизм и власть Советов в Советской России и СССР. Они предпочитали западную ориентацию, западные ценности. В СССР же были сильны идеи мировой пролетарской революции, которую Москва стремилась разжечь и в Германии, используя Коминтерн. Поэтому Рапалло действительно было только «общностью судьбы» (Schicksahlgemeinschaft), но не стало «общностью целей» (Zwecksgemeinschaft) в отношениях двух государств после окончания Первой мировой войны, которая поставила обе страны в крайне трудное и невыгодное положение.

3. «Новое Рапалло» в отношениях Берлина и Москвы уже невозможно. Сотрудничество, – да, а политика Рапалло нет. Может только присутствовать «дух Рапалло», но не больше. Вместе с тем, в двух случаях может возникнуть «призрак Рапалло». В случае, если реально возникнет Черноморско-Балтийский союз (ЧБС) государств из Прибалтики, Беларуси, Украины и Польши, и в случае, если разразится Третья мировая война, которую Германия и Россия проиграют. Но подобное вряд ли произойдёт.

4. Рапальская политика – это отношения двух государств (СССР и Германии) в результате их изоляции и изгойства Берлина и Москвы в международных отношениях и геополитике со стороны Антанты и Запада. Рапалло – это сотрудничество новых политических элит, свергших монархии и проигравших Первую мировую войну, и по этим причинам вынужденных сотрудничать и поддерживать друг друга, имея при этом свои конкретные и разные интересы. Как тогда образно говорили, у Москвы в руках в отношении Берлина были две дубинки – одна торговая другая – Коминтерновская, у Берлина в отношении Москвы – тоже две – торговая и западная (антантовская, проамериканская). Поэтому рапальский курс в советско-германских и германо-советских отношениях не мог быть долговечным! Он и так продолжался достаточно долго – почти десять лет.

Источники и литература

1. Ахтамзян, А. А. Рапальская политика. Советско-германские отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М.: Международные отношения, 1974. – 304 с.

2. Космач, В. А. От Компьена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): Страницы истории / В. А. Космач. – Псков: ФГБОУ ВПО «Псков ГУ», 2017. – 552 с.

3. Любимов, Н. Н., Эрлих, А. Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников / Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих. – М.: Институт международных отношений, 1963. – 158 с.

4. История дипломатии : в 3 т. – М.–Л.: ОГИЗ – Гос. изд-во пол. литературы, 1945. – Т. 3 : Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939) / под ред. В. П. Потёмкина. – 884 с.

5. Космач, В. А. Германия на Генуэзской конференции. Германо-советский договор в Рапалло и его последствия // Белорусская германистика: актуальные научные проблемы и этапы развития. К 100-летию основателя научной школы советской белорусской германистики Т. М. Трухнова : материалы Республиканской научно-теоретической конференции, г. Минск. 2 декабря 2008 г. / отв. ред. Г. А. Космач. – Мн.: БГПУ, 2008. – С. 91–103.

6. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии. О Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. – М.: Международные отношения, 2012. – 800 с.

7. Сидоров, А. Ю., Клеймёнова, Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 г. : учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клеймёнова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 640 с.

8. Системная история международных отношений : в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006. – Т.1 : События 1918–1945 годов. – 480 с.

9. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора : сб. документов : в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2 : (1919–1922 гг.). – 596 с.

10. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920 – начале 1930-х годов (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков: Издательство «Логос», 2017. – 356 с.
11. Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2001. – 352 с.
12. Дьяков, Ю. Л., Бушуева, Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы / Ю. Л. Дьяков, Т. С. Бушуева. – М.: Советская Россия, 1992. – 384 с.
13. Кантор, Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов / Ю. З. Кантор. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 383 с.
14. Шикорад, А. Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества / А. Б. Шикорад. – М.: Вече, 2007. – 400 с.
15. Zeidler, M. Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. – München: Oldenbourg, 1993. – 375 s.

УДК 94:327((47+57)+430)«1922-1925»

С. Н. Рожкова, В. И. Новикова
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ РАПАЛЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Статья посвящена изучению причин сближения Советской России и Германии в начале 20-х годов XX века. Подробно рассматриваются предпосылки и сложившиеся условия после Первой мировой войны, которые были наиболее благоприятными как для советской, так и для немецкой сторон, чтобы достичь соглашения в Рапалло. На его основе произошло возникновение и развитие советско-германского сотрудничества в военно-политической и экономической сферах.

Основной причиной сближения Советской России и Германии, результатом чего стало подписание Рапалльского договора, была схожесть международного положения двух государств после Первой мировой войны. Обе страны оказались в роли изгоев Версальской системы международных отношений [1, с. 6]. В результате, неприятие Версальской системы стало основой для сближения двух стран. Также благодаря соглашению с Германией советское государство, как считали в Москве, воспрепятствовало осуществлению антисоветских планов враждебных РСФСР государств [2, с. 14–15].

Предпосылки к сотрудничеству и установлению нормальных контактов между Москвой и Берлином наметились еще в период заключения Версальского мирного договора, который возлагал всю ответственность за развязывание Первой мировой войны на Германию и был направлен на «наказание агрессора». В свою очередь такая расстановка сил была неприемлемой для Германии. Положение Советской России в данный период было сложным. Оба государства оказались в состоянии внешнеполитической изоляции, находились вне мировой политики [3, с. 14, 15].

Тенденции к сотрудничеству Берлина и Москвы были вызваны и рядом экономических проблем. Германская промышленность оказалось вытесненной западными державами с мировых рынков. Ситуация усложнялась непосильными репарациями, которые Германия обязывалась выплачивать странам-победительницам. Поэтому установление надежных экономических контактов с Советской Россией было для Германии необходимой мерой [4, с. 28]. В свою очередь Советская Россия находилась в состоянии разрухи. Советское руководство искало опору для достижения далеко идущих советских внешнеполитических целей. Германия обладала тем, что требовалось для реализации устремлений Советской России, а именно достаточно современным оружием и новой техникой, развитой промышленностью [5, с. 10].

Польский фактор являлся сильным побудительным мотивом к военно-политическому сближению двух государств. По условиям Версальского мирного договора ряд земель, ранее принадлежавших Германии, отошли к Польше. Советская Россия согласно Рижскому договору должна была уступить Польше Западную Беларусь и Западную Украину. Следовательно, Польша стремилась к сохранению новых установленных границ, в то время как Советская Россия и Германия имели общую цель – устранить ограничения Версальского мирного договора, подвергнуть ревизии Рижский договор [6, с. 20].

Несмотря на разные общественные модели, Германия нуждалась в сильной России. Об этом свидетельствует заявление главнокомандующего рейхсвером генерала фон Секта: «Разрыв версальского диктата может быть достигнут только путем тесного контакта с Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет, не имеет значения. Что нам нужно, так это сильная Россия с широкими границами – на нашей стороне. Итак, никаких Польши и Литвы между нами... И мы получим наши восточные границы по 1914 г.». Во время советско-польской войны германское руководство не сомневалось в победе России и задумывалось об установлении выгодных контактов с ней. Но действовать Германия планировала аккуратно, чтобы не допустить переход государства к большевизму [3, с. 8]. Секретные переговоры о военном партнерстве двух стран велись с 1920 года. Поражение Советской России в войне с Польшей выявило слабые стороны Красной Армии, которая нуждалась в реорганизации и оснащении военной техникой [4, с. 52].

Перспективы дальнейшего двустороннего военного сотрудничества были намечены с начала 1921 года в ходе серии секретных договоров между Берлином и Москвой. Так, в протоколе, подписанном уполномоченным министерства иностранных дел Германии и уполномоченным комиссариата иностранных дел РСФСР от 18 февраля 1921 года, рассматривались права представительств обеих стран, права и задачи торговых представительств, которые нацелены на экономические интересы как Германии, так и России: «Это должно помочь российскому представительству при выдаче и получении заказов, а немецкому торговому представительству – при установлении спроса, наличных заказов..., а также при определении возможности для получения концессий» [7, с. 301].

Дальнейшим шагом на пути сближения Германии и Советской России стало подписание временного торгового соглашения 6 мая 1921 г. В 4 статье соглашения говорится, что Германия может ввозить в Россию без уплаты пошлины и налогов материалы, необходимые для ведения своих дел. В целом данный документ отражает стремление двух государств к экономическому сотрудничеству через взаимный учет интересов друг друга: «Германское представительство в России защищает через свое торговое представительство экономические интересы германского государства и германских граждан» [8, с. 321].

После подписания Временного соглашения в РСФСР была направлена германская комиссия экономических экспертов для изучения возможностей расширения торговых отношений на месте. Однако правительство Германии не рассматривало деятельность этой комиссии как осуществление экономической официальной миссии. Цель этой поездки была определена как «разведывательная работа» по изучению состояния экономики Советской России. Расширение торговых отношений и установление нормальных политических контактов с Россией было связано с тем, что правительство Германии намеревалось найти здесь емкий рынок сбыта для своей продукции и получить некоторые виды сырья [4, с. 36, 39].

Укрепление сотрудничества между Советской Россией и Германией было связано с отраслью военной. В начале 1921 года по инициативе главнокомандующего рейхсвером Секта была создана военная группа «Зондергруппа Р» для налаживания сотрудничества с Красной Армией. Советское правительство рассчитывало на восстановление оборонных заводов с помощью немецкого капитала. Российский делегат по делам военнопленных В. Копп присутствовал на переговорах о военном сотрудничестве с Германией в качестве посредника. В результате секретных переговоров были намечены совместные цели в следующих областях: строительство воздушного и подводного флотов, производство оружия [3, с. 52–53].

Вопрос о созыве международной конференции для обсуждения и решения проблем экономического сотрудничества между государствами был поднят к концу 1921 года. На встрече в Каннах, проходившей с 6 по 13 января 1922 года, государства Антанты приняли решение созвать международную экономическую конференцию европейских держав в Генуе. На конференцию были приглашены Германия, Советская Россия, Австрия, Венгрия и Болгария. Советское руководство выступило с предложением урегулировать взаимные материальные претензии и признать советское правительство другими государствами.

В начале 1922 года советские и германские правящие круги обсуждали проекты протоколов об урегулировании отношений между двумя странами. Среди германского руководства не было единства мнений о переговорах с Советской Россией. Канцлер Й. Вирт предложил продолжить переговоры с целью поиска путей урегулирования, а министр иностранных дел В. Ратенау выступил за сотрудничество Германии с Великобританией и Соединенными Штатами с целью навязать России жесткие условия. В ходе переговоров были намечены следующие направления сотрудничества: соглашение с немецкой промышленностью и политическое соглашение с правительством Германии. Но этот проект не предусматривал отказа Германии от претензий на национализированную немецкую собственность в России, не гарантировал предоставления ей кредитов. Германская сторона поставила вопрос об отказе Советской России от претензий на получение репараций по статье 116 Версальского договора. Что касается кредита, Стиннес заявил следующее: «Но если, однако, мы поможем вам, то статья 116 не должна оставаться в силе в этом случае. Если вы нам не доверяете, тогда свяжитесь с Антантой» [4, с. 50–51].

Перед предстоящей Генуэзской конференцией советская делегация во главе с наркомом иностранных дел Г. Чичериным останавливается в Берлине 1 апреля по пути из Риги в Геную, но теплого приема с немецкой стороны не было. Германия тем самым продемонстрировала свое недовольство улучшением отношений между Польшей и Россией и отказалась принять Чичерина в первый же день прибытия. На следующий день Чичерин встретился с канцлером Й. Виртом и министром иностранных дел В. Ратенау. Поднимались различные вопросы, в том числе о военном сотрудничестве, но вопрос о национализированной немецкой собственности в России оставался открытым [4, с. 65]. В целом переговоры не смогли дать конкретного результата из-за отсутствия единства мнений среди немецких представителей. Перед отъездом Чичерин отправил в Москву телеграмму о результатах дипломатических переговоров: «Немцы вели с нами переговоры, чтобы показать, что они якобы хотят соглашения с нами, но по всему видно, что на самом деле они хотели, чтобы ничего не получилось». Правящие круги Германии надеялись добиться уступок от держав Антанты на Генуэзской конференции, поэтому не решились заключить открытый договор с Советской Россией. Эту позицию в значительной степени определил Ратенау, который высказался против соглашения с советскими представителями [6, с. 29–30].

Международная экономическая конференция в Генуе открылась 10 апреля 1922 года. На первом заседании конференции Г. В. Чичерин провозгласил принцип мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств. Глава советской делегации также объявил о необходимости всеобщего разоружения. Эта речь звучала весьма гуманно, но ее можно рассматривать как пропагандистский ход, направленный на завоевание симпатий населения западных стран. В первые дни конференции страны Антанты предоставили Лондонский меморандум, согласно которому Советская Россия обязывалась выплатить долги как царского, так и временного правительств, а также предусматривалась отмена монополии внешней торговли, компенсация за национализированное имущество западных стран. Советская делегация согласилась на выплату правительственных долгов, но в ответ потребовала возмещения ущерба, причиненного во время интервенции. Неофициальные переговоры, состоявшиеся в резиденции премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, не дали желаемого для РСФСР результата. Тогда же стало ясно, что и Германия не получит уступок от Антанты. Опасность для Германии заключалась и в том, что согласно условиям доклада экспертов Советская Россия могла потребовать от нее выплаты репараций в соответствии со статьей 116 Версальского договора. Сложившаяся ситуация побудила Германию и Советскую Россию заключить выгодный договор [4, с. 67].

Договор между РСФСР и Германией был подписан 16 апреля 1922 года. Характеризуя содержание Рапалльского договора, можно отметить, что он предусматривал возобновление дипломатических и консульских отношений между двумя государствами, взаимный отказ от претензий в вопросах ущерба, причиненного во время Первой мировой войны, и национализацией в России [9, с. 67]. Согласно статье 1 соглашения, стороны взаимно отказались от финансовых претензий, включая компенсацию военных расходов и потерь. Советская Россия отказалась от немецких репараций, а Германия, в соответствии со статьей 2, отказалась от требований о компенсации за национализированную собственность. Согласно 3 статье, договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между РСФСР и Германией, а по статье 4 признавалась необходимость развития торговых отношений, основанных на принципе наибольшего благоприятствования [10, стр. 479–480].

Таким образом, рапалльский вектор в советско-германских отношениях строился на антиверсальской политике двух стран. Стремление Советской России и Германии добиться ревизии Версальской системы, преодолеть международную изоляцию привело к заключению Рапалльского договора.

Источники и литература

1. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Мн.: Изд. БГУ, 1974. – 72 с.
2. Космач, В. А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР): автореферат дисс. ... кан. ист. наук / В. А. Космач. – Минск: БГУ, 1984. – 20 с.
3. Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР и Германии) / С. А. Горлов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
4. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 года / А. А. Ахтамзян. – М.: Международные отношения, 1974. – 304 с.
5. Кантор, Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы / Ю. З. Кантор. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
6. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов: монография / Н. Н. Мезга; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – 196 с.
7. Протокол, подписанный уполномоченными министерства иностранных дел Германии и уполномоченными Народного комиссариата иностранных дел РСФСР // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. док. : в 2 т. / ред. коллегия : С. Дёрнберг и др. – М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ГДР. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
8. Временное соглашение между РСФСР и Германией в Берлине 6 мая 1921 г. // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. док. : в 2 т. / ред. коллегия : С. Дёрнберг и др. – М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ГДР. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
9. Тихомиров, А. В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. В. Тихомиров / Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 42–43.
10. Договор между РСФСР и Германией от 16 апреля 1922 г. // Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. док. : в 2 т. / ред. коллегия : С. Дёрнберг и др. – М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ГДР. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.

М. М. Мязга
Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

РАСПАЎСЮДЖВАННЕ РАПАЛЬСКАГА ДАГАВОРА НА САВЕЦКІЯ РЭСПУБЛІКІ

У артыкуле разгледжаны працэс савецка-германскіх перамоў аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі. Асноўныя супярэчнасці пры падрыхтоўцы пагаднення паўсталі на пытаннях аб матэрыяльных прэтэнзіях УССР да Германіі і аб распаўсюджванні на савецкія рэспублікі палажэнняў часовага гандлёвага дагавора паміж РСФСР і Германіяй ад 6 мая 1921 г. Істотны ўплыў на ход савецка-германскіх перагавораў аказвалі міжнародныя ўмовы. Падапісанне пагаднення ад 5 лістапада 1922 г. азначала не толькі распаўсюджванне Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі, але і іх юрыдычнае прызнанне Германіяй.

Пасля заключэння Рапальскага дагавора савецкім бокам практычна адразу было пастаўлена пытанне аб яго распаўсюджванні на саюзныя РСФСР савецкія рэспублікі. У гістарычнай літаратуры дадзеная праблема знайшла сваё адлюстраванне, аднак сам ход перагавораў і праблемы, якія ўзніклі пры гэтым, асветлены яшчэ недастаткова поўна і сістэмна. На грунтоўным манаграфічным узроўні гэтае пытанне закранаецца толькі ў працах А. А. Ахтамзяна і І. А. Расенка, якія адносяцца яшчэ да савецкай гістарыяграфіі [1; 2].

Падчас Генуэзскай канферэнцыі важнейшым падзеяй стала падпісанне Рапальскага дагавора паміж Савецкай Расіяй і Германіяй. Для Масквы гэта азначала прарыву адзінага фронту капіталістычных дзяржаў і набыццё партнёра для сумеснай барацьбы супраць Версальскай сістэмы міжнародных адносін і перагляду вынікаў Першай сусветнай вайны. Паводле дагавора Расія і Германія адмовіліся ад узаемных прэтэнзій у сувязі са стратамі ваеннага часу. Гэта азначала, у прыватнасці, што Расія не будзе прэтэндаваць на атрыманне рэпарацый з Германіі ў адпаведнасці з Версальскім дагаворам. Германія адмовілася ад прэтэнзій, звязаных з нацыяналізацыяй на тэрыторыі Расіі маёмасці германскіх грамадзян. Дагавор таксама прадугледжваў прымяненне прынцыпу найбольшага спрыяння ў гандлі паміж краінамі, якія яго падпісалі, неадкладнае ўстанаўленне паміж імі дыпламатычных адносін [3, с. 479–481]. Акрамя таго, у нотах, якімі пры падпісанні Рапальскага дагавора абмяняліся міністры замежных спраў дзвюх краін, гаварылася аб тым, што Германія будзе ўдзельнічаць у магчымым міжнародным кансорцыуме па аднаўленні Расіі толькі пасля папярэдняй дамоўленасці з РСФСР [3, с. 482].

Палажэнні Рапальскага дагавора распаўсюджваліся толькі на тэрыторыю РСФСР і не мелі дачынення да іншых савецкіх рэспублік, якія ўзніклі на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, і на момант падпісання германа-расійскага пагаднення юрыдычна з'яўляліся незалежнымі. Германія прытрымлівалася пазіцыі непрызнання савецкіх рэспублік як самастойных дзяржаў. Так, 21 красавіка міністр замежных спраў Германіі накіраваў ліст у Міністэрства гаспадаркі, у якім адзначаў, што не можа быць і гаворкі аб прызнанні Украіны нават дэ факта [3, с. 501]. Такая сітуацыя параджала шэраг пытанняў пры рэалізацыі Рапальскага дагавора. Скажам, фармальна за Германіяй заставалася магчымасць патрабаваць ад савецкіх рэспублік выплаты кампенсацыі за ўтрыманне ваеннапалонных і інтэрнаваных на сваёй тэрыторыі ў час Першай сусветнай вайны, за нацыяналізацыю ўласнасці германскіх грамадзян. Са свайго боку, савецкія рэспублікі не пазбаўляліся Рапальскай дамовай права прад'явіць Германіі прэтэнзіі за рэквізіцыі і канфіскацыі, якія праводзіліся ў гады вайны на іх тэрыторыі германскімі войскамі, і УССР сапраўды актуалізавала гэтую праблему. Маглі ўзнікнуць пытанні адносна прымянення на тэрыторыі савецкіх рэспублік прынцыпу найбольшага спрыяння ў гандлі з Германіяй і распаўсюджвання названага прынцыпу на іншыя дзяржавы, якія ўваходзілі раней у склад Расіі ці зноў утварыўшыся савецкія рэспублікі [4, с. 112].

У сувязі з гэтым для Расіі і Германіі важным было распаўсюджванне палажэнняў Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі. Але асабліва актыўна ў гэтым кірунку пачала дзейнічаць расійская дыпламатыя. Як справядліва адзначае А. А. Ахтамзян, Масква была зацікаўлена ў распаўсюджванні Рапальскага дагавора на ўсе савецкія рэспублікі галоўным чынам па палітычных меркаваннях. Было неабходна стварыць прэцэдэнт прызнання ўсіх савецкіх рэспублік такой вялікай еўрапейскай дзяржавай як Германія [1, с. 89]. 22 лютага 1922 г. савецкія рэспублікі падпісалі пагадненне, згодна з якім дэлегацыя РСФСР павінна была прадстаўляць на канферэнцыі ў Генуі інтарэсы ўсіх савецкіх рэспублік [5, с. 110]. Зыходзячы з пагаднення ад 22 лютага, расійская дэлегацыя пры падпісанні Рапальскага дагавора выступала ад імя ўсіх савецкіх рэспублік. Гэта давала Маскве юрыдычныя падставы для пастаноўкі пытання аб распаўсюджванні Рапальскай дамовы на іншыя савецкія рэспублікі. Ужо 24 красавіка наркам замежных спраў РСФСР Г. Чычэрын падчас гутаркі з прадстаўніком германскага МЗС А. Мальцанам заявіў аб наяўнасці ў яго паўнамоцтваў заключаць дагаворы ад імя ўсіх савецкіх рэспублік. Ён прапанаваў, каб пасля Генуэзскай канферэнцыі адбылося распаўсюджванне расійска-германскага дагавора на савецкія рэспублікі Украіну, Каўказкія Рэспублікі, Далёка-Усходнюю Рэспубліку праз падпісанне дадатковага дагавора, або праз абмен нотамі (як бачым, у пераліку савецкіх рэспублік адсутнічае БССР) [4, с. 111].

А. А. Ахтамзян робіць выснову, што германскі бок стаў на шлях зацягвання перамоў, мяркуючы, што ўзамен прызнання савецкіх рэспублік можна атрымаць значныя саступкі ў эканамічнай галіне. Германскі ўрад адмовілася ад абмеркавання «законнага патрабавання Савецкай Украіны аб кампенсацыі ўрон», нанесенага Украіне германскай акупацыяй 1918 года ў памеры 400 млн. марак, за вывезеныя ў Германію прадукты харчавання і каштоўнасці. Праўда, пры гэтым Савецкая Украіна не адмаўлялася разгледзець контрпрэтэнзіі з боку Германіі [1, с. 86]. Названае патрабаванне УССР стала перашкодай на шляху да пагаднення. 30 мая 1922 г. намеснік наркама замежных спраў М. Літвінаў пісаў у НКЗС з нагоды ўкраінскіх патрабаванняў: «Немцы справядліва паказваюць, што калі мы прэтэндуем на спадчыну Скарападскага, то мы павінны прыняць таксама і яго пасіў і разгледзець прэтэнзіі як урада, так і прыватных асоб да Скарападскага. У рэшце рэшт усе гэтыя прэтэнзіі звяліся б да грашэй, а між тым прад'яўленне іх парушае дух Рапальскага дагавора» [6, с. 62]. Для ўрэгулявання пытання аб украінскіх прэтэнзіях Г. Чычэрын 13 чэрвеня звярнуўся ў Палітбюро ЦК РКП(б). Ён настойваў на падпісанні пагаднення з Германіяй і без атрымання УССР названых 400 млн. марак [6, с. 65]. Як бачым, пазіцыя УССР не знаходзіла падтрымкі ў НКЗС РСФСР.

М. Літвінаў звярнуў увагу на імкненне Германіі зацягваць перамовы, звязваючы гэта з пытаннем аб рэпарацыях, каб «не дражніць французай» [6, с. 63]. Сапраўды, Германія павінна была ўлічваць пазіцыю Антанты. 6 ліпеня ў гутарцы з А. Мальцанам пасол Вялікабрытаніі ў Берліне лорд Д'Абернон заўважыў, што распаўсюджванне Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі можа выклікаць негатыўную рэакцыю на Захадзе, асабліва ў Францыі. І тады Германіі складана будзе разлічваць на нейкія пазітыўныя для яе змены ў пытанні аб рэпарацыях. У ходзе новай сустрэчы А. Мальцана і лорда Д'Абернона 22 ліпеня германскі дыпламат паведаміў, што немцы, «каб не парушаць міжнародную атмасферу», адклалі перамовы аб пашырэнні дзеяння Рапальскага дагавора [4, с. 114, 115]. Асобна стаяла пытанне аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на Хіву і Бухару. Тут Германія хацела пайсці насустрач інтарэсам Вялікабрытаніі, якая прэтэндавала на пераважны ўплыў у гэтым рэгіёне. [7, с. 40]. Такім чынам, адразу ж вызначылася некалькі праблем, якія павінны былі зрабіць савецка-германскія перагаворы аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі няпростымі.

15 чэрвеня 1922 г. на сваім пасяджэнні Палітбюро не падтрымала пазіцыю НКЗС адносна перамоў з Германіяй. Было прынята рашэнне «даручыць НКЗС прыкласці намаганні да таго, каб Рапальскі дагавор быў распаўсюджаны на ўсе саюзныя савецкія рэспублікі». Пры гэтым меркавалася прад'явіць Германіі ад імя Украіны патрабаванне аб кампенсацыі ўрон на суму 450 млн. марак [8]. Такое рашэнне рабіла нерэальным заключэнне пагаднення ў

бліжэйшы час. 22 чэрвеня пачатковая стадыя перамоў завяршылася. Пры гэтым, згодна з запіскай германскага МЗС ад 29 чэрвеня, немцы зрабілі выснову, што «расійскі бок нібыта не праяўляе вялікай цікавасці да заключэння пагаднення». Са свайго боку германскія дыпламаты лічылі мэтазгодным не праяўляць паспешлівасць і «пачакаць новай ініцыятывы з рускага боку» [1, с. 87].

5 ліпеня А. Мальцан зрабіў запіс, што ідзе абмеркаванне пытання аб пашырэнні Рапальскага дагавора на «наступныя расійскія федэратыўныя дзяржавы: 1) Беларусь (Мінск), 2) Украіна (Харкаў), Грузія (Тыфліс), 3) Азербайджан (Баку), 4) Арменія (Ерэван), 6) Далёка-Усходняя Рэспубліка (Чыта)». Прычым весці перамовы ад імя ўсіх гэтых рэспублік упаўнаважаных М. Крэсцінскі і М. Літвінаў. А. Мальцан лічыў выгадным для Германіі распаўсюджванне Рапальскага дагавора на названыя савецкія рэспублікі [4, с. 113]. Як адзначае А. А. Ахтамзян, улічваючы тую акалічнасць, што па пытанні распаўсюджвання Рапальскага дагавора не было адзінага меркавання ў парламенцкіх партыях, Мальцан выказваў пункт гледжання часткі дзелавых колаў і ўрадавых сфер і абгрунтоўваў больш хуткае пашырэнне сферы дзеяння дагавора жыццёвымі патрэбамі самой Германіі. У лісце ад 8 ліпеня 1922 г. германскаму прадстаўніку ў Маскве Відэнфельду Мальцан тлумачыў нежаданне часткі германскай палітычнай эліты распаўсюджаць дагавор на Грузію і Украіну «недастатковай эканамічнай і палітычнай стабільнасцю тамтэйшых урадаў» [1, с. 87]. Але Відэнфельд не падзяляў гэты пункт гледжання. Ён указаў на тое, што савецкая ўлада ў Украіне і ў Грузіі ўмацавалася і якіх-небудзь прыкмет нестабільнасці саветаў там няма, і выказаўся рашуча на карысць распаўсюджвання Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі. Запіска Відэнфельда ад 15 ліпеня абгрунтоўвала падыход да савецкіх рэспублік як да адзінага цэлага эканамічнымі і палітычнымі інтарэсамі самой Германіі, якая, у супрацьлегласць Антанце, у існуючых умовах не была зацікаўлена ў адрыве ад савецкай дзяржавы яе складовых частак [1, с. 88–89].

13 ліпеня падчас гутаркі ў германскім МЗС савецкі паўпрэд М. Крэсцінскі зноў паставіў пытанне аб распаўсюджванні дагавора на савецкія рэспублікі, абвінаваціўшы германскі бок у зацягванні перагавораў. 14 ліпеня савецкі бок прадставіў свой праект дамовы. У гэты ж час германскі ўрад рыхтаваў контрпрапановы да Украіне: экспедыцыйныя выдаткі германскай арміі (1 млрд. марак), аснашчэнне ўкраінскіх дывізіяў (4,9 млн. марак), чыгуначныя перавозкі (51,7 млн. марак), пастаўка друкарні і інш. Да канца ліпеня германскія дыпламаты падрыхтавалі адказ на савецкі праект [1, с. 88]. 25 ліпеня праблему пашырэння Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі абмеркавалі канцлер Й. Вірт і Г. Чычэрын і М. Крэсцінскі. Савецкія прадстаўнікі, спасылаючыся на абяцанні Германіі, дадзеныя яшчэ ў Генуі, настойвалі, каб пагадненне было падпісана як мага хутчэй. Германскі бок віну за зацяжку перагавораў усклаў на Маскву, якая не згаджалася, каб адначасова з Рапальскім дагаворам на савецкія рэспублікі быў распаўсюджаны і савецка-германскі гандлёвы дагавор ад 6 мая 1921 г. Па ім, як пісаў М. Крэсцінскі, «Германія і яе падданыя атрымлівалі перавагу перад Расіяй і яе грамадзянамі». Гэта і тлумачыць негатывнае стаўленне савецкага кіраўніцтва да названай германскай прапановы. Адзначым, што да гэтага часу савецкі бок ужо зняў патрабаванне аб выплаце Германіяй Украіне 450 млн. марак [6, с. 86–87].

2 жніўня ў сваёй прамове падчас уручэння даверчых граматаў прэзідэнту Германіі Ф. Эберту М. Крэсцінскі падкрэсліў: «Мой урад лічыць, што далейшым крокам, адпавядаючым гаспадарчым інтарэсам абедзвюх краін, з'явілася б распаўсюджванне ўжо заключанага пагаднення на рэспублікі, звязаныя з РСФСР у адным агульным рабоча-сялянскім саюзе». Германскі прэзідэнт у адказ заявіў, што ён далучаецца да пажадання, каб на тых жа падставах, што і Рапальскі дагавор, былі заключаны пагадненні з дзяржавамі, саюзнымі Савецкай Расіі [9, с. 53–54].

Разглядаючы дзейнасць расійскай дыпламатыі, накіраваную на распаўсюджванне на савецкія рэспублікі Рапальскага дагавора, неабходна ўлічваць уплыў на гэты працэс польскага фактару. Пасля Рапала Польшча зрабіла крокі, накіраваныя на паляпшэнне адносін з Германіяй, разлічваючы тым самым пашкодзіць савецка-германскаму супрацоўніцтву. 15 мая 1922 г. было дасягнута польска-германскае пагадненне па Верхняй Сілезіі [10, с. 236].

З прыбыццём 31 мая ў Варшаву новага германскага пасла У. Раўшэра пачаліся польска-германскія перамовы па шырокаму колу пытанняў [11, с. 30]. Аднак надзеі на паляпшэнне польска-германскіх адносін не апраўдаліся. Распачатыя перамовы не рухаліся з месца. У такіх умовах летам 1922 г. польская дыпламатыя робіць паварот у бок наладжвання адносін з Савецкай Расіяй. Пры гэтым палякі ўлічвалі назіраўшаеся пэўнае астуджэнне ў савецка-германскіх адносінах. Адною з праяў гэтага з'яўлялася зацягванне перамоў аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на іншыя савецкія рэспублікі. У тэлеграме ад 1 ліпеня пасольства Польшчы ў Берліне інфармаваў МЗС аб ходзе германа-савецкіх перамоў па гэтым пытанні. Паводле звестак пасольства, якія адпавядалі сапраўднасці, перамовы былі перапыненыя, так і не прынесшы станоўчага выніку [12, і. 33].

Ва ўмовах, калі Берлін не ішоў насустрач Маскве па шэрагу пытанняў, польскія крокі, накіраваныя на паляпшэнне адносін з Расіяй, не засталіся без адказу. 4 жніўня ў Варшаву прыбыў намеснік наркама замежных спраў М. Літвінаў [13, с. 169]. 28 верасня – 2 кастрычніка 1922 г. адбыўся візіт Г. Чычэрына ў Варшаву. Абодва візіты фактычна былі безвыніковымі. Ні па адным з пытанняў, якія абмяркоўваліся, не адбылося нават збліжэння пазіцый бакоў. Але абодва бакі актыўна выкарыстоўвалі факт перагавораў, каб казаць аб паляпшэнні савецка-польскіх адносін. Для Масквы гэта быў рычаг ціску на Германію, які спрацаваў. Ужо ў пачатку восені савецка-германскія адносіны сталі паляпшацца. 29 верасня адбылося прызначэнне германскім паслом у Маскву У. Брокдорф-Ранцау, які быў вядомы як актыўны прыхільнік расійска-германскага збліжэння. Змены ў германскай палітыцы на карысць збліжэння з РСФСР тлумачацца і занепакоенасцю магчымым польска-савецкім збліжэннем. Сакратар савецкага паўпрадства ў Варшаве І. Лорэнц паведамляў у Маскву 5 верасня, што яго наведалі два супрацоўнікі германскага пасольства і спрабавалі даведацца, як працякаюць савецка-польскія гандлёвыя перамовы. Германскія дыпламаты прама заявілі, што Берлін не хацеў бы бачыць паспяховае развіццё гандлёвых адносін паміж Польшчай і Расіяй [14, л. 15].

У кастрычніку складваецца сітуацыя, якую можна ацаніць як спрыяльную для савецкага кіраўніцтва, каб вырашыць пытанне аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі. Звязана гэта і з тым эфектам, які зрабіў візіт у Варшаву Г. Чычэрына і пагаршэннем адносін паміж Польшчай і Германіяй, перамовы паміж якімі зайшлі ў тупік. Савецкае паўпрадства ў Варшаве інфармавала Маскву ў тэлеграме ад 24 кастрычніка, што германскія дыпламаты не бачаць шляху да хуткага заканчэння перагавораў з Польшчай, а палякі цяпер спадзяюцца лягчэй і хутчэй заключыць пагадненне з Расіяй, а не з Германіяй [14, л. 40–41].

18 кастрычніка паўпрад у Берліне паведаміў Г. Чычэрыну, што перамовы з немцамі па пытанні распаўсюджвання Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі паспяхова завершаны. Адною з прычын, па якой немцы пайшлі на пагадненне, у тэлеграме названыя іх апасенні адносна савецка-французскага збліжэння [4, с. 125]. А. Мальцан, выступаючы 4 лістапада на нарадзе ў МЗС па пытанні новай дамовы з Расіяй, прывёў перш за ўсё эканамічныя аргументы на карысць яе падпісання [4, с. 128–130]. 30 кастрычніка ў сувязі з завяршэннем працы над праектам дагавора Мальцан пісаў: «Па змесце дагавор не ўносіць нічога новага, ён толькі пашырае Рапальскі дагавор ад 16 красавіка 1922 г. на Украіну, Грузію, Азербайджан, Арменію, Беларусь і Чыту і ўключае яшчэ некаторыя неабходныя пастановы эканамічнага дагавора ад 6 мая 1921 г., які да гэтага часу быў асновай нашых адносін з Савецкай Расіяй (Масквой)». 2 лістапада 1922 г. Мальцан зрабіў прэзідэнту Ф. Эберту даклад па падрыхтаваным праекце пагаднення. Пасля дакладу Эберт заявіў: «Супраць заключэння дамовы ў мяне няма больш ніякіх прэрэчанняў» [1, с. 93–94].

5 лістапада ў Берліне было падпісана пагадненне аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на іншыя савецкія рэспублікі. Прычым у ім гаварылася пра распаўсюджванне на іх і некаторых палажэнняў гандлёвага дагавора ад 6 мая 1921 г., супраць чаго савецкі бок доўгі час прэчэў. За Украінай захоўвалася магчымасць прад'яўлення да Германіі прэтэнзій матэрыяльнага характару. Звернем увагу, што толькі ад імя Украінскай ССР дагавор падпісаў яе прадстаўнік член усеўкраінскага ЦВК В. Анусе. За ўсе іншыя, як яны названы ў дагаворы саюзныя з РСФСР рэспублікі, подпіс паставіў паўнамоцны прадстаўнік Савецкай Расіі ў Берліне

М. Крэсцінскі [3, с. 563–566]. Хоць пад дагаворам і не стаіць подпіс прадстаўніка БССР, яго падпісанне азначала юрыдычнае прызнанне Германіяй Савецкай Беларусі. Гэтае прызнанне было пацверджана ўноце германскага ўрада на імя М. Крэсцінскага ад 5 лістапада 1922 г. Уноце ў адказ ад 10 лістапада савецкі паўпрад у Германіі пацвердзіў гатоўнасць савецкіх рэспублік усталяваць дыпламатычныя адносіны з Германіяй [3, с. 567]. 10 лістапада ЦВК БССР ратыфікаваў пагадненне аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора на савецкія рэспублікі. М. Крэсцінскі па сумяшчальніцтве стаў выконваць абавязкі паўнамоцнага прадстаўніка БССР у Германіі. Распаўсюджванне Рапальскага дагавора на БССР мела важнае палітычнае значэнне, бо адна з найбуйнейшых дзяржаў прызнала Савецкую Беларусь юрыдычна. Адкрываліся перспектывы для паспяховага эканамічнага супрацоўніцтва і гуманітарнага абмену паміж дзвюма краінамі, якія шмат у чым будуць рэалізаваныя [15].

Крыніцы і літаратура

1. Ахтамзян, А. А. Рапальская політыка. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М.: «Международ. отношения», 1974 г. – 304 с.
2. Росенко, И. А. Советско-германские отношения (1921–1922) / И. А. Росенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 159 с.
3. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло : сборник документов : в 2 т. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
4. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск: «Юніпак», 2012. – Т. 2. – 480 с.
5. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 5. – 807 с.
6. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – Т. 1: 1920–1926. – 1031 с.
7. Жигалов, Б. С. Германия и СССР: Экономические и политические отношения (март 1918 – июнь 1941 гг.) / Б. С. Жигалов. – Томск: Томский государственный университет, 2013. – 140 с.
8. Протокол Политбюро ЦК РКП(б) № 12 от 15 июня 1922 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=60637>. – Дата доступа: 20. 01. 2019.
9. Советско-германские отношения. 1922–1925 : документы и материалы : в 2 ч. – М.: Политиздат, 1977. – Ч. 1. – 408 с.
10. Фарбман, Н. В. К вопросу об антипольской политике германского империализма в 1918–1922 годах / Н. В. Фарбман // Германская восточная политика в новое и новейшее время. – М.: Наука, 1974. – С. 217–240.
11. Lassowski, P. Z dziejow polityki zagranicznej II Rzeczypospolitej – ministrowe Skirmunt, Narutowicz, Skrzyński / P. Lassowski // Kwartalnik Historyczny. – 1989. – № 3. – S. 15–51.
12. Archiwum Akt Nowych. – Ministerstwo Spraw Zagranicznych. – Sygn. 6629.
13. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 4. – 559 с.
14. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. – П. 211а. – Д. 133.
15. Космач, В. А. Белорусско-германские культурные связи в 1922–1932 / В. А. Космач // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – С. 162–170.

Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «ПОЛЬСКАЯ ДИЛЕММА» В ПЕРИОД ПОДПИСАНИЯ ЛОКАРНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

В статье рассматривается позиция Великобритании в отношении польской политики, направленной на обеспечение широких гарантий безопасности её западных границ в период от начала Локарнской конференции до подписания парафированных на ней документов 1 декабря 1925 г. в Лондоне. Показаны дипломатические шаги Польши в отношении Великобритании в канун конференции, охарактеризована британская реакция на них и политика главы Форин оффис, направленная на недопущение срыва подписания локарнских соглашений.

5 октября 1925 г. начала свою работу международная конференция в Локарно (Швейцария). Она должна была оформить результаты переговоров о гарантийном пакте, которые велись в течение этого года. Основные участники этих переговоров – Великобритания, Франция, Германия, Бельгия и Италия, – а также государства, которые рассматривали их как тесно связанные со своими национальными интересами – Польша, Чехословакия, СССР, – не достигли компромисса в канун встречи в Локарно, скорее выявились ключевые противоречия, которые придётся преодолеть непосредственно в ходе конференции. В связи с этим 22 сентября в письме своей сестре глава внешнеполитического ведомства Великобритании Дж. О. Чемберлен высказывал беспокойство по поводу предстоящей конференции, подчёркивая, что немцы и поляки – «самые беспокойные элементы в Европе к северу от Балкан. Польша, которая по словам Бриана (А. Бриан в указанное время занимал пост министра иностранных дел Франции – Е. Д.) является ревматизмом Европы, хватает тебя за спину, когда ты пытаешься двигаться» [1, р. 279]. Чем же было обусловлено такое акцентирование внимания британским политиком на Польше в канун конференции, основной целью которой было оформление пакта, призванного гарантировать германо-французскую и германо-бельгийскую границы?

Ещё 3 марта 1925 г. газета «The Manchester Guardian» к заметке «Немецкие предложения пакта» добавила подзаголовок «Французская свобода ограничена союзами». В её тексте содержался тезис о том, что Франция связана союзами так тесно, что не может в настоящий момент принять решение, которое поставит Польшу или Чехословакию в положение менее благоприятное, чем её сама в вопросе немецких гарантий. «Различный подход к восточным и западным границам Германии будет неприемлем для Франции» [2, р. 9]. Подробное разъяснение сути проблемы было представлено на страницах этой газеты уже 23 числа того же месяца в статье под названием «Польская дилемма Франции». Содержание «дилеммы» раскрыто следующим образом: 19 статья Устава Лиги Наций предписывает, что границы, указанные в тексте Версальского договора, могут быть подвергнуты ревизии Лигой, если выявится, что они являются угрозой миру. Когда Германия станет членом Лиги, она неизбежно поднимет вопрос польского коридора и Верхней Силезии. Великобритания проявит симпатию к требованиям Германии, что вполне осознают во Франции. Поэтому вполне очевидно, что раньше или позже польская граница с Германией будет подвергнута ревизии. В соответствии с 3 статьёй франко-польского договора от 1921 г. Франция взяла обязательство гарантировать существующие польские границы, хоть британское правительство не предлагает, чтобы Франция отказалась от обязательств по отношению к Польше, «но можно утверждать, что безопасность, которая была основной целью франко-польского договора 1921 г., может быть достигнута так же, и лучше, посредством пакта, который объединит Германию, Францию и Великобританию <...> В настоящий момент владение Польшей

немецкими территориями является постоянной угрозой для Польши» [3, р. 9]. Публикация материалов такого содержания, несомненно, вызывала беспокойство польских дипломатов и политиков, подогреваемое оценкой, данной проекту гарантийного пакта со стороны польского генерального штаба, сводившейся к тому, что он поспособствует изоляции Польши, созданию в международной сфере благоприятного настроения для изменения мирным путём польско-германской границы или даже подготовки Германией в будущем войны с Польшей, возможно, совместно с СССР [4]. В связи с этим польские дипломаты активизировали пропагандистские беседы с политиками Великобритании, основные постулаты которых – безрезультатность западного гарантийного пакта без одновременного арбитражного договора на Востоке; возможность допуска Германии в Лигу Наций только без привилегий и исключений; Германия стремится примирить гарантийный пакт с содержанием германо-советского договора в Рапалло и уступки ей в вопросе восточных границ равносильны поддержке её стремления к сближению с Россией, последнюю же немецкая политика рассматривает как инструмент противостояния западным державам, в частности, в регионе Азии [5, s 448–449]. Одновременно Польша начала демонстрировать преодоление напряжённости в отношениях с СССР и инициировала встречу польского и советского министров иностранных дел в конце сентября 1925 г. [6, с. 190–197]. Она была представлена в Великобритании как инициатива советской стороны, как акт, которым Польша, поддерживая разрядку с Москвой, «оказывает большую услугу гарантийным пактам, создаёт условие, чтобы заставить Германию заключить соглашение» [5, s. 495]. Это должно было позиционировать Польшу, как силу, способствовавшую «отрыву» Советской России от Германии, тем самым подталкивавшую последнюю к сближению с западноевропейскими странами. Эта «заслуга» Польши могла быть оценена с учётом её позиции по готовящемуся гарантийному пакту.

Таким образом, рассматривая проект заключения пакта, гарантирующего западную границу Германии, как увеличение угрозы ревизии её восточной границы, то есть германо-польской, польская дипломатия в канун Локарнской конференции предпринимала в отношении Великобритании ряд шагов, направленных на поиск поддержки идеи обеспечения безопасности западной границы Польши.

Какова же была реакция Великобритании? В самом начале обсуждения проекта гарантийного пакта Дж. О. Чемберлен в заявлениях для прессы ещё указывал, что пакт с участием семи государств, включая Польшу и Чехословакию «не снят с повестки дня» [7, р. 9]. Однако к началу конференции в своём меморандуме с общим изложением британской позиции, отправленном в Форин оффис, глава британского внешнеполитического ведомства писал, что в вопросе о восточных границах Германии он рассчитывает на разумную позицию А. Бриана, Великобритания же не будет брать на себя новых обязательств в отношении восточных границ, хоть и не позволит «себе и другим думать, что нам безразлично, что там происходит». Он подчеркнул, что детали его политики на конференции будут определяться позицией представителей Германии [8, р. 812–813]. Свою позицию, которую можно обозначить, как делегирование обязанностей по решению польской дилеммы французским политикам, Дж. О. Чемберлен проявлял неоднократно. Так в беседе с итальянскими делегатами в Локарно в ответ на их опасения, что достижение договорённости по вопросу о восточных границах Германии будет очень сложным, он высказал уверенность, что «Бриану удастся найти средства примирить обязательства Франции по отношению к Польше и Чехословакии с законными чувствами немецкого народа» [8, р. 820]. В ходе беседы в Локарно с министром иностранных дел Польши А. Скушиньским Дж. О. Чемберлен прямо заявил, что хоть он и «глубоко заинтересован в успехе восточных переговоров, он не считал, что обязан быть пионером в них». Он постоянно рекомендовал Польше обсуждать решения с Францией и Германией [8, р. 850–851]. В унисон этой мысли главы британского Форин оффис звучало и содержание сообщений британских газет в связи с началом конференции. В частности, 6 октября 1925 г. «The Manchester Guardian» разместила статью о начале конференции в Локарно, характеризующуюся большим энтузиазмом по поводу её ожидаемых результатов.

Отмечено, что есть и пессимисты на конференции, чьи страхи связаны с соглашениями, которые Германия должна попытаться заключить с восточными соседями, а именно – Польшей. Ожидалось, что немецкому правительству придётся столкнуться с общественным мнением на родине, когда оно подойдёт к заключению соглашения с Варшавой, которое должно «освятить ненавистную ему границу». Автор статьи указывал, что, по мнению экспертов, Франция настолько заинтересована в сохранении своего положения в Европе, что окажет необходимое влияние на своих восточных союзников, чтобы вынудить их не отказываться от «теоретически приемлемых» предложений Германии [9, р. 9]. Подобный тезис нашёл отражение и в статье, появившейся 7 октября, «Польша и западный пакт. Суть проблемы безопасности на Локарнской конференции». Польша обозначена как «стержневая проблема» в Локарно, так как её позиция мешает заключению западного пакта. Во-первых, если она станет жертвой нападения (!), то в соответствии с п. 16 устава Лиги Наций Германия должна будет пропустить французские войска по своей территории на помощь Польше, что удерживает Германию от вступления в Лигу, препятствует вступлению в силу Рейнского пакта. Во-вторых, Франция обязана не допускать вступления в силу западного пакта без одновременного заключения арбитражных договоров между Германией и её восточными соседями, «в текущих обстоятельствах не стоит и мечтать», что Германия даст Польше гарантии на тех же основаниях, что и Франции, и Бельгии, потому важный вопрос, насколько далеко пойдёт Франция в своей поддержке польских требований, даже если она чувствует, что её собственная долгожданная безопасность «утекает сквозь пальцы» [10, р. 9]. То есть, признавая, что Польша является потенциальной жертвой агрессии, автор статьи одновременно упрекал её и союзную ей Францию в создании проблем на пути к подписанию Рейнского гарантийного пакта. Однако, что было допустимо для журналиста, для дипломата, тем более для главы внешнеполитического ведомства, было не приемлемо делать публично. Потому в публичных выступлениях Дж. О. Чемберлен ограничивался заявлениями о том, что без сотрудничества с Польшей «проводимая работа не может быть адекватно завершена» [9, р. 9]. Кроме того, он согласился на упомянутую ранее встречу с А. Скшиньским, сообщив при этом в Форин оффис, что «рад возможности показать этой встречей <...>, что Великобритания не безразлична к урегулированию ситуации в Восточной Европе» [8, р. 850–851], правда, как отмечалось, в ходе самой встречи он ограничился очередной рекомендацией обсуждать решение проблем с Францией.

Во многом дистанцирование от «польской дилеммы» в ходе конференции было лишь внешним. Об этом свидетельствует появление 7 октября секретного меморандума, подготовленного сотрудником Форин оффис М. Лэмпсоном по запросу Дж. О. Чемберлена, в котором были проанализированы возможные схемы урегулирования разногласий между Германией и Польшей по вопросу о гарантиях Польше. Было предложено три возможных варианта решения. Во-первых, возможно подписание арбитражного соглашения (Германия–Польша) без каких-либо новых гарантий со стороны Франции ввиду уже существующего союзного договора. Во-вторых, возможна фиксация того, что в случае передачи польско-германского спора на рассмотрение Совета Лиги Наций, силы Франции будут в распоряжении Совета и будут действовать по его мандату. При таком варианте, по мнению автора, «единственная сторона, у которой может возникнуть справедливое недовольство, это Польша, которая может заявить, что Франция свела на нет обязательства, которые у неё были в соответствии с ранее подписанным договором с Польшей. Но что касается этого, на Бриана без сомнения можно полагаться в том, что он справится с любыми польскими возражениями» [8, р. 829–830]. В-третьих, предложено подписание помимо арбитражного соглашения между Германией и Польшей (как и Чехословакией) ещё одного соглашения, содержащего не только обязательство решать все споры мирно, но и обязательство не прибегать к войне. Автор меморандума при этом подчеркнул, что с точки зрения внутренней британской политики, чем меньше британцы будут представлены в роли авторов «восточных соглашений», тем лучше, тем больше это будет соответствовать публичным заявлениям [8, р. 829–831]. В духе этих рекомендаций и действовал Дж. О. Чемберлен в Локарно.

Можно констатировать, что пропагандистские беседы, к которым прибегли польские дипломаты в канун Локарно, не принесли им желаемой активной поддержки Великобритании в деле лоббирования проекта одинаковых гарантий для западных и восточных границ Германии.

Вторая карта, на которую сделали ставку польские дипломаты – отношения с СССР, – не могла остаться незамеченной в Великобритании. Уже с середины сентября английские дипломаты начали интересоваться у советских коллег целью и планируемым результатом готовящегося визита Г. Чичерина в Варшаву [11, с. 532]. Свои наблюдения за развитием польско-советских отношений в свете предстоящей конференции в Локарно регулярно сообщал Дж. О. Чемберлену английский посланник в Варшаве У. Макс Мюллер. Он высказывал опасения, что страх Польши перед агрессией Германии, а также перед изоляцией в связи с подписанием Рейнского гарантийного пакта вёл к росту приверженцев сближения с Россией вместо Германии [12, р. 933–934]. Комментируя приезд Г. Чичерина, У. Макс Мюллер признавал, что в Польше очень им довольны, в польской прессе появились «нежелательные голоса, что он подействует как удар для самоуверенности Германии и докажет Англии, что Польша не изолирована» [12, р. 939]. Одновременно с этим У. Макс Мюллер сообщал, что к нему заходил посол Германии, чтобы обсудить визит Г. Чичерина (вспомним, что Г. Чичерин ехал через Варшаву именно в Берлин – Е. Д.) и сообщил, что возможно вскоре подписание советско-германского торгового договора [8, р. 805–806].

Комментировался визит Г. Чичерина и в британской прессе. 30 сентября «The Manchester guardian» опубликовала статью о предстоящей конференции в Локарно с подзаголовком «Движения с востока», содержащую утверждение, что «восточные государственные деятели уже оспорили западную гипотезу о том, что прежде всего Локарнская конференция будет сосредоточена исключительно на Рейнском пакте». В качестве одного из доводов указано на действия российской дипломатии, которая предложила заключение договоров Польше, не только чтобы стабилизировать польско-российскую границу, но и защитить польскую границу с Германией, причём это предложение должно склонить Польшу к ориентации на восток больше чем на запад. Отмечается, что подтверждённая визитом Г. Чичерина в Варшаву, а не в Ригу, на пути в Берлин дружба между Польшей и СССР развивается уже некоторое время и обещает быть продуктивной и долгосрочной, несмотря на факт, что между странами есть много споров, особенно территориальных [13, р. 16]. Уже в ходе самой конференции появлялись статьи, в которых указывалось, что Польша в своём выступлении против франко-германского соглашения, не учитывающего её интересы, использует отношения с Россией для шантажа: «Есть даже слух, что она привлечёт Россию к текущим переговорам в качестве гаранта её границ с Германией вместо Франции» [14, р. 9]. Эти слухи и визиты Г. Чичерина в Варшаву и Берлин привлекли внимание А. Бриана, который в беседе с Дж. О. Чемберленом высказал озабоченность сообщениями о якобы попытках советского наркома создать русско-германо-польскую комбинацию, включить туда также Италию, Турцию и Китай. В ходе той же беседы он сообщил, что до встречи с Г. Чичериным А. Скшиньский обращался к нему за консультацией и А. Бриан рекомендовал поддерживать по возможности хорошие отношения с Россией, что могло улучшить и перспективы переговоров с Германией. Примечательно, что сам Дж. О. Чемберлен никак не прокомментировал отмеченную озабоченность французского коллеги, больше высказываясь по вопросу Турции и Мосула, но заметил, что одобряет совет, данный им А. Скшиньскому, так как «частью британской политики не было обострение отношений Польши с её соседями с обеих сторон» [8, р. 819–820]. Инициировал обсуждение с Дж. О. Чемберленом британской политики в отношении России и немецкий министр иностранных дел Г. Штресман, о чём британский дипломат сообщал в Форин оффис. В ходе этой беседы Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что политика Великобритании сводится к тому, чтобы «оставить Россию в одиночестве, пока она не поймёт, что ей Европа нужна больше, чем она нужна Европе». Что касается места Польши в этой политике, то О. Чемберлен

охарактеризовал его следующим образом: чем меньше опасность конфликта между Россией и Польшей, тем легче работа Локарнской конференции, так как меньше будет практическое значение обсуждения возможности прохода французских войск по территории Германии на помощь Польше [8, p. 833].

Сам глава внешнеполитического ведомства Великобритании также не оставил в Локарно без внимания польско-советские отношения. В ходе уже упомянутой встречи с А. Скшиньским 9 октября он, отметив, что приветствует разрядку в отношениях Польши с её соседями, проявил интерес к содержанию визита Г. Чичерина в Варшаву. Узнав от А. Скшиньского, что советской стороной был предложен только пакт о ненападении, Дж. О. Чемберлен всё же не удержался от язвительного комментария, что позиция Г. Чичерина, учитывая его поездки в Варшаву и Берлин, напоминает попытку усидеть на двух стульях, которая обернулась падением между ними. Поездка Г. Чичерина увеличила по словам Дж. О. Чемберлена недоверие к нему со стороны Германии и Польши. Он даже пошутил, что в случае удачного развития событий он отправит благодарственное письмо советскому наркому [8, p. 852]. Эти слова британского дипломата показывают, что желательный для Великобритании в период Локарно характер польско-советских отношений – разрядка без чрезмерного сближения: открытый конфликт между Польшей и СССР был нежелателен, так как мог привести в действие механизм международных договоров, затронуть Великобританию, в то время как сохранение недоверия и умеренной напряжённости между этими странами вынуждало Польшу постоянно искать поддержку, в том числе и у Великобритании, ставило её в определённую зависимость.

По итогам конференции Польша парафировала арбитражный договор с Германией и гарантийный договор с Францией, который предусматривал взаимопомощь в случае неспровоцированной агрессии в рамках устава Лиги наций [15, с. 497–498]. Оценивая результаты конференции, А. Скшиньский телеграфировал в Варшаву: «Мы уезжаем отсюда с польско-французским союзом, усиленным доброжелательностью Англии <...> Наша внешняя политика, осуществленная в Локарно, юридически и морально обеспечивая мир, открывает возможности кредитования» [5, s. 507–508]. Однако из посланий В. Макс Мюллера Дж. О. Чемберлен знал, что локарнские соглашения плохо восприняты в Польше [16, s. 125], и до их подписания было ещё полтора месяца. Уже в день окончания конференции Дж. О. Чемберлен написал английскому посланнику в Варшаве, что тому следует настойчиво озвучить польским властям позицию Великобритании: Польша должна стремиться создать атмосферу доверия между собой и Германией, а также между собой и Россией. По его словам, Великобритания осознаёт, что территориальное урегулирование между Польшей и Германией может содержать потенциальные причины недовольства, но их можно устранить, сохраняя приверженность мирным переговорным методам. Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что Польше не стоит пренебрегать благоприятными возможностями для налаживания отношений и с западным, и с восточными соседями [12, p. 944–945]. Опасаясь срыва подписания локарнских соглашений, намеченного на 1 декабря в ходе встречи в Лондоне, из-за недовольства их условиями в Польше, Дж. О. Чемберлен на протяжении осени 1925 года публично выражал поддержку политике А. Скшиньского. Так 27 октября 1925 г. «The Manchester Guardian» разместила статью с заголовком «Дух Локарно. Прекрасный пример Польши». В ней автор сообщал, что Дж. О. Чемберлен не скрывает удовлетворения тем фактом, открывшимся ему в Локарно, что так называемой «польской сложности» не существует, что граф Скшиньски был в первых рядах реализации «духа Локарно» [17, p. 10]. Передавал свою признательность он и через польского посла в Лондоне К. Скирмунта [5, s. 511–512]. И даже выступая в Парламенте 18 ноября с речью по итогам конференции в Локарно, глава Форин оффис отметил, что в отношении Польши в ходе конференции была допущена определённая несправедливость: «всякий раз, когда считалось, что в наших действиях есть заминка, представители прессы, которых мы не могли ежечасно информировать обо всем, что происходило между нами, хоть возможно не всегда напрасно, предполагали, что Польша должна быть препятствием на нашем пути. Это было не так.

Самой большой проблемой было вступление Германии в Лигу» [18]. Если сравнить это высказывание Дж. О. Чемберлена с цитатами, приведёнными в начале статьи, то можно говорить о перенесении акцента при выделении препятствий на пути к реализации проекта Локарно, публичных реверансах в сторону А. Скшиньского и Польши в целом, учитывая, что с ноября 1925 г. он возглавил польское правительство. Однако при всём этом «польская дилемма» сохранялась, хоть и приобрела несколько иное содержание. Она проявилась при решении вопроса о вступлении Германии в Лигу Наций, которым было обусловлено вступление в силу локарнских договоров. Поддержав требование Германии на предоставление постоянного места в Совете, остальные члены Совета, в том числе и Великобритания столкнулись с требованием предоставления такого же места со стороны Испании, Бразилии и Польши. При решении этого вопроса «доброжелательности Англии», словами А. Скшиньского, не было. Уже 11 ноября, в разгар высказывания публичной поддержки линии А. Скшиньского, в ходе обсуждения в Кабинете вопроса о будущем составе Совета Лиги Дж. О. Чемберлен высказался против включения в него в качестве постоянного члена Польши, ссылаясь на то, что Польша не всегда была законопослушным членом Лиги, но прежде всего, он считал это нежелательным в момент вступления Германии, поскольку может возникнуть впечатление создания «антигерманского блока в Совете». В итоге обсуждения Кабинет согласился дать главе Форин оффис свободу в решении этого вопроса [19, р. 67–69].

Таким образом, публичные заявления главы Форин оффис о Польше и политике её руководства во второй половине осени 1925 г. следует рассматривать как тактический ход, направленный на недопущение срыва подписания соглашений, парафированных в Локарно.

Источники и литература

1. The Austen Chamberlain diary letters. The correspondence of sir Austin Chamberlain with his sisters Hilda and Ida, 1916–1927. – Cambridge: University Press, 1995. – 548 p.
2. The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 3d.
3. The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 23d.
4. Офицеров, Д. В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши / Д. В. Офицеров // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2003. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokarnskaya-asimetriya-evropeyskoy-bezopasnosti-i-polozhenie-polshi>. – Дата доступа: 08.06.2022.
5. Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie : w 2 t. / opr. Rojek W. [i inn.]. – Kraków: PAU, 2019. – Т. 2. – 636 s.
6. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.
7. Daily mail. – 1925. – March, the 7th.
8. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – 1175 p.
9. The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 6th.
10. The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 7th.
11. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 8: 1 января – 31 декабря 1925 г. – 862 с.
12. Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – 953 p.
13. The Manchester Guardian. – 1925. – September, the 30th.
14. The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 8th.
15. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 512 с.
16. Nowak-Kielbikowa, M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937 / M. Nowak-Kielbikowa. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
17. The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 27th.

18. Mr. Chamberlain's motion. Treaty of mutual guarantee // House of Commons Debates. 18 November 1925 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee>. – Date of access: 04.07.2022.

19. Cabinet Papers 47(25) – 61 (25) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-51.pdf>. – Date of access: 04.07.2022.

УДК 94:327((47+57)+430)«1925-1927»

Л. В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина

ПЛАН РЕВИЗИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

В статье автор стремится объяснить бездействие западных держав и США, их пассивную реакцию на перевооружение Германии после ее ухода с Женевской конференции по разоружению, выход из Лиги Наций. Реакция стран Запада и США на политику Германии, направленную на ревизию Версальского договора, представляет особый интерес, так как эти страны были творцами Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и, соответственно, важным является проанализировать как они относились к действиям германского руководства прямо направленным на ее ревизию.

Ревизия Версальского договора была спланированной, четко продуманной и подготовленной акцией, которая предусматривала ее осуществление в несколько этапов. Во-первых, Германия планировала увеличить рейхсвер до такой степени, чтобы он мог противостоять любой интервенции, создать военно-воздушные силы и подготовить промышленность к массовому производству вооружений. Данные мероприятия следовало проводить в режиме строгой секретности. На втором этапе ревизии «Версаля» предусматривалось выйти из режима версальских санкций, т.е. денонсировать договор или в одностороннем порядке, или в результате переговоров в Лиге Наций. В случае односторонней ревизии Германией Версальского договора предстояло реализовать третий этап, который предусматривал заключение военного договора с одной из великих держав, подписавших мирный договор с германской стороной. В качестве претендентов на заключение военного договора германское руководство выбрало либо Италию, или Великобританию, или США.

В 1933 г. был составлен 5-летний план ревизии Версальского договора. В соответствии с ним к 1 апреля 1938 г. вооруженные силы Германии должны были стать инструментом внешней политики. На дипломатической арене правительство Германии пыталось вывести страну из режима ограничений. В октябре 1933 г. Германия прекратила участвовать в работе Женевской конференции, таким образом положив конец начатым еще Г. Штреземаном попыткам восстановления международного авторитета страны и пересмотра Версальских договоренностей мирным путем. Женевская конференция по разоружению зашла в тупик, т.к. реально государства разоружаться не желали. Позиция Берлина по данному вопросу не являлась секретом для Лондона и Парижа. Внешнеполитические ведомства этих стран, как и их правительства знали о принципиальном решении германского руководства добиться военной независимости [1, с. 36]. Необходимо отметить, что германскому руководству не важно было каким образом будет достигнута цель: или посредством разоружения других стран, или за счет собственного вооружения. Однако оно прекрасно осознавало, что первый вариант невозможен, а значит придется все-таки вооружать Германию и идти на обострение международной ситуации. 15 сентября 1933 г. министр иностранных дел Германии фон Нейрат потребовал от участников Женевской конференции признать равноправие Германии в области вооружений [2, с. 64].

Французская дипломатия пойти на принятие такого решения не могла, т.к. это создавало угрозу появления немецкой армии на восточных границах страны. Англичане же заняли другую позицию. По их мнению, залогом мира мог являться только баланс сил, поэтому военно-политическое доминирование в Европе третьего государства несколько выбивалось из внешнеполитической концепции британских политиков. Что касается США, то с их стороны даже не последовало формального протеста на заявление германского руководства. После ухода Германии с Женевской конференции Вашингтон и Берлин не обсуждали напрямую вопросы разоружения. США только заявляли о своей готовности присоединиться к другим державам, как только последние придут к согласию по основным вопросам внешней политики. Однако «фактор США» не играл большой роли при формировании и проведении внешней политики Германии. Для Германии основное значение имели именно позиции Англии и Франции, а не США. Германское руководство отмечало, что благожелательное отношение США к внешней политике Германии является нужным, но не особенно важным, т.к. считало, что Вашингтон никогда не сможет диктовать каким должен быть исторический путь развития Германии [3, с. 110]. В то же время МИД Германии предусматривал использование фактора американского изоляционизма для постепенной ревизии постановлений Версальского договора. Администрация Рузвельта, несомненно, была заинтересована в стабильности в Европе. Ф. Рузвельт, государственный секретарь К. Хэлл и многие другие американские политики были всерьез встревожены начавшимся перевооружением Германии, однако преобладавшие в стране изоляционистские настроения вынуждали их отмечать, что подобное развитие ситуации не является непосредственной угрозой безопасности США.

В итоге переговоров и многочисленных консультаций Германии был предложен следующий вариант плана поэтапного достижения равенства в вооружениях, разработанного министром иностранных дел Великобритании Дж. Саймоном. План предусматривал решить данный вопрос в два этапа, каждый продолжительностью в 4 года. В результате реализации первого этапа плана вооружения Германии рейхсвер должен был перейти на всеобщую воинскую повинность. На втором этапе предполагалось выравнивание вооруженных сил европейских держав. Необходимо отметить, что 9 октября государственный секретарь США К. Хэлл в беседе с послом Германии в США Г. Лютером также отметил, что Германия может через несколько лет достичь паритета в вооружениях, если дождется разоружения остальных государств, если прекратит предпринимать те меры по перевооружению, которые уже проводит, нарушая Версальские постановления. Однако данный проект не встретил понимания со стороны Германии. В ноте германского МИДа говорилось, что Германия желает полной свободы в вооружениях, или таких же ограничений, которым подвергаются другие страны. 13 октября 1933 г. на заседание кабинета был вынесен вопрос о выходе Германии из Лиги Наций. Тогда же А. Гитлер заявил, что Германии позволено иметь армию 200 тысяч без дополнительных оборонительных вооружений, предусмотрен международный контроль, а разоружение других государств начнется только через четыре года... Германия не может подписать такую конвенцию, а соответственно путь переговоров закрыт [3, с. 111]. Германское правительство пошло на проведение референдума по вопросу о выходе из Лиги Наций. Голосование было назначено на 12 ноября и все уже прекрасно понимали какими будут результаты плебисцита, т.к. немцы ненавидели Версальский договор, созданную им Лигу Наций. По результатам проведенного плебисцита 88 % немцев поддержали правительство Германии [4, с. 181].

Германское руководство стало ожидать реакции со стороны Англии и Франции, заранее зная, что британские политики крайне дружелюбно настроены к Германии, что экономические интересы Великобритании тесно связаны с наличием сильной Германии. Это подтверждалось действиями Лондона, который очень легко шел на уступки Германии по вопросу репарационных выплат [5, с. 104; 6, с. 291]. Во Франции преобладали германофобские настроения, но французские политики не высказали адекватной реакции на действия германского руководства. Что касается реакции США, то А. Даллес, входивший в состав

американской делегации на конференции, справедливо предполагал, что решение о выходе из Лиги Наций было принято раньше, так как германское руководство было уверено, что его требование перевооружения другие державы не примут. 18 декабря 1933 г. МИД Германии направил ноту в адрес Женевской конференции, заявив, что больше не видит возможности для продолжения политики разоружения и Германия увеличит военные расходы на 90 %. Таким образом, со стороны Германии была осуществлена прямая попытка денонсации Версальского договора.

Однако усугублять международную ситуацию до предела было опасно, поэтому германское руководство пошло на проведение миролюбивой политики. 26 января 1934 г. была подписана конвенция о неприменении силы с Польшей. 21 мая Германия признала границы Франции, формально заявляя, что отказалась от претензий на Эльзас и Лотарингию. Подписанные договора на самом деле ничего не значили для Германии, а вот система военно-политических договоров с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией, создававшаяся Францией в Европе, начала рушиться, т.к. Малая Антанта и Балканская Антанта могли перейти в другой лагерь. Соответственно политика «мнимого миролюбия» парализовала все попытки противодействия Западу перевооружению Германии. Так, еще в феврале 1933 г. германское руководство заявило, что желает заключить с Англией морской договор. Оно предполагало пропорцию 100:30 и считалось, что заключение такого договора во внешнеполитическом плане будет успехом, т.к. он бы означал двустороннюю денонсацию Версаля, причем второй стороной являлась бы Великобритания. В таком случае Германия могла бы вооружаться без оглядки на другие страны. Однако Германия ни при каких обстоятельствах не желала осложнений с Англией, Италией и Японией, поэтому военноморское соглашение с Англией ограничивало бы германский флот определенной квотой от английского до определенного времени. Германский флот не должен был привлекать к себе внимания, оставаться относительно малым, поэтому намеренно тормозились практически все программы его развития. В то время для Германии было не выгодным раздражать Великобританию, т.к. и Англия, и США в целом были не против денонсации «Версаля».

Великобритания вообще была не против перевооружения Германии, т.к. в этом был заинтересован британский капитал. Британская промышленность тесно сотрудничала с немцами не только в мирных, но и военных областях производства [7, с. 133]. 16 июня 1933 г. на заседании мировой экономической конференции в Лондоне министр экономики Гугенберг огласил меморандум, в соответствии с которым Германия требовала возврата африканских колоний и расширения своей территории на восток в качестве мер по преодолению мирового экономического кризиса. Однако британская пресса обрушилась на Германию волной нападок, что вызвало опасения у германского правительства лишиться единственного фактического союзника, поэтому подобные требования вплоть до 1935 г. больше на внешнеполитической арене не выдвигались. В самой же Германии выходило огромное количество книг по колониальному вопросу. Годовой выпуск литературы по колониальному вопросу в 1935 г. в 3 раза превзошел показатель 1929 г. [8, с. 78].

Интересным является тот факт, что начиная с 1924 г. во внешнеполитической программе А. Гитлера доминировала идея союза Германии и Великобритании, разделения морской и сухопутной мощи и власти между двумя странами. В связи с этим одной из задач было отколоть Великобританию от держав, стремившихся сохранить версальский статус-кво. В прямую зависимость от этого курса было поставлено развитие рейхсмарине. Германии необходим был достаточно мощный флот, но не настолько, чтобы вызвать подозрения у Англии. Кроме того, германское руководство вынашивало идею раздела мира, поэтому предполагало невмешательство англичан в действия Германии в Европе.

В это время в Великобритании сложились две группировки, первая во главе с С. Болдуином, О. Чемберленом, Н. Чемберленом, которые считали, что возникшие проблемы в связи с требованиями Германии можно урегулировать компромиссным путем. Вторая во главе с У. Черчиллем, Л. Эмири, выступавшая с антигерманских позиций, считала, что ключ безопасности Великобритании лежит через возрождение Антанты. Данные политики видели

необходимость сближения с Францией для защиты Британии и настаивали на «жестком» курсе в отношении Германии [9, с. 270]. Первая группа консерваторов отмечала жизненно важным избежать одновременного конфликта с Японией и Германией, поэтому считала возможным легализовать реальное довооружение Рейха или предоставить Германии большее пространство. За эти уступки они планировали потребовать от немцев возврата в Лигу Наций. Британский премьер-министр Р. Макдональд полагал, что Англия имеет немалые резервы для поиска компромиссов с Германией и может пойти на уступки, которые бы не подорвали позиции Франции и ее собственные. Р. Макдональд предполагал легализовать увеличение немецкой армии в 3 раза, т.е. согласиться на существование 300-тысячного вермахта в составе 21 пехотной дивизии и 3 кавалерийских бригад. Кроме того, он считал возможным разрешить Германии бронетанковые войска и тяжелую артиллерию. Руководство Англии также вынашивало идею достижения Германией паритета с Францией в вопросах военно-воздушных сил. Таким образом, британское правительство намекнуло германскому руководству о своем принципиальном согласии денонсировать военные статьи Версальского договора. Осенью 1934 г. «Форин-офис» направил официальное приглашение германскому правительству принять участие в конференции пяти держав по вопросам морских вооружений. Однако немцы потребовали предоставления им гегемонии в Балтийском море против СССР и выразили желание заключить с Англией широкий морской пакт [5, с. 58–59]. На встрече А. Гартвуда и А. Гитлера в Берлине была озвучена цифра 35:100, при этом Германия заявила, что только такое соотношение сил позволит обеспечить немецкое господство на Балтике и защитить Европу от СССР, что германское руководство не имеет никаких притязаний на британское морское владычество. Однако, как отмечал 16 марта 1935 г. НКВД СССР, Франция и Англия считали, что в их руках находится один большой козырь, которым они могли крыть всяческие требования Германии, а именно легализацию фактического довооружения Германии до определенного уровня. Но козырь был выбит, армия и ВВС Рейха росли угрожающе быстро, скрывать реальное положение вещей становилось уже невозможным.

В 1935 г. Франция восстановила двухлетний срок службы призывников, что резко увеличивало ее армию. МИД Германии тут же обвинил правительство Третьей Республики в милитаризме и отходе от политики разоружения [10, с. 187]. В свою очередь германское правительство 16 марта 1935 г. опубликовало Закон о строительстве вермахта. Декларировалось трехкратное увеличение армии до 36 дивизий, создание военно-воздушных сил и введение всеобщей воинской повинности. Германия стала ждать реакции западных стран, т.к. была еще слишком слаба, чтобы принимать решения без оглядки на другие страны. Лондон и Париж были готовы к расторжению Версальского договора, однако внешнеполитические ведомства двух стран развили бурную активность, желая восстановить если не статус-кво, то достичь приемлемого компромисса. Правительство Великобритании выразило протест. 21 марта в ноте к германскому правительству выразила протест и Франция. МИД Франции заявил, что оставляет за собой все права на действия в будущем. Беспокойство США в связи с действиями Германии в немалой степени способствовало тому, что в 1935 г. военные расходы США были увеличены на 180 млн долл. и составили 792 млн долл. [3, с. 114].

В апреле 1935 г. в Стресе была собрана конференция представителей Англии, Италии и Франции, которые осудили действия Германии, но на самом деле Италия добилась от своих партнеров признания легитимности своей агрессии в Эфиопии. Германия оказалась близкой к международной изоляции. Открытой интервенции не произошло бы, но экономические санкции могли иметь плачевные последствия для Германии. В то же время Лондон перешел к тактике челночной дипломатии, британские политики желали достичь компромисса и поставить германское вооружение в новые договорные рамки. Было предложено заключить воздушный пакт, но это не устраивало германское руководство. Воздушный пакт денонсировал бы Версальский договор, но все равно бы заставил считаться с новым договором, а этого германское руководство не желало. Германия заявила, что люфтваффе достигли равенства с королевскими ВВС, ошеломив британских политиков и предложив ограничить немецкий флот квотой

к английскому 35:100. Англия не ответила на предложение Германии. Таким образом, Германия, объявив о существовании люфтваффе, снова нарушила версальские договоренности.

Провалившись в Германии, британские дипломаты обратили свое внимание на восток. Но СССР не желал идти на контакт с англичанами, т.к. позиция Великобритании была слишком неопределенной и вызывала опасения у советского руководства. СССР заявил, что он хотел бы «жить с Германией в дружественных отношениях» [11, с. 249]. В отличие от правительства С. Болдуина, правительство П. Лавала вело последовательную политику на сколачивание антигерманского блока. 2 мая 1935 г. был подписан советско-французский договор, на который англичане отреагировали достаточно холодно, тем самым образовав трещину в франко-британских отношениях. В связи с этим в Берлине резко форсировали усилия по заключению морского соглашения с Англией. Германия заявляла, что стремится к гегемонии на Балтийском море и не имеет видов на Атлантический океан. Необходимо отметить, что в 1933–1934 гг. на Даунинг-стрит рассматривали возможность заключения военного договора с Германией, в том числе и по вопросу морских вооружений. В 1935 г. английскому кабинету после череды провалов требовался крупный дипломатический успех. Любой договор, ограничивающий немецкое перевооружение, по крайней мере его можно было представить общественности именно в таком виде, нужен был британской дипломатии также с целью поставить Францию на место. Англия верила, что немцы хотят получить право на строительство флота равного флоту СССР на Балтике. Кроме того, этот вывод подтверждало требование германского руководства в случае войны Германии с СССР Англия должна была закрыть Гибралтарский пролив для прохода советского флота из Черного моря.

Таким образом, введение всеобщей воинской повинности в Германии привело к одностороннему расторжению германским руководством военных статей Версальского договора. Однако Германия нарушила и сепаратный мирный договор с США, подписанный 25 августа 1921 г. В его первой статье подчеркивалось, что США имеют все права и преимущества по Версальскому договору несмотря на то, что он не был ратифицирован. Среди всего прочего это включает и пятый раздел Версальского договора, устанавливающий военные ограничения для Германии. Соответственно, чтобы освободить себя от военных статей договора, Германия должна была получить согласие не только союзников по Антанте, но и США. Первоначально американская сторона вела себя сдержанно. 18 марта посол Бельгии в Вашингтоне Э. де Линь попытался выяснить американскую позицию по данному вопросу. Неофициально руководитель европейского отдела Госдепартамента Дж. Моффат ответил ему следующее: «США ни при каких обстоятельствах не хотят быть вовлечены в европейский конфликт» [3, с. 115].

Исходя из вышесказанного можно отметить, что Франция и Великобритания, в отличие от США подписавшие Версальский договор, взяли на себя обязательство сохранять послевоенный статус-кво в Европе. Однако США также подписали с Германией сепаратный договор, основанный на принципах версальских договоренностей. США и страны Западной Европы позволили Германии нарушить постановления Версальского договора. Данные страны должны были корректировать свою политику в отношении Германии сразу же после введения всеобщей воинской повинности, однако уже в 1935 г. стало ясным, что формальные протесты западноевропейских стран не остановят Германию, и она будет продолжать нарушать нормы международного права. Соответственно, уже в 1933–1935 гг. начала складываться в отношении Германии «политика умиротворения» со стороны Великобритании и Франции, а со стороны США – политика уступок и нейтралитета, приведшая к ревизии версальских постановлений.

Источники и литература

1. Демидов, С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936–1939) / С. В. Демидов. – Рязань: Изд-во РГПУ, 2000. – 182 с.
2. Риббентроп, И. фон Тайная дипломатия Третьего рейха / И. фон Риббентроп. – Смоленск–М.: Русич, Мысль, 1999. – 448 с.

3. Павлюченко, А. В. Германская политика односторонней ревизии Версальского договора и реакция США (октябрь 1933 г. – март 1935 г.) / А. В. Павлюченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9. – Ч. 2. – С. 110–118.

4. Маслов, М. С. Германский флот от Версаля до Нюрнберга / М. С. Маслов. – М.: Вече, 2004. – 416 с.

5. Поздеева, Л. В. Англия и ремилитаризация Германии 1933–1936 / Л. В. Поздеева / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 270 с.

6. Никонова, С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны / С. В. Никонова. – М.: Наука, 1966. – 342 с.

7. Размеров, В. В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933–1935) / В. В. Размеров. – М.: Изд-во ИМО, 1958. – 174 с.

8. Дашичев, В. И. Место заморской колониальной экспансии во внешнеполитической программе германского фашизма / В. И. Дашичев // Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы : в 2 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941. – 766 с.

9. Майский, И. М. Воспоминания советского посла, 1925–1945 гг. / И. М. Майский : в 2 т. – М.: Наука, 1964. – Т. 2. – 462 с.

10. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе. 1933–1935 гг. Подборка документов // Международная жизнь. – 1963. – № 8. – С. 187–215.

11. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 18: 1 января – 31 декабря 1935 г. – 786 с.

УДК 94:327(497.2:495)«1918-1938»

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет

БОЛГАРСКО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ: ОТ НЁЙИ ДО МЮНХЕНА (1918–1938 ГОДЫ)

После сурового Нейиского мирного договора (27 ноября 1919 г.) Болгария тщетно пыталась мирными средствами решить национально-территориальный конфликт с Грецией из-за Западной Фракии и получить экономический выход к Эгейскому морю. В интригу была вовлечена Турция, владевшая Восточной Фракией. Салоникский договор, заключенный накануне Мюнхенского сговора между Балканской Антантой и Болгарией (31 июля 1938 г.) снял с Софии ограничения Нейи, но сохранил статус-кво в крае. У СССР была своя позиция в региональном болгарско-греческом конфликте, подкрепленная планами Коминтерна.

Важнейшей составляющей отношений между Болгарией и Грецией являлся конфликт за обладание Западной Фракией. Софии край давал выход к Эгейскому морю, а для Афин был северным флангом великогреческой «Мегалэ Идэа» [1]. В сентябре 1915 г. Болгария присоединилась к Тройственному союзу, восприняв Первую мировую войну как возможность реванша за поражение во Второй Балканской войне (1913). В августе 1916 г. болгарские войска оккупировали Западную Фракию [2]. Однако в июне 1917 г. Греция вступила в войну на стороне Антанты. Ситуация на фронтах привела к сепаратному выходу Болгарии из войны и Салоникскому перемирию 29 сентября 1918 г. на условиях вывода ее войск со всех греческих земель [3]. Фактическая, а затем и узаконенная потеря Болгарией выхода к Эгейскому (в болгарской норме – Белому) морю стала объектом ее национальной травмы [4, с. 144–147]. Эти события явились предметом ряда историографических оценок [5, с. 329–338]. СССР, не имевший дипломатического присутствия на Балканах, пытался реализовать свои интересы через утопические планы Коминтерна [6, с. 175–185].

Западная Фракия в восприятии болгар была не только своей землей, но и органично включалась в болгарские этнические границы. София понимала решение национального вопроса как присоединение всех населенных болгарскими землями, упоывая на «14 пунктов» Вудро Вильсона [7, р. 194–201]. На Парижской мирной конференции Греция действовала поэтапно, для начала отрезав Западную Фракию от Болгарии. Проблема обсуждалась 10 месяцев. В октябре 1919 г. войска Антанты оккупировали край, учредив «союзное управление Западной Фракии» [8, р. 63–75, 85–92, 153–171]. Ст. 48 Нейиского мирного договора с Болгарией (27 ноября 1919 г.) зафиксировала компромиссное решение: Болгария отказывалась «в пользу главных союзных и объединенных держав от всех своих прав и правооснований на территории Фракии» и обязывалась признать все их будущие решения касательно края [9, л. 1]. Присоединение Западной Фракии к Греции стало лишь вопросом времени. Попытки Болгарии добиться плебисцита, которого Греция боялась, как огня, были отклонены. В 1919 г. болгары составляли 47 % из 105 тыс. населения края. Даже в 1920 г., с началом массовой эмиграции болгар, их оставалось 81 тыс. чел. (38 %), и они все еще были приоритетной этнической группой (турки составляли – 34, греки – 24 %) [10, л. 21].

На конференции в Сан-Ремо (Италия, апрель 1920 г.) Греции был передан мандат на управление Западной Фракией. Новые власти развернули эллинаризацию и изгнание болгар и турок [11]. Реакцией стало формирование на болгаро-турецком конгрессе в Гюмюрджинском высокогорье Временного правительства национальной защиты Западной Фракии. Оно объявило борьбу за автономию единой Фракии. Однако регулярная греческая армия подавила сопротивление [12, с. 186–188, 241–253].

Севрский мирный договор с султанской Турцией (10 августа 1920 г.) отдавал Греции всю Восточную Фракию с европейским берегом Дарданелл и границей в 30 км от Стамбула [13, р. 62–85]. Был подписан Фракийский договор союзников с Грецией, дававший ей все права на Западную Фракию. Афины были обязаны дать Болгарии зону в порту Дедеагач (*греч.* Александруполис). Однако Севрский договор был отклонен новой властью Мустафы Кемала. Фракийский договор отвергли и Турция, и Болгария, и державы [14, с. 864–865].

На Генуэзской конференции (1922) премьер-министр Болгарии Александр Стамболийский выдвинул шесть пунктов, включая требования автономии всей Фракии и плебисцита в крае, создания двух нейтральных зон – от Адрианополя до устья Марицы и коридора к Дедеагачу для выхода в Эгейское море. Однако эта инициатива осталась лишь презентацией [15, с. 184–185]. Лозаннская конференция (1922–1923) подвела итоги Второй греко-турецкой войны. Лозаннский мирный договор 24 июля 1923 г. признал Турецкую республику и все ее границы. Греция отказалась от претензий на Малую Азию, утратила контроль над Мраморным морем, получила границу с Турцией по р. Марице, включая Дедеагач [13, р. 198–238, 284–311; 16, р. 548–552]. Тем самым, и она пережила национальную катастрофу.

София требовала в Лозанне превращения Западной Фракии в автономную область под международным контролем, но в итоге был подготовлен лишь проект конвенции о Дедеагаче (оставался под юрисдикцией Греции), который был отвергнут Болгарией [9, л. 2]. Еще 30 января 1923 г. в Лозанне был подписан греко-турецкий протокол о принудительном обмене населения (из обмена исключались мусульмане Западной Фракии). Этнический террор кемалистов вынудил 1,5 млн греков Малой Азии и Понта бежать в Эгейскую Македонию и Западную Фракию [17, с. 105–116; 18, с. 46–53, 62–67].

В болгарской историографии есть мнение о том, что кроме кемалистской резни турецких греков, имели место и геноцидальные чистки болгар в Западной Фракии в 1923 г. (фракийские беженцы составили 5 % населения Болгарии), но особенно – летом 1913 г. [19; 20]. Греко-турецкий обмен населением повлек отказ Афин от «Мегалэ Идэа», но лишил болгар шансов выйти к Эгейскому морю, так как Западная Фракия стала единственной компенсацией для Греции, которую предали Париж, Рим и Лондон, занявшие протурецкую позицию. В Болгарии сложилось ощущение, что страна задыхается без доступа к Эгейскому морю, испытывая фигуральную легочную недостаточность [21]. Болгарская этническая граница во Фракии надолго осталась национальной травмой [7, р. 194–199]. В Греции проводилась жесткая политика эллиназации и ассимиляции болгар края [22; 23, с. 70–97].

Фактором на Эгейском побережье стало македонское национально-революционное движение в лице Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО, 1919–1934), которая считала Фракию своей оперативной территорией [24, с. 24–30, 102–105]. Сложилось и региональное движение со своей спецификой. В Кырджалийском высокогорье возникла Болгаро-турецкая внутренняя революционная организация. Ее левое крыло во главе с Тане Николовым основало Внутреннюю Фракийскую революционную организацию (1923–1927), добивавшуюся независимой Западной Фракии от Марицы до Струмы. Ее преемником стал военный Комитет свободы Фракии (1927–1934) [15, с. 190–200, 222–224].

Богатый российский бэкграунд проблемы был отброшен. Брестский мир 3 марта 1918 г. устранил Советскую Россию от послевоенного урегулирования. Одновременно возникла идефикс мировой революции. Один из ее векторов был обращен на Балканы вообще, и на Фракию, в частности. В январе 1920 г. была создана Балканская коммунистическая федерация (БКФ). Она поставила «историческую задачу осуществить Балканскую СФСР» с «Советской республикой во Фракии» в ее составе. Генсек Коминтерна (с 1922 по 1924) Васил Коларов (с мая 1921 по декабрь 1922 – секретарь исполкома БКФ) заявил, что «последние события подняли снова вопрос о владении Фракией», развив сомнительный тезис: «Россия открыто и смело выступила на сторону турецкого народа против его завоевателей» [25, с. 16–17, 37–38]. В резолюциях VI конференции БКФ (ноябрь 1923 г., Москва) обосновывалось право на создание автономной Фракии [26, с. 182–185, 190–194]. На V конгрессе Коминтерна (1924) в речи секретаря исполкома БКФ (с 1923 по 1925) Георгия Димитрова и в резолюции по национальным вопросам выдвигался лозунг «Единая независимая Фракия» для объединения «фракийского народа», «разорванного» между Грецией, Турцией и Болгарией [27, с. 294–295; 28, с. 47].

Москва хотела иметь свое влияние в регионе. Член руководства ВМРО-федералистов Филип Атанасов в сентябре 1923 г. сообщал о ее давнем желании иметь военную базу в Западной Фракии. Поэтому федералисты прямо предложили СССР профинансировать подготовку их вооруженных сил и создать после успешного восстания совместную военную базу, но уже в Восточной Фракии [29, л. 24–28, 54–55].

Болгарские коммунисты, действуя в рамках Коминтерна, имели и собственные подходы. На совещании БКП (сентябрь 1925 г., Москва) говорилось: «Наиболее острой сейчас является проблема владения эгейским берегом». 1-ый расширенный пленум ЦК БКП (сентябрь 1926 г., Вена) постановил: партия «безусловно признает требование независимой и объединенной Македонии, независимых Фракии и Добруджи» с правом «на выделение в самостоятельное государство» [28, с. 522–523, 635].

К концу 1936 г. во взглядах Коминтерна на Балканы произошли коррективы. Балканское геополитическое пространство стало рассматриваться только как сектор Восточной Европы, а использование ирредентистских движений трактовалось лишь как элемент в борьбе. Ставка делалась на внутренний взрыв в регионе, но уже не для его советизации, а с целью учета интересов СССР [30, с. 190–191]. В этих условиях отложенные территориальные споры на Балканах перестали быть для Москвы приоритетной темой. Вялая стабильность в советско-греческих отношениях была нарушена в 1938 г. греческим дрейфом в сторону Германии и Италии. Греция одной из первых признала аншлюс Австрии, одобрила захват Италией Абиссинии. Страхась Германии, Греция заявляла о своих дружеских чувствах к ней [31, с. 438–439].

Болгаро-греческие отношения отличались напряженностью. Острейшей проблемой стал постоянный поток беженцев из Эгейской Македонии в Болгарию [32, с. 156–173, 225–236]. Эгейские болгары создали Македонскую молодежную тайную революционную организацию, Греция в ответ – шовинистическую структуру «Греко-македонский кулак», требовавшую тотального запрета болгарского языка. С 1929 г. Афины взяли курс на полную ассимиляцию и эллинизацию болгарофонов [33, с. 167–171]. Болгария добивалась мирной реализации выгодных положений Нейиского договора (признание прав меньшинств, экономический выход к Эгейскому морю), что не давало результатов. Афины стремились к изоляции Болгарии, насильственному изменению этнического состава («обезболгаривание»). Пограничные стычки имели место в октябре

и декабре 1925 г., январе – феврале 1931 г. В июле 1938 г. Болгария утвердила программу перевооружения армии [34; 35].

В конце 1930-х гг. проблемы Юго-Восточной Европы вышли на передний план. Особое место занимали отношения Болгарии с Балканской Антантой (пакт 1934 г. Греции, Румынии, Турции и Югославии для противодействия Италии и Германии). Как отмечалось в отчете полпредства СССР в Греции за 1937 г., пакту был нанесен «серьезный удар» подписанием в январе Югославо-болгарского договора о «вечной дружбе». Он вызвал «очень серьезную тревогу» в Греции, пограничные с Болгарией районы перешли на военное положение [36, л. 52]. Турция развернула военное строительство в Восточной Фракии в окрестностях Чорлу (в декабре 1912 – июле 1913 г. город был оккупирован болгарскими войсками, в 1913–1920 гг. в составе Турции, в июле 1920 – октябре 1922 г. оккупирован греческими войсками, затем возвращен Турции), оказывала «нажим с целью отмены демилитаризованных зон в Тресе [Фракии. – А. С.]» [37, с. 178, 224–225].

В призыве греческого политика Георгиоса Кафандариса упоминалось в январе 1938 г. «вожделение болгар на территориальный выход к Эгейскому морю сквозь греческую территорию». Он считал: «Такое территориальное обезглавливание Греции ради болгарского выхода само по себе чудовищно», это было бы десантом «иностранным завоевателем по направлению к Эгейскому морю, то есть начало национального разложения» [36, л. 7, 17].

Однако это не помешало болгаро-греческим переговорам о снятии нёйских ограничений, которые хотя и тянулись два месяца, но по оценке британского посланника в Софии Джорджа Ренделла «протекали гладко и быстро» [38, с. 68–69]. 31 июля 1938 г. греческий премьер-министр Иоаннис Метаксас от имени Балканской Антанты подписал с премьер-министром Болгарии Георги Кьосейвановым Салоникский договор о дружбе и ненападении между пактом и Болгарией. Договор отменял унизительные для Болгарии статьи Нёйи и условия Лозаннского договора о демилитаризованных зонах во Фракии. Это произвело политическое оживление на Балканах накануне Мюнхена, был поставлен вопрос о праве для Софии пользоваться портами Салоник или Дедеагача [39, с. 53–55; 40, с. 56–59].

Мюнхенские решения оказали влияние на Балканы и балканскую политику держав. Они поколебали неустойчивое равновесие в регионе, обострили проблему границ. Греция завершала грандиозную «линию Метаксаса» (1936–1940) вдоль границы с Болгарией длиной 300 км. Наиболее укрепленный участок в 200 км пролегал по горным вершинам между Струмой и Марицей. «Линия Метаксаса» была призвана прикрыть с севера Западную Фракию с населением 360 тыс. человек, в основном мусульманским [41, р. 12, 65–68].

В Софии в ноябре 1938 г. был поднят вопрос ревизии границ с Грецией. Не претендуя «на все старые владения, отошедшие к Греции, Болгария настаивала на возвращении ей порта Деде-Агач с присоединением прилегающей узкой полосы территории» [42, л. 31–32]. Болгарский политик Георги Генов выступил с докладом об истории болгаро-греческой границы. Он сделал обзор всех периодов владения Болгарией выходом к Эгейскому морю, поставив вопрос о получении вновь такого коридора [43, л. 55]. После вторжения Италии в Албанию в апреле 1939 г. И. Метаксас возобновил контакты с Софией на предмет предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю в обмен на ее присоединение к Балканской Антанте. Однако болгары, увязав проблему с возвратом Южной Добруджи, упустили свои шансы в Западной Фракии [44, с. 124–127; 17, с. 105–116, 156–157].

Болгарская пресса к весне 1939 г. расставляла новые акценты. Писалось о претензиях не на греческие, а на болгарские земли, которые Болгария была вынуждена уступить в Нёйи Антанте, позже переуступившей их Греции. Поэтому Лондон и Париж «должны восстановить историческую правду» [43, л. 124]. Балканская Антанта оценивалась как «противоболгарская комбинация», присоединение к ней было возможно лишь в случае получения выхода к Эгейскому морю [45, л. 23]. Неурегулированная проблема задала порочную западно-фракийскую матрицу. В апреле 1941 г. с болгарского плацдарма Германия напала на Грецию, а Болгария до октября 1944 г. оккупировала Западную Фракию. Послевоенное урегулирование завершилось только в декабре 1946 г., когда взаимные территориальные претензии Софии и Афин были отклонены великими державами, граница была подтверждена на довоенной линии, а Западная Фракия осталась в руках у Греции [24, с. 555–590].

Источники и литература

1. Сальков, А. П. «Беломорская» проблема как фактор международных отношений (XIX–XX вв.) / А. П. Сальков // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 52–69.
2. Българската армия в Първата световна война 1915–1918 / Станчо Станчев (ред.). – София: Военно изд., 2015. – 360 с.
3. Соколовская, О. В. Греция в годы Первой мировой войны / О. В. Соколовская. – М.: Наука, 1990. – 307 с.
4. Сальков, А. П. Западная Фракия: греко-болгарский конфликт, «место памяти», объект национальной травмы (1912–1923 гг.) / А. П. Сальков // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Сб. матер. Междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). – Ставрополь – Пятигорск: Южный федер. ун-т, 2017. – С. 144–147.
5. Сальков, А. П. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность / А. П. Сальков // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация. Матер. Междунар. науч. конф. (Минск, 5 октября 2018 г.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 329–338.
6. Сальков, А. П. Проблема болгарского выхода к Эгейскому морю в советской внешней политике и планах Коминтерна (1923–1938 гг.) / А. П. Сальков // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. матер. V Всерос. науч. конф. (Самара, РФ, 27 апреля 2018 г.) / А. Н. Сквозников (отв. ред.). – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. – С. 175–185.
7. Стоянова, Ваня. Границите на «българската национална територия» в Тракия (1913–1947) / Ваня Стоянова // Regions, borders, identities in Central and Southeast Europe, 17-th – 21-th centuries / Penka Peykovska, Gábor Demeter (ed.). – Sofia – Budapest: Institute of history: RCH: HAS, 2013. – P. 191–204.
8. Petsalis-Diomidis, Nikolas. Greece at the Paris Peace Conference (1919) / Nikolas Petsalis-Diomidis. – Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1978. – 395 p.
9. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). – Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). – Оп. 8-б. – П. 80. – Д. 166.
10. АВПРФ. – Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946). – Оп. 1. – П. 18. – Д. 47.
11. Modern Greece: a history since 1821 / Giannēs Koliopoulos, Thanos Veremēs (ed.). – Chichester, U. K. ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – 280 p.
12. Трифонов, Стайко. Антантата в Тракия 1919–1920 г. / Стайко Трифонов. – София: Изд. «Климент Охридски», 1989. – 264 с.
13. Smith, Michael Llewellyn. Ionian Vision: Greece in Asia Minor, 1919–1922 / Michael Llewellyn Smith. – London: Hurst and Company, 2000. – 401 p.
14. Дипломатический словарь : в 2 т. / А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. – М.: ОГИЗ, 1948–1950. – Т. 2 : Л – Я. 1950. – 995 с.
15. Филчев, Иван. Тракийският въпрос и тракийското движение в България / Иван Филчев. – София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2007. – 363 с.
16. Fromkin, David. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East / David Fromkin. – New York: Henry Holt, 2001. – 672 p.
17. Улунян, Ар. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. / Ар. А. Улунян. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 331 с.
18. Новейшая история Турции / А. М. Шамсутдинов (отв. ред.). – М.: Наука, 1968. – 395 с.
19. Илиев, Георги. Лятото на 1913 г. Документирани свидетелства за геноцида над българите / Георги Илиев. – София: Изток-Запад, 2013. – 592 с.
20. Райчевски, Стоян. Етническото прочистване на българите в Източна и Западна Тракия и Мала Азия (1903–1913–1923) / Стоян Райчевски. – София: Изд. «Захарий Стоянов», 2013. – 544 с.
21. Караганев, Румен. България и нейната insufficientia pulmonum или националната кауза за излаз на Бяло море, 1919–1941. – София: ИК Гутенберг, 2005. – 390 с.

22. Якимов, Александър. Балканската политика на Гърция между двете световни войни / Румен Караганев. – София: Симелпрес, 2012. – 204 с.
23. Даскалов, Георги. Участва на българите в Егейска Македония 1936–1946 г. Политическа и военна история / Георги Даскалов. – София: Без изд., 1999. – 912 с.
24. Палешутски, Костадин. Македонското освободително движение след Първата световна война (1918–1924) / Костадин Палешутски. – София: Изд. на Българската академия на науките, 1993. – 272 с.
25. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов) : в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. – М.: Эдиториал УРСС ; РОССПЭН, 2000–2003. – Ч. 1 : Май 1921 г. – май 1924 г. – 2000. – 304 с.
26. Македонското прашање во документите на Коминтерната / сост. Владо Поповски, Лелина Жила. – Т. 1. Дел 1 : 1923–1925. – Скопје: Гурѓа, 1999. – 751 с.
27. БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946) : в 2 т. / Цочо Билярски, Ива Бурилкова (съст.). – София: Гл. упр. на архивите, 1998–1999. – Т. 1. – 1998. – 689 с.
28. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов : в 2 ч. – М.: Эдиториал УРСС: РОССПЭН, 2000–2003. – Ч. 2 : Июнь 1924 г. – декабрь 1926 г. – 2003. – 688 с.
29. АВПРФ. – Ф. 04 (Секретариат Г. В. Чичерина). – Оп. 7. – П. 61. – Д. 834.
30. Улунян, Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. / Ар. А. Улунян. – М.: ИВИ РАН, 1997. – 220 с.
31. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол. В. Г. Комплектов. – М.: Междунар. отношения, 1992. – Т. XXII : 1939 г. – Кн. 1: январь – август. – 712 с.
32. Райчевски, Стоян. Бежанците от Македония и техните братства в България / Стоян Райчевски. – София: Изд. «Захарий Стоянов», 2016. – 636 с.
33. Даскалов, Георги. Българите в Егейска Македония. Мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900–1990) / Георги Даскалов. – София: Македонски научен институт, 1996. – 576 с.
34. Райчевски, Стоян. Ньойският договор 1919 г.: Диктат и неизпълнени обещания / Стоян Райчевски. – София: Български бестселър, 2010. – 200 с.
35. Косев, Димитър. Външната политика на България при управлението на Андрей Ляпчев 1926–1931 / Димитър Косев. – София: Изд. «Захарий Стоянов», 2014. – 317 с.
36. АВПРФ. – Ф. 05 (Секретариат М. М. Литвинова). – Оп. 18. – П. 142. – Д. 62.
37. Мюнхенский сговор. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1933–1939 / Л. Ф. Соцков (сост.). – М.: Вече, 2021. – 672 с.
38. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки РФ. 1939–1941 / Л. Ф. Соцков (сост.). – М.: Вече, 2021. – 480 с.
39. Сирков, Димитър. Външната политика на България 1938–1941 / Димитър Сирков. – София: Наука и изкуство, 1979. – 343 с.
40. Квашнин, Ю. Д. Греция в международных отношениях (1936–1941) / Ю. Д. Квашнин. – М.: Изд-во МГУ : Греческий культурный центр, 2011. – 216 с.
41. Featherstone, Kevin. The Last Ottomans. The Muslim Minority of Greece, 1940–1949 / Kevin Featherstone, Dimitris Papadimitriou, Argyris Mamarelis, Georgios Niarchos. – New York: Springer, 2011. – 354 p.
42. АВПРФ. – Ф. 05. – Оп. 18. – П. 142. – Д. 49.
43. АВПРФ. – Ф. 74 (Реферантура по Болгарии). – Оп. 19. – П. 9. – Д. 6.
44. България в ХХ век: Очерки политической истории / Е. Л. Валева (отв. ред.). – М.: Наука, 2002. – 463 с.
45. АВПРФ. – Ф. 74. – Оп. 19. – П. 9. – Д. 7.
46. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск: БГУ, 2019. – 743 с.

М. И. Старовойтов
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОЙ И ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье анализируется уровень грамотности и образования полиэтничного населения Полесской и Житомирской областей, достигнутый к концу 1930-х годов в результате социально-экономических и культурно-национальных преобразований в БССР и УССР. Впервые в отечественной историографии на основе рассекреченных архивных материалов дана адекватная оценка этому уровню у белорусов и украинцев по гендерному, возрастному, территориальному и социальному составу в сравнении с другими этносами. Установлено, что белорусы Полесской области в абсолютном большинстве проживали в сельской местности (самая низкая степень урбанизации) и были заняты в аграрном секторе экономики, имели более низкий уровень грамотности и образования по сравнению с наиболее численно представленными национальностями области. Несколько выше эти показатели были у титульного этноса Житомирской области, хотя и они в абсолютном большинстве оставались сельскими жителями, занятыми в аграрном секторе экономики.

Компаративистский метод исследования позволяет дать адекватную оценку социума БССР к концу 1930-х годов. Это возможно осуществить путем сравнения количественной и качественной характеристик титульного этноса и национальных групп в составе населения не только областей республики, но и соседних, например, украинских. Исследования уровня грамотности (грамотным считался человек, умеющий читать по слогам и подписать свою фамилию), среднего (лица с образованием от 7 классов и до неполного высшего) и высшим образованием на региональном уровне позволяют установить изменения и особенности в этносоциокультурном облике полиэтничного населения Полесской и Житомирской областей, произошедшие в результате советской мобилизационной модернизации всех сторон жизни общества. В региональном плане в таком контексте обозначенная проблема в отечественной историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Автором предпринята попытка восполнить этот пробел, опираясь на оригинальные рассекреченные архивные данные переписи населения 1939 г. Представляется необходимым выделить по возможности как абсолютные, так и относительные показатели этносоциокультурного облика населения, которые будут интересны не только историкам, культурологам, этнографам, педагогической общественности, но всем тем, кто интересуется историей белорусского и украинского полесского региона (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Из таблицы 1 [2, л. 6; 4, л. 6], в которой представлены наибольшие по численности национальности, видно, что население Полесской области было полиэтничным, хотя по доли белорусов в составе всего населения области она была на первом месте (выше среднереспубликанского показателя на 2,3 %). Полиэтническим по составу было и городское население. Белорусы в городах составляли 56 %, а представители других национальностей – 44 %. Степень урбанизации населения области составил 11,2 %. Это был самый низкий показатель доли городского населения в БССР [1, л. 13]. У белорусов он был еще ниже. Только 7,4 % белорусов проживало в городских поселениях области. В г. Мозыре в 1939 г. насчитывалось 17 477 человек (8 534 мужчины и 8 943 женщины). Из них белорусов проживало 8 349 человек, евреев – 6 307 человек, русских – 1 671 человек, украинцев – 602 человека, поляков – 385 человек и 163 человека – прочие национальности [4, л. 40]. В Житомирской области степень урбанизации украинцев составляла 14 % [2, л. 6], т.е. в два раза выше, чем в Полесской области у белорусов. В г. Житомире 90 067 человек. Из них украинцев было 45 450, евреев – 29 053, поляков – 7 473, русских – 10 013, немцев – 1 502 и прочих – 1 576 [2, л. 45]. Как видим, и в Мозыре, и в Житомире на титульные этносы приходилось только примерно половина горожан.

Таблица 1 – Национальный состав населения областей в 1939 г. (абс. и %)

Националь-ности*	Городское		Сельское		Все население			% к итогу
	Всего	%**	Всего	%**	Муж.	Жен.	Всего	
Полесская область								
Белорусы	42 261	56,17	530 642	88,87	270 890	302 013	572 903	85,21
Евреи	24 141	32,07	8 846	1,48	15 664	17 323	32 987	4,91
Русские	4 884	6,50	21 394	3,58	20 691	558	26 278	3,91
Украинцы	2 156	2,87	18 825	3,15	12 490	8 491	20 981	3,12
Поляки	1 207	1,60	11 006	1,84	5 225	6 988	12 211	1,86
Немцы	137	0,18	3 129	0,52	1 479	1 787	3 266	0,49
Житомирская область								
Украинцы	183 640	52,95	1 131 880	84,24	609 299	706 221	1 315 520	77,82
Евреи	100 872	29,09	24 135	1,80	56 845	68 162	125 007	7,39
Поляки	25 393	7,32	79 905	5,95	44 919	60 379	105 298	6,23
Русские	27 566	7,95	58 090	4,32	62 859	22 797	85 656	5,07
Немцы	4 638	1,34	31 718	2,36	16 196	20 160	36 356	2,15
Белорусы	1 747	0,50	3 560	0,26	3 903	1 404	5 307	0,31

Примечание: * – порядок перечня национальностей сохранен по документам; ** – % к итогу.

Индустриальное развитие областей значительно повлияло на приток сельского населения, в первую очередь белорусов и украинцев, в города. По сравнению с дореволюционным периодом, когда в городских поселениях Мозырщины, а также Волынщины/Житомирщины, в большинстве проживали евреи, это были значительные изменения в национальном составе городского населения областей. Однако области оставались аграрными с преобладанием сельского населения, что хорошо видно по табл. 1. Полесская область и в конце 1930-х годов была самой отсталой в социально-экономическом и культурном развитии областью БССР. Причины такого положения подробнее рассмотрены в специальной статье [6].

Местечковая урбанизация, о чем автор уже писал, не решила проблему роста городского населения. Искусственная урбанизация наиболее всего проявилась только в Полесской области, в которой доля городского населения, занятого в сельском хозяйстве, была самой высокой в БССР [1, л. 32, 34]. Это подтверждает тот факт, что экономика области являлась практически полностью аграрной. Высокая доля занятости белорусов и всего населения в лесном хозяйстве тоже об этом свидетельствует.

На динамику численности и национального состава населения БССР в межвоенный период существенное влияние оказали изменения в темпах естественного движения, внутриреспубликанская и общесоюзная миграция, вызванные индустриализацией и принудительной коллективизацией, репрессивные мероприятия (выселение, переселения), повышение грамотности и образования, приводившие к росту социальной мобильности, особенно титульных этносов, и др.

К концу 1930-х годов стали очевидными достижения в повышении грамотности и образования, но в абсолютном большинстве районов Полесской области эти показатели были ниже среднереспубликанских. Особенно низким уровень грамотности и образования был у женщин, проживавших в сельской местности и, прежде всего, у белорусок. Перепись зафиксировала 44,9 % грамотных женщин села в возрасте 20–49 лет и только 6,2 % (5 % белорусок) грамотных старше 50 лет. В общей численности эти две возрастные группы насчитывали около 108 000 неграмотных женщин [4, л. 3, 8]. Из пяти наиболее численно представленных национальностей Полесской области у белорусов был самый низкий уровень грамотности и образования, что хорошо видно по данным таблицы 2 [4, л. 9–11].

Таблица 2 – Уровень грамотности и образования населения областей в 1939 г.

Основные национальности	Грамотность				Образование на 1 000 человек			
	9 лет и старше		20–49 лет		Среднее		Высшее	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	1 000	Абс.	1 000
Полесская область								
Белорусы	290 067	68,8	133 846	65,3	19 144	33,4	666	1,2
Русские	21 798	93,4	19 127	96,3	6 278	238,9	402	15,3
Украинцы	13 974	78,3	9 138	82,0	2 139	101,9	103	4,9
Евреи	24 519	90,7	11 643	95,0	4 637	140,6	320	9,7
Поляки	7 538	75,3	3 580	77,2	590	48,3	20	1,6
Житомирская область								
Украинцы	790 836	77,8	411 480	77,8	76 077	57,8	3 707	2,8
Евреи	94 833	89,8	51 023	94,0	22 302	178,4	1 725	13,8
Поляки	67 095	79,3	34 187	80,4	5 627	53,4	150	1,4
Русские	69 878	93,1	56 319	95,4	17 407	203,2	1 199	14,0
Немцы	24 203	86,8	10 468	86,6	1 129	31,1	39	1,1

Из таблицы 2 видно, что по основным показателям грамотности и образования среди наиболее численно представленных национальностей Полесской области белорусы находились на последнем месте. Особенно низкими показатели были у женщин. В городах 2 799 женщин-белорусок имели среднее образование и 81 – высшее. На селе соответственно – 4 566 и 48. Всего у женщин-белорусок на 1 000 человек показатель среднего образования составлял 24,4, а высшего – 0,4 [4, л. 9]. В Житомирской области эти показатели были несколько выше. Например, женщин-украинок со средним образованием было 46,1 на 1 000 человек, а с высшим – 1,4 [2, л. 6, 9].

На общий показатель грамотности как среди женщин, так и среди всего населения в понижающем плане оказал очень низкий уровень грамотности лиц в возрастной группе 50 лет и старше. А ведь они прожили практически 20 мирных лет при Советской власти, которая делала все необходимое и возможное в ликвидации неграмотности взрослого населения. Самым низким он был у белорусов. Из 138 970 белорусов этой возрастной группы грамотных было только 20 %. В этой возрастной группе женщины-белоруски (более 41 тыс. неграмотных или 5,0 %) по показателю доли грамотности уступали еврейским женщинам в 11,5 раз, русским и польским – в 5 раз, украинским в 1,5 раза [4, л. 8]. В Житомирской области у всего украинского населения этой возрастной группы грамотных было 29,7 %, а у женщин – 11,9 %. Украинские женщины также в разы уступали по уровню грамотности представительницам других национальностей, наиболее численно представленных среди жителей области [2, л. 8]. В целом у титульного этноса украинского Полесья эти показатели были выше, чем у белорусов Мозарщины.

Еще большая разница в уровне грамотности и образования была заметна между жителями города и села, между белорусами, украинцами и другими национальностями Полесской и Житомирской области. Это видно из данных таблицы 3 [4, л. 8–11; 2, л. 9–11].

Таблица 3 – Грамотность и образование городского и сельского населения в 1939 г.

Основные национальности	Грамотность в %				Образование на 1 000 человек			
	9 лет и старше		20–49 лет		Среднее		Высшее	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Полесская область								
Белорусы	84,5	67,5	85,6	63,4	139,8	24,9	7,8	0,6

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Русские	95,9	92,8	98,1	95,9	244,1	237,7	21,7	13,8
Украинцы	91,5	76,7	93,2	80,4	220,8	88,3	17,2	3,5
Евреи	90,9	90,1	95,2	94,6	138,0	147,2	8,0	14,2
Поляки	86,9	73,8	91,0	75,1	166,5	35,3	7,5	1,0
Житомирская область								
Украинцы	85,8	76,5	86,5	76,1	156,8	41,8	10,4	1,6
Евреи	90,1	88,4	94,1	93,8	183,9	155,3	13,6	14,5
Поляки	83,8	77,7	85,1	78,5	131,1	34,5	2,9	0,9
Русские	92,3	93,3	95,3	95,4	210,5	199,8	21,7	10,3
Немцы	87,0	86,8	87,0	86,6	61,4	26,6	2,6	0,8

Всего грамотных мужчин в возрасте 9 лет и старше в области было 86,9 % (в городах – 94,8 % и 85,9 % – в селах). Ниже среднеобластного показателя на 1,5–2,5 % уровень грамотности был у мужчин Домановичском, Глуском, Василевичском, Копаткевичском, Лельчицком, Паричском районах. У женщин области в этой возрастной группе грамотность составила 57,4 %, а в указанных районах она была на 1,7–6,8 % ниже [4, л. 38]. В Житомирской области грамотных мужчин в возрасте 9 лет и старше было 91,3 % (94,6 % – в городах, 90,4 % – в селах), а у женщин соответственно – 70,1 %, 81,9 % и 66,7 %. Самые низкие эти показатели были и у мужчин, и у женщин в Народичском, Овручском, Олевском и Слобченском районах, где проживало абсолютное большинство украинцев [2, л. 43]. Это были преимущественно аграрные районы с преобладанием белорусского и украинского населения, что свидетельствует о прямой взаимосвязи грамотности с наличием титульных этносов, у которых она была ниже, чем у других национальностей, особенно в белорусском Полесье. В областном центре показатели грамотности и образования, количество учащихся в 8–10 классах естественно, были выше, о чем автор уже писал.

Высокие показатели грамотности и образования у русских объясняются значительным их количеством среди военнослужащих РККА, значительное количество частей которой дислоцировалось в Полесской и Житомирской областях. Как это повлияло на социокультурный облик населения этих и других областей белорусско-российско-украинского пограничья рассмотрено автором в специальной статье [7].

В таблице 4 [5, л. 16, 17; 3, л. 16,17] приведены данные по основным классам и социальным группам (по терминологии документов переписи), имеющим занятия в различных отраслях народного хозяйства, членам их семей, иждивенцам (абсолютное большинство детей, включая школьников), пенсионерам, стипендиатам (учащимся/студентам), нетрудящимся (большинство священнослужителей), прочим и нераспределенным (заключенные и находящиеся под следствием).

Таблица – 4 Грамотность* населения по общественным группам в 1939 г. (в %)

Общественные группы***	Полесская область			Житомирская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Городское население						
Рабочие	92,1	72,9	85,5	92,3	76,9	86,3
Члены семьи**	66,7	63,9	63,9	72,4	63,8	63,8
Служащие	99,8	99,9	99,9	99,9	100,0	99,9
Члены семьи**	50,0	87,0	86,8	88,2	84,8	84,8
Колхозники	91,7	53,4	76,4	89,1	58,3	74,3
Члены семьи**	75,0	52,6	52,8	75,0	45,5	46,5
Коопкустари	93,3	89,7	92,1	91,8	87,2	90,4

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
Члены семьи**	–	78,6	78,4	–	68,6	68,6
Некоопкустари	76,4	80,0	77,0	74,6	79,2	75,4
Члены семьи**	–	64,6	63,9	50,0	45,8	46,0
Единоличники	76,1	41,8	59,9	65,8	37,8	47,3
Все занятые	94,9	79,3	89,1	94,1	82,0	89,4
Иждивенцы	97,0	85,0	89,3	96,4	82,5	86,1
Пенсионеры	81,1	58,3	68,8	82,7	62,3	70,6
Стипендиаты	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Нетрудящиеся	69,2	54,2	59,5	85,2	52,6	68,5
Прочие и нераспред.	93,9	80,9	89,5	90,6	74,2	83,7
Сельское население						
Рабочие	91,1	70,9	87,6	92,0	72,6	87,5
Члены семьи**	65,9	46,3	46,6	66,5	56,7	56,8
Служащие	99,9	99,9	99,9	99,9	100,0	99,9
Члены семьи**	71,4	78,5	78,5	75,5	84,9	84,9
Колхозники	80,9	43,6	60,2	86,1	61,0	71,7
Члены семьи**	44,1	21,3	23,6	56,6	29,9	32,1
Коопкустари	93,5	83,3	91,1	90,7	83,9	89,4
Члены семьи**	–	65,2	65,2	66,7	63,2	63,2
Некоопкустари	71,4	70,3	71,2	72,3	62,2	69,2
Члены семьи**	62,5	41,2	41,6	80,0	45,6	46,9
Единоличники	61,3	28,8	42,7	63,2	34,1	43,7
Все занятые	83,2	44,4	64,4	88,9	62,7	76,0
Иждивенцы	94,4	83,2	88,6	95,8	82,5	88,3
Пенсионеры	72,3	42,5	60,4	78,0	44,2	64,4
Стипендиаты	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Нетрудящиеся	31,7	15,7	22,8	53,2	28,1	38,7
Прочие и нераспред.	84,9	60,3	76,0	89,7	80,6	88,6

Примечание: * – в возрасте от 9 лет и старше; ** – лица, занятые в домашнем подсобном сельском хозяйстве; *** – так в документе обозначена социальная структура населения.

В конце 1930-х годов под воздействием советской мобилизационной модернизации начался процесс изменения в социокультурном облике населения Полесской и Житомирской областей. Из таблицы 4 видно, что в сравниваемых социальных группах города и села показатели были ниже у сельских жителей, особенно у женщин-единоличниц и нетрудящихся (к этой категории были отнесены священнослужители и их семьи), членов семей. В последней группе около 95–98 % составляли женщины.

Низкий уровень грамотности, распространение различных верований среди белорусского и украинского Полесья влияли на их социокультурный облик. Особенно это касалось женщин. Это необходимо было учитывать в культурно-просветительской работе с населением. Возрастали требования к образованию и профессиональной подготовке соответствующих культпросветработников, руководителей и специалистов всех рангов. Из 15 групп руководящего состава и 45 групп специалистов (подсчитано по документам), которые непосредственно влияли и отвечали за рост грамотности и образования населения, хотя в партийно-советском порядке за это отвечали все руководители и специалисты, данные свидетельствуют, что большинство из них имели среднее образование, которое очевидно было больше школьным, чем специальным [5, л. 24, 26; 3, л. 24, 27].

Представленные в информационных таблицах данные о социуме Полесской и Житомирской областей позволяют сделать вывод о том, что области в целом являлись полиэтничными, но с абсолютным преобладанием титульных этносов, проживавших в районах с преимущественно аграрным сектором экономики. О недостаточно высоких темпах индустриального развития областей

свидетельствует преобладание населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве. Белорусы Полесской области имели самый низкий уровень урбанизации, грамотности и образования. В условиях белорусизации и украинизации титульный этнос становился мобильным. Однако более низкий образовательный уровень белорусов (особенно) и украинцев по сравнению с представителями других национальностей еще сдерживал их производственно-профессиональную и общественно-политическую активность. В целом уровень грамотности и образования, достигнутый в сложный межвоенный период к концу 1930-х годов, для белорусов и украинцев Полесья следует считать настоящей культурной революцией.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
2. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 358.
3. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
4. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
5. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
6. Старовойтов, М. И. Население белорусско-украинского пограничья накануне ликвидации Рижского договора (этносоциальный аспект) / М. И. Старовойтов // Рижский договор: взгляд через столетие : сб. науч. статей / редкол.: Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. Ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 101–107.
7. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.

УДК 930(438)«198/20»:94(476)«1939»

Д. М. Голочко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ОБЪЕДИНЕНИЕ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1980-Х – НАЧАЛА 2000-Х ГОДОВ

В статье рассматривается проблема объединения Беларуси осенью 1939 года в польской историографии 1980-х – начала 2000-х годов. Автор приходит к выводу, что работы польских историков, посвящённых анализу событий, связанных с интеграцией Беларуси осенью 1939 г., характеризуются широким использованием различных источников: архивных материалов, воспоминаний свидетелей изучаемых событий и т.д. Вместе с тем, для польских исследователей характерен общий неприемлемый для белорусов подход по отношению к западным областям Беларуси как к исконно польским.

В сентябре 1939 г. произошло одно из наиболее значимых событий в истории белорусского народа – его объединение в едином государстве. Оно стало важнейшим шагом на пути создания белорусской государственности. Впервые за свою многовековую историю белорусский этнос приобрёл территориальную целостность, что положительно отразилось на процессе укрепления белорусской национальной государственности. Весьма актуальным в этой связи является изучение указанной проблематики в польской историографии конца 1980-х – начала 2000-х годов.

В польской историографии периода 2-ой половины 1940-х – конца 1980-х гг. вопросы, касающиеся операции Красной Армии в Польше в сентябре 1939 г., политических, социально-экономических преобразований советской власти на территории бывших восточных кресов,

рассматривались в рамках официально принятых идеологических установок, которые господствовали и в советской исторической науке.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Польше появляются работы, в которых авторы начинают переосмыслить события, связанные с началом Второй мировой войны. Одними из первых в этом направлении стали исследования Ч. Гжеляка, П. Жароня, Е. Лоека, Ю. Седлецкого, З. Семашко, В. Цыгана, А. Щесняка [1] и др. Так, в работах Ч. Гжеляка, Е. Лоека и В. Цыгана получили освещение отдельные аспекты военной операции Красной Армии в Польше в сентябре 1939 г. Наибольшее внимания заслуживает монография В. Цыгана «Кресы в огне». Здесь автор предпринял попытку обобщения известного на тот период исторического материала, дополнив его своими документальными находками. Вместе с тем необходимо отметить, что в работах указанных авторов эта операция открыто и однозначно трактуется, как «советская агрессия», «удар в спину», «четвертый раздел Польши». На сегодняшний день среди польских историков, изучающих военные события осени 1939 г., такого рода положения являются аксиомой.

П. Жаронь, З. Семашко, А. Щесняк сосредоточили свое внимание на вопросах советской политики в Западной Беларуси и Украине в сентябре 1939 – июне 1941 гг., репрессиях, деятельности в регионе польского подполья и т. д. Однако исследователи отражают эти события в некоторой степени тенденциозно, изначально исходя из того факта, что объединение Беларуси осенью 1939 г. произошло в результате агрессии. Кроме того, большинство польских публикаций конца 1980-х – начала 1990-х гг. по изучаемой проблеме имеют узкую источниковую базу. Это связано с тем, что их авторы на тот период не имели доступа к советским архивным материалам.

Начиная со второй половины 1990-х гг., польские, равно как и отечественные историки, получили возможность исследовать доселе закрытые архивные фонды. С этого времени изучение вопросов, касающихся интеграции Беларуси, приобрело в их работах качественно новый уровень.

Среди работ по изучаемой тематике, опубликованных в Польше во второй половине 1990-х – начала 2000-х гг., в первую очередь следует упомянуть монографию профессора Военного исторического института Академии Национальной обороны Польши Ч. Гжеляка «Окраины в красном. Агрессия Советского Союза в Польшу в 1939 году» [2]. Исследование явилось своего рода обобщением целого ряда его предыдущих работ по указанной проблеме. На основании рабочих документов Красной Армии автор показал подготовку и военные действия последней в Западной Беларуси осенью 1939 г. Вместе с тем, на наш взгляд, в работе недостаточно раскрыта картина, характеризующая роль БССР в материально-технической подготовке этой операции. Это связано с тем, что исследование основано лишь на документах Российского государственного военного архива, в то время как комплекс материалов партийных органов БССР, органов внутренних дел республики остался не изученным.

Политический, социально-экономические аспекты объединения Западной Беларуси с БССР получили освещение в публикациях Д. Бошковского, М. Вежбицкого, А. Гловацкого, М. Гнатовского, П. Жароня, К. Краевского, Е. Новака, В. Слежыньского, Т. Стембоша, А. Судоля, Ч. Холуба, С. Ясинского, К. Ясевича и других польских историков.

Наиболее комплексно проанализировал политику советских властей на территории западных областей Беларуси А. Гловацкий в работе «Советы в отношении к полякам на восточных землях II-ой Польской республики, 1939–1941» [3]. Автор показал мероприятия советского руководства в области кадровой политики региона, экономики, просвещения, культуры и др. Заслуга исследователя видится в первую очередь в том, что он вводит в научный оборот новые документы, в частности из Российского государственного архива социально-политических исследований, делает ряд интересных выводов и обобщений. В то же время главным недостатком работы является то, что историк сделал акцент на негативных сторонах, просчетах политики советской власти в регионе.

Одним из крупнейших польских специалистов по проблемам Второй мировой войны является М. Гнатовский. Значительная часть его публикаций посвящена анализу политики советской

власти в Белостокской области в течение сентября 1939 – июня 1941 гг. Хотелось бы выделить работу «Народное собрание Западной Беларуси. Факты, оценки, документы» [4]. В исследовании подробно, на основе широкого круга архивных источников анализируются организация Временных управлений, крестьянских комитетов, вопросы, связанные с предвыборной кампанией и деятельностью Народного собрания Западной Беларуси. Отмеченные проблемы также нашли отражение в монографиях В. Слежыньского «Советская оккупация на Белосточчине в 1939–1941 годах» [5] и «Белосток в советской пропагандистской фотографии 1939–1941». Однако целый ряд выводов исследователя вызывают возражение. Например, нельзя согласиться с оценкой исследователями проведения Народного собрания Западной Беларуси как «правового» процесса захвата оккупированных территорий.

Значительный вклад в изучение вопросов, посвящённых политике советской власти в западном регионе Беларуси, внесли работы сотрудников Отдела Восточных земель II Речи Посполитой Института политических исследований при АН РП под руководством профессора Т. Стэмбоша. Отдел основал целую издательскую серию «Библиотека восточных земель», в рамках которой и публикуются его сотрудники. Среди прочих хотелось бы выделить работы К. Ясевича, М. Вежбицкого. Отличительной особенностью указанных публикаций является использование в них широкого комплекса источников: архивных материалов, воспоминаний свидетелей изучаемых событий и т.д.

Лично Т. Стэмбошем был написан ряд работ, посвящённых антисоветскому подполью на территории Западной Беларуси. Следует отметить, в частности, исследование «Речь Посполитая подпольная. Польское общество и государство подпольное» [6]. Работа интересна тем, что помогает оценить уровень противодействия со стороны поляков политике, проводимой советской властью в регионе. Вместе с тем, на наш взгляд, историк искусственно преувеличил масштабы польского сопротивления.

Более подробно политика «советизации» региона рассматривается в исследованиях сотрудников вышеназванного института М. Вежбицкого, К. Ясевича. Так, М. Вежбицкий в наиболее фундаментальном своём исследовании «Поляки и белорусы в период советской аннексии. Польско-белорусские отношения на северо-восточных землях II Речи Посполитой в период советской оккупации 1939–1941» [7] показал весь комплекс средств, используемых советской властью для усиления общественных позиций белорусской части населения региона. В частности, в системе местных органов власти, народном образовании и др. Однако, на наш взгляд, исследователь недостаточно чётко обозначил корректировку политики руководства страны и республики к жителям западных областей Беларуси польской национальности, которая начала осуществляться с осени 1940 г. К. Ясевич в монографии «Захват польских кресов. Польское крестьянство на северо-восточных землях Речи Посполитой во время советской оккупации 1939–1941» [8] делает акцент на изучении положении польского крестьянства и политики советских властей по отношению к этой категории населения. Основным недостатком этой работы является односторонность и тенденциозность при освещении аграрных преобразований в регионе. Так, в частности, распределение между крестьянами помещичьих и осаднических земель названа в монографии «грабежом».

Следует выделить также работу А. Судая «Начало советизации восточных кресов (осень 1939 г.)» [9] и две монографии американского профессора польского происхождения Я. Т. Гросса «Революция из-за границы» и «Исследование неволи. Октябрьские выборы 22.X.1939.» [10]. Здесь авторы рассматривают самый широкий спектр вопросов: военную операцию Красной Армии в регионе, восприятие воссоединения республики различными социальными и национальными группами Западной Беларуси, формирование органов власти, проведение выборов в Национальное собрание Западной Беларуси, депортацию поляков и др. Вместе с тем, на наш взгляд, историки недооценили степень популярности советской власти среди широких слоёв населения региона.

В монографиях историков П. Жароня «Агрессия Советского Союза 17 сентября 1939. Судьбы польских военнопленных» [11] и совместном исследовании С. Цисильского,

Г. Хрусика, А. Сребряковского «Массовые людские депортации в Советском Союзе» [12] нашли отражение проблемы, связанные с депортацией населения из Западной Беларуси и Украины, судьбами польских граждан, в том числе и беженцев, высланных из края в различные регионы СССР.

В целом необходимо отметить, что работы польских историков, посвященные анализу событий, связанных с интеграцией Беларуси осенью 1939 г., характеризуются широким использованием различных источников: архивных материалов, воспоминаний свидетелей изучаемых событий и т.д. Вместе с тем, для польских исследователей характерен общий неприемлемый для белорусов подход по отношению к западным областям Беларуси как к исконно польским, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Источники и литература

1. Grzelak, Cz. Grodno 1939 / Cz. Grzelak. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1990. – 72 s; Łojek, J. Agresja 17 września 1939 / J. Łojek. – Warszawa: Pax, 1990. – 204 s; Żaroń, P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej / P. Żaroń. – Warszawa: PWN, 1989. – 430 s; Siedlecki, J. Losy Polaków w ZSRR w latach 1939–1986 / J. Siedlecki. – London: Gryf Publication Ltd., 1990. – 404 s; Cygan, W. Kresy w ogniu: wojna polsko-sowiecka 1939 / W. Cygan. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza «Gryf», 1990. – 179 s.
2. Grzelak, Cz. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku / Cz. Grzelak. – Warszawa: Wydawnictwo NERITON, 1998. – 590 s.
3. Głowacki, A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej 1939–1941 / A. Głowacki. – Wyd II. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – 695 s.
4. Gnatowski, M. Zgromadzenie ludowe Zachodniej Białorusi. Fakty, ocene, dokumenty / M. Gnatowski. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001. – 340 s.
5. Śleszynski, W. Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941. Propaganda i indoktrynacja / W. Śleszynski. – Białystok: Agencja Wydawnicza Beńkowski, Białostockie Towarzystwo Naukowe, 2001. – 594 s.
6. Strzembosz, T. Rzeczpospolita podziemna. Społeczeństwo polskie a państwo podziemne 1939–1945 / T. Strzembosz. – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 2000. – 408 s.
7. Wierzbicki, M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen, 2000. – 366 s.
8. Jasiewicz, K. Zagłada polskich kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Studium z dziejów zagłady dawnego narodu politycznego / K. Jasiewicz. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Oficyna Wydawnicza Volumen, 1998. – 359 s.
9. Sudoł, A. Początki sowietyzacji kresów wschodnich. Jesień 1939 roku / A. Sudoł. – Bydgoszcz. – Toruń: Wyższa szkoła pedagogiczna w Bydgoszczy, 1997. – 378 s.
10. Gross, J. T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia / J. T. Gross. – Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 1988. – 334 p.
11. Żaroń, P. Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej / P. Żaroń. – Warszawa: PWN, 1989. – 430 s.
12. Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim / Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 508 s.

КРАХ ГЕРМАНСКАГА ПЛАНА “МАЛАНКАВАЙ ВАЙНЫ” НА ГОМЕЛЬШЧЫНЕ ЛЕТАМ 1941 ГОДА

У артыкуле разглядаюцца гістарычныя падзеі на савецка-германскім фронце на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. На падставе новых дакументальных крыніц нямецкага паходжання аўтар пераасэнсоўвае традыцыйную ацэнку ў дачыненні да краху германскага плана “бліцкрыга” і прапануе абгрунтаваную канцэпцыю па ацэнцы стратэгічнага значэння абаронча-наступальных баёў Чырвонай арміі на Гомельшчыне сіламі 21-й арміі Цэнтральнага фронту. У выніку праведзенага даследавання зроблена выснова аб пачатку зрыву германскай аперацыі пад кодавай назвай “Барбароса” на тэрыторыі Беларусі ў ліпені – жніўні 1941 г.

Крыху больш за 80 гадоў мінула з таго гістарычнага лета, калі адбылася адна з важнейшых стратэгічных падзей на савецка-германскім фронце, якая па цяперашні час не знайшла свайго належнага месца ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, не захоўваецца ў гістарычнай памяці беларускага народа як ключавы факт ваеннай гісторыі Беларусі. Таму ў Год гістарычнай памяці нам неабходна аднавіць яе значэнне, паказаць сапраўдную ролю падзеі, якая прынцыпова змяніла ход германскага плана “маланкавай вайны”. Нагадаю чытачу, што ў калектыўнай памяці савецкага чытача, якая ў значнай ступені захавалася ў постсавецкі перыяд, галоўнай гістарычнай падзеяй 1941 года традыцыйна лічыўся крах захопніцкіх планаў нацысцкай Германіі ў ходзе бітвы за Маскву. Да гэтага перыяду Вялікай Айчыннай вайны інтарэс выкліканы на цяперашні час не толькі сталым значэннем першага буйнога разгрому германскіх войск перад сталіцай СССР, а і знаходжаннем гэтай тэмы ў полі вострых дыскусій дзякуючы адкрытай інфармацыйнай прасторы, дзе пачатковаму перыяду адводзіцца адно з цэнтральных месцаў.

У айчыннай гістарыяграфіі гістарычны крах “бліцкрыга” на савецка-германскім фронце традыцыйна звязваюць з крушэннем захопніцкага плана “Барбароса” ў ходзе контрнаступлення Чырвонай арміі зімой 1941/42 года. Але больш скрупулёзны аналіз дакументаў нямецкага паходжання дазваляе ўнесці пэўную карэкціроўку ў ацэнку падзей, якія сталі *фактычнай* прычынай краху плана “маланкавай вайны”. Падкрэслім спецыяльна, што менавіта гэты імператары ў выцякаў з дырэктывы № 21 для вярхоўнага камандавання вермахта, зацверджанай Гітлерам пад кодавай назвай план “Барбароса” 18 снежня 1940 г. [1, с. 244–246]. Як вядома, у адпаведнасці з гэтым планам прадугледжвалася ў тым ліку раптоўнае нанясенне магутных удараў на цэнтральным напрамку на поўнач ад ракі Прыпяць і Прыпяцкіх балот, аб чым яшчэ ў перадваенным 1937 г. указваў у сваім “Плане паражэння” асуджаны да расстрэлу Маршал Савецкага Саюза М. М. Тухачэўскі, звяртаючы асаблівую ўвагу на магчымую перспектыву імклівага разгортвання войск і нанясення галоўнага ўдару германскім вермахтам якраз на маскоўскім напрамку [2, с. 547].

Разгляд пастаўленай праблемы пачнём са звароту да навейшых прац расійскіх ваенных гісторыкаў, у прыватнасці да вынікаў даследавання загадчыка Цэнтра гісторыі войнаў і геапалітыкі Інстытута ўсеагульнай гісторыі РАН М. Ю. Мягкова па гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі на маскоўскім напрамку ў 1941 г. Кажучы пра сітуацыю на савецка-германскім фронце летам і ў пачатку восені, вядомы расійскі вучоны, спецыяліст па гісторыі абароны Масквы ў пачатковы перыяд вайны, дакументальна даказвае, што Чырвонай армія знаходзілася ў той час на “грані катастрофы”. Даследчык адзначае, менавіта на пачатковым этапе арганізацыі абароны савецкай сталіцы “расчеты противника на безостановочное продвижение к Москве были сорваны. Самая сильная группировка немецких войск – группа армий “Центр” – вынуждена была перейти к обороне и отложить на два месяца наступление на московском направлении” [3, с. 114].

Заўважым пры гэтым, што адказу на пытанне пра тое, што ж паслужыла фактычнай прычынай такіх стратэгічна важных зменаў на савецка-германскім фронце, мы не знаходзім ні ў М. Ю. Мягкова, ні ў навейшых расійскіх [4; 5; 6], ні ў спецыяльных беларускіх даследаваннях [7; 8; 9]. Таму звернемся да вядомых на цяперашні час дакументаў, перш за ўсё нямецкага паходжання [10; 11; 12; 13] і паспрабуем не толькі адказаць на пастаўленае пытанне, але і ўнесці важныя ўдакладненні ў агульную ацэнку тых гістарычных падзей. Зварот да дакументаў праціўніка на бягучы час з’яўляецца аксіёмай пры даследаванні баявых дзеянняў Чырвонай арміі і германскага вермахта на савецка-германскім фронце, як гэта вынікае, напрыклад, з найноўшых прац беларускіх і нямецкіх даследчыкаў [12; 13]. Мы цалкам падзяляем думку М. Ю. Мягкова ў тым, што крытычнае асэнсаванне любых баявых дзеянняў магчыма толькі на двухбаковай аснове, абавязкова выкарыстоўваючы для паглыблення ведаў аб вайне дакументальную базу двух бакоў увогуле, у тым ліку аб малавядомых падзеях з гісторыі абарончых баёў у 1941 г. у прыватнасці.

На наш погляд, да ліку не поўнасцю даследаваных старонак Вялікай Айчыннай вайны, асабліва на яе пачатковым этапе, можна аднесці баявыя дзеянні Чырвонай арміі на Гомельшчыне летам 1941 г. Падкрэслім, тыя баявыя дзеянні, якія радыкальна паўплывалі на ход аперацыі “маланкавай вайны”, з якіх пачынала кавацца Вялікая Перамога ў 1945 г. Аўтар цалкам разумее, што гэтая тэма патрабуе ў далейшым свайго больш уважлівага асэнсавання з улікам навейшых дасягненняў сучаснай айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, а таксама больш шырокага выкарыстання і крытычнага аналізу новых дакументальных крыніц. Але менавіта ўвядзенне новых дакументаў, перш за ўсё з нямецкіх архіваў, ставіць у парадак для беларускай гістарычнай навукі задачу па новым асэнсаванні гэтай маладаследаванай тэматыкі.

Пры разглядзе прынцыпова важных пытанняў аўтар зыходзіў таксама з таго, што наша даследаванне прысвечанае як быццам адной з самых вядомых старонак пачатковага перыяду вайны – гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі, якія мелі месца на беларускай тэрыторыі, але ў поўнай меры не адлюстраваныя ў “Плане стратэгічнага разгортвання Узброеных Сіл Савецкага Саюза на выпадак вайны з Германіяй і яе саюзнікамі не раней 15 мая 1941 г.”, дзе канстатавалася, што “вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе... всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Дембина для нанесения удара в направлении – Ковель, Ровно, Киев” [14, с. 190]. Звернем увагу чытача, што ў тым жа дакуменце згадваецца пра кароткія канцэнтрычныя ўдары часцей германскага вермахта з боку Сувалак і Брэста ў напрамку на Ваўкавыск і Баранавічы, не вылучаючы іх у якасці цэнтральных.

Наша ўвага накіравана на баявыя дзеянні, якія мелі месца на беларускай тэрыторыі ў канцы ліпеня 1941 г. у ходзе вядзення Чырвонай арміяй абарончых баёў у складзе не Заходняга, а Цэнтральнага фронту, створанага для выканання фактычна галоўнай задачы – вядзення баявых дзеянняў па абароне маскоўскага напрамку на шляху наступлення часцей вермахта ў ліпені 1941 г. Даследчая практыка паказвае, што вывучэнне такіх складаных тэм не вялося раней у сілу пэўных прычын, у тым ліку ў сувязі з устойлівым захаваннем канонаў афіцыйнай версіі падзей трагічнага лета 1941 г., якая была прынята ў савецкай гістарыяграфіі. Але з пачатку 1990-х гадоў у айчыннай гістарычнай навукі пачаўся працэс навуковай пераацэнкі агульнапрынятых фактаў, поглядаў і ацэнак. Паступова прыходзілася прымаць думку, што чым больш у сувязі з адкрыццём архіваў і ўвядзеннем малавядомых дакументаў мы даведаемся пра падзеі тых часоў, тым больш складаным станавілася захаванне ў памяці агульнапрынятых версій савецкага часу. На цяперашні час становіцца больш зразумелым, што без усебаковага аналізу ўведзеных дакументальных крыніц немагчыма вывучэнне складаных і асабліва супярэчлівых пытанняў.

Ніхто ж не аспрэчвае той факт, што 24 ліпеня 1941 г. Стаўка ВГК выдае дырэктыву аб стварэнні Цэнтральнага фронту пад камандаваннем генерал-палкоўніка Ф. І. Кузнецова (з 5 жніўня – генерал-лейтэнанта М. Р. Яфрэмава), у склад якога ўвайшлі дзве арміі левага крыла Заходняга фронту (13-я і 21-я) і высунутая з 1 жніўня з рэзерву 3-я армія. Адзначым, што на момант стварэння новага фронту сітуацыя на Заходнім фронце набывала ўсё больш пагрозлівы характар: таму закрыць сталіцу Маскву на цэнтральным напрамку наступлення

германскага вермахта павінен быў спецыяльна створаны фронт, які, як вынікае, адыграў сваю галоўную ролю на Гомельшчыне летам 1941 г.

Як вядома, у пачатку ліпеня 1941 г. баявыя дзеянні цэнтра і левага крыла Заходняга фронту размежаваліся на два самастойныя ўчасткі: першы – у раёне Смаленска і Ельні, дзе да пачатку верасня праходзіла Смаленская стратэгічнай абарончай аперацыя; другі ўчастак абароны знаходзіўся ў міжрэччы Дняпра і Бярэзіны, у раёне Гомеля, дзе 21-я армія стварыла пагрозу праваму флангу групы армій “Цэнтр”, скаваўшы тут значныя сілы вермахта. Менавіта баявыя дзеянні савецкіх часцей толькі створанага Цэнтральнага фронту, у тым ліку сфарміраваных па асабістым загадзе І. В. Сталіна кавалерыйскіх дывізій для правядзення рэйдаў і дыверсій у тыле праціўніка на гомельскім і бабруйскім напрамках, сталі галоўнай пагрозай праваму крылу групы армій “Цэнтр”.

А цяпер звернемся да нямецкіх дакументаў. З іх вынікае, што 25 ліпеня 1941 г. у ходзе абмеркавання гэтай сітуацыі з камандуючым групы армій “Цэнтр” Ф. фон Бокам, аўтарам будучых успамінаў “Я стаяў ля сцен Масквы”, начальнік штаба Вярхоўнага галоўнакамандавання ўзброеных сіл Германіі генерал-фельдмаршал В. Кейтэль паведаміў пра тое, што “фюрэр рэкамендуе павярнуць значную частку сіл групы армій “Цэнтр” на поўдзень дзеля таго, каб забяспечыць сябе ад гэтай групоўкі і знішчыць яе. Ідэальным рашэннем быў бы, па меркаванні фюрэра, разгром буйной варожай групоўкі ў раёнах Гомеля, Мозыра “асобнымі невялікімі пакетами” [15, с. 292]. Новае дакументальнае пацверджанне згаданае выказванне знаходзіць у распараджэнні Гітлера ад 29 ліпеня 1941 г. У ім згадвалася: “З улікам развіцця абстаноўкі цягам апошніх дзён і перш за ўсё з’яўленне новых буйных групавых сіл праціўніка перад фронтам і на фланзе групы армій “Цэнтр”, ...важнейшай задачай з’яўляецца ліквідацыя пагрозы на правым фланзе групы армій “Цэнтр” шляхам разгрому варожай групоўкі, якая знаходзіцца ў раёне Гомеля і на поўнач. Для гэтага 2-я танкавая група, атрымаўшы неабходнае папаўненне, павінна нанесці ўдар з раёна Крычава і на ўсход у строга паўднёва-заходнім напрамку на Гомель, каб не дапусціці адыходу праціўніка на ўсход ці на поўдзень” [16, с. 294].

Як выцякае з апэратыўных дакументаў начальніка штаба Вярхоўнага галоўнакамандавання ўзброеных сіл Германіі генерал-фельдмаршала Кейтэля, з другой паловы ліпеня далейшая распрацоўка аперацыі групы армій “Цэнтр” залежыла ад “аперацыі ў раёне Гомеля” [17, с. 286]. Аднак найбольш значныя для нас рашэнні выцякаюць з дырэктывы, зацверджанай Гітлерам 30 ліпеня 1941 г., г. зн. цераз 39 дзён пасля пачатку “маланкавай вайны” супраць СССР. Менавіта гэтае пасяджэнне і яго рашэнні можна назваць гістарычнымі ў тым сэнсе, што фактычна ўпершыню з пачатку рэалізацыі аперацыі пад кодавай назвай “Барбароса” ў яе былі ўнесены кардынальныя ўдакладненні, звязаныя з часовай адмовай ад выканання адной з галоўных стратэгічных задач – бесперапыннага нанясення сіламі германскага вермахта маланкавага ўдару на маскоўскім напрамку.

30 ліпеня 1941 г. на чарговым пасяджэнні ў стаўцы фюрэра з удзелам прадстаўніком вярхоўнага галоўнакамандавання ўзброенымі сіламі, вярхоўнага камандавання сухаземных сіл і штаба апэратыўнага кіраўніцтва Гітлер аддае загад, вядомы з нямецкіх дакументаў пад назвай “дырэктыва галоўнакамандуючага вермахта № 34 “Аб далейшым вядзенні вайны на ўсходзе”. З яе вынікае, што развіццё падзей за апошнія дні, з’яўленне буйных сіл праціўніка перад фронтам і на флангах групы армій “Цэнтр” вымусілі часова адкласці выкананне мэт і задач, пастаўленых раней у дырэктыве № 21 ад 18 снежня 1940 г. – “плане Барбароса”. Таму зыходзячы з палажэння, якое склалася ў раёне Гомеля Гітлер загадаў: “Група армій “Цэнтр” пераходзіць да абароны, выкарыстоўваючы найбольш зручныя для гэтага ўчасткі мясцовасці” [11, с. 117].

З дзённікавых запісаў начальніка генштаба сухаземных войск генерал-палкоўніка Ф. Гальдэра вынікае, якія асабістыя матывы падштурхнулі Гітлера ці сталі вырашальнымі для прыняцця дырэктывы аб спыненні наступлення на Маскву і пераходу да абароны на галоўным напрамку ўдару з улікам таго факта, што нават прыпыненне наступлення на савецкую сталіцу пагражала для Германіі больш зацяжнай вайной, да якой яна ў той час не была падрыхтавана.

Аднак не стратэгічныя фактары баёў на савецка-германскім фронце сталі вырашальнымі пры прыняцці рашэння, а ўнутраныя матывы Гітлера псіхалагічнага кшталту. На наш погляд, гэта рашэнне было прадиктавана насуперак агульнай пазіцыі ваенных у стаўцы ўласнымі ўспамінамі фюрэра аб падзеях Першай сусветнай вайны, у якой Гітлер у званні яфрэйтара ўдзельнічаў у баявых дзеяннях на Заходнім фронце і ў якой Германія пацярпела паражэнне ў сілу гэтак званага “зрадніцкага ўдару нажом у спіну”. Як бачна, гэты псіхалагічны вобраз вайны захаваўся ў Гітлера і ў ходзе рэалізацыі плана “Барбаросы” і адыграў фактычна ключавую ролю: калі пасля захопу Ельні да Масквы заставалася толькі крыху больш за тры сотні кіламетраў, а ў гэты час у глыбокім тыле вермахта групы армій “Цэнтр” знаходзіліся сілы Чырвонай арміі, якія вялі ўпартыя баі з часцямі германскага вермахта, што падштурхнула Гітлера да параўнання сітуацыі з “ударам у спіну”. На наш погляд, гэтая сітуацыя ў раёне Гомеля і прадвызначыла такія неадэкватныя на фоне прапаноў высокіх штабных ваенначальнікаў дзеянні Гітлера ў стаўцы 30 ліпеня 1941 г., калі было прынята рашэнне аб пераходзе да абароны [18, с. 117]. Гэта азначала не толькі пачатак краху планаў “маланкавай вайны”, але і пераўтварэнне прынятага рашэння ў стратэгічна важны фактар развіцця баявых падзей на савецка-германскім фронце.

Такім чынам, баявыя дзеянні Чырвонай арміі на тэрыторыі Гомельшчыны сведчаць аб пачатку краху плана “маланкавай вайны” (Blitzkrieg) і яго фактычным спыненні на тэрмін у два месяцы, што істотным чынам паўплывала на працяг гэтай аперацыі ў пачатку кастрычніка 1941 г. На наш погляд, фактычнай прычынай гэтых падзей на савецка-германскім фронце з’яўляюцца баявыя дзеянні савецкіх войск 63-го армейскага корпуса на чале з генералам Л. Г. Пятроўскім, які здолеў правесці ў ліпеня 1941 г. контрнаступленне 21-й арміі на бабруйскім напрамку, паспяхова абараняючы стратэгічна важны рубяж у раёне беларускіх гарадоў Рагачова і Жлобіна. Падзеі, якія мелі месца ў раёне Гомеля не толькі радыкальна паўплывалі на стратэгічныя планы вермахта, але і прывялі да двухмесячнага спынення наступальных баявых дзеянняў у ходзе нанясення галоўнага ўдару германскіх войск на маскоўскім напрамку. За гэты час, як адзначае М. Ю. Мягкоў, “благодаря отсрочке наступления на столицу, Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы... Во многом благодаря этим резервам столица была спасена” [2, с. 120].

Паводле новых дакументальных крыніц атрымліваецца, што лакальныя поспехі Цэнтральнага франту на Гомельшчыне сталі першымі важнымі стратэгічнымі крокамі па зрыву плана “Барбароса”. Аб тым, якое значэнне мелі шматтыднёвыя абарончыя баі Чырвонай арміі на гэтым рубяжы савецка-германскага фронту, пераканаўча пісала нямецкая газета “Kölnischer Zeitung” (Кёльнская газета), называючы наступленне пад Рагачовам і Жлобінам з удзелам 2-й палявая армій, павернутаі назад з-пад Ельні на ліквідацыю гэтага абарончага рубяжа Чырвонай арміі, “бітвай пяхоты на ўсходзе” [19, с. 3]. Менавіта гэтая бітва стала адной з вызначальных прыкмет краху германскіх планаў “бліцкрыгу” на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г.

Крыніцы і літаратура

1. Weisung Nr. 21 Fall Barbarossa von 18.12.1940 // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. „Unternehmen Barbarossa“ 1941 / Hrsg. von Gerd Ueberschär und Wolfram Wette. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. – S. 244–246.
2. Тухачевский, М. Н. План поражения / М. Н. Тухачевский // Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского / Ю. З. Кантор. – СПб.: Нестор, 2008. – С. 538–575.
3. Мягков, М. Ю. На грани катастрофы. 22 июня – сентябрь 1941 года / М. Ю. Мягков // 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1 : Очерки. – С. 78–124.
4. Великая Отечественная война: Энциклопедия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 672 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М.: Кучково поле, 2012. – Т. 2 : Происхождение и начало войны. – 1008 с.
6. Исаев, А. В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А. В. Исаев. – М.: Яуза, Эксмо, 2010. – 480 с.

7. Беларусь у полымі 1941 года: да 80-годдзя пачатку Вялікай Айчыннай вайны : зб. навук. арт. / навук. рэд. А. М. Літвін. – Мінск: Беларуская навука, 2021. – 294 с.
8. Жданович, П. Боевые действия войск 21-й армии на территории Беларуси летом 1941 года / П. Жданович // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 24. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2008. – С. 142–151.
9. Литвин, А. М., Воронкова, И. Ю. Битва за Беларусь летом 1941 года // 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1 : Очерки. – С. 302–402.
10. Трагедия и подвиг народа на белорусской земле (22 июня – декабрь 1941 г.) // 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2 : Документы и материалы. – С. 286–469.
11. Дакументы і матэрыялы // Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 108–272.
12. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300 с.
13. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / Авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск: Инбелкульт, 2016. – 723 с.
14. Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии Председателю СНК СССР И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, не ранее 15 мая 1941 г. // Мировые войны XX века : в 4 кн. / отв. ред. М. Ю. Мягков. – М.: Наука, 2002. – Кн. 4 : Вторая мировая война: Документы и материалы. – С. 190–192.
15. Беседа начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил с командующим группой армий «Центр» 25 июля 1941 г. // Дашичев, В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : ист. очерки, док. и материалы / В. И. Дашичев : в 4 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 3 : Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – С. 291–293.
16. Соображения и распоряжения фюрера от 28 июля 1941 г. // Дашичев, В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : ист. очерки, док. и материалы / В. И. Дашичев : в 4 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 3 : Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – С. 294–295.
17. Из военного дневника верховного главнокомандования вермахта (23 июля– 20 августа 1941 года) // Дашичев, В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : ист. очерки, док. и материалы / В. И. Дашичев : в 4 т. – М.: Наука, 2005. – Т. 3 : Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – С. 285–308.
18. Дырэктыва № 34 аб далейшым вядзенні вайны на ўсходзе ад 30.07.41 г. // Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. 2-е выданне, выпраўленае і дапоўненае / С. Я. Новікаў. – Смаленск: Універсум, 2015. – С. 117.
19. Новікаў, С. Я. Гомельская бітва 1941 года: спроба рэканструкцыі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 8. – С. 3–14.

УДК 94:355.425.4(476.2)«1941-1943»

К. С. Мищенко
Гомельский областной
музей военной славы

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1941–1943 ГОДАХ

В статье отражены основные вехи становления и развития партизанского движения на территории нынешней Гомельской области (бывших Гомельской и Полесской областей БССР) в период Великой Отечественной войны (август 1941 – ноябрь 1943 гг.) В 1942–1943 годах

на оккупированной территории Гомельщины против немецко-фашистских оккупантов вели борьбу 29 партизанских бригад, объединявших 111 отрядов, и более 10 отдельно действующих отрядов, в которых насчитывалось около 50 тысяч человек, в том числе более 3 тысяч коммунистов, около 6 тысяч комсомольцев.

Важным очагом партизанского движения Беларуси являлась территория Гомельщины. Природные условия лесисто-болотистой местности Полесья создавали все условия для организации партизанских баз. С первых дней действия партизан на Гомельщине приняли характер организованной борьбы народных масс. Ядром партизанских отрядов и подпольных организаций были коммунисты.

С середины июля 1941 г. в Гомеле находилось руководство БССР, штаб созданного 24 июля 1941 г. Центрального фронта. Гомель и Мозырь более чем на месяц стали центрами подготовки к действиям в тылу врага партийного, комсомольского и оперчекистского подполья. В середине июля 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». «Для более широкого развертывания диверсий в тылу противника, приказом главнокомандующего войск Западного направления Маршала Советского Союза тов. Тимошенко за № 0012 от 13 июля 1941 года создан оперативно-учебный центр» [1, с. 5].

«Вначале для Гомельской школы одновременно с подготовкой партизан и диверсантов были подготовлены кадры инструкторов, которые в дальнейшем самостоятельно проводили обучение... Всего подготовлено и снабжено спецтехникой 2472 человека. Гомельской школой подготовлено и выброшено на территорию, временно оккупированную врагом, 184 группы с общим количеством 1424 чел.; из указанного количества переброшено непосредственно через линию фронта для ведения партизанской и диверсионной работы 131 группа, с общим количеством 902 человека, и оставлено при отходе наших войск в прифронтовой полосе 53 группы – 522 человека...» (Из доклада учебно-оперативно центра Западного фронта секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко о работе центра с 13 июля по 5 сентября 1941 г.) [1, с. 73].

В июле в Мозырь начали прибывать группы, направляемые ЦК КП(б)Б в оккупированные врагом районы Минской, Могилевской и Брестской областей. В организации в прифронтовых районах и в тылу врага партизанских отрядов большую роль играли организаторские группы, создаваемые по заданию ЦК и обкомов КП(б)Б. «Диверсионные группы и партизанские отряды организуются двумя путями: во-первых – до отхода частей Красной Армии с определенных районов, обкомы, горкомы и райкомы КП(б)Б организуют диверсионные группы и партизанские отряды, оставляя их в районах будущей деятельности групп, отрядов. Во-вторых, диверсионные группы и партизанские отряды организуются ЦК и обкомами КП(б)Б и направляются в тыл противника. Диверсионные группы и партизанские отряды комплектуются из коммунистов, комсомольцев и беспартийных товарищей, преданных партии и советской власти, готовых жертвовать собой в интересах разгрома немецко-фашистской армии ... При комплектовании групп соблюдается принцип добровольности. Диверсионные группы по своему составу организуются немногочисленные – 6–10 человек, что обеспечивает большую безопасность при переброске ее через линию фронта и конспирацию в тылу противника...

Партизанские отряды организуются более многочисленные, причем в их задачу входит широкое привлечение местного населения в партизанское движение...

Все товарищи, направляемые в диверсионные группы и партизанские отряды, проходят специальное, краткосрочное обучение методам партизанской борьбы, подрывному делу, разведки и конспирации. Контингент одновременно обучающихся в учебном центре 200–300 человек. Срок обучения 3–5 дней. Каждая группа после обучения в школе получает конкретные задания по диверсионной работе в районе ее деятельности. [...]» (Из справки заместителя заведующего отделом кадров ЦК КП(б)Б Ш. М. Узилевского об организации диверсионных групп и партизанских отрядов в БССР. 28 августа 1941 г.) [1, с. 68–71].

Всего в 1941 г. было подготовлено и направлено в Гомельскую и Полесскую области 177 отрядов и спецгрупп. Активную помощь в формировании партийного подполья в районах Гомельской и Полесской областей оказывали секретари ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко,

П. З. Калинин, Н. Е. Авхимович, Г. Б. Эйдинов, секретарь ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин. Для руководства подпольем и партизанским движением создавались областные и районные тройки. На 18 июля 1941 г. в 9 районах Гомельской области было создано 37 подпольных организаций и 70 партизанских отрядов, насчитывавших более 600 человек, в среднем до пяти отрядов на район, по данным секретаря Гомельского обкома КП(б)Б И. П. Кожара на 4 августа 1941 г. на территории 15 районов области действовало 58 партизанских групп, насчитывавших 1779 человек. В это же время по информации Полесского обкома КП(б)Б на территории области действовало 18 партизанских отрядов, насчитывавших 819 человек. На оккупированной врагом территории области остались и возглавили боевые действия партизан Ельский, Петриковский и Хойникский райкомы КП(б)Б, а также секретари Житковичского, Мозырского, Наровлянского и Туровского райкомов партии. [1, с. 58–64].

19 августа 1941 г. создан Гомельский подпольный обком КП(б)Б. Секретарь обкома И. П. Кожар возглавил руководство борьбой в южных районах, а А. А. Куцак в северных. Позже, с объединением всех партизанских отрядов в областное партизанское соединение, ими командовал И. П. Кожар. [2, с. 370].

Основу многих партизанских формирований составляли бойцы истребительных батальонов. Созданный в Октябрьском районе Полесской области партизанский отряд «Красный Октябрь» свою деятельность начал в первых числах июля как истребительный батальон. Первым командиром отряда являлся Т. П. Бумажков, затем его сменил Ф. И. Павловский. На базе истребительного батальона был образован также Жлобинский партизанский отряд, которым командовал В. А. Миронов [1, с. 78–81]. Составили костяк вновь создаваемых партизанских отрядов и групп или влились в уже действующие ряды народных мстителей бойцы Лоевского, Рогачевского, Паричского, Лельчицкого, Ельского, Суражского и других истребительных батальонов.

Большая заслуга в развертывании партизанского движения принадлежала советским военнослужащим, пограничникам и работникам НКВД, по разным причинам оказавшимся на оккупированной территории. Партизанские отряды нередко пополнялись народными ополченцами. Входили они и в состав отряда «Большевик», созданного накануне оккупации Гомеля. Организационно отряд оформился 17 августа 1941 года на собрании группы патриотов города. Командиром назначили директора авторемонтного завода И. С. Федосеенко, комиссаром – С. Ф. Антонова, начальником штаба – В. Д. Лисовского. [3, с. 114]. В сентябре отряд «Большевик» объединился с Новобелицким партизанским отрядом.

Наиболее чувствительные удары по врагу наносили партизанские отряды, которые сражались в прифронтовой полосе в тесном взаимодействии с частями Красной Армии. Особенно отличились партизаны Полесского отряда «Красный Октябрь», которым командовал Т. П. Бумажков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1941 г. Т. П. Бумажкову и Ф. И. Павловскому, первым из числа советских партизан периода Великой Отечественной войны, было присвоено звание Героя Советского Союза [3, с. 207].

Примечательно, что уже в 1941 г. в ходе боевых действий партизан на коммуникациях противника, разгрома его гарнизонов и опорных пунктов в ряде районов Беларуси при активной поддержке населения стали создаваться партизанские зоны. Одна из первых партизанских зон возникла осенью на территории Октябрьского района Полесской области. В конце сентября партизанский отряд «Красный Октябрь» освободил от врага многие населенные пункты в Октябрьском, Оземлянском, Гатском, Новодубровском, Гороховичском, Лясковичском, Поречском, Протасовском, Ломовичском, Романищенском и других сельсоветах и тем самым положил начало созданию Октябрьской партизанской зоны. К весне 1942 г. в нее вошли Октябрьский и Копаткевичский районы, отдельные сельсоветы Житковичского, Петриковского, Домановичского и Глусского районов. В декабре общая площадь зоны составила 2700 кв. км. Ее центр находился в поселке Рудобелка. [1, с. 11].

Весной и летом 1942 г. на границе Могилевской, Гомельской и Орловской областей, по левому берегу р. Сож, совместными силами партизанских отрядов была создана Чечерская партизанская зона, включившая более 100 населенных пунктов и охватившая территорию около 3,6 тыс. кв. км. [4, с. 126].

Советское руководство стремилось превратить всю оккупированную врагом территорию страны в арену непрерывной, изнурительной для противника всенародной войны. 31 января 1942 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О мерах по улучшению связи и руководства подпольными партийными организациями и партизанскими отрядами Белоруссии». ЦК решил направить в тыл противника 150 коммунистов, в том числе 50 человек для связи с подпольными партийными организациями областей и районов и 100 человек для создания новых парторганизаций в тылу врага. Во многие районы Гомеля, Чечерска, Узды, Калинковичей вместе со связными посылались радисты с рациями [1, с. 12].

Значительную роль в установлении связи с подпольем и партизанскими отрядами сыграла созданная 20 марта 1942 г. Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б. С осени стали поступать регулярные сведения по радио от Гомельского подпольного обкома партии. К концу года через 68 раций, работавших на оккупированной территории, поддерживалась регулярная связь с большинством партийных органов, подпольных организаций и партизанских отрядов республики.

Многие отряды насчитывали уже по 150–200 и более бойцов. Это обусловило изменение их структуры. С ростом численности и количества отрядов и групп все более назревали вопросы совершенствования организационной структуры и управления партизанскими силами. Они решались путем объединения разрозненных, обособленных формирований в бригады.

В Беларуси первые бригады возникли весной 1942 г. Но еще до этого, примерно на стыке 1941 и 1942 гг., в районах сосредоточения значительного количества народных мстителей появлялись временные объединения отрядов и групп, во многом схожие с партизанской бригадой. Такое объединение под названием «Гарнизон Ф. И. Павловского» было создано, в частности, в Полесской области в начале 1942 г. К середине февраля в него входило 13 партизанских отрядов, насчитывавших свыше 1300 человек. На их вооружении имелось 69 станковых и ручных пулеметов, 880 винтовок, 33 автомата, пять 45-мм пушек, 8 минометов. Отряды гарнизона дислоцировались и действовали в Октябрьском, Глусском и Копаткевичском районах. Главным среди них являлся старейший отряд «Красный Октябрь». Его возглавляли Ф. И. Павловский, С. В. Маханько и Г. И. Барьяш. В объединение входили также отряды А. Г. Балахонова, М. П. Бумажкова, Г. Л. Вежновца, И. С. Губина, И. Г. Жуледи, А. Ф. Коваленко, В. И. Ливенцева, Ф. И. Павловского, Н. Б. Храпко, В. Т. Шантара, У. Н. Швайкова. Объединение разрозненных отрядов в Октябрьском районе и создание общего руководства ими позволили, значительно расширить зону борьбы, активизировать боевую деятельность партизан, усилить политическую работу среди населения, скоординированными действиями противостоять карательным экспедициям оккупантов [1, с. 13].

В процессе становления и развития партизанского движения постепенно складывалась организационная структура разведки. Большую помощь в разоблачении вражеских лазутчиков, диверсантов и террористов оказали партизанским формированиям и подпольным организациям группы и отряды советских контрразведывательных органов. Так, при участии спецотряда «Вперед» в населенных пунктах Гомельской области в 1942 г. было разоблачено и обезврежено 53 агента фашистской разведки. Повсеместными становились диверсии на коммуникациях врага. В докладе штаба групп армий «Центр» от 28 июля отмечалось, например, что в январе – феврале зарегистрировано 11 нападений партизан на железные дороги, в марте – 27, в апреле – 65, в мае – 145, в июне – 262, с 1 по 25 июля – 304, итого – 814 нападений. За это время на партизанских минах подорвались 200 паровозов, сильно повреждены либо полностью выведены из строя 773 вагона, разрушено 13 440 м

железнодорожного полотна. В результате этих нападений, подчеркивалось в докладе, «потери в людях, и особенно в дорогой материальной части, очень велики» [1, с. 14].

Ряд успешных боевых операций в этот период провели партизаны северных районов Полесской области. Объединившись для совместных действий, отряды Ф. И. Павловского и А. И. Далидовича 14 января ликвидировали немецкий гарнизон в д. Ветчин Житковичского района. Через три дня эти же отряды окружили Копаткевичи – первый районный центр, освобожденный партизанами Беларуси в 1942 г. [1, с. 14].

ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения оказывали большую помощь в укреплении подпольных организаций и партизанских отрядов Гомельщины. В 1942–1943 годах на подпольную работу в Полесскую область были направлены секретари обкома партии Ф. М. Языкович, Н. И. Малинин, И. Д. Ветров, в Северную оперативную группу – заместитель председателя облисполкома А. Ф. Жданович и секретарь Гомельского обкома комсомола И. Е. Поляков.

Огромную роль в пропагандистской работе с населением играла подпольная печать. Всего на территории области издавалось 20 подпольных районных газет. В декабре 1942 года партизаны и подпольщики Белоруссии получили походную ручную печатную машину «Партизанка», сконструированную механиком гомельской фабрики «Полеспечать» Ф. М. Пильтиенко.

В 1942–1943 годах на оккупированной территории Гомельщины действовали два подпольных обкома, два горкома, 29 райкомов партии, около 200 первичных партийных организаций. Против немецко-фашистских оккупантов вели борьбу 29 партизанских бригад, объединявших 111 отрядов, и более 10 отдельно действующих отрядов, в которых насчитывалось около 50 тысяч человек, в том числе более 3 тысяч коммунистов, около 6 тысяч комсомольцев.

Секретарь Гомельского подпольного обкома партии И. П. Кожар в августе 1943 года сообщал в ЦК КП(б)Б: «С городом Гомелем, Речицей, Жлобином налажена регулярная связь. В Гомеле недавно произведен взрыв электростанции. Станция не работает. Магнитными минами, заложенными в Жлобине и Речице, взорвано и сожжено несколько цистерн с горючим, один самолет «Ю–88». Диверсионными группами рабочих-железнодорожников пущено под откос семь эшелонов противника, повреждено два паровоза в депо Жлобин. Несмотря на жестокий террор немцев, политическая и боевая активность населения городов и деревень растет» [5, с. 152–157].

К осени 1942 года в южной зоне Гомельской области действовало пять партизанских отрядов – Гомельский «Большевик», Лоевский «За Родину», Речицкий имени К. Е. Ворошилова, Жлобинский «Смерть фашизму», Буда-Кошелевский имени Н. А. Щорса. Под руководством областного партийного центра, возглавляемого секретарем обкома партии А. А. Куцаком, развивалось партизанское движение и в северных районах области. Летом 1942 года были созданы отряды имени М. И. Калинина и имени К. Е. Ворошилова, действовавшие в Чечерском, Кормянском, Светиловичском районах. В марте 1943 года на базе этих отрядов была образована 1-я Гомельская партизанская бригада, в которой позже сформированы отряды имени В. И. Чапаева и имени А. В. Суворова. Растущее партизанское движение в области требовало обеспечения четкой системы организации партизанских сил, создания централизованного руководства. В этих целях в январе 1943 года был создан штаб Гомельского партизанского соединения.

В состав штаба Гомельского партизанского соединения входили командир соединения – секретарь подпольного обкома КП(б)Б И. П. Кожар, начальник штаба Е. И. Барыкин, члены штаба А. Д. Рудак, Г. С. Хумарьян. В марте – апреле 1943 года в подчинение этого соединения были переданы все формирования, действовавшие на территории Гомельской области. Закончился процесс создания единого партизанского соединения Гомельской области.

Свои особенности имела организация партизанской борьбы на территории Полесской области. 23 июля 1941 года на заседании Полесского обкома партии было утверждено

руководство партизанским движением во главе с секретарем обкома Ф. М. Языковичем. До конца месяца в области сформировали 18 отрядов и создали 176 территориальных парторганизаций. В первую военную осень и зиму 1941–1942 года партизанское движение в Полесье понесло значительный урон. В тяжелых боях с карательными частями СС некоторые отряды были рассеяны на мелкие группы и вышли за линию фронта. Часть их вскоре возвратилась и продолжала вести борьбу. В это трудное время отряд «Красный Октябрь» не только сохранил свою боеспособность, но и вырос численно, стал организующим ядром партизанского движения в Октябрьском и смежных с ним районах. В октябре – декабре 1941 года он выделил инициативные группы, выросшие в короткий срок в самостоятельные отряды: имени А. Ф. Коваленко, «За Родину», имени Н. Ф. Гастелло, имени Н. А. Щорса и другие. В январе 1942 года в Полесской области уже действовали 13 партизанских отрядов. В ходе совместных боев, по обороне Октябрьской партийной зоны в конце января 1942 года на совещании командного состава отрядов, действовавших в Октябрьском, Копаткевичском, Глусском, Петриковском, Житковичском районах, было решено объединить эти боевые единицы в «гарнизон» Ф. И. Павловского. Для руководства партизанскими формированиями на территории области в марте 1943 года был создан штаб партизанского соединения во главе с Ф. М. Языковичем – секретарем Полесского обкома партии. Начальником штаба назначили К. М. Бакуна. 7 апреля 1943 года в бою на участке железной дороги Калинковичи – Житковичи Ф. М. Языкович погиб. ЦК КП(б)Б направил в Полесье И. Д. Ветрова и Н. И. Малинина. Из советского тыла прибыл М. Л. Пинязик, назначенный секретарем подпольного обкома комсомола. Командиром Полесского партизанского соединения стал И. Д. Ветров.

За время боевых действий партизаны Гомельского соединения уничтожили 1396 вражеских эшелонов, взорвали около 45 тысяч железнодорожных рельсов, подбили 184 танка и бронемашину, 1430 автомашин, 13 самолетов, разгромили 62 вражеских склада. Партизаны Полесского соединения только за ноябрь–декабрь и январь 1944 годов пустили под откос 105 воинских эшелонов врага, уничтожили 58 километров телеграфно-телефонной связи, два железнодорожных моста, 54 моста на грунтовых дорогах, 25 танков, 133 автомашины, сбили 5 самолетов врага, истребили 6205 гитлеровцев. В 1943 году 60 процентов территории Гомельщины контролировалось партизанами. В этих районах начали работать райисполкомы, сельские Советы [6, с. 96].

Источники и литература

1. Гомельщина партизанская. Начало июнь 1941 – май 1942. Сборник документов и материалов. Выпуск 1. – Минск: НАРБ, 2010 – 259 с.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). – Минск: «Беларусь», 1983. – 765 с.
3. В грозные годы. Воспоминания участников борьбы против немецко-фашистских оккупантов на территории Гомельской и Полесской областей. – Минск: Издательство «Беларусь» 1973. – 416 с.
4. Партизанская барацьба беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск: Госуд. изд. БССР, 1959. – 365 с.
5. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1944. Документы и материалы : в 2 т. – Минск: «Беларусь», 1978. – Т. 2. – 814 с.
6. Гомельская область. 3-е изд. – Мн.: Беларусь, 1988 – 175 с.

Е. Н. Дубровка, Д. А. Волошко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ «ТРОСТЕНЕЦ» – МЕСТО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАГЕДИИ В БЕЛАРУСИ

Статья посвящена малоизученной в белорусской историографии проблеме сохранения исторической памяти об одном из самых крупных на оккупированной территории БССР мест массового уничтожения мирного населения, в том числе граждан ряда европейских стран, в годы Великой Отечественной войны. В статье показана история возникновения мемориального комплекса «Тростенец», определены основные черты архитектурно-планировочной и образно-художественной организации территории комплекса, выявлена концепция формирования основных зон мемориала.

Мемориальный комплекс «Тростенец» имеет большое значение на республиканском уровне, он широко показывает тяжёлые испытания белорусского населения в годы Второй мировой войны. Вместе с тем, он является объектом общеевропейского культурного пространства, раскрывающим античеловеческую политику нацистов в отношении гражданского населения и Западной Европы. По числу жертв Тростенец занимает четвёртое место после таких лагерей смерти, как Освенцим, Майданек и Трешлинка. За годы существования концентрационного лагеря там было убито более 546 тысяч граждан, в большинстве это были представители еврейской национальности из Беларуси, а также государств Западной Европы [1, с. 90; 2, с. 26].

Проект создания мемориального комплекса на базе бывшего лагеря смерти «Тростенец» появился в 1956 году, когда было издано распоряжение Совета Министров БССР о разработке проекта мемориала в Малом Тростенце. Уже к 1959 году на базе Малого Тростенца был открыт филиал Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Создавались памятники, типичные для культурной памяти тех лет о военных событиях: например, в Большом Тростенце и Малом Тростенце был возведён обелиск с Вечным огнём, а позже на месте урочища Шашковка была установлена мемориальная доска.

В 1990-х – 2000-х гг. обозначилась смена концепции формирования мемориала как места исторической памяти. В русле традиции сохранения памяти был построен Минский международный образовательный центр, распахнувший свои двери в 1994 году. В урочище Благовщина в 2002 году был установлен камень в память об убитых узниках еврейской национальности. Основной целью мемориального комплекса стало увековечение памяти жертв нацистской Германии и сохранение исторической памяти на местах массового уничтожения населения. Активизировалась деятельность по информированию общества, в том числе западноевропейского, об истории лагеря смерти «Тростенец», в особенности благодаря австрийской организации «Мальвина». Цель этой организации – сохранение памяти о 13 тысячах депортированных и убитых евреев в пределах Минска в период 1941–1942 годов. Была открыта в 2003 году Историческая мастерская [3, с. 32–35]. Однако, несмотря на многочисленные инициативы и публикации, можно было констатировать тот факт, что лагерь смерти «Тростенец» едва известен на международном уровне и играет вторичную роль в европейской культуре памяти.

Идею о создании мемориального комплекса поддержал Международный совет христиан и иудеев. Совет всецело приветствовал создание нового проекта и оказывал максимальную поддержку. Проект должен был отразить в будущем мемориальном комплексе следующую идею: не следует забывать жертв антисемитского преследования в годы Второй мировой войны. Один из

руководителей общества христианско-иудейского сотрудничества Вернер Штеттнер отозвался о создании мемориала именно так: «Мы категорически за то, чтобы на этом месте был создан достойный памятник. До сих пор Малый Тростенец был почти неизвестен в немецкой культуре памяти. Поскольку два наших земляка еврейского происхождения были убиты в этом лагере, считаем мемориал весьма значимым для сохранения памяти о погибших на этом месте» [1, с. 93].

При реализации нового проекта учитывалась выявленная и изученная структура самого лагеря смерти. Известно, что он состоял из четырёх отдельных участков, а общая площадь территории составляла 124 га. Первый участок являлся пунктом приёма узников. Второй представлял собой аллею, именуемую «Дорогой смерти», по которой осуществлялось перемещение заключённых. Третий – территория, в пределах которой размещались объекты инфраструктуры лагеря смерти Тростенец. Четвёртый – место казней и расстрелов в урочище Благовщина [4, с. 437].

По генеральному плану города Минска, утверждённому Указом Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко под номером 165 от 23 марта 2003 года, территории лагеря относятся к ландшафтно-рекреационной зоне. Часть территории находится в границах водоохранной зоны реки Тростянка. На проектирование мемориального комплекса «Тростенец» был выделен участок общей площадью 59,5 га. Территории бывшего лагеря смерти внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, а также согласно постановлению Министерства культуры 23 октября 2007 года были установлены границы охранной зоны. Для сохранения характера и масштаба в окружении территории концлагеря установлена зона регулирования застройки [5, с. 58].

Архитектурно-планировочное решение выделяет в качестве основной территории для создания мемориального комплекса место, на котором расположены руины сооружений лагеря «Тростенец», кремационная яма-печь, место уничтожения и захоронения заключённых. Главной композиционной осью комплекса называется «дорога памяти», ведущая к площади, где уделяется особое внимание памятнику-монументу «Врата памяти» [2, с. 34].

Архитектурно-планировочное решение построено по принципу треугольника. Треугольник представляет собой символ напряжённости, замкнутости, несвободы в пространстве и времени, но всё же характеризуется как символ вечной памяти. Треугольная композиция напоминает врата, которые в настоящее время ничего не закрывают и стоят без забора из колючей проволоки. Врата не имеют практического смысла, что наталкивает на мысль о бессмысленности убийств и угнетения. Лицевая часть комплекса включает старый чёрно-белый снимок узников, смотрящих на зрителя из того времени, и напоминает тяжёлые ужасы войны. Тыльная сторона расписана текстами, напоминающими молитвы о душах убитых здесь людей [6, с. 31].

За монументом «Врата памяти» располагается «поле погребения», где нацистские каратели рассеивали пепел сожжённых заключённых. Композиция «дорога памяти» проходит вдоль руин сооружений бывшего концлагеря, также проходит ось, обеспечивающая пешеходную связь экспозиционной зоны мемориального комплекса. Каждое сооружение концлагеря обозначено мемориальными плитами и историческим подтекстом. Зоны, где содержались узники, ограничены архитектурными элементами [1, с. 93].

Названные конструктивные особенности определяют экскурсионный маршрут. При организации экскурсий большинство экскурсоводов предлагают ознакомиться посетителям с планом-схемой мемориального комплекса. Изначально экскурсионный маршрут проходит по «дороге смерти». Дорога визуально выделена двумя рядами деревьев, посаженными заключёнными концлагеря. После прохода по «дороге смерти» маршрут ведёт к мемориальной стеле, где отображена информация об истории лагеря смерти. После стелы дорога ведёт посетителей к памятнику-монументу «Врата памяти» [7, с. 21].

На территории мемориального комплекса в период 1960-х годов установлено два памятника. Проект предусматривал замену существующих памятников на памятные знаки. На территории бывшего немецкого кладбища предлагалось оставить стриженный газон, ограничить участок живой изгородью из стриженных кустарников, чтобы всё внимание зрителя акцентировалось на вход к памятным знакам [8, с. 350].

Все решения о создании проекта принимались с реализацией принципа сохранения общего архитектурно-планировочного и пространственного решения, то есть благоустройство объекта должно сохранять его исторический характер [5, с. 51]. Исходя из данной задачи, проектом были предусмотрены следующие мероприятия. В первую очередь было выполнено благоустройство территории вдоль улицы Селицкого, прилегающей к правому берегу реки Тростянка. Планировочное решение сложилось с учётом дорожной сети, и увязано с существующими пешеходными связями. Проектирование выполнено с восстановлением исторического ландшафта. Вдоль правого берега реки запроектирована пешеходная дорожка. Также была выполнена консервация руин и остатков фундаментов исторических зданий, установлены информационные таблички [2, с. 35]. Малые архитектурные постройки выполнены по специализированному проекту в едином стиле со строгим архитектурно-планировочным решением. Была выполнена функциональная подсветка территории. В освещении применены современные светильники, по форме не противоречащие строгому характеру объекта [1, с. 93].

По всей территории комплекса выполнена вертикальная планировка с устройством высококачественного газона. Также была проведена система ливневой канализации с водоотводами по всей территории мемориала. В южной части территории мемориала размещается заболоченная область, образовавшаяся из-за неграмотного обращения с ландшафтом. В пределах прибрежной полосы пруда оказалось историческое немецкое кладбище, где осуществлялись захоронения во время войны. Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь в границах водохранилища кладбище размещаться не должно. Было принято решение восстановить исторический рельеф. Участок немецкого кладбища предлагается благоустроить, выполнить установку высококачественных газонов [5, с. 54].

В рамках проекта разработан маршрут осмотра экспозиции территории с указателями направления движения. Проектирование на территории историко-культурной ценности велось в соответствии с реставрационным заданием, заданием на проектирование, комплексными научными исследованиями и с учётом всех требований «Закона об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» [9].

Мемориальный комплекс «Тростенец» служит в первую очередь для увековечивания памяти белорусских жертв немецких карателей. Но не стоит забывать, что в зоне находятся 34 братские могилы, где покоятся депортированные евреи из Германии, Австрии, Чехии, Венгрии и других стран Западной Европы. В связи с этим заказчиком проекта выступил и Дортмундский международный образовательный центр, представляющий немецкую сторону [10].

По рекомендации Мингорисполкома творческая группа Леонида Левина присоединилась к «Минскпроекту». В состав творческого коллектива входили руководитель коллектива Л. Левин, скульпторы М. Петруль, К. Селиханов, А. Шаппо. Главными архитекторами были назначены Г. Левина и А. Копылов, при участии архитектора М. Гаухвельда. Стоит отметить, что коллектив включал множество архитекторов из разных стран. Творческий коллектив был открыт для вступления новых архитекторов и скульпторов из разных стран [5, с. 56].

Одним из основных условий работы коллектива было предложение пофамильно увековечить память, по возможности, каждого погибшего от нацистских злодеяний. Но это работа достаточно сложна, и сбор фамилий ведётся и по сегодняшний день. Австрийское правительство отметило, что за годы войны из Австрии было депортировано и уничтожено более 10 тысяч человек. В Республике Беларусь по последним данным известны почти все фамилии депортированных из Австрии [11, с. 24].

Долгожданное открытие мемориального комплекса «Тростенец» состоялось 22 июня 2015 года. На торжественной церемонии присутствовал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, а также священнослужители и ветераны войны. Спустя 3 года, а именно 29 июня 2018 года, на базе урочища Благовщина состоялось официальное открытие ещё одного памятного мемориала, посвящённого жертвам Холокоста [12].

На сегодняшний день мемориальный комплекс «Тростенец» активно функционирует, ежегодно он принимает множество посетителей из Беларуси и других европейских стран.

Таким образом, мемориальный комплекс «Тростенец» стал одним из значительных памятников, напоминающих о трагических событиях Великой Отечественной войны, когда на территории Беларуси было хладнокровно уничтожено большое количество людей. Для населения Беларуси, как и для населения стран Европы, место лагеря смерти «Тростенец» – место скорби и боли, которое призвано напоминать о гражданских жертвах военного времени, необходимости избегать военных конфликтов.

Источники и литература

1. Валігурска, М. Памяць пра Халакост на лініях разломаў паміж усходне- і заходнеўрапейскай культурамі памяці. Новы мемарыяльны комплекс у Трасцянец / М. Валігурска // *Arche*. – 2018. – № 3. – С. 80–96.

2. Головки, С. Тростенец – территория памяти и скорби / С. Головки // *Беларуская думка*. – 2014. – № 10. – С. 25–37.

3. Бартон, В. Инициатива «Мальвина» – память о Малом Тростенце. Лагерь смерти «Малый Тростенец» и его значение для Австрии / В. Бартон // *Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти : материалы международной конференции, 21–24 марта 2013 г.* – Мн.: «Лимариус», 2013. – С. 32–40.

4. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 512 с.

5. Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти: Материалы международной конференции / пер. с нем. Павла Бельского. – Минск: «Лимариус», 2013. – 66 с.

6. Гайдук, Т. И. «Память и имя»: Культура памяти про Холокост / Т. И. Гайдук // *Романовские чтения – 14 : сборник статей Международной научной конференции / под общ. ред. Я. Г. Риера*. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 30–31.

7. Ванькевич, А. Г. Экскурсия в Тростенец / А. Г. Ванькевич. – Минск: Польша, 1986. – 32 с.

8. Аристов, С. В. Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы / С. В. Аристов // *Диалог со временем*. – 2013. – № 44. – С. 348–366.

9. Семинар по концепции мемориала (29.3.2019) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.bsu.by/main.aspx?guid=235071&detail=998383>. – Дата доступа: 11.03.2022.

10. Открытие мемориала в присутствии канцлера Австрии 28.3.2019 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-i-kurts-v-trostenets-otkryli-monument-massiv-imen>. – Дата доступа: 15.03.2022.

11. Холокост в Беларуси: 1941–1944: документы и материалы / сост. Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 2002. – 275 с.

12. Лукашенко с президентами Германии и Австрии посетил мемориальный комплекс «Тростенец» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-s-prezidentami-germanii-i-avstrii-poseschaet-memorialnyj-kompleks-trostenets-308766-2018/>. – Дата доступа: 21.03.2022.

ТРАГЕДИЯ ЕВРЕЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ОККУПИРОВАННОМ НАЦИСТАМИ ГОМЕЛЕ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье ставится на рассмотрение вопрос об уничтожении нацистами еврейского населения стран Центральной Европы в оккупированном Гомеле. Анализируется положение евреев в рабочих батальонах Венгерской армии, которые были расквартированы в Гомеле. На основе вещественных материалов, полученных в результате вскрытий массовых захоронений, делается предположение о местах убийств евреев-иностранцев.

В исторической науке исследование злодеяний немецкой армии, их союзников и коллаборантов на территории Гомеля в качестве самостоятельной темы было выделено в середине 1990-х гг. и не утратило актуальности по сей день. Ученые уделяли внимание изучению массовых убийств советских граждан, в том числе еврейской национальности. Холокост в Гомеле рассматривался в статьях А. Карасева, Д. Романовского, Л. Смиловицкого, М. Ботвинника, А. Кагановича, М. Миган, Т. Езеповой и Е. Эсмантовича. Однако сведения о том, находились ли в оккупированном Гомеле евреи из других европейских стран, отсутствовали. Это можно связать с дефицитом источников. Собранная по крупицам информация из Материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК), Центральной Базы данных имен жертв Шоа мемориального комплекса истории Холокоста «Яд Вашем», воспоминаний позволяет подтвердить присутствие евреев из некоторых стран Центральной Европы в оккупированном нацистами городе.

20 января 1942 г. в Берлине прошла Ванзейская конференция, главным вопросом которой стало «окончательное решение еврейского вопроса». Одним из прозвучавших на ней тезисов была депортация евреев на Восток (с целью последующего уничтожения). Вероятно, именно совещание в вилле Марлье послужило началом для насильственной отправки еврейского населения, в том числе в Гомель.

Впервые краткие сведения о пребывании иностранных граждан в оккупированном Гомеле приводятся в свидетельских показаниях Ивана Кондратьевича Нечаева, которые были приобщены к Материалам Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Приведем выдержки из них, так как из-за местами сложного для прочтения почерка, рукописный текст упускался историками из вида:

«...Летом 1942 года через Гомель немцы прогнали на фронт тысячи евреев-иностранцев, которые они использовали на фронте, как я слышал, для разминирования минных полей и других подобных районах.

Как они обращались с этими несчастными во время пребывания в гор. Гомеле?

Мне лично пришлось наблюдать такую картину:

Один еврей-иностранец чем-то провинился перед немцами (они остановились в станционных домах на Полесском базарчике в Гомеле, напротив 2-й железнодорожной средней школы), и этот несчастный был подвешен за руки к потолку этого дома, где оставался висеть часа два к ряду, а немец, который командовал этой сценой, бил его палкой и что-то кричал ему, смеясь от удовольствия...

...Но все же безошибочно можно угадать, что случилось с каждым из них – они все погибли от подлых немецких убийц.

Подтверждением этого может служить факт продажи поношенных костюмов (массовый) иностранного покроя на рынке Гомеля; причем ходили слухи, что это и есть костюмы тех евреев-иностранцев, которых немцы не замедлили отправить на тот свет, возможно преследуя лишь одну мысль о наживе, о грабеже...» [1, л. 67–68].

Приведенный фрагмент показаний говорит о том, что Гомель был, отчасти, транзитным пунктом, а также, вероятно, местом размещения концентрационного лагеря для депортированных иностранцев, т. к. в городе либо в окрестностях происходили массовые казни. Так, в Базе данных имен жертв Шоа имеются сведения о том, что в 1942 г. в Гомеле было уничтожено пять членов семьи Купершток из г. Лосице, три члена семьи Димандман/Дьямандман из д. Сарнаки; в 1943 г. – два члена семьи Гут из г. Пултуск и т. д. [2]. Эти три населенных пункта находятся в Мазовецком воеводстве Польши. Не стоит исключать, что могла осуществляться целенаправленная отправка евреев этого региона в тыловую зону группы армий «Центр», к которой относился Гомель.

Известно, что, начиная с вторжения Германии в Польшу в сентябре 1939 г. и до первых месяцев с начала Великой Отечественной войны в областном центре БССР оказались сотни беженцев из польских земель, включая территорию Западной Беларуси. Однако выявленные немцами среди них евреи, вероятно, были убиты вместе с местными жителями на протяжении осени 1941 г., когда ликвидировалось население городских гетто. Поэтому указание дат «1942–1943» в Базе данных говорит о том, что речь идет не о беженцах, а о депортированных гражданах.

В оккупированном Гомеле находились не только немецкие части, но и союзнические, среди которых были подразделения венгерской армии. В их состав входили «трудовые батальоны» (Munkaszolgálat; сокращенно – MUSZ) из числа неблагонадежных граждан в основном евреев. Отношение к ним офицеров можно описать фрагментом воспоминаний Ласло Лауфера (László Laufer), служившего в MUSZ и находившегося осенью 1942 г. в Гомеле. Он привел несколько цитат одного из капралов: «Меня зовут Хегедуш (Hegedűs). Вы слышали капитана Бэки (Baky). Он думает, что он Бог, а я Дьявол. Мои четыре помощника Балинт (Bálint), Кёрёши (Kőrösi), Кобак (Kobak) и Балаж (Balázs)...» [3, р. 60], «...Посмотрим, что вы, свиньи, сможете сделать. Вы видите канаву; она должна продолжаться, пока не окружит всю базу... Если вы закончите до обеда, вы будете есть. Если нет, то очень плохо. Если вы ленивы, как типичные евреи, вы можете даже не уснуть перед завтрашним очередным голодным семидесятиметровым стартом» [3, р. 62]. Воспоминания передают мысли и чувства венгерских евреев, не по своей воле оказавшихся на территории СССР. Местные жители выстраивались вдоль улиц, желая посмотреть на них. Но лица гомельчан не выражали никаких эмоций: «Лаци (Laci), маршировавший рядом с Эндре (Endre), задавался вопросом, бояться ли граждане MUSZ за то, что они являются частью оккупационной армии, жалеют ли их за то, что они по существу рабы, или ненавидят их за то, что они евреи...» [3, р. 60].

«Трудовые батальоны» были расквартированы как в Гомеле, так и в его окрестностях. MUSZ, где служил Ласло Лауфер, расположился за пределами Гомеля (вероятно, недалеко от Новобелицы, т. к. в воспоминаниях есть указание на переход реки) на территории бывшей воинской части [3, р. 61]. Ещё один батальон разместился в «Западных казармах» (ул. Буденного; совр. – ул. Барыкина) [4, с. 58]. Основной работой MUSZ в Гомеле была расчистка территорий и строительство укреплений. Офицерам-венграм нравилось смотреть, как люди интеллектуального труда заняты изнурительным физическим трудом. «Одно удовольствие наблюдать, как убирают свою казарму и носят солому бывшие главные бухгалтеры, врачи, инженеры, текстильщики, агенты», – писал Пал Солтеш (Pál Soltész) [4, с. 58].

Несмотря на то, что, венгерские евреи были закреплены за армейскими подразделениями, это не спасало их от высокой смертности вне боевых столкновений. Тяжелые условия труда, издевательства офицеров превращали «трудовые батальоны» в «батальоны рабов». При анализе Базы данных имен жертв Шоа среди евреев, убитых в период оккупации Гомеля, были и те, кто служил в MUSZ [2].

О месте захоронения иностранных граждан еврейской национальности можно только выдвигать гипотезы. Хоронили ли служащих MUSZ рядом с венгерскими солдатами, неизвестно. В Материалах ЧГК указано три основных района, где убивали евреев: противотанковые рвы возле д. Лещинец и д. Красное, лесной массив в районе 9-го км шоссе Гомель – Чернигов [1, л. 44]. Возможно, и иностранцы могли быть убиты и захоронены в этих местах. Косвенно этот тезис подтверждают вещественные материалы, полученные в результате эксгумаций массовых захоронений в районах д. Красное (2018 г.) и 9-го км (2021 г.).

Работы 2018 г. велись военнослужащими 52-го отдельного специализированного поискового батальона Министерства обороны Республики Беларусь в том месте, где находился противотанковый ров. Так, к примеру, в 2018 г. в братской могиле была обнаружена бутылка из темно-коричневого стекла, на дне которой видна маркировка производителя – польский кооператив «Społem» [5, с. 67]. Со слов А. В. Меркуля, заведующего краеведческим музеем Красненской средней школы, где хранится часть вещественного материала, в раскопе также были найдены польские и итальянские монеты различного номинала [6].

В 2021 г. при обследовании прокуратурой Гомельского района могильных ям в лесном массиве в районе 9-го км были извлечены вещи личного обихода иностранного производства: расческа фирмы «Ramsa», расческа «Mosplastmass» (страна-производитель СССР, но написание фабрики латинскими литерами говорит, скорее, об экспортном варианте товара); зубная щётка «Elizabeth Arden» английского производства. Все артефакты находились в яме № 7. Совокупность вещественных и письменных источников подтверждает убийство минимум польских граждан в окрестностях города.

Таким образом, можно утверждать, что Катастрофа в Гомеле не ограничилась массовыми убийствами советских евреев. Она происходила в два этапа: Первый – создание и ликвидация гетто, в которых находились местные евреи (из города, окрестностей и районных центров) и беженцы из других областей, и последующая поимка укрывшихся евреев; Второй – депортация европейских евреев с целью дальнейшей ликвидации либо переброски в другие места тыловой зоны группы армий «Центр». Ко второму этапу можно также отнести нахождение в Гомеле евреев в составе «трудовых батальонов» венгерской армии, которые погибали в изнурительных условиях.

Источники и литература

1. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1345. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Центральная База данных имен жертв Шоа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&advancedSearch=true&pld_value=Гомель&pld_type=synonyms&fate_value=murdered&cluster=true. – Дата доступа: 13.04.2022.
3. Laufer, G. A survivor's Duty. Surviving the Holocaust and Fighting for Israel: A story of Father and Son / G. Laufer. – Boston: Academic Studies Press, 2018. – 416 p.
4. Pihurik, J. Magyar katonák és zsidók a keleti hadszíntéren 1941–1943 / J. Pihurik // Múltunk. – 2007. – № 3. – С. 40–66.
5. «Прощайте, люди...». Факты о злодеяниях нацистов в оккупированном Гомеле. Каталог выставки. – Гомель: редакция газеты «Гомельская праўда», 2022. – 80 с.
6. Меркуль Александр Валерьевич. Заведующий краеведческим музеем Красненской средней школы. Интервью. Опросил 14.04.2022 г. Ю. В. Панков.

УДК 94(470)«1943/1949»

Л. С. Скрыбина
Белорусский государственный
университет транспорта

ОТКРЫТЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СССР НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ: СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ (1943–1949 ГОДЫ)

Статья посвящена анализу открытых судебных процессов над нацистскими преступниками, организованным в СССР в годы Великой Отечественной войны и после нее. Подчеркнута роль подлинных документов, опубликованных в сборниках, а также в историко-документальных онлайн-

проектах, достоверно отражающих малоизвестные страницы нацистских злодеяний, совершенных на оккупированной территории Советского Союза.

Все дальше уходит в историю 1945 год – год окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн. Чтобы по-настоящему оценить значение Великой Победы необходимо хорошо представлять себе, от чего спасли мир советские солдаты вместе с союзниками из Объединенных Наций. К сожалению, в настоящее время трагическая правда о беспрецедентных по своей бесчеловечности и жестокости злодеяниях нацистов и их пособников оттесняется на периферии национальной памяти. Почему так происходит?

Анализируя эту проблему, прежде всего необходимо отметить, что новые поколения редко обращаются к соответствующим сборникам подлинных документов, опубликованных еще в советское время, и в последние годы, а также к современным историко-документальным онлайн-проектам, освещающим малоизвестные страницы нацистских злодеяний, совершенных на оккупированных территориях Советского Союза.

В 75-летнюю годовщину окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны на сайте Росархива был открыт федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Этот проект стал документальным мемориалом жертвам нацизма и свидетельством обвинения против тех, кто разрабатывал и осуществлял политику порабощения, ограбления, уничтожения мирных граждан.

Раздел проекта «Справедливое возмездие» специально посвящен Нюрнбергскому процессу и судам над нацистскими преступниками, организованным в СССР в годы Великой Отечественной войны и после нее.

Победа над врагом в Великой Отечественной войне была достигнута ценой больших жертв и невозможных утрат советского народа. Немецкие захватчики оставили после себя жуткий и кровавый след, беды и невиданное разорение. Следует отметить, что по оценкам специалистов, Беларусь более, чем какая-либо другая страна Европы пострадала от этой войны. За три года оккупации гитлеровцы истребили около полутора миллионов граждан республики и более 800 тысяч военнопленных. В республике было разрушено около 4800 населенных пунктов, 628 белорусских деревень постигла участь Хатыни, сожженной вместе с ее жителями, 380 тысяч молодых граждан Беларуси было угнано в Германию, многие из них никогда больше не увидели родной земли. Безусловно, виновные в этих злодеяниях должны были понести суровую кару.

Отметим, что существовавшие в СССР юридические нормы не учитывали тех преступлений, которые совершались на оккупированной территории, и не предполагали публичных процессов и казней. Однако жители освобожденных районов были настолько травмированы оккупацией, что публичность возмездия оказалась необходимой. Также эти процессы должны были стать уроком для коллаборационистов, продолжавших служить оккупантам. Ввести совершаемые нацистами и их пособниками военные преступления и злодеяния в юридическое поле был призван Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Именно он стал правовой базой для преследования как советских граждан-коллаборационистов, так и солдат и офицеров оккупационных армий, совершивших преступления на территории Советского Союза. В качестве наказания за преступления предусматривалась смертная казнь через повешение или каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Для осужденных на каторжные работы закон предусматривал специальные места заключения. В документе особо подчеркивалось, что исполнение приговоров в отношении лиц, приговоренных к смертной казни, следует «производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину» [1]. Публичный характер казней должен был показать советским гражданам наглядно – нелюдей настигло возмездие.

Наибольшую известность и общественный резонанс получил 21 открытый судебный процесс, состоявшийся в 1943–1949 гг. Эти суды, как отмечает российский исследователь С. Антоненко, могут быть названы «Советскими малыми Нюрнбергскими», которые собирательно складываются в один большой «Советский Нюрнберг». На них было осуждено 252 военных преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Японии, а также их пособников из числа советских граждан [2].

Для установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. были образованы Чрезвычайная государственная комиссия СССР (ЧГК), а также республиканские, краевые, областные и районные комиссии. В Беларуси такую комиссию, созданную в начале 1944 года, возглавил первый секретарь ЦК КП(б) П. К. Пономаренко. Работа ЧГК и местных комиссий по расследованию нацистских преступлений внесла огромный вклад в формирование доказательной базы обвинений главных нацистских преступников в ходе заседаний Международного трибунала, а также и на процессах, проходивших в крупных городах СССР, в том числе в Минске, Витебске, Бобруйске, Гомеле.

В 1943–1946 годах было проведено 11 открытых процессов над гитлеровцами. Первые открытые суды проходили в Краснодаре, Краснодаре, Харькове еще в ходе Великой Отечественной войны. Затем, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1945 года, были организованы процессы в крупных городах СССР, жестоко пострадавших от гитлеровцев (Смоленске, Брянске, Великих Луках, Минске, Риге, Киев, Николаеве, Ленинграде).

Как отмечает историк С. М. Соловьев, «эти процессы шли одновременно с начальным этапом Нюрнбергского трибунала и были приурочены советским руководством к этому событию как часть единого мирового процесса возмездия нацистским преступникам: главарей судил Международный трибунал на родине германского фашизма – в Нюрнберге, а исполнителей – в пострадавших от их действий городах СССР судили советские трибуналы» [3].

На 1947 г. пришлось вторая волна советских судебных процессов над военными преступниками. Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1947 г. «О проведении судебных процессов над бывшими военными служащими вражеских армий» предписывалось их организовать в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Кишиневе, Новгороде, Полтаве, Севастополе, Сталино (Донецке), Чернигове. Последний из «Советских Нюрнбергов» – Хабаровский процесс. В 1949 году перед Военным Трибуналом Приморского военного округа предстал генерал Отодзи Ямадо, главнокомандующий Квантунской армией в 1944–1945 годах и 11 его бывших подчиненных, обвинявшихся в военных преступлениях, в том числе – разработке бактериологического оружия, которое испытывалось на советских и китайских гражданах.

Приговоры советских судов были суровы. Так, в Краснодаре перед Военным Трибуналом Северокавказского военного округа предстали 11 пособников нацистов, 8 из них приговорены к смертной казни через повешение, трое получили по 20 лет заключения. В Харькове были приговорены к виселице все четверо подсудимых – германские офицеры и их пособник из местных жителей, водитель автомобиля – «душегубки». В Краснодаре смертный приговор был вынесен всем троим подсудимым – предателям, погубившим членов «Молодой гвардии». На первых восьми послевоенных процессах были осуждены 84 военных преступника, из которых 65 приговорены к повешению. Поскольку смертная казнь в СССР была отменена (она не применялась с мая 1947 по январь 1950 года) последующими судебными процессами 138 обвиняемых были приговорены к различным, в основном 25-летним, срокам заключения в лагерях. Подсудимые, проходившие по хабаровскому процессу, получили сроки от двух до 25 лет лагерей [3].

Несмотря на то, что материалы открытых процессов до сих пор рассекречены не полностью, в то же время, часть опубликованных документов, а также представленных в рамках вышеназванного федерального архивного проекта, ясно показывают: геноцид оказавшегося под оккупацией советского населения был точно рассчитанной, планомерной,

целенаправленной политикой гитлеровцев, неотъемлемой частью их стратегии «освоения восточного пространства».

Рамки статьи не позволяют подробно осветить ход процессов и вынесенные приговоры нацистским преступникам и их пособникам. Вместе с тем, в контексте рассматриваемой темы уместно остановиться на некоторых судебных процессах, которые состоялись на территории Беларуси. Первый из них проходил в столице республики с 15 по 29 января 1946 года.

Перед судом военного трибунала Минского военного округа по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, предстали 18 бывших военнослужащих германской армии и полиции, 14 из которых были приговорены к смертной казни через повешение, 4 – к каторжным работам от 15 до 20 лет. Обвинение в уничтожении мирных граждан и военнопленных было предъявлено каждому из подсудимых. Преступления, совершенные обвиняемыми, были беспрецедентными по своей бесчеловечности и жестокости. В подтверждение приведем несколько примеров. В частности, выдержки из стенограммы допроса гестаповца Г. Коха – бывшего начальника полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме, коменданта лагеря деревни Орехи, в котором находилось 3 тысячи человек, подозреваемых в связях с партизанами, а также партизанские семьи: дети, женщины и старики. «Этих людей мы умерщвляли с помощью душегубок, – свидетельствует Кох – а также тем, что содержали их на голодном пайке. Обычно дети очень быстро умирали от голода. Мужчин мы отправляли на работы в Германию, а женщин и детей – в Майданек». На вопрос председательствующего: какое участие вы принимали в расстрелах советских людей, и сколько лично расстреляли? – прозвучал ответ – 500 человек... «Всегда при расстрелах я сам расстреливал лично первые 3–4–5 человек для того, чтобы показать своим подчиненным, каким должен быть гестаповец». Касаясь применяемых гестаповцами методов при допросах Г. Кох констатировал следующее: «Допрашиваемым мы заламывали руки назад, подвешивали на дверь, загоняли иглы под ногти, избивали палками, пытали электричеством, загоняли шомпола в заднюю часть тела». Отвечая на прямые вопросы прокурора, подсудимый был вынужден признать, что это были зверские преступления, совершенные против всех международных прав. «Но я был нацист, и это была моя практическая работа по осуществлению расовой теории» [4].

Одним из 18 военных преступников, которых судили с 17 по 29 января в Минском Доме офицеров, был обер-лейтенант К. Лангут, приговоренный к смертной казни через повешение за совершенные массовые и жестокие злодеяния. К. Лангут был зам. начальника лагеря № 131 в Бобруйске, где за зиму 1941–1942 годов от голода, болезней и расстрелов погибло 30 тысяч военнопленных. В лагере было также около 600 детей в возрасте от 10 до 15 лет. Около 250 детей умерли от болезней, судьба остальных, вывезенных в тыл немецкой армии, неизвестна. К. Лангут отдал 50 мужчин и 50 женщин из лагеря профессору Борману для экспериментов [4].

С 13 по 20 декабря 1947 года состоялся судебный процесс в Гомеле. Доктор исторических наук А. В. Шарков, используя архивные документы, весьма обстоятельно освещает в своей статье «Гомельский судебный процесс над нацистскими преступниками» организационно-подготовительную работу и проведение судебного процесса [5, с. 208–216]. Кого же судили? Перед судом военного трибунала войск МВД Белорусского округа предстало 16 обвиняемых: Эберхард фон Куровски – генерал-лейтенант, бывший начальник штаба 2-й танковой армии, командир 110-й пехотной дивизии; Артур Киллмер – генерал-лейтенант, бывший командир 43-го армейского корпуса, а затем, командир 296-й пехотной дивизии; Гюнтер Кламнт – генерал-майор, бывший командир 260-й, затем 6-й пехотной дивизии; Ганс Кольсдорфер – генерал-майор, бывший командир 254-го пехотного полка 110-й пехотной дивизии; Эрнст Ензен – подполковник, бывший командир 120-го артополка 110-й пехотной дивизии и др. [5, с. 213–214].

Согласно материалам Чрезвычайной государственной комиссии, признаниям самих обвиняемых и показаниям 24 свидетелей было установлено, что личным составом 110-й пехотной дивизии только в Гомельской и Полесской областях истреблены 53 тысячи мирных граждан,

сожжено, разрушено и разграблено около 100 населенных пунктов. «Активными участниками творимых злодеяний, – как пишет А. Шарков, – являлись представшие перед судом обвиняемые». Им, каждому в отдельности, были приведены конкретные факты их преступной деятельности, на которых основывалось судебное обвинение» [5, с. 214].

Все судебные заседания проходили публично, в присутствии большого количества людей, требовавших сурового наказания палачам. В ходе судебного процесса было бесспорно установлено, что лица, представшие перед судом, виновны в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Возмездие было суровым. И поскольку с 26 мая 1947 года смертная казнь в нашей стране была отменена, все 16 человек, бывших военнослужащих немецкой армии и карательных органов, были приговорены к 25 годам заключения, каждый с отбыванием срока наказания в особых лагерях МВД СССР [5, с. 214].

К сожалению, в современном мире находятся силы, которые пытаются «рационализировать», оправдать бесчеловечные злодеяния нацистов и их пособников. В этой связи хотелось бы обратить внимание на информационную войну, составной частью которой является фальсификация истории Великой Отечественной войны. В частности, речь идет об информационной продукции, расположенной на разных сайтах глобальной компьютерной сети (Интернет). Приведем только один пример, непосредственно связанный с заявленной темой. На портале «ЛитКритика» была размещена (в настоящее время изъята как экстремистский материал) статья О. Чеславского «Слуги Сатаны». Для более глубокого анализа приведем отдельные выдержки из этой статьи. «То ли ради развлечения, то ли взамен праздничных парадов, – пишет автор, – решили советские власти порадовать своих верноподданных актом «справедливого возмездия». И без особого разбора выбрали они из числа военнопленных лиц офицерского состава, которых тут же обвинили в миллиарде преступлений против советского народа. А потому порешили их всенепременнейше казнить». Взяв в кавычки слова «справедливого возмездия», автор фактически негативно оценивает всю послевоенную систему правосудия, которая якобы «... без особого разбора» казнила военнопленных. Это явная фальсификация, т. к. публичные казни во время войны и после осуществлялись в результате судебных разбирательств с привлечением многочисленных свидетелей, и на основании вынесенных судебных решений, вступивших в законную силу. Автор публикации, сокрушаясь о публичной казни военных преступников, почему-то забыл о публичных казнях фашистами ни в чем неповинных мирных граждан на оккупированных немецко-фашистскими захватчиками территориях Советского Союза, включая и территорию Беларуси. Приведение в исполнение приговора суда автор считает злодейством: «... И лишь на четвертый раз удалось палачам их злодейство» [6]. Исходя только из одной этой фразы, можно констатировать, что это явное оправдание нацистских палачей. Лучшим ответом тем, кто хотел бы забыть историю, подкорректировать ее, сгладив острые углы, будет обращение к некоторым рассекреченным материалам Киевского судебного процесса. Остановимся более подробно на документально зафиксированных фактах. Опубликованные к 75-летию судебного процесса документы свидетельствуют, что 29 января 1946 года на центральной площади Киева при большом скоплении местных жителей были повешены не «невиновные», как указывается в статье, а 12 нацистских преступников. Среди них – бывшие руководители органов оккупационной администрации, члены СС, охранники лагерей. Все они были избиты в массовых убийствах мирного населения и военнопленных на территории Украины. Так, Карл Буркхард был комендантом тыла шестой армии, действовавшей на территории Сталинской (ныне Донецкой) и Днепропетровской областей. По его приказу ежедневно арестовывали и расстреливали множество людей. 50 тысяч человек были угнаны в Германию. Буркхард создал «охотничьи команды» для борьбы с партизанами, эти команды убивали людей по своему произволу. По его приказу были сожжены деревни Вознесенка и Константиновка под Мелитополем. На судебном заседании он подтвердил слова, сказанные на предварительном следствии: «Сколько расстреляно и повешено советских людей в Донбассе,

я сказать затрудняюсь, т. к. учета не вел. Однако я считал, что чем больше будет уничтожено советских граждан, тем легче будет нам, немцам, проводить свою колониальную политику» [7].

Самым высокопоставленным нацистом, попавшим на скамью подсудимых военного трибунала Киевского военного округа, оказался генерал-лейтенант полиции Пауль Шеер, начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей. Он лично издал приказ стрелять в любого советского гражданина, который появится на улице после наступления темноты. На суде Шеер рассказал о карательных экспедициях, массовых убийствах мирного населения, об отправке местных жителей на каторгу в Германию. В материалах следствия Шеер назван организатором истребления людей.

Обер-ефрейтор дивизии СС «Викинг» Ганс Изенман в своих показаниях вспоминал, как убивал советских граждан во Львове, Бердичеве, Тараще. К ямам подводили группы по 45–50 человек лицом к обрыву, а солдаты СС стреляли им в спины из пулеметов, автоматов и карабинов. Сам Изенман лично расстрелял во Львове около 120 человек. В приговоре указывается, что во время оккупации немцами Сталинской области только в Макеевке было расстреляно 8 тысяч человек, в Краматорске – около 6 тысяч, в шахту «Н4-бис» в Сталино были сброшены тела около 75 тысяч убитых советских граждан [7].

Таким образом, открытые суды в СССР над военными преступниками несли не только юридический смысл наказания виновных, но также имели большое моральное и политическое значение, особенно для компрометации нацистского «нового порядка» в глазах жителей ранее оккупированных территорий.

Источники и литература

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177246-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-merah-nakazaniya-dlya-nemetsko-fashistskih-zlodeev-vinovnyh-v-ubiystvah-i-istyazaniyah-sovetskogo-grazhdanskogo-naseleniya-i-plennyh-krasnoarmeytsev-dlya-shpionov-izmennikov-rodiny-iz-chisla-sovetskih-grazhdan-i-dlya>. – Дата доступа: 15.04.2022.

2. Асташкин, Д. Как судили военных преступников в СССР / Д. Асташкин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru-rodina-sud>. – Дата доступа: 15.04.2022.

3. Антоненко, С. Не должно повториться. Советские открытые процессы над нацистскими преступниками / С. Антоненко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://historyrussia.org/sobytiya/ne-dolzno-povtoritsya-sovetskie-otkrytye-protsessy-nad-natsistskimi-prestupnikami.html>. – Дата доступа: 15.04.2022.

4. Осмоловский, А. Минский Нюрнберг / А. Осмоловский // Комсомольская правда. – 2021. – от 28 января.

5. Шарков, А. В. Гомельский судебный процесс над нацистскими преступниками / А. В. Шарков // 1943 г. на Гомельщине: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 26–27 ноября 2013 г. / Белорус. гос. ун-т транс-та ; редкол.: А. И. Зайченко [и др.]. – Гомель: БГУТ, 2013. – С. 208–216.

6. Чеславский, О. Слуги сатаны / О. Чеславский, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkritika.by>. – Дата доступа: 15.01.2021.

7. Крецул, Р. Площадь возмездия: 75 лет назад в Киеве были казнены нацистские преступники / Р. Крецул. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1117631/roman-kretcul/ploshchad-vozmездia-75-let-nazad-v-kieve-byli-kazneny-natsistskie-prestupniki>. – Дата доступа: 15.04.2022.

К. М. Савицкая
Государственное учреждение образования
«Средняя школа № 40 г. Могилева»

**ОТ ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ ДО ГЕНЕРАЛА АВИАЦИИ
(ЖИЗНЕННЫЙ И БОЕВОЙ ПУТЬ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЕВГЕНИЯ МАКАРОВИЧА НИКОЛАЕНКО)**

История судьбы одного человека – это история поколения, целого народа. В данной статье рассматривается жизненный и боевой путь генерал-лейтенанта авиации Е. М. Николаенко. Где бы ни был Е. М. Николаенко: на переднем крае борьбы с оккупантами, выполняя ответственные правительственные задания по организации перехвата вражеских самолётов, совершавших глубокие рейды во вражеский тыл, занимаясь переподготовкой лётного офицерского состава для нужд фронта – везде он отдавал все свои силы, весь свой богатый опыт и знания делу служения Родине.

О событиях Великой Отечественной войны мы знаем из книг, исторических хроник, фильмов. Но самые ценные свидетельства – это биографии тех, кто прошел военными дорогами, прошел мужественно и честно, сполна выполнив свой долг.

Девятого октября 2019 год, первичной организации Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» государственного учреждения образования «Средняя школа № 40 г. Могилева» было присвоено почетное имя Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Николаенко Евгения Макаровича.

Евгений Макарович Николаенко родился 30 сентября 1905 г. в деревне Удога (сегодня – Чериковский район Могилёвской области Беларуси) в крестьянской семье. В 1918 г. Женя Николаенко поступил в школу второй ступени уездного Черикова. За школьной партией Евгений проявлял большие способности к физике и математике [1, с. 468].

В июне 1924 года Е. М. Николаенко окончил школу и уехал в Ленинград продолжать учебу, где уже жил его старший брат Савва – студент института инженеров Гражданского флота.

Свою заветную мечту – стать летчиком – Евгению Макаровичу удалось осуществить в декабре 1927 г. Тогда он поступил в Военно-теоретическую школу ВВС Красной Армии, которую окончил в декабре 1928 года. Затем его направляют в Борисоглебскую военную школу летчиков. Курсант Николаенко сразу же обратил внимание преподавателей своей пытливостью, стремлением глубже овладеть теорией и практикой летного дела. И не случайно после окончания учебы в 1930 г. Евгения Макаровича оставили инструктором летной подготовки.

С 1930 по 1936 г. в Борисоглебской военной школе летчиков Евгений Макарович готовил и воспитывал летчиков, которым суждено будет защищать воздушное пространство Родины в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны. В 1935 году он окончил курсы усовершенствования начальствующего состава при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского.

В декабре 1936 г. Евгения Макаровича, по его настойчивой просьбе, направляют в войска и назначают командиром отряда в 118-ю авиаэскадрилью 92-й бригады ВВС Красной армии, дислоцированной в городе Люберцы в Подмоскowie [2, с. 4].

В 1938 году в качестве летчика-добровольца Е. М. Николаенко был направлен в Китай для борьбы с японской агрессией, где смог отличиться как умелый летчик. 29 мая 1938 г. командование японских войск нанесло массированный бомбардировочный удар по советским самолетам в городе Ханькоу. Советские летчики дали достойный отпор: из 54 самолетов противник недосчитался 21. В этом бою свою первую победу одержал и летчик Евгений Николаенко. Отличился он и как умелый командир. 12 августа 1938 года в небе над

Уханем, командуя 40 советскими истребителями, провел бой с 120 японскими самолетами. В этом воздушном сражении советские летчики одержали убедительную победу, сбив 16 японских самолетов. Всего в небе Китая Евгений Макарович одержал 3 личные победы в воздушных боях, а также 10 – в составе группы. За смелые и мужественные действия почти весь личный состав эскадрильи удостоился правительственных наград, в том числе и её командир – капитан Е. М. Николаенко.

В сентябре 1938 г. Евгений Макарович вернулся вместе со своими товарищами в СССР и проходил службу в качестве начальника Кировобадской авиашколы летчиков. После возвращения из Китая Е. Н. Николаенко было присвоено воинское звание полковник.

В ноябре 1938 года Е. М. Николаенко был награжден орденом Красного Знамени. В феврале 1939 года за образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное героísmo, полковнику Николаенко Евгению Марковичу было присвоено звание Героя Советского Союза. «Золотую Звезду» за номером 122 ему вручил в Кремле Михаил Иванович Калинин [3].

24 июля 1941 Е. М. Николаенко убыл в город Тернополь и возглавил ВВС 5-й армии Юго-Западного фронта. ВВС этой армии он руководит по 30 июля 1941 г., в дни отступления Красной Армии. В своей автобиографии Евгений Макарович так пишет об этом периоде войны: «Командовал ВВС 5 армии (Луцкое направление), усилия ВВС армии были направлены преимущественно на разведку войск и уничтожение живой силы, техники наступающего противника, особенно на переправах и основных дорогах, идущих к фронту... Организации настоящего взаимодействия с наземными частями мешало частое отсутствие связи, временами приходилось авиаразведкой устанавливать положение своих войск. Кроме того, на самолетах отсутствовали радиостанции».

30 июля 1941 года на базе фронта резервных армий и Можайской линии обороны был образован Резервный фронт. На следующий день генерал-майор авиации Е. М. Николаенко назначается командующим ВВС Резервного фронта (эту должность он занимал до 10 октября 1941 года). Одной из задач фронта было освобождение города Ельни от немецких войск.

В течение августа 1941 г. шли тяжелые кровопролитные бои в районе ельнинского выступа, в которых активное участие принимала и авиация фронта. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записывает 2 сентября в своем военном дневнике: «Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью». 6 сентября Ельня была полностью очищена от захватчиков, кроме того, немецкие части были отброшены на запад еще на два десятка километров от города.

Совместная работа с выдающимся советским полководцем Г. К. Жуковым, который в то время командовал фронтом, не прошла бесследно для Николаенко. Приобретённый здесь опыт чёткого взаимодействия наземных частей с воздушными помог ему в операциях по уничтожению противника в последующем ходе войны [3].

Евгений Макарович Николаенко принимал участие в битве под Москвой. О событиях тех дней рассказывают воспоминания генерала П. А. Белова «За нами Москва», в тот период времени, командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса: «Конница почти не имела защиты от атак с воздуха. Спасаясь от вражеской авиации, части корпуса вынуждены были действовать, в основном по ночам... Я послал резкую радиogramму генералу Николаенко: «Прекратите нейтралитет, начинайте воевать». Николаенко на следующий день прилетел в штаб корпуса на У-2. Над деревней, где находился наш штаб, его У-2 перехватили два «мессера», но опытный пилот прижал машину к земле и умело посадил на поляне.

Генерал Николаенко долго пробыл в корпусе. Он оказался человеком общительным, дело свое знал и любил... Взаимодействие с авиацией улучшилось. Но сил, имевшихся в его распоряжении, было явно недостаточно, чтобы справиться с авиацией противника».

За оборону Москвы Евгений Макарович был награжден орденом Красного Знамени. К этой награде его представил командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков [2, с. 9].

В феврале 1942 года Николаенко был назначен командующим ВВС Крымского фронта. В мае 1942 года началось контрнаступление немецких войск в Крыму (операция под кодовым названием «Охота на дроф»), в результате которого советские войска потерпели поражение. Крымский фронт в ходе боев 8–18 мая 1942 г. был разбит войсками 11-ой немецкой армии генерала Манштейна. 14 мая Л. З. Мехлис, представитель Ставки Верховного Главнокомандования, телеграфировал И. В. Сталину: «Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать противника... Мы опозорили страну и должны быть прокляты» [4].

В Крыму советские войска потеряли 176 тысяч человек, в том числе около 150 тысяч – пленными. Немцы уничтожили, а в значительной степени захватили 3,5 тысячи советских орудий и минометов, 350 танков.

Потери противника были на порядок ниже. Так, они потеряли убитыми и ранеными свыше 10 тысяч солдат и офицеров, 11 танков, около полусотни орудий, незначительное число другой техники. А вот, что касается самолетов: опубликованные в последнее время данные из Федерального архива Германии свидетельствуют, что в них немцы понесли довольно приличные потери. И особенно, в период с 8 по 12 мая, когда генерал Николаенко командовал ВВС фронта. Так за эти дни 4-ый воздушный флот потерял сбитыми и поврежденными более сотни самолетов, из них 8 мая – 25, 9-го – 22, 10-го – 23, 11-го – 15, 12-го – 17.

14 мая 1942 Л. З. Мехлис отметил в донесении И. В. Сталину: «Авиация врага решила исход боя...». Однако И. В. Сталин в своем письме Мехлису подчеркнул: «Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта...» [2, с. 11]. Так, командующий ВВС фронта генерал Е. М. Николаенко в мае 1942 года был снят с должности с формулировкой «не сумел организовать отпор вражеской авиации на Керченском полуострове», понижен в звании до полковника и назначен начальником Липецких курсов усовершенствования командного состава ВВС, в 1944 г. преобразованных в Высшую офицерскую школу.

Однако фронт остро нуждался в умелых командирах и опытных летчиках. К октябрю 1943 г. в личной летной книжке Евгения Макаровича было отмечено 140 боевых вылетов, из них 30 – ночных. 17 марта 1943 года Николаенко вторично было присвоено воинское звание генерал-майор авиации.

Находясь в должности начальника Липецких военных авиакурсов усовершенствования командного состава ВВС, Евгений Макарович в 1944 г. заслужил награду – орден Отечественной войны I степени. В наградном листе сказано: «Личным конкретным руководством учебным процессом и летной работой добился высокой организованности курсов и хорошего качества учебно-боевой подготовки слушателей. ... В подготовке слушателей очень широко используется опыт Отечественной войны, в результате чего значительно повысилось качество подготовки офицерского состава. ... Курсы под руководством генерал-майора авиации Николаенко в настоящее время представляют крепкий, сплоченный, хорошо организованный коллектив, способный с успехом разрешать поставленные задачи...».

Мастерство генерала Е. М. Николаенко особенно проявилось в наступательных операциях 3-го Белорусского фронта. 25 августа 1944 г. он был назначен заместителем командующего 1-ой Воздушной армии. Об участии в боях за Восточную Пруссию генерала Е. М. Николаенко вспоминает командующий 11-й гвардейской армией 3-го Белорусского фронта генерал К. Н. Галицкий: «В 11 часов начался заключительный период артиллерийской подготовки. Огонь, темп которого резко возрос, был нацелен на передний край обороны врага. В это же время с командного пункта фронта командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин сообщил, что в воздух поднялась авиация. Все мы стали с нетерпением ждать своих друзей-авиаторов. И вскоре они появились. Правда, увидеть их из-за тумана нам не удалось, но на командном пункте находился начальник оперативной группы 1-й воздушной армии генерал Е. М. Николаенко, который безошибочно по гулу двигателей определял не только типы самолетов, но и их эшелонирование и даже состав.

– Это идут «ильюшины» дивизии подполковника Заклепа, – говорил он, прислушиваясь к удаляющемуся рокоту самолетов. – А выше – «Петляковы» полковника Чучева. Их прикрывают «яки» полковника Зимина. Бомбардировщики летят группами по 9 самолетов, а штурмовики – по 12–16.

– Сейчас вылетают эскадрилья Героя Советского Союза майора С.А. Сибирина 18-го гвардейского полка и эскадрилья Героя Советского Союза капитана де ля Пуап полка «Нормандия – Неман», – доложил генерал. – Это лучшие наши эскадрильи. И немедленно за ними поднимутся все полки дивизии во главе со мной» [5].

Под сокрушительными ударами наступающих войск Красной армии откатывались на запад немецкие войска. В своей автобиографии генерал Николаенко в 1947 г. пишет: «В указанный период я фактически все время боевых действий находился в войсках. Прилетев в Литву в период начала подготовки к наступательной операции, я получил задание: организовать взаимодействие авиации с войсками 11-й гвардейской армии генерала Галицкого, которая должна была наступать южнее железной дороги Гумбинен – Истенбург. Тщательно отработанный план взаимодействия с наземными войсками, обеспеченность средствами управления авиацией, отличная подготовка, дали возможность отлично обеспечить действия 11-й армии... Успех был отличный...

Планирование, организация взаимодействия и фактическое управление операцией над полем боя, так же, как и в изложенной выше операции было возложено на меня и во второй Прусской операции 3-го Белорусского фронта... Войска фронта продвинулись до подступов г. Кенигсбергу с овладением форта №10 (на юге города). Я получил высокую оценку своей работы от командующих армиями и фронта. Последующие операции на Земландском полуострове, овладение портом и базой Пиллау и косой Фриш-Нерунг также проведены под моим непосредственным командованием по планированию, организации, управлению авиацией над полем боя.

Во всех перечисленных операциях я находился на КП соответствующего командующего общевойсковой армией, а при управлении авиацией над полем боя чаще всего на специально оборудованном КП в 1,5–2 км от переднего края» [2, с. 11].

А вот свидетельство участника тех событий, полковника в отставке Е. В. Кояндера, в 1944–1945 гг. он – майор, заместитель начальника связи 1-й воздушной армии. В своей книге воспоминаний «Я – Рубин, приказываю...» он пишет: «Генерал Николаенко прибыл накануне наступления. Он обошел вместе со мной все объекты связи, с НП переговорил по телефону со всеми командирами авиасоединений... Едва покинули НП, как противник подверг обстрелу нашу высоту... С Николаенко мне довелось работать еще в боях под Москвой. Генерал всегда был внимателен и требователен к связи, и с ним легко решались не только общие вопросы, но и отдельные чисто технические. – Главное для вас в этом бою, майор, – продолжал Николаенко, – заключается в том, чтобы средства связи неотступно следовали за нами при продвижении вперед, чтобы я ни на минуту не потерял управления авиацией и личного контакта с командованием поддерживаемой армии» [6].

20 апреля 1945 года Е. М. Николаенко было присвоено воинское звание «Генерал-лейтенант авиации». Также Евгений Макарович был награжден полководческими орденами Суворова и Кутузова II степени.

Управление и руководство операциями, личный пример известного генерала авиации Е. М. Николаенко обеспечили успех в ряде операций 3-го Белорусского фронта. Под его руководством летчики одерживали победу за победой – в Беларуси, в Восточной Пруссии, при штурме Кенигсберга, овладении портом и базой Пиллау. Только в этих операциях за мужество и героизм 28 летчикам 1-й Воздушной армии было присвоено звание Героя Советского Союза.

В декабре 1955 года генерал-лейтенант Е. М. Николаенко ушел в отставку в возрасте 50 лет. Поселился в Ленинграде, где жили родственники. Ушел из жизни Герой Советского Союза Е. М. Николаенко 16 апреля 1961 г., похоронен в Санкт-Петербурге. Военная судьба генерала Николаенко Е. М. сложилась так, что ему приходилось находиться там, где было наиболее тяжело и опасно, где требовалась концентрация мысли и воли военачальника.

Источники и литература

1. Базылеў, У. На крылах перамогі / У. Базылеў. // Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Чэрыкаўскага р-на. – Мінск : Вышэйшая школа, 1994. – С. 468–470.
2. Рыськов, М. А. Герои земли Могилевской / М. А. Рыськов. – Минск: Белпринт, 2019. – 148 с.
3. Красные соколы. Советские летчики 1936–1953. Николаенко Евгений Маркович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://airaces.narod.ru/china/nikolayn.htm> – Дата доступа : 18.09.2020.
4. Операция “Охота на Дроф”. Война на Керченском полуострове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/59c33efca815f12961cf37fc/operaciia-ohota-na-drof-voina-na-kerchenskom-poluostrove--59c344a955876bd25b577dcb> – Дата доступа: 18.09.2020.
5. Галицкий, К. Н. В боях за Восточную Пруссию: Записки командующего 11-й гвардейской армией / К. Н. Галицкий. – М.: «Наука», 1970. – 500 с. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/galitsky_kn/index.html – Дата доступа: 18.09.2020.
6. Кояндер, Е. В. Я – «Рубин», приказываю... / Е. В. Кондер. – М. Воениздат, 1978. – 277 с. (Военные мемуары) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/koyander_ev/12.html – Дата доступа: 18.09.2020.

УДК 94 (476) «1948»

С. А. Елизаров

Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого

ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ БССР 1948 ГОДА: ВРЕМЯ НАДЕЖД

В статье рассматривается подготовка и итоги избирательной кампании в местные Советы БССР 1948 г., в результате которых местные Советы и их исполкомы были сформированы в соответствии с существовавшими конституционными нормами. Выделяются причины нарушения этих норм в первые годы после освобождения БССР от нацистской оккупации. Отмечается, что механизм организации и проведения выборов копировал довоенный. Большое внимание в ходе избирательной кампании властные структуры обращали на обновление кадрового состава местных руководителей, в том числе и по инициативе избирателей. Избирательная кампания 1948 г. сопровождалась высоким для советской избирательной практики предвоенного и послевоенного периода уровнем отвода утвержденных партийными комитетами кандидатов в депутаты.

Вся система органов местных Советов депутатов трудящихся официально формировалась через выборные процедуры. Согласно Конституция СССР 1936 г. высшими органами государственной власти в пределах административно-территориальных единиц являлись постоянно действовавшие Советы депутатов трудящихся, избираемые сроком на два года. Исполнительными и распорядительными органами местных Советов выступали формировавшиеся местными Советами исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов.

Соответственно строилась система органов местной власти и по Конституции БССР 1937 г. В республике органами государственной власти в округах, районах, городах, селах, местечках, поселках были Советы депутатов трудящихся. На выбранные ими исполкомы возлагалось руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на основе решений соответствующих Советов депутатов трудящихся и вышестоящих государственных органов.

Нормы избирательного права, закрепленные в белорусской Конституции 1937 г., также соответствовали положениям Конституции СССР 1936 г.: декларировалось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. Право выдвижения кандидатов обеспечивалось за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами [1].

С началом освобождения территории БССР от нацистских оккупантов встала задача восстановления прежней довоенной системы организации государственной власти и управления, в том числе и на местном уровне. В условиях продолжавшейся войны и экономической разрухи Президиум Верховного Совета БССР своим Указом от 24 декабря 1943 г. отложил очередные выборы в местные Советы до декабря 1944 г. и продлил срок полномочий довоенных Советов [2, с. 1].

30 декабря 1944 г. выборы в очередной раз были перенесены [3, л. 123]. Видится, что и в первом, и во втором случаях немалую роль сыграла деятельность на освобожденной территории антисоветских вооруженных формирований, слабость советского идеологического влияния и последствия воздействия нацистской пропаганды в период оккупации на население республики, особенно ее западных областей. Уже в постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» говорилось о необходимости белорусским властям в своей работе учитывать, «что население освобожденных районов Белоруссии длительное время жило в условиях немецкой оккупации, лживой фашистской пропаганды и было лишено правдивой советской информации» [4, с. 485–489].

20 января 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей Белорусской ССР» [4, с. 533–536]. В духе этого постановления (а часто – практически дословно) февральский (1945 г.) Пленум ЦК КП(б)Б принял свое постановление «О политической работе среди населения». В нем, несмотря на заявление об «огромных политических симпатиях и сплочении населения западных областей вокруг Советской власти», в то же время констатировалось, что население этих областей «не прошло этапов классовой борьбы против помещиков, капиталистов и кулачества... три года жизни населения... в условиях немецкой оккупации, демагогической фашистской пропаганды и отсутствия советской правдивой информации оставили известные морально-политические последствия в сознании некоторой части населения». Указывалось на активность «агентов лондонского эмигрантского правительства, разжигающих антисоветские и националистические настроения среди польского населения», «банд из поляков, убивающих наших работников и преданных Советской власти крестьян» и т.п. [5, с. 499–500].

В августе 1945 г. ЦК ВКП(б) принимает новое постановление «О ближайших задачах партийных организаций ЦК КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения», где вновь говорилось о необходимости учета в работе парторганизаций БССР того, что «население Белорусской ССР в течение трех лет было лишено правдивой советской информации и испытывало воздействие лживой фашистской пропаганды» (здесь уже говорилось *о всем населении республики*, а не только ее западных областей) [5, с. 507].

В таких условиях провести безопасные для населения и их организаторов выборы и получить необходимый властям результат было крайне затруднительно. Поэтому предполагалось, что при воссоздании местных исполкомов они могли либо избираться на сессиях местных Советов (как того требовало довоенное законодательство), либо утверждаться вышестоящими властными структурами. Возможности проводить выборы исполкомов местных Советов на освобожденных от нацистской оккупации территориях на сессиях депутатов Советов, избранных до войны, были крайне ограничены из-за отсутствия необходимого кворума: за годы войны выбыло более 70 % довоенного состава депутатов местных Советов [6, с. 192]. Ситуация несколько улучшилась, но значительно не изменилась и на 1 января 1945 г. – в составе местных Советов БССР всех уровней насчитывалось лишь до

40 % довоенных депутатов: из 711 довоенных депутатов областных Советов имелось лишь 219, районных (сельских) Советов – 6571 и 1496, городских – 3593 и 806, поселковых – 1501 и 498. Несколько лучше ситуация была с сельскими Советами – здесь из 45353 довоенных депутатов имелось 20019 (44,1 %). А вот по Советам областным, городским и районным их насчитывалось лишь 23 % [7, л. 1–11].

В результате исполкомы местных Советов практически повсеместно не избирались, а формировались партийными и советскими органами и утверждались вышестоящими структурами (областные – ЦК КП(б)Б и Президиумом Верховного Совета БССР, районные и городские – областными обкомами КП(б)Б и облисполкомами, сельские и поселковые – районными парткомитетами и райисполкомами).

Возвращение к конституционным нормам формирования органов государственной власти и управление началось с 1946 г., когда прошли выборы в Верховный Совет СССР. В 1947 г. состоялись выборы в Верховный Совет БССР. А 20 октября 1947 г. Президиум Верховного Совета БССР утвердил Положение о выборах в областные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся [8]. Это положение практически полностью повторяло довоенные Положения 1939 г. с внесенными в 1940 г. изменениями и дополнениями. Исключение – предусматривались единые нормы представительства граждан при выборах в областные Советы.

Выборы в местные Советы были намечены на 11 января 1948 г. В целом партийные организации демонстрировали уверенность в результатах выборов, отмечая, что «проводимые мероприятия Компартией и Советским правительством ... находят горячую поддержку и одобрение во всех слоях населения». В качестве доказательства этого приводились многочисленные высказывания жителей республики: «Еще годик и обратно наша страна будет обильна продукцией и промтоварами», «Сталинская забота о колхозниках и особенно о семьях воинов, которые погибли на фронте, вдохновляет на трудовые подвиги», «Наше правительство проводит правильную политику», «Наше правительство правильно делает, что укрепляет колхозы, т. к. колхозы являются подлинного социалистическим хозяйством», «Все мероприятия Советского правительства направлены сейчас к улучшению нашей жизни».

Несмотря на это, все же настроения населения вызвали серьезное беспокойство у партийных руководителей. В частности, в политдонесении от 5 августа 1947 г., направленном Гомельским обкомом КП(б)Б в Управление по проверке парторганов ЦК ВКП(б), сообщалось об антисоветских настроениях части городского населения, «клеветнических измышлениях на коммунистическую партию, Советское правительство и руководителей партии и правительства, восхваления жизни в царской России и в период немецкой оккупации», проявлении «враждебных настроений к колхозному строю, в неправильно, вредном комментировании заключенных соглашений СССР с Чехословакией и другими европейскими демократическими странами» [9, л. 12–13, 15–18].

Кроме того, беспокоила ситуация с кадрами руководящих работников местных Советов (прежде всего районного и городского звеньев). В 1946 г. секретарь ЦК КП(б)Б по кадрам Н. Е. Авхимович отмечал недостатки в работе с номенклатурными кадрами, что, по его мнению, влекло за собой «огромные политические последствия, т.к. создается возможность, в виду такой бесконтрольности, проникать на партийные и государственные посты людям явно непригодные для такой работы, а подчас и прямым ворами и жуликами, которые, пробравшись в государственный и партийный аппарат, пользуясь бесконтрольностью со стороны партийных органов, имеют возможность воровать там [10, л. 22].

Положение существенным образом не изменилось и в январе 1948 г. Несмотря на массовые замены, действия многих местных руководителей, с одной стороны, вызвали недовольство населения, с другой – критику вышестоящих органов власти и управления теми из них, кто «не справлялись со своими обязанностями и поставленными перед ними задачами».

Требовалось срочно принимать меры по изменению состава местных руководителей, которые должны были пойти на выборы и возглавить новые исполкомы. В частности, в ноябре 1947 г. Управлением кадров ЦК КП(б)Б было рекомендовано заменить 33 председателя

райисполкома и горисполкома (большинство – 22 – с обоснованием «с работой не справляется», 2 – «присвоение госимущества», 1 – по болезни, 2 – в связи с переездом, 1 – с переводом в другой район на аналогичную должность, 1 – с переходом на парторботу, 2 – на большую советскую работу, 2 – по собственному желанию) и 12 заместителей председателей облисполкомов [11, л. 128].

Механизм организация выборов не отличалась от довоенного. Обкомы, горкомы и райкомы КП(б)Б проводили различного рода совещания с докладами о предстоящих выборах в местные Советы и задачах по их подготовке и проведении: обкомы – с работниками аппаратов обкомов, горкомов партии и обкомов комсомола, секретарями райкомов КП(б)Б по кадрам, заведующими оргинструкторскими отделами райкомов КП(б)Б, секретарями райисполкомов и секретарями райкомов ЛКСМБ, райкомы – с секретарями первичных партийных организаций, председателями и секретарями сельсоветов, партийно-советским и хозяйственным активом. Эти же вопросы рассматривались и на заседаниях бюро обкомов, райкомов и горкомов партии, на собраниях партийно-хозяйственного актива.

Райкомами и горкома КП(б)Б пересматривались и утверждались руководители агитколлективов, агитпунктов и агитаторы, для которых также проводились специальные семинары.

Под контролем партийных комитетов были сформированы 12 областных, 66 городских, 175 районных, 9 районных в городах, 2522 сельских и 106 поселковых избирательных комиссий (17287 человек, в том числе 9805 беспартийных). Образовано 64890 окружных и 5075 участковых комиссий, в которых было задействовано 275084 человек, в том числе 208130 беспартийных.

Важнейшая роль отводилась подбору кандидатов в депутаты Советов депутатов трудящихся, который проводился непосредственно партийными комитетами разного уровня – на выборы в местные Советы 1948 г. шли 64890 кандидатов в депутаты «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Процесс подбора кандидатов в депутаты для партийных органов осложнялся требованием не только обеспечить состав Советов людьми, политически благонадежными, способными сознательно и беспрекословно выполнять решения партийных инстанций. Кандидаты должны были реально пользоваться доверием населения по своим профессиональным, политическим и моральным качествам и служить образцом подражания для других. Депутаты, получившие реальную поддержку избирателей, создавали позитивный имидж всей советской политической системе как образцу «подлинного народовластия». В связи с этим парторганы довольно внимательно реагировали на любые негативные сообщения о кандидатах в депутаты, в том числе и анонимные. При подтверждении этих сообщений даже уже зарегистрированные кандидаты в депутаты лишались регистрации, вместо них партийные комитеты выдвигали других лиц.

После этого в районах проводились инструктивные совещания председателей городских и районных избиркомов и председателей окружных комиссий по выборам в областные Советы, председателей сельских и участковых избиркомов.

Затем по графику во всех избирательных округах проходили собрания по выдвижению кандидатов в областные и районные Советы. Традиционно на них первыми кандидатами выдвигались И. В. Сталин и его «ближайшие соратники» – в данном случае в этот утвержденный список последовательно входили, наглядно демонстрируя место в иерархии высшего партийного и советского руководства, В. М. Молотов, А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущева, Н. А. Вознесенский, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, Н. А. Булганин и А. А. Кузнецов [9, л. 67].

Официальная процедура выдвижения кандидатов в депутаты должна была продемонстрировать демократичность советской избирательной системы: выдвижение намеченных и утвержденных парторганами кандидатов в депутаты проходило от лица общественных организаций и обществ трудящихся, общих собраний рабочих и служащих по

предприятиям и учреждениям, военнослужащих по воинским частям, общих собраний крестьян по колхозам и деревням, рабочих и служащих совхозов – по совхозам.

Партийные органы в своих отчетах отмечали высокую активность избирателей на собраниях, на которых критике подверглись не только мелкие чиновники, но и председатели райисполкомов. В результате председатели 31 райисполкома не получили поддержки и не были выдвинуты кандидатами в депутаты Советов. Кроме того, в период активной предвыборной кампании 14 председателей райисполкомов были освобождены от занимаемой должности «за нарушение советских законов, партийной и государственной дисциплины», еще 17 – «по другим причинам» [11, л. 4].

Также в ходе собраний избирателей были заменены 6 кандидатов в областные Советы (основания – «муж – бургомистр при немцах», «связь с немецкими оккупантами», «двоюродный брат – следователь СД при немцах, родной брат – в заключении», «один брат осужден, два брата – полицейские при немцах», «отец раскулачен, сама не участвовала в партизанской борьбе», «плохое поведение ее семьи в период немецкой оккупации»).

При выдвижении кандидатов в районные, городские, сельские и поселковые Советы не получили поддержки 371 человек, еще 247 сами отказалось баллотироваться. Формулировки отвода кандидатов были следующие: в районные Советы – «за грубость к колхозникам», «муж – полицай», «плохое поведение в быту», «отец помогал немецким оккупантам», «за плохую работу», «отец – бургомистр в период оккупации», «недостойное поведение в период оккупации», в городские Советы – «за нетактичное отношение к рабочим и бюрократизм», «за связь с немецкими оккупантами»; в сельсоветы – «за плохую подготовку фермы к зиме», «за пьянку и бюрократическое отношение к населению», «за добровольную сдачу в плен немцам», «за спекуляцию», «не принимает участия в общественной работе», «за грубость с населением», «за защиту кулаков», «за сожительство с немцами», «за добровольный уезд в Германию на работу в период немецкой оккупации», «не рассчиталась с госпоставками» [11, л. 19–22, 152–154, 201–204].

Среди критических замечаний, прозвучавших на собраниях избирателей, абсолютное большинство касалось проблем, с которыми люди сталкивались ежедневно в первые послевоенные годы: плохая работа пассажирского автотранспорта, вопросы работы систем канализации, водоснабжения, строительства колодцев, их ремонта и содержания, озеленения городов и поселков. Также большая часть критики была связана с работой торговых организаций, главным образом с плохим обеспечением населения товарами первой необходимости (солью, керосином, спичками) [12, л. 2–3].

Выборы состоялись 11 января 1948 г. Как и в довоенное время, власти стремились (и вполне успешно) придать им характер «всенародного праздника сплочения трудящихся масс вокруг партии Ленина–Сталина»: участки были оснащены радиоточками, патефонами с пластинками, работали буфеты, медпункты, детские комнаты, игровые комнаты (биллиард, шахматы, шашки, домино). По официальным данным приняло в выборах участие 99,99 % внесенных в списки избирателей: в областные Советы – 99,96 %, районные Советы – 99,95 %, городские Советы – 99,92 %, районные Советы в городах – 99,89 %, сельские и поселковые Советы – 99,98% [11, л. 2].

Таблица 1 – Итоги выборов в местные Советы БССР 11 января 1948 г. [11, л. 121]

Советы	Число принявших в голосовании	Число бюллетеней, в которых вычеркнуты фамилии всех кандидатов	Число бюллетеней, признанных не действительными
Областные	4341763	14172	346
Районные	3701288	15603	222
Городские	835349	6549	144
Сельские	3293827	25273	254
Поселковые	168363	1374	4

За выдвинутых кандидатов в областные Советы проголосовало 99,67 % избирателей, принявших участие в голосовании, в районные Советы – 99,57 %, городские Советы – 99,19 %, районные Советы в городах – 99,22 %, в сельские и поселковые Советы – 99,22% [11, л. 3].

24 декабря 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР разослал по союзным республикам рекомендации (а на практике – указания) о сроках и порядке проведения первых сессий Советов, составе исполкомов и постоянных комиссий. Эти «рекомендации» были дословно повторены в таких же «рекомендациях», высланных Президиумом Верховного Совета БССР в местные Советы [13, л. 34–35].

Уже по итогам выборов и прозвучавших на собраниях критических заявлениях избирателей отделы кадров обкомов КПБ получили задания до проведения первых сессий Советов заменить 207 заместителей председателей РИК, секретарей и заведующих отделами районных и городских исполкомов, которые «по своим политическим и деловым качествам занимаемым должностям не соответствуют и подлежат замене». Ставилась задача в каждом районе выдвинуть на руководящую советскую работу женщин, а в западных областях республики – не менее 140 работников из местного населения, не включая в это число председателей сельских и поселковых Советов, их заместителей и секретарей [11, л. 25].

Выборы 1948 г. в местные Советы воспринимались многими жителями БССР как свидетельство завершения перехода к мирной и (в недалеком будущем) счастливой жизни, право на которую народ завоевал в жестокой борьбе с нацистскими захватчиками. Эту лучшую жизнь люди связывали с существующей советской политико-экономической системой, реальной альтернативы которой в тот момент в массовом сознании и в политической практике не существовало. Несмотря на все трудности, жизнь постепенно налаживалась. Сама выборная кампания показала, что власть старается реагировать на критику в ее адрес, массовая замена местных руководителей исполкомов как реакция на негативное отношение населения к ним порождало надежду, что новые руководители будут работать по-новому, отбросят военные методы, будут более внимательно и уважительно относиться к потребностям и просьбам людей.

Источники и литература

1. Конституция (Основной Закон) Белорусской советской Социалистической республики. – Минск: Белпартиздательство ЦК КП(б)Б, 1937. – 30 с.
2. Савецкая Беларусь. – 1944. – 5 студзеня.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 40д.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1983–89. – Т. 7 (1938–1945 гг.). – 1985. – 574 с.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск: Беларусь, 1983–1987. – Т. 3 (1933–1945 гг.). – 1985. – 551 с.
6. Скрынников, М. И. Советы и война (о деятельности Советов депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны) / М. И. Скрынников. – Гомель, [б.и.], 2001. – 246 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. – Оп. 2. – Д. 3.
8. Положение о выборах в областные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Белорусской ССР. – Минск: Госиздательство БССР, 1947. – 22 с.
9. Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 144. – Оп. 13. – Д. 21
10. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 302.
11. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 367.
12. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 630.
13. НАРБ. – Ф. 968. – Оп. 2. – Д. 109.

А. А. Козлов
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

ЦЕНЗОРСКИЙ СОСТАВ ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ГЛАВЛИТА БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГОДЫ)

Статья посвящена малоизученной в белорусской историографии теме истории местных органов советской цензуры (обллитов) в БССР в 1945–1953 гг. годы. Обллиты являлись частью системы государственного контроля, функционировавшей в советский период. В БССР цензуре подвергались периодические издания (областные и районные газеты), печатная продукция местных типографий, микрофонные тексты для радиопередач, репертуарные материалы для театральных постановок. Восстановление системы цензуры в республике происходило в сложных условиях послевоенного периода, что создавало проблемы при комплектации цензорского состава обллитов.

Отличительной чертой советского государства с самого начала его существования было наличие системы цензуры, под надзором которой были все средства массовой информации. После оккупации БССР она временно прекратила свою деятельность. Но по мере освобождения территории Беларуси в областях и районах возобновлялась работа местных органов цензуры (обллитов), которые на местном уровне осуществляли цензорский контроль, пресекая распространение материалов, обнародование которых власти считали вредными или нежелательными. На работу цензуры также оказывала влияние и международная обстановка. В послевоенный период в мире резко обозначились два центра притяжения. С одной стороны – Советский Союз, представлявший лагерь социализма, а с другой стороны США, возглавлявшие капиталистические силы. Агрессивная политика со стороны США и их вмешательство во внутренние дела других стран вызвали ответную реакцию со стороны СССР, который также стремился расширить сферу своего влияния и желал обеспечить внутреннюю стабильность. Такое международное положение в сочетании с жесточайшим сталинским режимом, требовало от работников советской цензуры усиленной бдительности, охраны военных и государственных тайн в печати, так как считалось, что иностранная разведка часто получала нужные ей сведения из советской печати. В настоящее время проблема доступа к информации актуализировалась из-за значительного расширения информационного пространства.

Белорусские исследователи В. Матох, В. Ракашевич А. Гужаловский, Л. Смиловицкий и др. обращались к теме политической цензуры. Однако кадровый вопрос в местных органах цензуры (обллитах) БССР в 1945–1953 гг. рассматривается впервые.

Цель статьи: показать положение цензорского состава местных органов цензуры в 1945–1953 гг. Исследование основано на принципах объективности и историзма. При написании статьи использовались как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

В 1941 г. белорусское цензурное ведомство и его сотрудники вместе с секретной документацией из Минска и восточных областных центров были эвакуированы в г. Чкалов (такое название имел г. Оренбург с 1938 по 1957 г.). В июне 1943 г. решением ЦК КП(б)Б работа Главлита БССР была возобновлена в Москве, а в начале 1944 г. цензурное ведомство переехало в г. Новобелица Гомельской области. В июле того же года оно вернулось в Минск [1, с. 17]. В течение июля, августа, сентября 1944 г. были укомплектованы аппараты Гомельского, Могилевского, Полесского и частично Витебского обллитов и райлитов областей, а к концу 1944 г. начальники обллитов были уже в 10 областях; в 15 районах имелись райлиты. К концу 1945 г. райлиты были во всех районах [2, л. 4]. Райлиты выполняли свои цензорские обязанности по совместительству. В большинстве своем это были заведующие

отделами пропаганды и агитации райкомов партии [1, с. 19]. Практически обллитам они не подчинялись. Без разрешения обкома партии их не могли вызывать на совещание или семинар и только проверяли их работу путем выезда в район [3, л. 14]. Штатные цензоры и цензоры-совместители осуществляли предварительный контроль над районными газетами, проводили проверки библиотек и книготорговой сети, проверяли типографии, музеи и выставки, репертуар театров [4, л. 11]. Кроме того, контролировались передачи 12 областных и 125 районных радиоузлов [5, с. 145].

За распространение информации сотрудники обллитов несли ответственность согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны» [1, с. 62]. Указ гласил: «Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, совершенное лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от восьми до двенадцати лет» [6]. Работники обллитов также обязывались сообщать в местные органы КПБ обо всех изменениях в сведениях, указанных в анкетах и в автобиографиях, в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавшими за границу [7, л. 9].

Обллиты восстанавливали свою деятельность в очень трудных условиях. Например, Витебское управление не имело своего помещения, не было укомплектовано и не имело соответствующего оборудования. Финансирование обллита также было слабое. По смете, предусмотренной Главлитом Витебскому управлению, было ассигновано 8500 рублей на приобретение оборудования, на освещение, отопление и почтовые расходы. Получено же было только 4000 рублей. За приобретенное оборудование пришлось платить личными средствами сотрудников [2, л. 4]. В 1947 г. Главлит БССР предупреждал всех начальников обллитов, что за нарушение финансовой дисциплины виновные будут нести административную и судебную ответственность. Начальникам и старшим бухгалтерам предписывалось строго следить за исполнением сметы, оплаты счетов и частных расписок. Запрещалось приобретать канцелярские принадлежности на частном рынке. За грубое нарушение сметно-бюджетной дисциплины Гомельским обллитом, выразившуюся в перерасходе за 1947 г. в размере 2404 руб., за оплату частных счетов и расписок, невыплату зарплаты за первую половину декабря районным цензорам и за их замещение начальнику обллита был объявлен выговор, а старший бухгалтер был освобожден от работы. Дебиторскую задолженность допустил и Гродненский обллит и из-за нее не смог произвести выплату за замещение цензоров [8, л. 24–25].

Одним из последствий войны была нищета и разруха и для обеспечения рабочих и служащих промышленными и пищевыми товарами в БССР, как и во всем СССР, существовала карточная система. Работники обллита получили карточки по группе рабочих [9, с. 69]. Начальник обллита получил первый литер, политредакторы (цензоры) получили второй литер. Кроме того, начальник обллита имел литер «А», политредакторы литер «В» на питание. [2, л. 2]. Литеры отличались по количеству и качеству продуктов. В продуктовый набор входили деликатесы того времени и дефицитные продукты питания (колбаса, сельдь, масло, мясо, копчености, тушенка, шоколад, мука, крупа и др.), которые закупались по государственным ценам [10, с. 55]. Политредакторов лишили литерного питания в 1946 г. Ситуация с жильем также была сложной: политредакторы не имели квартир и разрешить этот вопрос долгое время не удавалось [2, л. 2]. В 1947 г. из квартиры был выселен начальник Витебского обллита и некоторое время вынужден был жить на заброшенной кухне, непригодной для жилья [2, л. 19]. В послевоенное время имелись перебои в продуктах — карточки не отоваривались крупой и овощами. Каждый обллит находил свой выход из положения. Цензоры Полоцкого обллита, включая начальника, для обеспечения себя необходимыми продуктами сеяли огороды [11, л. 27]. Работники Витебского обллита были обеспечены достаточным количеством картофеля и овощами через облизполком [2, л. 26]. В декабре 1947 г. карточная система была отменена [5, с. 111]. В том же 1947 г. у Витебского обллита возникли проблемы с отоплением, так как секретарь облизполкома отказался снабжать его дровами. Их пришлось заготавливать

самим работникам управления [2, л. 19–20]. В неотапливаемом и неподготовленном к зиме помещении размещался и Гродненский обллит [1, с. 19].

Основной трудностью в работе органов цензуры являлся подбор кадров. Из работников, работавших в системе местных органов цензуры до войны, вернулись на свою работу только два начальника обллитов – Гомельского и Минского. Но, несмотря на продолжительность работы в цензуре, по своей общеобразовательной подготовке этим работникам было трудно работать в цензуре [12, л. 147].

Низкий общеобразовательный уровень цензоров был характерен не только для БССР, но для всех регионов СССР. На 1 января 1949 г. из 1630 местных цензоров только 373 имели высшее образование. Главлит СССР в целях улучшения подбора и укрепления кадров поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о необходимости осуществить ряд мероприятий, направленных на повышение престижа работы этой категории кадров [15, с. 145].

Для организации органов цензуры и укомплектования аппаратов обллитов необходимо было обращаться в обкомы и райкомы, которые не всегда торопились выполнить эти обязанности. Так, в течение полугода Главлит БССР не мог добиться от отдела кадров Полоцкого обкома назначения начальника обллита в Полоцкой области. В Гродненскую, Брестскую, Баранавичскую, Молодечненскую, Бобруйскую, Пинскую области начальников обллитов пришлось посылать Главлиту по согласованию с отделом кадров ЦК КП(б)Б.

Главлит, наряду с подбором новых работников, занимался заменой не справлявшихся с работой цензоров. Как «не соответствовавшие занимаемой должности» были освобождены начальники Брестского и Молодечненского обллитов [12, л. 148]. По Полоцкому управлению в 1948 г. были уволены: начальник обллита, начальник спецчасти и уборщица [12, л. 126]. Подобное положение было и в других областях.

Низкие оклады цензоров (500–700 рублей в месяц) являлись большим тормозом при подборе работников [13, л. 4]. Имелся ряд случаев, когда работники, отстраненные от работы как не справившиеся с обязанностями цензоров, переходили на более высокооплачиваемую работу. Например, цензор Игонин был освобожден от занимаемой должности как слабый, не подготовленный работник. Как цензор он получал 600 рублей, а на новой работе – 900 рублей. Цензор Ханина Х. Л. вместо 690 рублей стала получать 1000 рублей. Освобожденная от обязанностей цензора Капиелович М. Б. поступила на работу в Белорусское государственное издательство и вместо 790 рублей, которые она зарабатывала в Главлите, стала получать 1100 рублей [12, л. 149]. Тем более это относилось к работникам, которые по собственному желанию покидали органы Главлита. Особенно это стремление было заметно у работников, имеющих высшее образование, и бывших газетных работников. Например, в Витебском обллите низкий оклад и отсутствие карьерного роста не устроили цензора обллита с высшим образованием, состоявшего на хорошем счету, и он перешел на работу в 1947 г. в редакцию «Витебского рабочего» [2, л. 23–24]. В 1948 г. в Витебском управлении сменилось два цензора по предварительному контролю газеты «Витебский рабочий», в 1949 г. еще один цензор и два начальника спецчасти [3, л. 28]. В результате из 5 сотрудников Витебского обллита, ни один не имел высшего образования [14, л. 4]. У двоих не было даже среднего образования [15, л. 16].

Среди начальников обллитов текучесть была меньше. Однако в Главлите БССР отмечали, что хотя отдельные начальники обллитов работали по несколько лет в органах цензуры, но в силу слабой теоретической и общеобразовательной подготовки, отсутствия инициативы, организаторской способности с работой не справлялись начальники Полесского, Полоцкого и Минский обллитов [16, л. 149].

Большая текучесть была и среди районных цензоров. Вопрос о закреплении их осложнялся тем, что они работали по совместительству и при переводе районного цензора по его основной работе на другую работу он вынуждено освобождался от обязанностей цензора. В 1944, 1945 и 1946 гг. районные цензоры менялись в году по 3–4 раза. В течение 1947 г. из 175 районных цензоров сменилось 77 человек. Особенно часто менялись цензоры в Полесской, Бобруйской, Гродненской и Молодечненской областях. По три раза менялись районные в

Старо-Дорожском, Гресском, Бобруйском, Старобинском, Осиповичском районах Бобруйской области. Волковысском, Гродненском, Желудокском, и Щучинском районах Гродненской области; Брагинском, Житковичском районах Полесской области, а в Наровлянском районе той области за это время сменилось 4 районных цензора.

Райкомы партии не уделяли должного внимания вопросам подбора новых районных цензоров. Об этом говорят следующие факты: в июле 1947 г. цензор Бельничского района Могилевской области был переведен на другую работу и освобожден от занимаемой должности. В сентябре месяце, в связи с уходом на учебу, был освобожден и цензор Дригибинского района этой же области и до февраля 1948 г., несмотря на неоднократные просьбы начальника Могилевского обллита т. Шуригина, Бельничский и Дрибинский райкомы партии не выделяли новых цензоров. Обязанности районных цензоров в этих районах исполняли заместители цензоров, которые очень часто посылались в служебные командировки, и газеты в это время выходили без контроля цензуры. В таких районах имелось наибольшее количество разглашений военной и государственной тайн в печати. Так, в течение 4 месяцев в Бельничской районной газете за это время было пять нарушений «Перечня», в Стародорожской, Гресской и Старобинской газетах – по два нарушения [12, л. 180]. Плохая связь с райлитами приводила к тому, что начальник Минского обллита в течение двух недель не знал, что назначен новый райцензор. в Пуховичском районе. Аналогичные факты имели место в Брестском и Гродненском управлениях. В результате такого руководства к работе цензора новые работники приступали без всякого инструктажа, в результате чего допускались ошибки и нарушения, которые приводили к разглашению секретных сведений [17, л. 175].

Работа райлитов обстоятельно проверялась при выездах в район. Порядок визирования газет и радиовещания, порядок хранения документов, там же на месте давались указания о выявленных недостатках. Каждый выезд оформлялся специальным приказом, где указывались найденные недочеты и давались сроки их устранения. Приказы рассылались всем райлитам для исправления выявленных недочетов, а также высылались Главлиту БССР [3, л. 3].

Большое значение имела номенклатура цензорских кадров. Она должна была давать возможность соблюдать определенный порядок и дисциплину в использовании кадров. Например, в 1947 г. сектор Минского обкома КП(б)Б направил в обллит на должность цензора тов. К., который оказался малограмотным и в написанных на личном листке по учету кадров и автобиографии сделал более 150 морфологических и синтаксических ошибок. Начальник Полоцкого обллита назначил на должность бухгалтера человека, который никогда не работал на бухгалтерской работе и имел недостаточную общеобразовательную подготовку. Главлит их не утвердил на должностях, а начальникам обллитов было указано на «несерьезное отношение к подбору кадров».

Главлитом БССР была утверждена номенклатура должностей, которые назначались и освобождались его приказами. В списки номенклатуры были включены 26 работников центрального аппарата и 59 областного аппарата, из которых 12 начальников обллитов, 24 цензора обллитов, 12 начальников спецчасти и 11 бухгалтеров обллитов. Все 87 работников утверждены приказами Главлита. В номенклатуру ЦК КП(б)Б входили все 12 начальников обллитов. А цензоры в номенклатуру ЦК КП(б)Б не входили. В результате этого имелся ряд случаев, когда горком и Кагановичский райком пытались взять на работу работников из Главлита [12, л. 151–152].

Штат обллитов должен был состоять из начальника, двух цензоров (тогда они назывались политредакторами), бухгалтера, начальника спецчасти и уборщицы. Однако далеко не всегда в них был полный комплект работников. Например, с 1952 по 1953 гг. в Витебском обллите не хватало одного цензора [16, л. 10]. Проблемы с кадрами сохранились до передачи 15 марта 1953 г. органов цензуры в систему МВД СССР [18, л. 3].

Таким образом, в послевоенный период, несмотря на тяжелое материальное положение, система местных органов цензуры была восстановлена. На местном уровне цензорский контроль должны были осуществлять штатные цензоры обллита и в районах областей цензоры-совместители. Однако низкая зарплата, плохие условия труда и высокая

ответственность приводили к большой текучести кадров. Слабым звеном в работе местных органов цензуры являлась работа райуполномоченных. Частая смена районных цензоров не давала возможности облителям проводить систематическую работу среди них, помогать усваивать цензорские документы, в достаточной мере ознакомиться с процессом цензуры, что приводило к разглашению государственной и военной тайны. В результате низший уровень цензуры в республике был представлен малограмотными работниками, что неизбежно сказывалось на качестве работы.

Источники и литература

1. Гужалоўскі, А. А. Чырвоны аловак : Нарысы па гісторыі цензуры ў БССР / А. А. Гужалоўскі : у 2 кн. – Мінск: А.М. Янушкевіч, 2018. – Кн. 2 : 1943 – 1991 гг. – 320 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 1.
3. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 2.
4. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.]: рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
6. Указ Президиума ВС СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_9.06.1947_об_ответственности_за_разглашение_государственной_тайны_... – Дата доступа: 6.05.2022.
7. ГАВО. – Ф. 113–п. – Оп. 32. – Д. 167.
8. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированию населения. – Информационно-издательское бюро отдела торговли Леноблсполкома, 1945. – 151 с.
10. Смиловицкий, Л. Л. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 / Л. Л. Смиловицкий – Иерусалим: (б/из.), 2015. – 360 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 9.
12. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 16.
13. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 72.
14. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 7.
15. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 5.
16. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 10.
17. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 31.
18. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 3.

УДК 94:355.35(47+57):327((47+57):(4-11):(4-191.2))«1944-1994»

М. С. Довгялло
Белорусский государственный университет

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В статье рассматривается пребывание Красной армии, а затем Советской армии в социалистических странах Болгарии, Польше, Венгрии, ГДР и Чехословакии, цели, задачи и функции ограничительного контингента в первоначальный период их нахождения, после создания Организации Варшавского договора и на завершающем этапе существования мировой системы социализма. Советские войска играли немалую роль в создании благоприятного образа Советского Союза, в распространении принятых в СССР взглядов на социализм, в пропаганде «преимуществ» советского строя и образа жизни.

Советское присутствие, ставшее прямым результатом успешных боевых действий Красной армии против фашистской Германии и ее союзников, являлось согласованным великими державами по антигитлеровской коалиции международно-правовым актом. Помимо Ялтинской и Потсдамской договоренностей, международно-правовые итоги войны фиксировались двусторонними договорами 1943 и 1945 гг. – советско-чехословацким, советско-польским и советско-югославским, а также Соглашениями о перемирии с Болгарией, Венгрией и Румынией. Главная задача Советского Союза в Восточной Европе после окончания войны заключалась в создании вдоль западных границ «пояса безопасности», способного оградить от возможного повторения агрессии, в первую очередь германской [1, с. 9]. Намерения советского руководства на завершающей стадии войны выглядели прозрачно: убедить Запад в том, что ни панславизм, ни коммунизм не являются идеологическим компасом в его внешнеполитической деятельности [2, с. 68–69]. Основные принципы советской программы послевоенного устройства мира впервые были обнародованы И. Сталиным в его речи 6 ноября 1943 г. Они состояли, в частности, в следующем: освобождение народов Европы от фашистского ига и содействие им в восстановлении своих национальных государств; народы Франции, Югославии, Чехословакии, Польши и других государств должны стать свободными и самостоятельными; предоставление освобожденным народом полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве и так далее [3, с. 129].

Вместе с тем, в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) советское присутствие и включение этих государств в орбиту политического контроля Москвы имело решающее значение для прихода коммунистов к власти. Политическая поддержка СССР, а также временное участие советских войск в освобождении этих территорий осенью 1944 г. – первой половине 1945 г. способствовали созданию условий, при которых движения, руководимые там компартиями, смогли не только одержать военно-политическую победу, но закрепить ее и стабилизировать международное положение образованных ими коммунистических режимов. Это были войска победителей, преследовавшие в регионе цели, о которых Сталин в беседе с югославской делегацией в узком кругу на ужине в честь приехавшего в Москву председателя Национального комитета освобождения Югославии И. Тито еще в апреле 1945 г., доверительно высказался в том смысле, что «кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может» [4, с. 84]. Миссия Красной армии, таким образом, имела двоякий характер. Первое, будучи освободительницей, она в то же время преследовала цели распространения советского влияния – с перспективой установления советского строя в странах ЦЮВЕ. Второе, присутствие Красной армии создавало благоприятные условия для установления власти антифашистских, народных и национальных фронтов, где коммунисты заняли сразу или занимали постепенно важные, ключевые государственные позиции. Таким образом, в основном советский блок сформировался на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, который всецело управлялся из Москвы и обеспечивал как существование коммунистических режимов, так и господство Советского Союза в странах ЦЮВЕ.

29 мая 1945 г., согласно Директиве Ставки Верховного Главнокомандования № 11095, была создана Группа советских оккупационных войск в Германии, которая после упразднения надзорных функций с марта 1954 г. стала называться Группой советских войск в Германии (ГСВГ). Основная задача Группы заключалась в том, чтобы обеспечить защиту западных рубежей Советского Союза от внешних угроз. 3-й Украинский фронт был переименован в Южную группу войск, которая дислоцировалась в Болгарии и Румынии. Основной задачей Группы войск был контроль за выполнением данными странами условий перемирия, заключенного с союзными государствами. После подписания 10 февраля 1947 г. в Париже мирных договоров, советские войска в декабре были выведены из этих стран. Центральная группа войск (ЦГВ) была создана 10 июня 1945 г. на базе полевого управления и войск 1-го Украинского фронта [5, с. 87, 568]. Советские гарнизоны находились на территории Венгрии согласно

советско-венгерскому мирному договору от 10 февраля 1947 г. и Варшавскому пакту от 14 мая 1955 г. с целью обеспечения транспортных коммуникаций с Группой советских войск в Австрии. Однако после вывода подразделений советской армии из Австрии, воинские гарнизоны на венгерской территории остались. И как справедливо отмечает исследователь А. М. Кыров, опираясь на документы из архива Министерства обороны, «они находятся для поддержания просоветского коммунистического режима и что на пути демократических преобразований общество неизбежно столкнется с проблемой их полицейских, охранительно-карательных функций» [6, с. 107–108]. События октября 1956 г. в Венгрии подтвердили данное положение. Расстрелы мирного населения в Будапеште и присутствие советских танков укрепило карательное ведомство этой страны в своей безнаказанности, и оно пошло на гораздо более масштабные действия. Поэтому 4 ноября стартовала операция «Вихрь», т.е. началось повторное вторжение в Будапешт и другие города сил Особого корпуса и двух советских армий, введенных с территории СССР и Румынии. Общая численность оказывавших тогда «интернациональную помощь» военнослужащих превысила 60 тысяч, которые и составили Южную группу советских войск. Подавление выступлений 1956 г. способствовало укреплению позиций СССР в Восточной Европе. Сама Венгрия еще на тридцать четыре года осталась социалистической, хотя уже тогда был подан тревожный сигнал, ставший, своего рода, репетицией для последующих «бархатных революций» против просоветских политических режимов [7].

В западных и северо-западных районах Польши была дислоцирована Северная группа советских войск (СГВ), насчитывавшая в 1945 г. 300 тыс. человек [8, с. 402]. Красная армия была освободительницей от гитлеровской оккупации и геноцида польского народа. Помимо основной задачи обеспечения коммуникационной связи территории СССР с его войсками в Германии, она гарантировала исполняемость антигерманского советско-польского Договора, заключенного в Москве в апреле 1945 г., стабильность и безопасность границы и переданных Польше лишь в управление германских земель. Вместе с тем, командование СГВ неоднократно фиксировало случаи нападения на советских военнослужащих. Советское посольство периодически направляло представления с приложением конкретных фактов польскому правительству. Только в январе – апреле 1946 г. советский посол сделал семь таких представлений [1, с. 258]. Вторую годовщину освобождения Праги в мае 1947 г. чехословацкие правительственные круги не обеспечили проведения народного торжества. Если годом раньше в Праге принимало участие в празднествах несколько сот тысяч жителей, то теперь не более 20 тыс. жителей [1, с. 450–459]. Министр национальной обороны генерал Свобода в торжествах участия не принимал, был без советских орденов. Статс-секретарь министерства национальной обороны ни одним словом не обмолвился о роли Советского Союза и его армии в общей победе и в освобождении Чехословакии, что Прагу освободила Советская армия.

Иной формой советского присутствия была служба тысяч советских офицеров в штате Войска Польского. Они подчинялись польскому командованию, занимали командные должности и выполняли задачу по созданию боеспособной армии на границах советской сферы влияния. Хотя к 1948 г. офицерский состав изменился в пользу довоенного польского офицерства. Таким образом, контролируемая польская армия не могла быть использована против СССР. Постепенно усилиями В. Гомулки масштаб советского военного присутствия в Польше сужался. В январе 1948 г. в Войске Польском находился 21 советский генерал, тогда как весной 1946 г. их было 44. Только за 1949–1952 гг. число советских офицеров уменьшилось с 6 до 2 % от общего состава офицерского корпуса [1, с. 565]. Систематически уменьшались используемые Советской армией земли, к 1949 г. польской стороне было передано около 70 % занимаемых ею объектов недвижимости [8, с. 403]. В ходе переговоров в ноябре 1956 г. В. Гомулка просил «по политическим соображениям» сократить «до известной степени» численность СГВ. Оглашенная цифра личного состава двух танковых и двух авиационных дивизий вызвала удивление: так мало. Н. С. Хрущев, назвав эту цифру символической, предложил заменить советские войска в Германии польскими, поскольку

границу с ГДР имеет Польша, а не СССР. Гомулка обещал подумать [9, с. 538–539]. В связи с тем, что советские войска на территории Польши не считались оккупационными, то за свое пребывание они не платили ни злото. В первое десятилетие после войны не существовало даже политико-юридической основы, опираясь на которую можно было вести речь об арендной плате. Только в 1956 г. были подписаны особые соглашения между Польшей и СССР, регламентирующие вопросы дислокации войск на ее территории, объектов недвижимости, включая и условия оплаты [10].

Советское военное присутствие, расквартирование, занятие огромных территорий не вызывало благожелательного энтузиазма у населения стран ЦЮВЕ. Со временем нахождение советских войск приобрело характер массового недоброжелательства и поддерживало в обществе устойчивое раздражение. Из народнохозяйственного оборота были изъяты тысячи гектаров пахотных земель, обширные лесные массивы, большое количество закрытых военных поселений, находившихся в окраинных районах крупных и средних городов. Протест и возмущение вызывали случаи мародерства и насилия со стороны советских солдат. Советское руководство стремилось их пресекать. Приказ Ставки Верховного главнокомандующего от 19 января 1945 г. предписывал военным трибуналам применение высшей меры наказания. На основании данного документа не одна тысяча военнослужащих была расстреляна. Особенно жестоко наказывал подчиненных Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Известно, что Сталин, ссылаясь на присущий людям инстинкт неподсудности победителя, дважды публично просил простить и не держать зла на Красную армию [1, с. 192].

В 1949 г. создается Североатлантический блок (НАТО), направленный против СССР и его союзников с использованием главного «козыря» – монополии США на ядерное оружие. В мае 1955 г. в противовес НАТО была создана Организация Варшавского договора (ОВД). Это еще больше усилило образовавшуюся конфронтацию между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Главной силой, стоявшей в регионе на страже интересов СССР, прежде всего интересов противостояния военно-политической машине НАТО, а также главным инструментом контроля Москвы за внутренним развитием стран социалистического содружества были советские войска в ГДР.

Опыт волнений в ГДР (1953, 1961 гг.), Венгрии (1956 г.) и Польши (1956 г.), которые были подавлены армией и силами правопорядка с применением оружия, ничему не научил советское руководство. Вмешательство восточноевропейских союзников в чехословацкий кризис 1968 г. объясняется не столько успехом демократических реформ, сколько желанием Советского Союза использовать сопредельную страну в качестве передового армейского плацдарма, введя в эту страну свои наступательные войска и стран ОВД. Размещение советских войск в ЧССР в целом не привело к изменению соотношения сил между НАТО и ОВД. Наличие этих войск в определенной степени усилило только первый эшелон вооруженных сил Варшавского договора в Центральной Европе и дало возможность нанести в случае необходимости удар по районам южной части ФРГ [6, с. 204]. Операция под кодовым названием «Дунай» (август – октябрь 1968 г.), проводилась под общим командованием Главкома Сухопутных войск ВС СССР генерала армии И. Г. Павловского. Количество введенных в ЧССР войск ОВД было огромно. В итоге многократный перевес парализовал сопротивление и свел к минимуму потери с обеих сторон, исключил военное вмешательство войск США и НАТО. Президиум ЦК КПЧ на заседании обсудил положение, которое возникло при оккупации территории союзными войсками Варшавского Договора. Было заявлено, что ни один конституционный орган ЧССР не просил никого из участников ОВД о военном вмешательстве. Для такого вмешательства не было никаких предпосылок. Единственное решение – вывод войск [11, с. 250]. Отрицательное восприятие чехословацким населением ввода войск ОВД отразилось на отношениях между местным населением и советскими военнослужащими, особенно в первые месяцы военной операции. Вместе с тем, в Чехословакии была создана Центральная группа войск (ЦГВ). Общая численность Группы согласно договору от 16 октября о временном пребывании в ЧССР должна была составлять не более 130 тыс. человек [11, с. 290].

Однако в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в связи с новым политическим мышлением в СССР все изменилось. Рыночная экономика стучала в ворота воинских частей Советского Союза за границей. В рамках подготовки межправительственного соглашения между ПНР и СССР с точностью до гектара польская общественность узнала не просто общий размер площадей переданных СГВ, но и сколько в распоряжении советских войск лугов, пастбищ, пахотных земель, лесов, вод и т.д. На учет была взята каждая офицерская квартира, которая попадала в очередь «за выездом», суммированы даже потери от неиспользования территорий, закрепленных за подразделениями СГВ в период 1956–1990 гг. Одним из центральных элементов в российско-польских отношениях в 1990-е гг. стал вопрос об обеспечении вывода советских войск с территории Польши. Весной 1990 г. первый за послевоенное время некоммунистический кабинет в Польше во главе с Т. Мазовецким принял решение о подготовке межправительственного соглашения, отменяющего льготы и привилегии, которыми, как и Войско Польское, пользовались, зачастую явочным порядком, подразделения СГВ. Хотя советские войска на территории Польши не считались оккупационными, но за свое многолетнее пребывание на земле союзнического государства никогда не платили. Переговоры начались 15 ноября 1990 г. в Москве. Варшава первоначально добивалась вывода войск до конца 1991 г., компенсаций за транзит войск (в том числе и за транспортировку выводимых из Германии военных подразделений), за использование своей территории и нанесенный экологический ущерб. В октябре 1991 г. соглашение о выводе войск было парафировано. Оно предусматривало вывод боевых единиц до ноября 1992 г. Пакет двусторонних соглашений о выводе войск, о транзите и его финансовом обеспечении был подписан уже после распада СССР – 22 мая 1992 г. с правительством РФ [12, с. 225]. А в целом, в вопросах финансовых претензий стороны согласились на «нулевой вариант» [13, с. 90].

В июле 1989 г. ГСВГ была переименована в Западную группу войск (ЗГВ) и прекратила свое существование в августе 1994 г. После падения Берлинской стены в ноябре 1989 г., объединения ГДР и ФРГ и подписания «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии» [14] пребывание советских войск на территории объединенной Германии стало определяться как «временное». Датой планомерного вывода ЗГВ был определен 1994 г.

В 1989 г. политическое руководство СССР осудило ввод войск в Чехословакию. В истории данный подход, в соответствии с заявлением, получил название «несбалансированный, неадекватный». Указанное наименование было обусловлено тем, что вступление полумиллионной армии советских войск в Чехословакию (численность «первого эшелона» советских войск вторжения в Чехословакию оценивалась в 250 тыс. человек, а общее количество – в 500 тыс. человек) [15, с. 191] «не было обоснованным, а решение о нем в свете всех известных теперь фактов было ошибочным» [16]. Следует заметить, что 56 % советских военнослужащих и их семей не имели в СССР жилья для проживания. Изначально период вывода войск составлял 5 лет, затем в ходе межгосударственных переговоров он был сокращен до 4-х лет, а в последующем – до 3-х лет [17, с. 68].

В ходе президентской избирательной кампании летом 1952 г. будущий президент США Д. Эйзенхауэр заявил, «что совесть американского народа не может быть спокойна, пока не будут освобождены народы Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Албании... родственные нам по крови» [18, с. 106)]. Свидетельством данного заверения стали события конца XX в., когда рассматриваемые страны из государств – сателлитов СССР превратились в государства НАТО и Европейского союза.

Таким образом, длительное пребывание советских войск в Польше, Венгрии, бывшей ГДР и Чехословакии, сыграло двоякую роль. С одной стороны, советские войска выступили в качестве своеобразного психологического раздражителя, а другой стороны – защитников прокоммунистических режимов в странах своей дислокацией.

Источники и литература

1. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы : в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 1999. – Т. 1 : 1944–1948 гг. – 687 с.
2. Юнгблюд, В. Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. / В. Т. Юнгблюд // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1998. – № 6. – С. 66–78.
3. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Госполитиздат, 1960. – 291 с.
4. Джилас, М. Беседы со Сталиным / М. Джилас. – М.: Центрполиграф, 2002. – 221 с.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945 : Документы и материалы. – М.: ТЕРРА, 2000. – Т. 14–3 (2) – 688 с.
6. Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: ИСБ РАН, 1997. – 238 с.
7. Полонский, И. Вихрь на улицах Будапешта. Шестьдесят лет венгерским событиям 1956 года [Электронный ресурс] / И. Полонский // Воен. Обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/103104-vihr-na-ulicah-budapeshta-shestdesyat-let-vengerskim-sobytiyam-1956-goda.html>. – Дата доступа: 28.06.2022.
8. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: науч. изд-е / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 823 с.
9. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) : в 2 т. – М. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1997–1998. – Т. 1 : 1944–1948 гг. – 1997. – 985 с.
10. Договор между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше [Электронный ресурс] : [заключен г. Варшава 17 декабря 1956 г.] / Докипедия. – Режим доступа: <https://www.dokipedia.ru/document/5191712>. – Дата доступа: 28.06.2022.
11. Майоров, А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968 / А. М. Майоров. – М.: Права человека, 1998. – 348 с.
12. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М. С. Довгялло. – Мн.: Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
13. Отношения Польши с Российской Федерацией // Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций: избр. ст. польских экспертов. – М.: РИСИ, 2015. – 265 с.
14. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии [Электронный ресурс]: [подписан в г. Берлин, 12 сентября 1990 г.] / Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0046_zwe&l=ru&object=translation – Дата доступа: 10.06.2022.
15. Валента, И. Советское вторжение в Чехословакию/ пер. с англ / И. Валента,. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
16. Заявление Советского правительства // Правда. – 5 дек. – 1989.
17. Вторжение: Взгляд из России. Чехословакия, август, 1968 /сост. Й. Паздерка. – М.: Новое лит. обозрение, 2016. – 304 с.
18. Орлик, И. И. Предначертаия «постсоциализма» / И. И. Орлик. // Новая и новейшая история. – 2019. – № 6. – С. 102–121.

А. Д. Лебедев, С. А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩИН СТАРООБРЯДЦЕВ В БССР В СЕРЕДИНЕ 1960 – КОНЦЕ 1980-Х ГОДОВ

В статье анализируется эволюция положения религиозных общин старообрядцев в БССР в середине 1960-х – конце 1980-х гг. Несмотря на относительно приемлемые условия существования для конфессий, большинство общин староверов в исследуемый период оказались в состоянии кризиса, что проявлялось в сокращении численности зарегистрированных объединений, старении массы верующих, недостатка духовенства, падении доходов церквей. Изменения советской церковной политики в условиях перестройки не привели к сколь-либо заметному оживлению жизнедеятельности старообрядцев БССР.

Во второй половине 1940-х гг., благодаря некоторой либерализации советской конфессиональной политики, старообрядцы получили возможность регистрировать свои религиозные объединения, открывать церкви и молитвенные дома и совершать богослужения. Послевоенные годы были относительно благоприятным периодом для представителей этой конфессии. По данным Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров БССР в 1954 г. в республике было зарегистрировано 29 религиозных обществ старообрядцев. Однако начиная с 1960-х гг. наметилась тенденция к сокращению количества общин староверов. Так, если в 1966 г. в БССР было зарегистрировано 27 объединений, то к 1989 г. их осталось 22 [1, с. 162; 2, с. 302; Таблица 1].

Таблица 1 – Динамика численности зарегистрированных общин старообрядцев в БССР сер. 1960 – 1980-х гг.

	1966 г.	1968 г.	1972 г.	1976 г.	1979 г.	1981 г.	1984 г.	1989 г.
Брестская	-	-	-	-	-	-	-	-
Витебская	16	15	14	14	14	14	14	14
Гомельская	1	1	1	1	1	1	1	1
Гродненская	1	1	1	1	1	-	-	-
Минская	3	3	3	3	3	3	3	3
Могилевская	6	6	6	5	5	5	5	4
Всего:	27	26	25	24	24	23	23	22

[Подсчитано по: НАРБ. Ф. 136. О. 2. Д. 1. Л. 203; Ф. 136. О. 1. Д. 11. Л. 4, 7, 13, 20, 28, 34; Ф. 136. О. 1. Д. 25. Л. 49, 55, 62, 68, 76, 82; Ф. 136. О. 1. Д. 41. Л. 49, 80, 106, 130, 152, 173; Ф. 136. О. 1. Д. 54. Л. 62, 91, 118, 143, 171, 194; Ф. 136. О. 1. Д. 63. Л. 21, 49, 154, 174, 210, 230; Ф. 136. О. 1. Д. 77. Л. 191, 192, 193, 194, 195, 196].

Неравномерным было и размещение общин по областям республики. Наибольшая их концентрация наблюдалась в Витебской области: 16 единиц в 1966 г. На втором месте идет Могилевская область – 6 общин в 1966 г., 3 в Минской и по одной в Гомельской и Гродненской областях. В Брестской области с 1966 г. по 1984 г. не было ни одной зарегистрированной общины. Таким образом основная масса старообрядцев была сконцентрирована на Северо-Востоке и Востоке страны.

1960-е гг. стали переломным моментом в жизни общин старообрядцев. Именно в это время постепенно наблюдаются тревожные симптомы, которые фиксируют как уполномоченные, так и сами носители вероучения. Отчетный доклад о деятельности религиозных объединений в БССР в 1965 г. по этому поводу гласит: «Многие старообрядческие религиозные объединения находятся на грани развала. Активность среди верующих резко снизилась. Церкви посещают небольшое количество стариков и старух» [3, л. 235].

Ситуация на местах была в общем схожей. В том же 1965 г. советские служащие отмечали в отчетной документации тенденцию сокращения численности верующих и, как результат, падение доходов: «Свершено на грани распада находится религиозная община в г.п. Свирь. Там и в дни религиозных праздников бывает до 10 человек верующих. Денежный сбор в общине слабый, едва хватает на оплату налога и уборщицы. Сам духовный наставник Петров – старик 89 лет, неоднократно говорил, что его церковь очень часто пустует» [3, л. 80, 81]. Непростое финансовое положение имело место быть и в д. Мостище Воложинского района, где «старообрядческая церковь ... находится на стадии затухания. Доход религиозного общества за последние 10 лет снизился в 1,7 раза и составил в прошлом году 265 рублей» [4, л. 180]. В 1981 г. в д. Барановичи Бобруйского района по мнению уполномоченного «религиозное объединение ... по существу распалось». Это проявлялось в том, что «в последнем пасхальном богослужении участвовало 11 престарелых женщин. В воскресные дни молений не бывает» [5, л. 28]. Не лучше была ситуация и в городе Бобруйске, где «из года в год уменьшаются денежные доходы религиозного общества. Из-за нехватки денежных средств оно даже отказалось производить оплату служителю культу. Ежегодно проводятся 1–2 крещения, 5–7 погребений. Из-за преклонного возраста (83 года) духовный наставник Лебедь К. А. уже не в состоянии оказывать активного влияния на церковную жизнь. Несколько раз он ставил вопрос об освобождении, но верующие из-за отсутствия замены, просили его остаться» [6, л. 65–66].

Таким образом, вышеперечисленные факты свидетельствуют не только о демографическом кризисе среди верующих старообрядцев, но и о кадровом голоде среди духовенства. Пытаясь хоть как-то решить последнюю проблему, верующие практиковали приглашение священнослужителей из других городов. Например, в 1981 г. старообрядцы белокрыницкого согласия из Витебска добились разрешения, что бы к ним приезжал служить священник из Гомеля [7, л. 55–58; 1, с. 14]. В общем такая практика, когда один служитель культа обслуживал сразу несколько общин была довольно распространенным явлением в рамках советской действительности. Однако конкретно в этом случае обращает на себя внимание расстояние между областными центрами – более 300 км! Невольно возникает вопрос: неужели кадровый голод достиг таких масштабов, что не удалось найти священника поближе?

Куда более драматично обстановка в общинах старообрядцев описана словами самих представителей этой конфессии. Вот, что говорил в 1986 г. уполномоченному старообрядческий наставник М. Ф. Попков из Миорского района: «На нас, стариках и старухах, кончится век нашей церкви. Богослужения проводятся только по большим праздникам, в воскресенье церковь закрыта. Детей и молодежи в церкви почти нет. За последние 5 лет нет ни одного крещения, зато часто погребения. Многие мои прихожане почти не соблюдают постов ...» [4, л. 78]. Обращает на себя внимание не только сложная демографическая обстановка в общине, но и отношение к религиозной традиции. Значит дело не только в сокращении числа верующих, но и в нежелании следовать обычаям предков: ходить в церковь по воскресеньям, соблюдать пост и проч.

Документы 1988 г. лишь дополняют мрачную картину упадка: «Я служу в этом приходе более 20 лет и прекрасно вижу, что наша церковь едва-едва теплится. В церковь ходят одни старики, да и то только по большим праздникам, часто в воскресные дни я молюсь один. После моей смерти не найдется кому вести богослужения. Я не кончал никаких духовных семинарий, был избран прихожанами потому, что разбираюсь в нотной грамоте» [8, л. 63]. Последнее признание духовного наставника свидетельствует о низком образовательном

уровне служителя культа, который, вероятно, только и способен к механическому воспроизведению богослужебных текстов, да исполнению треб верующих.

Наблюдая за деятельностью общин старообрядцев, уполномоченный отмечал, что у них «культовая практика все более упрощается, теряет свою специфику, практически священники не выступают с проповедями» [8, л. 57], «старообрядцы, отличавшиеся в прошлом замкнутостью и консерватизмом, теперь участвуют в общественной жизни, смотрят телевизионные передачи, слушают радио, читают газеты, общаются с иноверцами и атеистами». Анализируя последние строки, можно было бы заподозрить уполномоченного в пристрастности и желании приукрасить картину стремительной атеизации советского общества. Однако высказывания самих верующих в духе «мы теперь почти не отличаемся от православных», не противоречат оценке советского чиновника [5, л. 28]. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, размывание идентичности и этно-конфессиональной специфики старообрядцев, а с другой стороны очевидна их постепенная ассимиляция и растворение в советской повседневности.

Кризисные явления прослеживаются не только на примере общин беспоповского толка, но и у староверов белокриницкого согласия. Так, если во второй половине 1950-х гг. в Гомельской Ильинской церкви на крупные праздники собиралось более тысячи прихожан, то в начале 1980-х гг. приходило не более 200 человек. Аналогичная динамика наблюдается и в обрядности. Например, если в 1963 г. в Ильинской церкви крестили 80 младенцев, то в 1973 уже только 26 [1, с. 11, 14].

Едва ли не исключением в этом длинном перечне свидетельств упадка общин староверов является информация Уполномоченного о том, что «к числу стабильных можно отнести религиозное общество в г. Борисове. Здесь за 15 лет доход увеличился в 2,2 раза и составил в 1985 г. 5 474 рубля, количество проданных свечей возросло в 4,8 раза» [4, л. 180].

В конце 1980-х гг. у общин староверов, как и для всех остальных религиозных объединений, появился шанс на восстановление в связи с либерализацией советской конфессиональной политики. Так, в течение 1988, 1989 и первого полугодия 1990 гг. в БССР появилось 290 новых религиозных обществ, в том числе 174 православных, 96 католических, 18 протестантских, 1 старообрядческое и 1 иудейское [9, л. 104, 405]. Как видим из приведенной выше статистики чуда у староверов не произошло. Общая депрессивно-упадническая тенденция, обозначившаяся в еще в 1960-х гг. продолжилась и в новых условиях. В случае с иудеями появление всего лишь одной общины в разгар перестройки можно объяснить, с одной стороны, колоссальными демографическими потерями в ходе геноцида 1941–1944 гг., а с другой, интенсивной миграцией уцелевших евреев из БССР за границу и, как результат, резким сокращением числа потенциальных верующих. Если же говорить о старообрядцах, то ярко выраженных катаклизмов с их участием в исследуемый период не было.

Таким образом, многие старообрядческие объединения как белокриницкого согласия, так и беспоповского толка в середине 1960 – конце 1980-х годов оказались если не на грани исчезновения, то в состоянии глубокого кризиса. Это проявлялось в старении и сокращении численности верующих и духовенства, а также падении доходов религиозных общин. Кроме того, значительная часть потомков староверов, находясь под воздействием официальной светской культуры постепенно ассимилировалась в среде белорусов, утрачивая свою этно-конфессиональную идентичность.

Источники и литература

1. Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991 гг.) : док. и материалы / сост.: З. А. Александрович [и др.] ; под. ред. В. П. Пичукова ; редкол.: А. Д. Лебедев [и др.]. — Минск: А.Н. Янушкевич, 2017. — 412 с.

2. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; Навук.рэд. У. І. Навіцкі. — Мн.: ВП “Экаперспектыва”, 1998. — 340 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 136. – Оп. 2. – Д. 1.
4. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 89.
5. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 Д. 66.
6. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 – Д. 88.
7. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 63.
8. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 97.
9. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 – Д. 108.

УДК 316.653(470):94(47).084.6

В. И. Меньковский

Белорусский государственный университет

«СОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Анализируется формирование образа СССР в политических, культурологических, медийных практиках Российской Федерации. «Советская цивилизация» трактовалась как неотъемлемая составляющая не только современного российского общества, но и широко понимаемого «русского мира». Заметна тенденция подменять понятие «советский» понятием «российский», невзирая на то, что Россия не была Советским Союзом, точно так же как Советский Союз не был Россией. Российская ностальгия по СССР является частным случаем посткоммунистической (постсоциалистической) ностальгии, идеализирующей образ ушедшего в прошлое общественного строя.

День образования СССР – 30 декабря – был «праздничной и памятной датой», но никогда не был выходным днем в Советском Союзе, сейчас этот день не входит в праздничные даты Российской Федерации и, соответственно, не закрепился в коллективной памяти россиян. Историческая память о советской эпохе не привязывается конкретно ни к 30 декабря 1922 г., ни к 26 декабря 1991 г., дню принятия Советом Республик Верховного Совета СССР декларации о прекращении существования СССР. Однако это не говорит об отсутствии коллективной памяти российских граждан о Советском Союзе. Она не просто существует, но приняла ностальгическую форму, в которой советское прошлое представляется «светлым прошлым», счастливым временем, в котором не существовало сегодняшних проблем и трудностей. Происходит масштабный процесс ремифологизации советского прошлого, всех периодов советской истории, в каждом из которых находятся привлекательные стороны.

Россия XXI века, как и другие страны постсоветского пространства, переживает комплексное социальное явление, которое можно определить как «советскую ностальгию», т.е. ностальгию по советскому прошлому. Российская ностальгия по СССР является частным случаем посткоммунистической (постсоциалистической) ностальгии, идеализирующей образ ушедшего в прошлое общественного строя. В качестве примеров вспомним югоностальгию (ностальгия по социалистической Югославии), остальгию (ностальгия по ГДР). Современный миф о «социалистическом рае», образе жизни того времени, отношениях между людьми, общественных ценностях и идеалах заменил в сознании людей предшествующий миф о «капиталистическом рае», господствовавшем в странах социализма в годы социализма. Миф нельзя подкорректировать, его можно только заменить другим мифом. В описываемой ситуации миф о будущем заменился мифом о прошлом, но выполняет ту же функцию психологической и эмоциональной опоры в сложном настоящем. С. Бойм подчеркивала, что «ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на переходные периоды истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных наречиях и медленном течении времени» [1].

Безусловно, Россия как правопреемница СССР, занимает особое положение на постсоветском пространстве, а соответственно и особо позиционирует себя по отношению к Советскому Союзу. Властные элиты, с помощью имеющихся у них ресурсов, создают специфический «советский миф», особый образ СССР, отличающийся от мифов и образов, создающихся властными элитами других новых независимых (постсоветских) государств. Советское прошлое в российской интерпретации оказалось более «полезным прошлым», чем оно представляется в историко-мифологических вариациях других стран. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что первые признаки «советской ностальгии» стали проявляться в российском обществе в середине 1990-х гг., когда «...явно угасли первоначальные импульсы и сравнительно простые, общедоступные и объединявшие многих идеи, символы, лозунги «перестройки», встала (но не была осознана, продумана, артикулирована и намечена к решению) проблема социальной, культурной, идейной дифференциации общества, а из окружения власти начали тем временем постепенно, но последовательно устранять инициаторов, разработчиков и проводников каких бы то ни было «реформ» [2].

Свою лепту внесли деятели культуры, начавшие широко использовать советскую стилистику и символику. Возможно, многими из них это воспринималось как игра, как обращение к безвозвратно ушедшему, но аудитория (то есть значительная часть общества) восприняла подаваемый продукт именно как наиболее удобный вариант исторической памяти. Как писала Н. Иванова «...когда вы, господа, стебно снимали и крутили без конца старые песни о главном, когда каждый божий день по всем телеканалам вы показываете старые советские фильмы, где и жизнь хороша, и жить хорошо, где кубанские казаки пляшут и поют при сборе урожая, а в уютных городских интерьерах продолжается веселая, славная, устремленная в светлое будущее советская жизнь, – то чего же вы ожидали? Какого результата?.. А зритель – что ж, зритель внушаем. И ему игровое «советское прошлое», упорно навязываемое игроками-постмодернистами, ближе «настоящего», в котором жить труднее и драматичнее» [3]. «Зритель внушаем», поскольку в середине 1990-х гг. 35 % россиян продолжали чувствовать себя советскими людьми постоянно, а в отдельных случаях еще 23 % [4, с. 401]. «Игровое советское прошлое» давало возможность сохранять в индивидуальной и коллективной памяти то, что приятно помнить, и забыть то, что помнить не хочется. То есть «советское» использовалось не только как форма сохранения прошлого, но и как форма забвения.

Для большинства россиян «советская ностальгия», если воспользоваться терминологией С. Бойм, была «рефлексирующей», то есть «... говорящей о невозможности возвращения домой и осознающей свою собственную эфемерность и историчность». Однако С. Бойм выделяет и второй тип ностальгии – «реставрирующую», которая «...предполагает антимодернистское конструирование исторических мифов посредством возвращения к былым национальным символам... Для понимания реставрирующей ностальгии важно отличать исторические обычаи прошлого от реставрированных ритуалов и театрализованных традиций. ... чем настойчивее звучит риторика преемственности с историческим прошлым, тем избирательнее представляется это прошлое» [1]. Во втором случае приоритетное внимание следует обратить на позицию властных и интеллектуальных элит.

В российской государственной исторической политике по отношению к советскому прошлому нам представляется важным и отметить несколько моментов.

Во-первых, переход в трактовке советского периода истории как к «полезному прошлому». Интеллектуальному сообществу предлагалось использовать для блага общества только ту часть прошлого, которая может быть полезна настоящему. Если в прошлом такая полезная составляющая не обнаруживается, ее надо изобрести. То есть, в коротком варианте, предлагалась историческая ложь (или частичная правда) во благо сегодняшнего дня. Вопрос о этической составляющей не ставился, также, как и понимание блага, и определение

институций и персоналий, имеющих право на его трактовку. То, что происходит сегодня с советской историей, во многом соответствует идеологии «полезного прошлого». Советская история, не столько реконструируется, сколько конструируется.

Во-вторых, уверенность политических акторов в своей способности давать окончательные оценки историческим событиям, не будучи специалистами. Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исторического исследования, фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливает политиков различных рангов в стремлении предлагать (навязывать) жестко детерминированную трактовку исторических событий. Альтернативные концепции определяются как «фальсификация истории».

Вариант современной российской политики памяти оказался неожиданным для зарубежных исследователей. Дилемма представлялась очевидной: игнорировать неприятное прошлое или осудить его. Однако в первые десятилетия XXI в. отношение политических элит России к «образу СССР» изменилось кардинально. Член Совета при президенте России по межнациональным отношениям Б. Безпалько утверждал, что «по большому счету СССР — это большое количество наций, созданных на теле Российской империи. Им были переданы территории, для них были созданы национальная интеллигенция, национальный язык, национальная история» [5]. Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал Советский Союз «исторической Россией»: «... мы пережили, по сути, развал государства: Советский Союз распался. А что такое Советский Союз? Это Россия и есть, только называлась по-другому...» [6].

В то же время Президент России подчеркивал, что речь не идет «... о каком-то политическом объединении, о возрождении Советского Союза, да Россия даже и не заинтересована в этом сегодня» [6]. Вероятно, когда мы оцениваем современную ситуацию, более логично говорить о концепции «русского мира», а не о возможном проекте «СССР – 2». Понимание концепции «русского мира» нельзя считать окончательно сформированным. Это связано как с турбулентной геополитической ситуацией на постсоветском пространстве, так и с российскими внутривнутриполитическими реалиями. Нам представляется важным подчеркнуть позицию Русской православной церкви, озвученную Патриархом Кириллом: «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир – это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир – от киевской купели крещения. Русский мир – это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами – и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную... Русский мир – это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. Русские, даже которые именуют себя русскими, могут к этому миру и не принадлежать, потому что говорить на русском языке или понимать русский язык – это не единственное условие принадлежности к Русскому миру» [7].

Советская цивилизация, по оценке Президента России являлась неотъемлемой составляющей российской цивилизации, понимаемой как «русский мир». Распад СССР был оценен как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» [8]. «Это был распад исторической России под названием Советский Союз. Мы превратились в совершенно другую страну. И то, что создавалось 1000 лет, было в значительной степени потеряно» [9].

Положительное отношение к советскому периоду истории, к образу советского государства разделяется большинством россиян. «Повсеместное присутствие советского прошлого в постсоветском настоящем сегодня сложно переоценить. Оно настигает нас повсюду: в большом стиле государственной пропаганды, объяснительных схемах политической аналитики, риторике социальных протестов, массовой культуре или авторском кино... Советское превращается в более-менее принятый всеми по умолчанию способ узнавания настоящего в предшествующей эпохе» [10].

Согласно данным социологических опросов (по данным ВЦИОМ) в 2000 г. сожалели о распаде СССР 70 % опрошенных, в 2005 г. – 66 %, в 2012 г. – 56 %, 2016 г. – 63 %. [11]. В 2020 г. «в структуре представлений о «советской эпохе» преобладала положительная компонента (76 %)» [12]. К. Пипия, ведущий научный сотрудник Левада-Центра, готовившая документ, приходит к выводу, что «Ностальгические» настроения о советском прошлом определяются тремя основными причинами: необходимостью сопричастности к «великой державе», разрушением единой экономической системы и потерей чувства сплоченности и доверия, которым они наделяли советское общество. При этом романтизация советского прошлого у 2/3 населения страны не приводит к желанию реставрировать советский строй в нынешней России ни у тех респондентов, кто жил в Советском Союзе, ни у постсоветских молодых, в среде которых советский путь уступает и особому российскому пути, и европейской модели развития [12].

Сохранится ли в России отношение к советскому прошлому как к «полезному прошлому» предсказать сегодня невозможно. Все составляющие российской политики, в том числе исторической политики, зависят в значительной степени от воли, желания и настроения лидера, то есть субъективный фактор является важной составляющей (нам не представляется возможным дать объективную, не конъюнктурную оценку степени этой «важности») формирования политики памяти.

Источники и литература

1. Бойм, С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс] / С. Бойм // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushheec-nostalgii.html> – Дата доступа: 21.03.2022.
2. Дубин, Б. Режим разобщения. 18 мая 2009 [Электронный ресурс] / Б. Дубин. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2009/05/18/dubin/> – Дата доступа: 21.03.2022.
3. Иванова, Н. Б. Ностальгическое. Собрание наблюдений/ Н. Б. Иванова. – Москва: ОАО Издательство «Радуга». Kindle Location: Старые главные песни.
4. Левада, Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000 / Ю. Левада. – Москва: Московская школа политических исследований, 2000. – 574 с.
5. Безпалько, Б. Бывший СССР. 6 декабря 2021 [Электронный ресурс] / Б. Безпалько. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2021/12/06/nostalgia/> – Дата доступа: 21.03.2022.
6. Путин, В. Полный текст интервью российским телеканалам. РИА «Новости». 2011. 17 октября [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: <https://ria.ru/20111017/462204254.html>. – Дата доступа: 21.03.2022.
7. Патриарх Кирилл. Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. Официальный сайт Московского патриархата. 2014. 8 сентября [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3730705.html> – Дата доступа: 21.03.2022.
8. Путин, В. Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> – Дата доступа: 21.03.2022.
9. Путин, В. Президент РФ заявил, что распад СССР был «гибелью» «исторической России». 13 декабря 2021 г. [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: <https://nv.ua/world/countries/putin-rasskazal-o-raspade-sssr-i-rabote-taksistom-novosti-rossii-50201622.html> – Дата доступа: 21.03.2022.
10. Бударйтскис, И. Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского [Электронный ресурс] / И. Бударйтсис // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2019/2/brezhnev-kak-sovremennik-nostalgia-retromaniya-i-kolonizacziya-sovetskogo.html> – Дата доступа: 21.03.2022.
11. Россияне о распаде СССР и рыночных реформах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10452>; Россияне о СССР – через

четырнадцать лет после его распада [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-sssr-cherez-chetyrnadczat-let-posle-ego-raspada>; Двадцать лет без СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dvadczat-let-bez-sssr>; Back in the USSR? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-the-ussr> – Дата доступа: 21.03.2022.

12. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> – Дата доступа: 21.03.2022.

УДК 327(476:4-672ЕС):339.9(476:4-672ЕС)

В. Г. Шадурский
профессор (г. Минск)

БЕЛАРУСЬ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОИСК ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В публикации дается анализ белорусского направления политики Европейского союза, в реализации которого официальный Брюссель сочетал экономический прагматизм с требованием к официальному Минску соответствовать определенным политическим стандартам. Если в первые годы независимости Беларусь являлась для Западной Европы малоизвестной страной, то с середины 1990-х гг. в отношениях между двумя субъектами начали усиливаться политические разногласия, вызванные прежде всего разнонаправленными геополитическими интересами. Заметное оживление восточной политики ЕС произошло к середине 2000-х гг., когда после расширения союза в 2004 г. новые государства-члены начали проявлять инициативу в расширении восточного измерения политики объединенной Европы.

В мае 2004 г. Беларусь стала соседкой крупного межгосударственного объединения – Европейского союза. До этого времени у Беларуси и ЕС существовала непродолжительная, но наполненная драматическими событиями история взаимодействия. Она началась в августе 1992 г. с установления между ними дипломатических отношений.

Обе стороны были объективно заинтересованы в тесном сотрудничестве по различным направлениям (безопасность общей границы, экологическое состояние региона, эффективность борьбы с транснациональной преступностью и другие). Большое значение для торговли государств-членов ЕС со странами Евразии имело удобное географическое положение Беларуси. Через страну проходил наиболее короткий (а значит, самый дешевый) транзит между Россией и ЕС, Украиной и странами Балтии. Внешнеполитические действия Европейского союза, предпринимаемые на основе консенсуса государствами-членам, оказывали существенное влияние на ситуацию внутри и вокруг Беларуси.

Формирование политики ЕС по отношению Беларуси после распада СССР. Беларусь – «белое пятно» между Востоком и Западом.

Не является преувеличением утверждение, что распад СССР и появление на его территории новых независимых государств стали неприятным сюрпризом для Западной Европы, игравшей роль ядра расширяющегося Европейского союза (сообщества). Об этом свидетельствуют официальные заявления тогдашних лидеров Германии, Франции, Великобритании и других европейских государств, которых сильно беспокоили возможные конфликты между правящими группировками новых независимых государств. Поэтому европейские лидеры предпочитали оставить эти страны, за исключением Латвии, Литвы и Эстонии, на откуп России во главе с признанным на Западе президентом Борисом Ельциным [1, с. 536]. Высказанные выше подходы объясняют отсутствие серьезного внимания Брюсселя к официальному Минску, медлительность в заключении полномасштабного соглашения между двумя субъектами международных отношений. Среди восточных и западных соседей

Беларуси доминировали политики и эксперты, которые не понимали ее национальных и культурных особенностей, считали «случайно» получившей независимость российской провинцией [2].

Структуры Европейского союза оставляли практически без внимания проевропейские заявления некоторых белорусских политиков, высказываемые прежде всего министром иностранных дел Беларуси Петром Кравченко. Так, в 1993 г. белорусский министр декларировал программу социальных и экономических преобразований, выполнение которой могло бы позволить Беларуси подать заявку на вступление в ЕС к 1999 г. и, возможно, вступить в союз к 2006–2007 гг. В марте 1994 г. политик повторил намерение официального Минска к 2006 г. вступить в ЕС во время своего визита в ФРГ [3, с. 18].

Однако, было бы ошибкой утверждать, что Запад полностью отказывался от взаимодействия с Беларусью. В первые годы независимости в Минске открылись и действовали небольшие дипломатические представительства европейских государств. Беларусь стала получать значительную техническую помощь по линии Программы ЕС «ТАСИС». Особую известность получили проекты в рамках «ТЕМПУС / ТАСИС», направленные на развитие высшего образования в стране. В период с 1991 по 1995 гг. техническая помощь ЕС Беларуси (ТЕМПУС / ТАСИС) составляла в среднем 10 млн ЭКЮ (валютная единица, использовавшаяся в валютной системе ЕЭС и ЕС в 1979–1998 гг.) в год, однако в последующие четыре года она была сокращена до 5 млн [4, с. 25].

В значительной степени внимание к Беларуси (как и к Украине, и Казахстану) в первые годы независимости общеевропейские структуры проявляли как к территории, на которой располагалась значительная часть советского ядерного оружия. Европейские страны, прежде всего Великобритания и Франция, способствовали выводу мощного оружия из трех постсоветских республик, гарантировали им всяческую поддержку [5].

В марте 1995 г. Беларусь и Евросоюз подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подготовка которого длилась несколько лет. Это соглашение, подписанное во время визита А. Лукашенко в Брюссель, стало высшей точкой взаимодействия двух субъектов за всю историю отношений.

Драматическим шагом во взаимных отношениях после проведения в Беларуси в ноябре 1996 г. общенационального референдума стало Постановление Совета ЕС от 15 сентября 1997 г., в котором было объявлено не только решение об отказе ратифицировать упомянутое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), но и об ограничении политических контактов на высшем и высоком уровне, сокращении предоставляемой стране помощи. Это событие вошло в историю белорусской дипломатии под названием «черный сентябрь». В каждом из последующих решений по Беларуси Совет ЕС подтверждал действие своего постановления от 15 сентября 1997 г. Таким образом, этот документ продолжает оставаться актуальным до настоящего времени. Принятые ЕС меры вызвали ответные действия белорусского правительства [4].

Уточнение позиций по взаимодействию двух субъектов как со стороны Европейского союза, так и Беларуси после 2000 г.

Начиная с 2000 г. курс ЕС в отношении Беларуси и европейский вектор белорусской политики подверглись определенному пересмотру. Этому способствовали несколько важных событий, которые произошли на протяжении последующих лет.

В качестве первой причины следует отметить масштабное расширение Европейского союза, в результате которого в него были приняты 10 новых государств-членов, в том числе Польша, Литва, Латвия, которые имеют протяженную границу с Беларусью. Для них, как и других новых государств-членов ЕС из Центральной Европы, Россия и другие постсоветские государства были более существенным внутренним и внешним фактором, нежели для представителей так называемой «старой Европы». Польша и страны Балтии считали, что независимая Беларусь может выполнить роль своеобразного «буфера» между ними и Россией. Так, выступая на международной научной конференции в Белорусском государственном университете (ноябрь 2004) ученый-политолог из Вроцлавского университета (Польша)

Гжегож Токаж подчеркнул, что Польша поддерживает стремление Беларуси к сохранению и укреплению независимости, в первую очередь потому, что «независимая Беларусь отделяет Третью Речь Посполитую от соседа, с которыми поляки до сегодняшнего дня имеют ряд спорных вопросов» [6].

Новые страны-члены видели свою роль в формировании более активной и амбициозной восточной политики ЕС, объективно считали ее приоритетом своей внешней политики. Так, выступая в Вильнюсском университете в мае 2004 г. исполняющий обязанности президента Литвы Артурас Палаускас заявил, что видит Литву «региональным лидером», а Вильнюс – региональным центром». Эта идея стала очень популярной в политическом дискурсе Литвы, многие политики и эксперты которой говорили о том, что их страна будет активно распространять среди входящих в регион государств демократические ценности и экономические рыночные механизмы [7, с. 95]. «Старые» государства-члены поддержали энтузиазм новых партнеров по ЕС по развитию восточной политики организации, выделив для этого определенные ресурсы.

После смены власти в Кремле (2000 г.) белорусские власти по различным причинам решили отказаться от резкой антизападной риторики, начали в большей степени проводить политику балансирования между союзническими отношениями с Россией и прагматичным партнерством с Европейским союзом. Эти новые подходы в белорусской политике не оставались незамеченными со стороны объединенного Запада, представители которого начали предлагать в отношении Беларуси политику «большей вовлеченности» (*involvement*). По их мнению, максимальное вовлечение в сотрудничество как представителей общественных организаций, так и местных, центральных органов власти, бизнеса будет способствовать, хотя и медленной, но трансформации Беларуси, укреплению ее устойчивости по отношению к российскому влиянию. Неофициальный документ под названием «Что Европейский Союз может дать Беларуси» – «12 пунктов», выпущенный ЕС в ноябре 2006 г. стал одним из первых программ, в которых содержалась попытка придать контуры действиям Европейского союза в отношении как официального Минска, так и белорусского гражданского общества [8; 9].

Как уже отмечалось ранее, признание приоритетности влияния России в Восточной Европе имело отражение и в политике расширения ЕС. В рамках дискуссии на эту тему внимание политиков и экспертов, в том числе в Беларуси и в Украине, привлекло внимание интервью газете «Die Welt» (февраль 2006 г.) заместителя руководителя Европейской Комиссии Гюнтера Ферхойгена, который обозначил перспективы нового расширения ЕС: «Через 20 лет ЕС будет включать все европейские страны, кроме государств бывшего СССР» [10]. Следует признать, что заявление высокопоставленного представителя ЕС сыграло заметное влияние на снижение проевропейских настроений и надежд проевропейских сил в Беларуси, в Украине и Молдове. С другой стороны, оно дало дополнительные аргументы россиянам и их союзникам для утверждения безальтернативности союза с Россией.

Вторым обстоятельством активизации восточной политики ЕС стала жесткая реакция его представителей на претензии России занять более престижное место на мировой арене. «Холодным» душем для коллективного Запада стала серия выступлений Владимира Путина о «новом понимании роли России в глобальной политике», наибольшую известность из которых получила его речь на Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2007). Мюнхенские тезисы российского лидера стали предметом активного обсуждения и одновременно осуждения в Европе и мире.

Одним из наиболее известных инициатив сдерживания геополитического усиления России стала поддержка объединенным Западом устойчивости (*resilience*) постсоветских государств. Именно, на решение этой задачи была направлена инициатива Польши и Швеции, которые в мае 2008 г. на заседании Совета ЕС по общим вопросам и внешним связям предложили проект «Восточное партнерство». Идея получила быстрое продвижение и уже в мае 2009 г. в Праге на саммите ЕС и 6 восточноевропейских стран (Беларусь, Армения, Азербайджан, Грузия, Украина и Молдова) был дан старт ее конкретным мероприятиям.

Забегая вперед следует сказать, что в июне 2021 г. МИД Беларусь сообщил о приостановлении своего участия в Восточном партнерстве.

Приглашением в «Восточное партнёрство» Беларусь впервые получило формат официального сотрудничества с ЕС, хотя и не на двусторонней, а на многосторонней основе. Выскажем предположение, что структуры ЕС пошли на приглашение Беларуси к многостороннему сотрудничеству после отказа Минска официально признать независимость Абхазии и Южной Осетии, контролируемых Москвой.

Короткий период «оттепели» в отношениях Беларуси и ЕС после президентских выборов (19 декабря 2010) сменился очередным спадом взаимодействия, возобновлением санкций против белорусских официальных лиц и ряда учреждений.

В конце 2013 – начале 2014 гг. наступил украинский кризис, по отношению к которому официальный Минск, заинтересованный в торговле с Украиной, постарался занять конструктивную позицию. Летом 2014 г. Минск был избран в качестве площадки для заседаний Трёхсторонней контактной группы, включающей уполномоченных представителей Украины, ОБСЕ и России, которые до декабря 2021 г. пытались найти приемлемые решения вопросов по разрешению вооружённого конфликта на востоке Украины [11].

В процессе начатой ЕС в 2015 г. политики «критического взаимодействия» с Беларусью, были сняты основные персональные и экономические санкции, расширились контакты во всех важнейших сферах. В 2016 г. начались переговоры по подписанию «Приоритетов партнерства между ЕС и Беларусью», а 1 июля 2020 г. вступили в силу Соглашения об упрощении визового режима и реадмиссии между ЕС и Беларусью, переговоры по которым были начаты в 2014 г.

Начиная с 2016 г. в два раза (до 28–30 млн. евро) был увеличен ежегодный страновой бюджет техпомощи ЕС для Беларуси. За счет средств ЕС осуществлялись обустройство государственной границы Беларуси, модернизация пограничной и таможенной инфраструктуры, обмен передовым опытом и реализация проектов в энергетической, транспортной, агропродовольственной, природоохранной, образовательной, культурной и других приоритетных областях. В 2016 году в г. Вене Беларусь и Европейская комиссия впервые совместно провели Белорусский инвестиционный форум. 27 октября 2017 г. в аналогичном формате прошел Белорусско-европейский экономический форум в г. Люксембурге [12].

Значительную роль в налаживании официальных отношений с Беларусью после начала украинского кризиса играло польское правительство, созданное после победы на парламентских выборах 2015 г. консервативной партией «Право и справедливость». Лидеры партии выражали заинтересованность в укреплении белорусской государственности в контексте сдерживания России. Польские власти, организовав в Минск ряд официальных делегаций, в том числе руководителя Сейма Польской республики Станислава Карчевского (декабрь 2016 г.), фактически признали белорусский парламент. После возвращения из Минска польский политик отметил, что это был его самый тяжелый зарубежный визит, но очень важный. Важный для Польши, для Беларуси и для поворота Беларуси в европейском направлении [13].

Уличные протесты (август 2020) стали неожиданностью для всего мира, как и для руководящих структур ЕС. После определенных колебаний ЕС выразил намерения ввести против официального Минска более масштабные санкции политического и экономического характера. В свою очередь, белорусские власти вернулись к массивной антизападной критике, обвинив ЕС и его страны-члены в активной поддержке оппозиции и инициировании антиправительственных выступлений. Вместе с тем, на фоне обострения политических отношений, введения различных санкций определенным сюрпризом стало увеличение по результатам 2021 г. белорусско-европейской торговли. Общий товарооборот увеличился на 4,1 млрд долларов или 74,4 % при положительном сальдо в пользу Беларуси. Таким образом экономический прагматизм продолжал иметь место [14].

Выводы

Таким образом политика ЕС в отношении Беларуси во многом определялась геополитическим соперничеством в Евразии, а именно между Россией и объединенным Западом, прежде всего Европейским союзом. На первом этапе Беларусь, как и другие страны Восточной Европы, признавались Западом зоной влияния России. Как минимум с середины первого десятилетия 2000-х гг. в руководящих структурах ЕС стала усиливаться тема необходимости соперничества с Россией за влияние в государствах Восточной Европы, в том числе в Беларуси.

Второй проблемой в отношениях между ЕС и Беларусью, была политическая модель последней. Белорусские официальные лица утверждали, что государственное устройство Беларуси является наиболее приемлемой моделью развития страны, настаивали на ее способности осуществить быструю национальную и социальную мобилизацию. В пользу отмеченной модели высказывались аргументы о ее высоком потенциале в кризисное время, упрощенный, поэтому более быстрый, процесс принятия важных решений, большая свобода политического маневра при взаимодействии с внешними партнерами.

В значительной мере драматические отношения Европейского союза с Беларусью в политической сфере уравнивались экономическим прагматизмом, который опирался на интересы европейского бизнеса, использовавшего Беларусь в качестве безопасного и стабильного транзитного пути для своего импорта и экспорта. Беларусь была также экономически выгодной для переработки российской нефти и дальнейшей продажи произведенных из нее продуктов в страны ЕС. Белорусы активно использовали транспортную инфраструктуру соседних стран, прежде всего Литву, для транспортировки своих товаров (нефтепродукты, калийные удобрения, продукцию деревообработки и машиностроения и др.) в Европу и другие части света. В свою очередь, Беларусь нуждалась в экспорте из стран ЕС высокотехнологической продукции. Очевидно, что экономические отношения испытывали на себе негативное влияние политических решений. Однако, в условиях относительной автономии бизнеса в странах-членах ЕС взаимная торговля имела возможности для расширения.

Источники и литература

1. Навумчык, С. Дзевяноста першы / С. Навумчык. – Прага: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2013. – 536 с.
2. Шадурский, В. Внешняя политика Республики Беларусь: поиск оптимальной модели / В. Шадурский // Труды факультета международных отношений. – 2011. – Вып. 2. – С. 33–38.
3. Кравченко, П. К. Записки дипломата и политика / П. К. Кравченко // Свободные новости. – 2007. – № 10 (10 марта).
4. Ramunas Davidonis. The challenge of Belarus and European responses / Davidonis Ramunas. – Paris: WEU, 2001. – 36 p.
5. Ядерное разоружение, нераспространение оружия массового уничтожения и экспортный контроль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.by/multilateral/global_issues/global_security/nuclear_disarmament. – Дата доступа: 15.07.2022.
6. Токаж, Г. Беларусь в политической концепции Юзефа Пилсудского – современные реминисценции / Г. Токаж // Беларусь – Польша: путь к сотрудничеству. Материалы международной научной конференции, Минск, 11 ноября 2004 г. – Минск: БГУ, 2005. – С. 52–53.
7. Perchoc, P. Could Lithuania be a Regional Leader After 2004? A Semantic Problem / P. Perchoc // Becoming Europeans in Central Eastern Europe: National Identity Construction After 2004 / Edited by Andrius Švarplys and Bartłomiej Zdaniuk. – Warsaw: University of Warsaw Faculty of Journalism and Political Science, 2014. – P. 91–98.
8. Ferrero-Waldner, B. What the European Union could bring to Belarus. Nonpaper / B. Ferrero-Waldner [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/belarus/intro/non_paper_1106.pdf. – Date of access: 15.05.2022.

9. Беларусь и Европейский Союз: от изоляции к сотрудничеству / Под ред. Х.-Г. Вика, Ш. Малериуса. – Вильнюс: Фонд Конрада Аденауэра, 2011. – 182 с.
10. Öffnung von Märkten schafft Arbeitsplätze. EU-Kommissar Verheugen über Mittelstandsförderung, Lohnkostenwettbewerb und Innovationsfähigkeit. Von Chrsitph B. Schiltz // Die Welt. – 20.02.2006.
11. Status Reports of the Special Monitoring Mission to Ukraine [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine/157261>. – Date of access: 15.06.2022.
12. Европейский союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c5eed1b3d159efd8.html>. – Дата доступа: 15.06.2022.
13. «Лукашэнка — вельмі цёплы чалавек». Кіраўнік Сэнату Польшчы распавёў пра візыт у Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://www.svaboda.org/a/28161893.html>. – Дата доступа: 26.05.2022.
14. Внешняя торговля Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/statisticheskie-izdaniya/index_40484/. – Дата доступа: 22.07.2022.

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І СУСЕДЗІ:

ШЛЯХІ ФАРМІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ, МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫЯ І МІЖДЗЯРЖАЎНЫЯ АДНОСІНЫ

**(да 75 годдзя кафедры ўсеагульнай гісторыі
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Францыска Скарыны)**

Зборнік навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2012 годзе

Выпуск 8

Падпісана да друку 15.09.2022. Фармат 60x84 1/8.

Папера афсетная. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 20,93. Ул.-выд. арк. 18,23.

Тыраж 20 экз. Заказ 437.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

установа адукацыі

“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 от 17.04.2017.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.

Вул. Савецкая, 104, 246028, Гомель.